

Ginger Diary

УДК 821.161.1 Гусарова
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
Г96

Поддержка издания —
ООО «Принтконсалтинг»
Тула, ул. Смидович, 12Б
www.print-c.pro

Гусарова Светлана

Г96 Билет на Мандалай. — Тула:
Издатель ООО «Принтконсалтинг», 2015. — 416 с. с илл.

Вторая книга путешественника Рыжа, посвященная таинственной Мьянме и северному Таиланду. Книга, позволяющая окунуться в чуждаельные страны, не вставая с дивана, и ощутить себя причастным к самым волнующим приключениям.

УДК 821.161.1 Гусарова
ББК 84 (2Рос=Рус)6
© С. Н. Гусарова, 2015
© Издатель:
ООО «Принтконсалтинг», 2015

ISBN 978-5-8493-0321-5

Билет на Мандалай

Дневник одинокого путешественника
по Сиаму и Бирме

Содержание предыдущих 120 серий

Для тех, кто не застал превращения домашнего цветочка в полудикий вьюнок, способный прижиться на любом уголке теплого асфальта.

В Калининграде у меня была прекрасная семья с родителями-журналистами, которая плавно перетекла в Москву, в еще более прекрасную семью с мужем-журналистом. Три года назад безоблачная жизнь закончилась; вернувшись из замужа я вдруг осознала, что прежние цели меня больше не привлекают, и со всем имеющимся энтузиазмом отправилась на поиски новых.

Поездка во Вьетнам той зимой больше напоминала побег, нежели сознательные поиски приключений. Однако даже она удалась — спасибо Анечике, впустившей меня в мир путешествий. Дальше страны замелькали, как в волшебном калейдоскопе: Малайзия, Аргентина, Чили, Боливия, Сербия, Босния, Индия, Непал, Шри-Ланка... Дневники, которые я вела в дороге, приглянулись друзьям, и они убедили меня начать издаваться.

Первая «Индия. Книга странствий» вышла полгода назад. Талмуд, что вы держите в руках, всего лишь второй опыт. Надеюсь, что еще в этом году появится третья книга — оставайтесь на линии, ждите свежих поставок веселья и приключений.

Со мной по-прежнему ездят два незаменимых попутчика, Mister Green Cat — это он со мной на фото — и путеводитель Lonely Planet (который в тексте я обычно фамильярно обзываю аббревиатурой LP). И с тем, и с другим вы не раз столкнетесь на страницах этих книг.

Вопросы, пожелания, признания, поощрения и т. д. можно смело слать по адресу:

www.gingerdiary.ru
www.vk.com/nebella
red.and.light@gmail.com

А на сайте можно заказать еще книгу, или открытки, или какой-нибудь сопутствующей им лабуды. Обещаю сделать для вас что-нибудь бесполезно-прекрасное.

Всупительно-благодарственное

Путешествием в Таиланд сегодня не удивишь даже детсадовца; но так как я поехала не на туристический юг, а на исторический север, я посчитала возможным назвать страну ее старым названием — Сиам. Поездка в корне изменила мои представления о тайцах и их жизни. А уж Мьянма оказалась и вовсе подарком судьбы — стоит только взглянуть на фотографии, где с трудом можно найти лицо без улыбки.

В этой книге мы решили не делать никакого содержания. В конце концов, какая разница, на какой именно странице происходит странное? Главное, что оно там есть. Мне удалось каким-то образом не заблудиться в большой Мьянме, смею надеяться, вы тоже не потеряетесь на 400 страницах об этом путешествии.

В этом томе из неизведанного вам попадет слово «ват» (англ. Wat), означающее буддистский монастырь; слово «сои» (англ. Soi), которым в Таиланде называют поперечные проулки, отпачковавшиеся от основной улицы (их зовут по имени прародительницы и добавляют порядковый номер, например Soi Rambuttry-11) и сокращение Мрзд (чаще всего в формулировке «дорогое Мрзд!»), которое, думаю, русскоязычным объяснять не требуется.

В этот раз я делала все тайком, тишком и без привлечения ответственности, но, разумеется, мне все равно есть кому сказать спасибо.

Во-первых и в главных, я хочу поблагодарить мою маму, которая терпеливо ждала всю долгую допечатную подготовку. Я хотела закончить работу и доехать в гости уже свободной, потому изрядно помогала нервов в родном доме.

Во-вторых, разумеется, надо по заслугам воздать тем, без кого эта книга просто не смогла бы увидеть свет. Конечно, главная доля моей признательности по праву принадлежит гениальному дизайнеру и моему лучшему другу Нойзу; моя книга никогда бы не приобрела свой истинный облик без его участия. Без его чуткости, умения и чувства вкуса эта брошюрка вышла бы безликой, визуально скучной и совершенно никого бы не заинтересовала.

Огромное и тяжелое спасибо падает на могучие плечи великолепно-го Ринги, который лишил мою книгу возможных ошибок и опечаток, работая с нечеловеческой скоростью и тактом.

Катя Стрельцова сшила блокнот, в котором велся оригинал дневника. Тетрадка в тканевой обложке провела нелегкие два месяца пути у меня за пазухой, не потеряв ни одного листа — чем меня прямо-таки потрясла. Виват мастерице!

P.s. После прочтения нашего первого творения, некоторые особо чуткие читатели просили повычеркивать мат. Мы решили прислушаться, и действительно **вычеркнули** всю нецензурную лексику.

Enjoy.

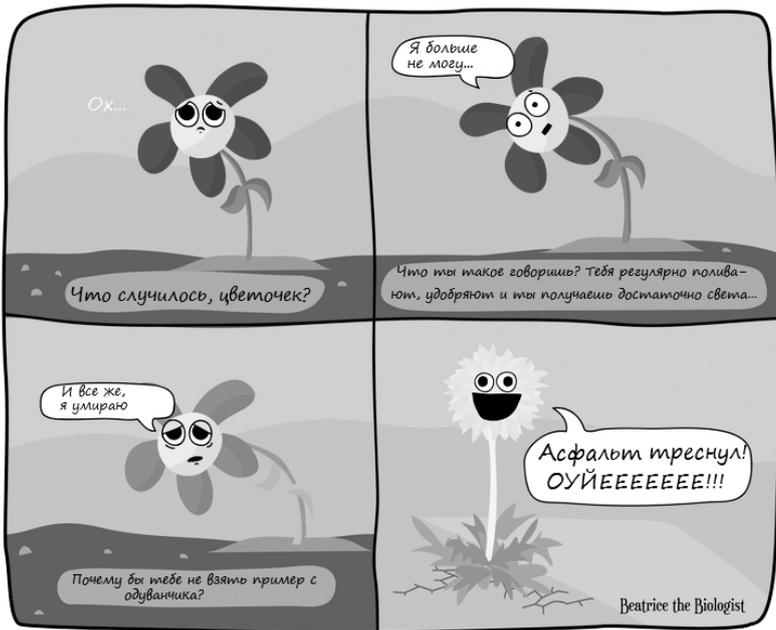

«Я клянусь всей горестью и сладостью
Бытия прекрасного и сложного,
Что всегда с готовностью и радостью
Отзовусь на голос невозможного»
(И. Губерман)

«Асфальт треснул! ОУЙЕЕЕЕЕЕ!!!»
(Одуванчик)

* Автор книги находится в неоплатном долгу перед Beatrice the Biologist за прекрасную визуализацию воодушевляющего жизнеутверждения.

Билет на Мандалай

Часть первая

Я осваиваю радушный
север Таиланда

6 октября

Не без потерь, но билеты Москва-Бангкок, Бангкок-Мандалай и обратно все же куплены. Хотя этот финт: перепутать месяц и понять это ПОСЛЕ оплаты, был явно лишним!

Запомнить: никаких важных действий, отложенных на сумеречные пять утра!

10 декабря

Интересно, а билеты еще действуют? Никогда не верила в распродажи загодя.

17 декабря

Надо бы подумать про визу в Мьянму. Читаю форумы: «Сегодня получил штамп в Бангкоке. Это была самая простая процедура получения виз в консульстве из всех, что мне доводилось проходить».

Гм. Многообещающе. Может, прямо в Таиланде получить? Ммм... или нет? Или да? Паника...

20 декабря

Ура, группа вконтакте готова! Ну, теперь можно расслабиться!

23 декабря

Все же сделаю-ка я визу. А то на душе беспокойно. Ночью сфотографировалась на фоне экрана для проектора, получилось вроде прилично. Так. Что там надо из документов?..

---

1   А между прочим, потом выяснится, что кое-кто, отслеживая по привычке мою почту, чуть было не купил себе билет в Мьянму на «неправильную» дату с мыслью «встретимся, вот удивится». Случайно увидев отмененные билеты буквально минут пять спустя, покрылся холодным потом и зарекся делать сюрпризы посреди этого сумасшествия.

24 декабря

Купила читалку. Круто!! Теперь я знаю, что делать одинокими темными азиатскими вечерами! Засунула туда Диккенса для примера. Сейчас немного полистаю, и спать. А наутро в посольство... Ой. Почему это внезапно семь утра?! Ну, тогда я лучше завтра...

26 декабря

Какой-то не день Бекхэма. Вышла из дома сначала без мобильного, потом без фото на визу, потом вспомнила, что платить надо долларами, причем без сдачи... Третий раз возвращалась задами, чтобы не перевозбуждать воображение бабушек на остановке. Добежала до консульства за полчаса до закрытия, твердя про себя монолог на английском о том, как я вери лайк зис кантри и далее по тексту. А там ВЫДАЧА до пяти, а прием до полудня. Уфф! В другой раз.

28 декабря

Оу. А если я сейчас сдам, то как мне во время праздников документы выцарапать, пусть даже без визы?! Без визы-то я улечу (в Тай как минимум), а вот без заграна — маловероятно. Стоит ли вообще начинать?.. Ну, хоть спробу.

Тетя в отделе внезапно русская. Суровая. Характер цепного пса — может, от того, что сидит в сторожке рядом с воротами? Спрашиваю: а нельзя ли 11-го забрать, если что, а то вылет-то уже 12-го? Тетя посмотрела пристально, припечатала: оно и видно, что ты, шантрапа позорная, нигде не работаешь, в наше время таких по статье сажали, вся страна знает, что 11-е — воскресенье!

На вопрос о цене ускоренной визы снизошла с третьего раза. На 10 долларов, говорит, дороже. Что, бросишь свои документы из-за жалких десяти долларов? Призналась, что не брошу. В графу «место пребывания» вписала Парадиз Хотель. Наверняка в целом Мандалае есть хотя бы один райский клоповник. Вот. И весь мой запас английского вранья про то, какой я нифига не журналист, не пригодился...

29 декабря

Паника! А Мандалай это вообще Мьянма?

2 января

Смотрю Hostelworld. Гм. Не нравится мне это. Сорок долларов за ночь? В Азии?! Да вы смеетесь. Придется выкручиваться. В Тае отъежусь, потом в Мьянму — бичевать. Поглядим еще, кто кого перенищебродствует. Ишь! Я вам не американец.

11 января

Неспешный вечер, Леруа со своим привычным гулом, ночной заезд на Бауманскую, передача дел по барахолке... обычный день, полный обычных дел. Завтра в это же время — где я буду? Где-то в небе над Дубаи? Невозможно поверить.

Я скидываю нужные вещи в центр комнаты, с сожалением откладывая неподходящее — моя любимая кожаная сумка, тяжелая, красивая. Не поедет со мной. Рабочий фотик, Canon 5D — слишком дорогой и тяжелый для путешествия — сменить на уютный походный 350D, мою любимую крошку. Айфон — для дома. Со мной будет неубиваемая кирпичная Нокия.

Легкие вещи, ничего не стоящие, но привычные и удобные. Спальник, вытертый камуфляж, аптечка; два десятка гелевых ручек впрок. Зарядка, переходник, адаптер.

Минутное замешательство при онлайн-регистрации — на сайте нет пассажира с фамилией Гусарова, ни в какой транскрипции, и номер брони не считается! Оказалось, конечно, что моя фамилия — Светлана.

Съесть любимые конфеты подчистую перед отъездом — их с собой не заберешь. Глотнуть чая напоследок. Проверить боеготовность созданной группы. Заставить себя крепко уснуть.

12 января

Тело невыспавшееся, злое, пытается наткнуться разом на все углы. Куда я еду, зачем?! Мелкая крупа из серого неба, грязь льет за отво-

роты ботинок. В машине по направлению к Шереметьево вдруг засомневалась, запаниковала, нашарила билет — ааа, будто ночью кто-то танцевал с буквами! Вместо памятного мне вылета в час сорок — внезапно 16:40, и вообще из Домодедово! Чем я вчера, интересно, читала этот самый билет?!

Развернулись на поддороге, поехали спешно обедать. Все по-прежнему болит, паника не проходит, никуда, кроме кровати, не хочется... дома нет, денег нет, мужа нет, куда я прусь вообще?! Времени хватило только на быстрый перекус — скомканное прощание, и сразу в аэроэкспресс.

После еды разморило. Даже маленький сон всегда приносит радость, чувство покоя и уюта. Так что в аэропорт я приехала почти примиренная с реальностью. Не спеша отобрала у грузчиков в кафе небольшую коробку под ручную кладь — с пакетами вышла какая-то странная напряженка, не подумала я про них, а рюкзак был один и он уехал в лифте; со мной документы, книги и котик, в руках не натаскаешься. Теперь брожу с коробкой подмышкой.

Памятуя о том, что мне ни разу в жизни не было жарко в аэропорту, надела на себя все самое теплое: рыжий камуфляж, длинное вязаное платье. Вид, наверняка, необыкновенный. Пойду-ка на досмотр.

С коробкой я смотрю настолько экзотично, что на меня сработал датчик где-то незадолго до паспортного контроля. Пухлый охранник подорвался, чтобы с интересом просмотреть все мои вещи. Сделали через рамку пару кругов — с коробкой, котиком и мной под ручку. Аппаратура упорно молчала. Толстячок развел руками: а вы в Израиле не обследовались? На излучение могло сработать...

Миловидные стюардессы, одетые в национальные арабские костюмы, роятся тучами, щебечут по-русски. «Я с ней в хлам разругалась. Ну она совсем! Разве так можно?!»

Из туристов — сплошные парочки и пожилые мрачные одиночки с ноутбуками. Компании перешихиваются слегка нервно. «А знаешь, что в Эмиратах женщине запрещено публично есть банан? — А если порубить и вилочкой? — Ты что, такое извращение — тем более!»

Путеводитель пишет, что в Таиланде «овощем считается папайя и другие несочные и незрелые фрукты».

Экран на моем сидении показывает удивительное. Например, можно связаться по телефону с любым креслом в салоне на выбор. Обернитесь, вас вызывает пассажир А146, улыбайтесь. Есть пулст ДУ — сейчас

сидящий впереди откинет кресло, придвинет экран еще на пару сантиметров, и этим пультом будет очень удобно тыкать прямо в телевизор. Можно вывести на экран переднюю или заднюю камеру самолета — сейчас обе показывают торопливую суету предотлетной подготовки. Вокруг недовольные русские лица. Выдыхаем. Отступать некуда было еще шесть месяцев назад, когда я оплатила билеты.

О да! Эти люди знают толк в сервисе! Смеем рассчитывать, обед я не пропущу... Раздача меню немного напрягла — обычно это означает, что за еду хотят денег. Но рядом с потрясающими выражениями на трех языках («сливочное рагу из курицы», «картофель на пару с зеленой фасолью» и тому подобные радости) не было цен. Жду теперь свой «нежнейший мусс из молочного шоколада».

Над проходами в самолете горят «звезды», прорезанные в темном потолке; парочка на соседнем кресле смотрит «Один дома два»; и если кто-нибудь бы поинтересовался, как я себя чувствую, после вкусного сытного обеда, в тепле и комфорте, на высоте 7000 метров, под звездами — я бы честно ответила: препаршивенько. Эх, зима-зима. Ты не время года — ты состояние души. Удастся ли тебя выкашлять за эти два месяца в тепле?..

Эмираты. Один вдох влажного теплого воздуха между сушеным самолетом и наполненным одеколоном автобусом, и я моментально, одним толчком, вспомнила, зачем улетаю каждый год.

У меня 14 часов пересадки, уютный лежак и непрестанно чихающая юная малайзийка под боком. Лежаки популярны. В соседних вальяжно развалились пухлые тети с цветастым багажом в тележках. В одном скорчился в позе замерзающего эмбриона негритянского вида юноша, с няшной подушкой-полумесяцем и маской на глазах. Почти полночь. Мимо в невыносимо умильных тапочках розового цвета прогарцевала японка. С безупречным английским на лиловых устах прогуливаются настоящие негры — хоть руками трогай. Где-то за окнами, за оградой аэропорта — обычная жизнь Эмиратов; люди почистили зубы, обругали телевизор, загнали детей спать и дочитывают любимый детектив. Когда-нибудь я полечу не мимо. Когда-нибудь, я пощупаю и эту жизнь тоже.

Ах, не читайте путеводителей на ночь! Конечно, приятно, блаблабла, Таиланд безопасная и уютная страна, но описание системы городского транспорта меня убило. Как в этом сориентироваться?! Тоска-печаль, кондиционированный воздух ее только усиливает.

Час ночи, а кругом толпа, будто день. Началась посадка на Вашингтон. Куда им всем в такое сонное время надо?

Все-таки, пытка этот ваш шезлонг. Он достаточно полог и сначала, после жесткого сидячего кресла, кажется отдохновением. Но скользкий подголовник и противные жесткие и дырявые поручни не дают никакой опоры голове, которая при малейшем движении скатывается набок. Спать невозможно, лишь дремать, постоянно отвлекаясь на попытки устаканить череп.

Первый утренний муэдзин сподвиг меня на подъем. Вслушиваясь в переливы и вибрации подумала, что Рубина была предвзята, когда говорила, что, мол, основное назначение этих криков — не ослабление слуха правоверных, а устрашение неправых. В ночном аэропорту разносящиеся звуки казались действительно божественными, будто само небо зазвенело и заурчало, выражая взнезную скорбь и одновременно надежду.

Дубаи по праву гордится своим фешенебельным аэропортом. Уни-тазы тут, например, такой чистоты, что пользоваться ими по назначению кажется такой же нелепостью, как писать в митру Папы Римского. Зато очередь к нему задержала меня почти на сорок минут — может, там все сначала долго наслаждались чудесным видом?

Я немного поволновалась за свои брошенные вещи; еще более на подходе, когда вместо симпатичных европейек по сторонам от моего места увидела двух оплывших темнокожих тетей. Впрочем, в мою коробку никто не заглядывал, и даже на лежащие рядом чипсы никто не польстился. Завтрак — и можно искать зону D. До вылета восемь часов, успею, думаю.

Во время прогулки по коридорам я наткнулась на фонтанчик невкусной, но очевидно питьевой воды, и стакан из-под кока-колы, наследство кашляющей малайзийки (который я в общем-то несла выбрасывать) внезапно обрел новый смысл. С наслаждением подумала, что теперь и непочатая пачка чипсов, нашедшаяся как подарок богов под рядом шезлонгов, будет полезна — а то я опасалась открывать сухое-солено-острое нечто в безводной пустыне.

Оглядывая очередь в туалет, я обнаружила, что я, оказывается, высокая. В смысле — выше среднего. С моими 167 это было неожиданно. А ведь еще не Тай! Там, говорят, если видишь тайку одного с тобой роста — смело ищи у нее яйца, женщины натурального происхождения такими дылдами не бывают.

Прогулка с вещами в направлении моего выхода дала свои плоды — я нашла кучку настоящих лежачих лежаков. Время летит стремительно, когда есть возможность по-настоящему комфортно отдыхать.

Камера нашего самолета показывает задницу чужого, уже стоящего на взлет. Очереди, как в тот туалет, даже на ВПП.

Прощай, стеклянно-кондиционированный аэропорт Дубаи. Привет, суматоха Бангкока. Прилет в полночь; пожалуй, я начну адаптацию со сна в аэропорту, а город пойду посмотреть уже со свежими силами с утра.

Бутылочка крепкого красного (как эти рейсы с бесплатным баром выдерживают наплывы русских, интересно?), в который я кинула пару пакетиков сахара, и Сара Эванс в наушниках убедили меня, что жизнь вовсе не так плоха. Я обречена на два месяца тепла и приключений — отличная перспектива!

Даже самый дурацкий плацдарм обретает смысл и уют, если правильно в нем окопаться. А уж аэропорт — вообще отменное место. Во-первых и в главных, тут нет воров, да и спать можно без опаски, спасибо службе безопасности. Во-вторых, что немаловажно — прохлада. Так что после некоторых треволнений с багажом (почему, почему, почему ты никогда не подписываешь бирку на багаже?! И что за манера терять билет с багажным вкладышем?!) я быстренько глотнула тропического воздуха из двери наружу, захватила с боем туристическую карту в информационном центре и отправилась искать убежище на ночь. Карта оказалась толковее моей. Я быстро нашла на ней потенциальный дом на ближайшие дни и успокоилась. Разберусь.

В качестве ужина сошли остатки самолетной пайки; хотела было отыскать пустую емкость для воды из фонтанчика, но мусорки тут восхитительно-прозрачны, так что после небольшой прогулки я стала обладательницей полу-литра прекрасной вкусной воды.

Охранник не был доволен тем, что я отвлекаю его от ковыряния в носу ради всяких странностей, но вежливо повторил для меня несколько слов на тайском. Спасибо — коб-кун-ка. Добрый день — сава-ди-ка.

Опасности, перечисленные в путеводителе, страшно не выглядят. Наглые собаки, наглые рикши, сикхи-мошенники, подделки ювелирных украшений, местная мафия в Чайна-тауне, местные террористы на юге. Ни для одной категории, разве что исключая собак, я не представляю ни малейшего интереса. Это хорошо. Выпадать из пищевой цепочки всегда полезно.

Бангкок в несколько слоев
оклеен street-art'ом →

Самое главное — не пытаться проглотить страну целиком. Завоевывать ее надо понемногу, чтобы не подавиться и не пресытиться. В аэропорту я вот уже обжилась. На очереди — туристический район Банглампу, где можно снять недорогую базу, и уже оттуда наведываться по округе.

14 января. Bangkok

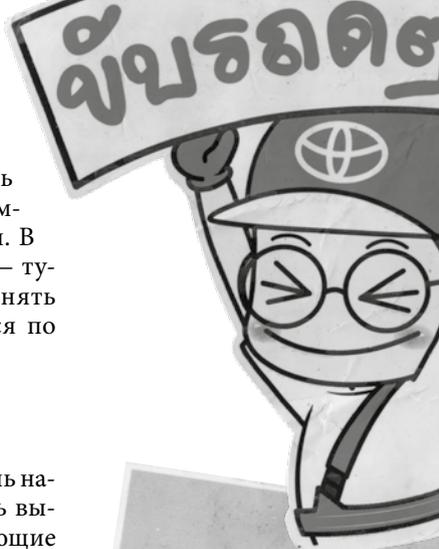
Конечно, выспаться не удалось. Сначала я очень натурально замерзла, так что несмотря на лень вылезла достать спальник, а с пяти работающие азиатки начали сжимать кольцо. И как только я неосторожно приоткрыла один глаз, симпатичная стюардесса прохихикала в меня «что это вы тут разлеглись, когда ваш рейс?» Я-то легла под самой стойкой регистрации, там, где людей поменьше и кресла помягче. Пришлось встать.

Зато я попала на церемонию открытия утреннего метро. Оно тут состоит из нескольких не пересекающихся веток, частично наземных; билет оплачивается от станции до станции, просто так туда-сюда покататься — не вариант.

Ночь, еще темно, а я уже мчусь по направлению к Чайна-тауну. Привет, мафия! Поезд наземный, в нем пахнет влажной тропической ночью. Ну где же ты, солнце?! Сколько можно сидеть при искусственных лампах?!

На выходе остановила европейского юношю-одиночку, задала типичный туристический вопрос-знакомство. Он с такой тихой, но непримиримой гордостью сказал «from Paris!» — невозможно не влюбиться. Немного проводили друг друга, но ему в другую сторону — на поезд до Аюттаи. Ну что ж. Только рассвело, времени масса. Заселение в отель в этой стране с одиннадцати, спешить некуда.

Растения на улицах так
подстрижены, что напоминают
комнатных собачек. →

Купила свежесжатого сока, а он в бутылке — и с сахаром! Разочарование. Ну зачем?! Под мостом соблазнилась на восхитительный запах варева и привычные взору невзрачные пластиковые стулья. Во Вьетнаме это сочетание означает «вкусно». Я все-таки неисправимое дитя окраин — мне всех ресторанов милее вот такие забегаловки, где даже не спрашивают, что подать — тут есть один вид еды, «еда». В моем случае — традиционный азиатский бульон с кучей трешки (печень, филе, тефтели, какие-то мелко крошеные аорты и немножко сала). Для сытности в него кидают шарик риса. Божественно! Обошлось в 45 бат. Учитывая курс — почти сто рублей. Вай, как не вовремя скакнул доллар!

С меня постепенно сходит московская чопорность и вливается веселая путешествующая наглость. Она дает заглядывать угрюмым рабочим в лица, кричать им «савади-ка!» и тыкать объективом, вызывая не неприязнь, а лишь улыбки.

Ужасно радует (и изумляет после Индии) отсутствие интереса у местных. Как же здорово бродить по улицам, не устраивая переполох!

Ура! Теперь я на два дня владелец шикарного шкафа с вентилятором. И широченной жесткой кровати. Когда я сплю одна, я занимаю так много места.

Вокруг меня потрясный туристический загон — феньки, майки с Че и слонами, интернет-кафе перемежаются забегаловками с едой. Составляю себе список покупок — аромапалки (а то в номере пахнет хлоркой), местная одежда, рюкзак для мелких вещей, шампунь, флешку, путеводитель.

Забавно, что на выставленных в «первый ряд» ларьках часто цены выше, чем в солидных магазинах. Я сторговала нужные книги на сотню, и была довольна, пока не зашла в культовый книжный «Шаман» и не увидела там немало повидавшие путеводители за треть цены. Было очень неловко, когда я с извинениями выдираю свои кровные из глотки сопротивляющегося продавца, всучивая ему недавнюю продажу обратно. Зато теперь я получила эту рухлядь десятилетней давности почти даром. На внезапно образовавшуюся сдачу купила офигенный рюкзачок.

Путеводитель предупреждал про картонные стены, но в моем отеле все еще хуже — верхней части стены нет вовсе, там деревянная решетка, забранная сеткой от комаров.

← Нередко перед дверью в лавку или частный дом ставят вазу с водой в качестве украшения. В воде — кубышки, мальки и личинки вездесущих комаров.

SI

TANABU

Поэтому мат соседа, пытающегося спяну открыть дверь, воспринимается на свой счет; звук чистящихся зубов и застегиваемого рюкзака из коридора раздается прямо над ухом; и даже тихий, вкрадчивый секс с другого конца здания слышен, как оргия на соседней кровати. Особенно раздражали визгливые тайки, заводящие прямо под дверь бесконечные тональные беседы, по мелодичности не уступающие жалобам мартовских котов. Но я после перелета была

выжата, поэтому все преодолела, потарасилась немного в свежеприобретенную книгу и вырубилась прямо посередь дня, часов в шесть — поэтому в полночь меня, конечно, подбросило, и теперь, кажется, я буду до утра строчить письма.

У ужина из риса есть великое преимущество перед супом — его легко оставить на потом. Без еды ночевать не так весело. Я сова, для меня ночь — время плодотворного уединения и работы.

У них тут везде висят изображения стариков-гуру, сидящих в позе лотоса в своих оранжевых робах, оставляющих голыми руки. Морщинистые изможденные лица с цепкими глазами, пятнистая от старости кожа — эти мудрые черепахи следят, кажется, за каждым твоим движением. Культ старости. Бррр.

В купленном Lonely Planet оказалась изодранная самая главная страница — с картой вся страны. Ну и как тут планы составлять? Ну ладно, главное — качнуться. А уж когда катишься, проблем выбора значительно меньше.

Обложившись уже двумя путеводителями и местной картой, могу сказать: несмотря на популярность направления, толкового руководства по Таю нет вообще. Собираю информацию по крупицам, яростно чертыхаясь.

15 января. Bangkok

Вот, а тем временем и другая информация из путеводителя подтверждается. Замок можно открыть и пальцем, а ценные вещи лучше там не оставлять. Отсматриваю с ребятами с ресепшена записи их ка-

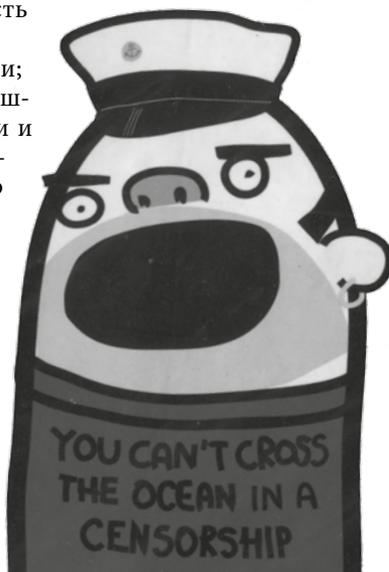
мер. Пропала только прицельно сумочка с деньгами и открытками (хотела их тайцам подарить — вот, подарила). Несколько русских тысяч, несколько местных тысяч, сотня долларов. Заначка, по сути, ничего страшного. Но в сумке были и запасные карточки для фотика (обидно) и одна из VISA. Умная я была и дальновидная, что сделала в этот раз две. Придется, правда, связаться с банком и заблокировать...

Обиднее всего, что теперь сложно улыбаться местной службе. Смотришь на милую девочку, а мысли совсем не милые. Что за черт. Заблокировать карту, учесть на будущее, завести пафосное портмоне с запиской «фак оф, нет у меня денег» — и забыть.

Речной транспорт няя! По реке шастает масса всего — от технических лодок, вылавливающих мусор и кувшинки, до кучи рейсовых ботишков. Маршрут обозначается флагами: белый тормозит везде, он самый долгий. Есть оранжевый — туристический, и еще пара обычных. Кондуктор обходит всех, выразительно позвякивая баночкой с мелочью. Проезд стоит 15В. Красиво, быстро, много остановок. Азиатки помладше мажут лицо белым тоником и старательно загораживаются от солнца — выходя на набережную встречать лодку, прикрывают голову пакетом.

Сшла я в Чайна-тауне. Тут несметное число магазинчиков для магазинов. Ряды баночек, пачечки аккуратно уложенных ценников, пакеты, манекены... так и хочется открыть лавку, и фасовать в эти мешочки что-нибудь мимимишно-уютное! Типичные развалы «все для девочек» выглядят угрожающе изобильно. Лаки выложены вперемешку с бантиками и носками всех расцветок «только сегодня пять пар за 100В». На дороге постоянная пробка, тротуар в процессе создания — основная его часть просто засыпана гравием. Пытаюсь осознаться по карте, пока ни одного ориентира. Чертовски жаль, что в Тае не прижилась общеазиатская традиция писать в названии магазина полный адрес, включая город и улицу. Учитывая плотность лавок, это была бы прекрасная карта местности.

Супчик «фо» — основа вьетнамской жизни; как оказалось, тайской тоже. Или я просто слишком часто ем в Чайна-таунах? Мелкие тефтельки и куски фарша плавают в прозрачном, чуть островатом бульоне. В кипящую воду кидают немного листьев, иногда — рубленый салат, обязательно ростки пшеницы. Все это не успевает свариться,

лишь чуть-чуть подвять; добавляют рис или прозрачную «стеклянную» лапшу. Из-за перца создается ощущение, будто суп никогда не остывает полностью.

Оооо! Оптовый рынок бисера и фурнитуры! Витые шнуры на ярды, пакеты с фигурками — 30В за 10 штук. Не так дешево — примерно, как у нас, но зато какой выбор! Украшения, переводные картинки, пуговицы, ткани, парфюмы — и рядом настоящие пафосные ювелирные магазины, боа и серьги, нитки и золотые шнуры для штор, и сами шторы... Наши рынки все-таки смотрятся очень бедно после азиатских базаров.

Везде деловитые тайки; громких ссор, как в Индии, нет, но лица у всех недовольные, как в московском метро. На припудренных красавицах так и написано: дорого, цвет не тот, длина не подходит, рисунок дурацкий, выбора никакого. Мою восторженную улыбку туриста-идиота встречают, как нечто неприличное, вежливо-опасливо улыбаются в ответ: савади, совсем офигели эти туристы, уже и на рынке не протолкнуться...

Выходишь с бурлящего рынка — попадаешь на не менее шумную улицу. Тротуары обычно отгорожены от проезжей части ларьками со всякой снедью; пытаюсь спрятаться от солнца, торговцы строят настоящие баррикады. Кажется, весь Бангкок вышел стоять за прилавком. Он жары голова немного плывет, цены кусаются; больше ста рублей за один драгонфрут — ой-ой, нет, спасибо. По всему выходит, что у меня не больше полутысячи бат на день. Тысяча рублей. Если не терять больше по несколько тысяч ежедневно, вполне сносно.

Как же все-таки удобно метро! Несколько станций, ясная навигация, пояснения на английском — в любом городе мира причем. С наземным транспортом сориентироваться намного труднее.

Тайки бывают разными. Есть честные широколицые простушки и высокомерные «гламурные», с выбеленными лицами, словно перенесшие операцию по пересадке кожи. Неприятные. Тетушки постарше — как с картинок про японок с неопределимым возрастом. Средне-старые старики сухие, фактурные, улыбчивые — самые красивые. Вообще не айс нация, для секс-туризма-то. Это как же надо истосковать по девушке?..

На правах белого туриста зашла в шикарный, камень и стекло, «Амарин-плаза». Выглядит невероятно пафосно. На входе охранник открывает двери и почтительно кивает. Платочек формата «носовой» — 500В. Что-то я, пожалуй, хочу как-нибудь прокатиться как

Тарихмагерская? Скорая психологическая помощь? Митин-саман? Об, конечно, я не буду знать правильный ответ...

содержанка. Чтобы гулять по таким прохладным, кондиционированным центрам. Сперва «Купи мне эти туфли! Нет, не эти, синенькие!», потом «я ноги натерла, возьмем такси», а напоследок «ты же раздобудешь мне фруктов на ночь?».

Я брожу по Central World Skywalk — система чудовищных бетонных укреплений, поддерживающая пешеходные дорожки на уровне четвертого этажа зданий. Соединяет две станции легкого метро, Childom и Siam. «Тротуар» весь отделан плиткой, поручни со стеклом, часто переходы по мостику завершаются входом в очередной позолоченный ТЦ. Под нами многокилометровая городская пробка и потрясающей красоты фонтаны — вокруг местный деловой центр, офисные и торговые здания нового века. Пешеходов много, но не зашкаливает. Чисто. Никакой торговли, попрошаек и прочего. Встречаются и туристы, но не часто; основная спешащая масса — офисные служащие. Ночами эту штуку защищает система решеток; время работы как у метро — с шести до полуночи.

А вот район попроще. Сразу колонны оказываются расписаны баллончиками; у ступеней бабушка-Ктулху спекулирует свисающими с лица кожистыми «соплями» (глаз нет); мальчишки в две гитары весьма убедительно играют мяукающего местного Цоя. И наклейки по всем стенам, ура! Можно продолжить мою коллекцию! Тайцы постарше глядят на мои прыжки недовольно, на улыбку не реагируют. Одни клеят, другие снимают, все одним миром мазаны, шалопаи.

Азиатская выкладка товара чудесна. Только самые дорогие точки дают почувствовать каждую вещь в отдельности, выставляя ее на подиуме и окружая воздухом. Зачастую же даже в крупных магазинах продавца просто засыпают товаром. От изобилия кружится голова. Или это от голода? Пора домой через Чайна-таун, явно.

Опять же под мостом (везет мне на них!) встретился торговец микрошашлычком. Они и раньше мне попадались, но я по русской привычке их игнорировала — не может свежеприготовленное мясо стоить дешево, не стоит и соблазняться. Но на этих были написаны потрясающе привлекательные цены: 5В, 10В... Местные набирают по 5-6 шпажек; их поджаривают на огне и выдают в пакетике. Я попро-

NO STAR,
NO BUCKS,
JUST
COFFEE

сила еще рис (порция — 5В), присела за углом на парапете — и была поражена. Настоящее, честное мясо! Жестковато, конечно — видно, не первый раз разогревают, но ведь вкусно как!

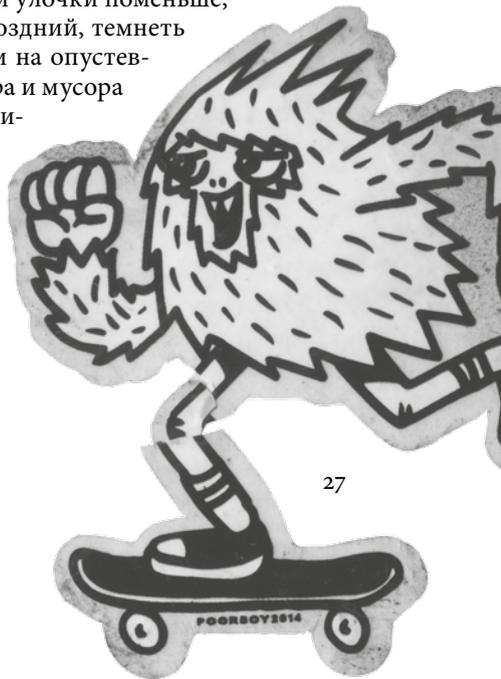
Кофе по-азиатски готовят так: ложка растворимого Nescafe, ложка сухого молока, залить кипятком на полчашки, размешать, добавить сгущенки (три ложки). В большой стакан насыпать дробленый лед, перелить сверху бурду из первой чашки, досыпать просевший лед, полить сверху сгущенкой, закупорить объемной крышкой, воткнуть соломинку... ух, вкуснотища!!! Средняя цена за все — 20В. Лед, кстати, вкусный, не «водопроводный». Или это водопровод у них такой хороший?

В общем, шопинг-дэй по самым дорогим местам столицы удался. Теперь, пожалуй, хочется равномерного удаления вглубь от всего. Пойду LP по этому поводу поперевожу.

Гляжу в карту, и распирает каким-то самодовольством. Наверное, вследствие иллюзии, будто я могу ориентироваться в этом огромном запутанном городе. Метро, кстати, помогает, даже если на нем не ездить — это бетонное страшилище отлично читается сквозь дома с соседних улиц и служит прекрасной меткой.

Какой-то неизвестный мне энтузиаст оклеил весь центр листовками, судя по цифрам — сулящими баснословные выгоды и барыши. Листок А5, запечатанный иероглифами с одной стороны и держащийся на небольшом куске двустороннего скотча стал легкой добычей для меня, постоянно ищущей аутентичную бумагу на письма.

Прикинула по карте и сошла с наезженной тропы. Сколько можно. Как обычно и бывает, сначала пошли улочки поменьше, потом дома сгрудились; вечер еще не поздний, темнеть не начало, но торговлю уже свернули, и на опустевших площадках собирают остатки товара и мусора дюжие (по местным меркам) ребята. Приветствовали они меня довольно мирно, но отнюдь не восторженно; мелькнула мысль «а все ли тайцы знают муй-тай». Сейчас-то ладно. А вот спустя пару часов на том же месте белая в легком сарафане, пугливо прижимающая к груди пачку листов и пухлый путеводитель, может статься, будет вынуждена проверить этот тезис на практике.

Каждый истинно верующий мужчина в Таиланде обязан хотя бы раз в жизни побыть монахом. Этот эпизод биографии (обычно длящийся от девяти дней до двух-трех недель) сильно повышает статус тайца и способствует карьерному росту.

Перешла дорогу и выпала вовсе в какой-то ковыляющий переулок. Дети на мопедах, сохнувшее белье, бабушки варят рис в плетеных из травы корзинах. Все глядят недоуменно. Свернула вслед за стайкой детей на велосипедах в одну подворотню, другую и вдруг увидела искомый канал. Дети взлетели на мост и пропали; я перековыляла, бросая восторженные взгляды на уплывающую в закат баржу — она разве что бортами не скребла набережные, причем обе сразу. За мостом улица стала шире, бараки превратились в особняки. Моя пачка аутентичной бумаги за эту вылазку пополнилась листовками нескольколетней давности; судя по безжизненному выражению лица — политической направленности.

Здешние разносчики питья по пробкам одеваются, как строители, в жутковатую «террористическую» униформу: кепка, «накомарник» в тон, защитный намордник, перчатки-беспальцовки (у некоторых — разного цвета). Питье продается в пакете со льдом внутри и обязательной соломинкой. Соломинку, кстати, втыкают везде, даже если продают воду в бутылке. Больше пластика богу пластика!

Обжарилась я знатно, кожа зудит; зато уже с трудом понимаю, какое значение деньги или одиночество могут иметь для настроения. Лето же! ЛЕТО! Тепло, пестро, вкусно, интересные квесты, новые люди! Какая там тоска, где?!

Увидела фонтан во дворе бизнес-центра, очень прозрачный. Машинально макнула руку и брякнула пару капель на тлеющую макушку. На второй горсти поняла, что ладонь покалывает. Принюхалась — чистый хлор! Конечно, то, что чистый, до некоторой степени успокаивает, но... бля!

Я почти стала счастливым обладателем бирюзового листа А0 размером. Заглянула удачно в полуоткрытую типографию. Сухощавый подвижный дядька легко нашел со мной общий язык, осознав мои потребности, отщипнул кусочек бумаги «для записей». Сделал круглые глаза: еще больше? Весь лист?! Прыгнул кошкой на самый верх стопки, под потолок, снял верхний — он оказался плотным. Мы синхронно покачали головой — в конверт такой не поместится; оглядели всю пачку до низа, столкнулись взглядами на первых зачатках пласта тонких листов (где-то на уровне моего лица, под двумя метрами картона) и одновременно вздохнули — не выйдет. Пожали плечами, усмехнулись, поклонились друг другу, как в зеркале; он отцепил от меня свою собачонку пищевой породы (та успела признать в моей ноге впечатляющую суку

собственного вида и начать ухаживания) и мы помахали друг другу ладонью на прощание.

Темнеет, а я все еще черте где и занята черте чем. Аaaa, где я?!

Khao San вынырнула внезапно, и сразу моим родным проулком Rambuttri. Завалилась в душ, минуя все прочие стадии — впрочем, успев уточнить, что до railway идет bus N53. Утром буду бегать, конкретизировать. Выводы сего дня? Хранить все ценное (дневник, деньги, паспорт, картридер, фотик) в рюкзаке, а рюкзак при себе. Руководствуясь этим соображением ушла мыться в обнимку с ним же. Тут кабинка душа таких размеров, что, минуя приоткрытую щель двери, немедленно включаешь воду. Холодную. Бррр...

Обнаружились смешные травмы — я себе, оказывается, умудрилась натереть ноги. В том месте, где они начинаются. Ну, тапки разношенные, привычные; чего не скажешь о новых трусах в жарком климате. Именно поэтому, кстати, в Азии я люблю покупать тальк с каким-нибудь клевым запахом — и духи худо-бедно заменяет, и от результатов жары спасает. Местные этот эффект давно пронюхали (извините за невольный каламбур) и поэтому в продаже есть масса всяческих присыпок.

Вообще я бы воспользовалась местной услугой — массаж рыбами. Это вовсе не то, что вы себе вообразили! Это сиденья вокруг ванночки. Опускаешь пятки, и сотня мелких рыбешек ласково их ест. Считается, что только ороговелую кожу. Такой вот супер-пилинг, я во Вьетнаме пробовала. Сразу усидеть на месте, когда к тебе устремляется жадно настроенный косяк, нереально, включаются защитные рефлексы «меня идут есть!» — с автоматическим выдергиванием ног из опасной зоны. Но попытки с третьей можно научиться не верещать, и станови приятно — как будто вибромассажер подключили. Вот только я юсь, что от моих мозолистых клешней эти нежные рыбки объедят повсплывают кверху брюхом...

Парикмахерские тут, как встарь, обозначают вращающимися с тящими стержнями. Называются они «barberpole», что означает «ш брадобрея», и изначально были просто местом для просушки кровав бинтов — ведь цирюльник занимался не только бритьем и умащива ем головы, но и мелким врачеванием, для которого часто применяли кровопускания. Поговаривают, что два набалдашника сверху и снп означают соответственно емкости для хранения пивок и для сто крови, но, по-моему, это уже перебор с трактоvkами.

"Местн брадобрея" сидит вращающ, как орнитокетт бродягаучулка легенец. Килето ногочешо на пугит с кровавбинт бинташи! →

Половина яиц у мужика — розовые. Так помечают «тухлые» яйца, вымоченные в специальном рассоле. Они могут долго храниться без холодильника (оригинальный китайский рецепт вообще делал их бессмертными — не зря же они называются «столетними»). Признаюсь честно: не пробовала.

Удивительна тяга человечества к воде, я бы даже сказала — к жидкостям, не назвать бы эту жижу сильнее. Но вдоль «набережной» вонючего канальца стоят столики и жаровни, и местные, да и туристы, с аппетитом наворачивают с тарелок, что бог послал. Я искренне надеюсь, что рыба на лотках не речная (и для верности купила курицу, явно не местных вод), но клянусь вам, жареных жаб среди креветок я видела собственными округлившимися глазами.

Уезжала я с мыслью «ну все, теперь два месяца без мяса». И что же? Второй день шикарную шашлычком, который продается тут на всех углах. Ну ладно. На завтра запланированы два полумертвых города и ночевка в монастыре одного из них — если повезет, легальная, но я не настаиваю. Лишь бы даром. Как тут, наверное, было приятно и дешево до санкций. Эх.

А дальше, кажется, меня ждет север — не на курорты же мне катиться с моими жалкими грошами.

Да, стены в моем отеле такие, что сосед, касаясь изголовья, трогает напрямую мою голову, прислоненную с другой стороны. Идеальная была бы тюрьма — через пару лет заключения из нее выходили бы затравленные, пугливые мизантропы.

16 января. *Bangkok* → *Bang Pa-In* → *Ayutthaya*

Кондукторы тут пользуются смешным металлическим пеналом. В нем лежат рулоны билетов (их удобно отрывать, прикусив острым жестяным краем) и мелочь. Этим же краем иногда отгрызают углы билетов — какая-то внутренняя система погашения, у каждого своя. Мелочью агрессивно звенят, заставляя людей вспомнить о своих долгах обществу. Проезд 8 бат, сдачу дают неукоснительно.

Занятная закономерность: все частные машины в городе — черно-белые. Встречаются все оттенки серого, молочные теплые тона и снежно-ледяные — но в цвета окрашены только такси. Как правило, это яркий чистый цвет с какими-нибудь нелепыми по сочетанию полосами — зеленый с розовым, желтый с фиолетовым, голубой с пурпурным... Это законодательно, интересно? Или просто рынок так устроен?

Насекомых действительно почти нет, если не считать полупрозрачных мурашек в домах и мелких мух, прилетающих поинтересоваться свежатинкой, если ты останавливаешься. Возможно, ночевки на улицах тут будут приятнее, чем в Индии?

Аааа! Железнодорожный вокзал! Какой же он! Огромный, старый, светлый, как храм; пропахший мазутом и теплым деревом. Касс десятки, но работающих всего три — да и людей немного. Кассирша наконец-то объяснила расстроенному парню европейско-хипповой наружности, что поездов в Паттаю нет и не будет до завтра. Лысеющий юноша уныло повторил: «Как всего один, ну как же всего один?..» По его мнению в центр мира должно ходить все и всегда. Я ласково оттеснила его и быстро купила билет в недалекий от Бангкока Bang Pa-In — вся информация на билете переведена на тайский и на английский, в нем есть и номер поезда, и время отправления. Чудеса! Номер платформы девушка громко и тщательно повторила, и даже написала в углу. Я ее понимаю. Туристы — идиоты.

В колокол звонит самолично хорошенькая служительница вокзала, по два раза на каждое отправление. А еще она вручную меняет таблички, вывешенные на платформе, со временем и направлением отбытия поезда.

Кажется, я начинаю правильно произносить их «спасибо». На слог «кооб» нужно делать низкий голос, словно готовишься к нападению и немного угрожаешь; перелом «кун» проходится стремительно, а после — уважительное «кааааа», раскатистое и долгое. «Н» действительно почти не читается, но дает небольшое придыхание: Коооб-кун-кхааа... Красиво. Осталось «савадикха» (добрый день), довести до вида, чтобы его понимали, и можно общаться.

Седой, слегка обрюзгший местный дядя подошел, поглядел в дневник, степенно поднял большой палец. «Ты одна?» — «Ага.» — «Какая женщина!» — вздохнул, и, заложив руки за спину, убрел в сторону вокзала. Я сижу прямо на перроне, наслаждаюсь поездами и предвкушаю. Они восхитительны. Рельсы лежат прямо вровень с платформой, возвышения почти нет. Аккуратная, будто игрушечная, узкоколейка. Никто не запрещает ходить по путям, а вот традиционный в Тае плакат о вреде пьянства висит. Внутренняя борьба между утренней негой и запахом кофе развлекает. Солнце давно взошло, но еще не вышло из-за небоскребов, прохладно.

Кофе победил. Ради разнообразия взяла горячий, и жизнь сразу наладилась еще больше. Дедушка подошел еще раз, увидел зачатки рисунков, спросил, сколько я училась. Ответ, что год, воспринял с недоверием, переформулировал вопрос, чтобы убедиться, что не ошибся, потыкал в картинку. Когда ответ не поменялся, с пафосом воздел руки:

«Это же дар небес!» При этом не преминул пощупать мой билет с вопросом, куда это катится носительница дара.

Час до поезда. Уходить со всеми вещами лениво и немного страшно — мало ли, вдруг пропущу? Но шила в заднице не утаишь, как говаривала Фаина Раневская. Так что я прошла вдоль поездов, с тем нарочито-скучающим туристическим лицом, что привлекает меньше всего внимания — и позволяет забираться в любые, даже не слишком доступные посторонним места. Обнаружила несколько винтовых лестниц, ведущих в технические помещения, позаглядывала в окна офисов — о, сколько же там столов и ящиков темного, старого дерева, отполированного временем; сколько там бесмысленно гниет восхитительно аутентичной архивной бумаги! Но не врываться же к ним. И русскоговорящим непросто объяснить порой, зачем мне истлевающие копии договоров...

За любопытство я была вознаграждена чьим-то перекидным календарем с самим королем (за оскорбление которого, между прочим, можно угодить в тюрьму). И достала из груды мусора несколько списков на тайском, изрядно облитых кофе. Лица местных нищих, наблюдавших этот процесс, не поддаются описанию. Возможно, им стало бы легче, если бы кто-то мог им растолковать, что я сразу и по меркам своей страны тоже.

Пока поезд стоит, время занимать шикарные места. О, эти крошечные деревянные двери, куда мой рюкзак вместе со мной может войти только боком! Зачем я имею столь бедный язык! Я хотела бы посвящать им оду, на французском, в самом высоком стиле! Какая разница между нашими заплеванными электричками и этим уютным чудом! Прямо рядом с моим местом — туалет, из металла, чистый и приветливый. Не знаю, кому как, а я люблю ездить рядом с туалетом. Внушает чувство уверенности. Все, что может понадобиться — под боком и бесплатно, не о чем беспокоиться. От соседней пахнет «звездочкой», точнее, популярным тут «тигровым бальзамом». Солнце выбралось из-за домов и пригревает. Это нестрашно. Окна открыты, и техник только что проверил работоспособность вентилятора у меня над головой. Сидение как раз такое, что мы с рюкзаком уютно прижимаемся друг к другу, а пока людей немного, можно вытянуть ноги на соседнее. И окно, опущенное вниз. И два часа впереди! Мимо уже несут воду, манго, чипсы и зачем-то золотых рыб в огромном пакете с водой. Впрочем, последних, кажется, не продают, а всего лишь транспортируют.

Разглядываю украдкой находку. Тайком, чтобы не напороться на владельца, пока мы еще стоим на станции. Страницы найденного календаря плотные, А5, в конверт не поместятся. Может, сделать из них пазл, послать друзьям подарочек «собери себе короля Таиланда»? Интересно, отыскав изрезанного главу государства, местные власти меня просто депортируют, или предварительно публично расчленят? Хорошо, что, кажется, цензура исходящих посланий тут не особо распространена.

К монахам тут и впрямь очень уважительное отношение. В транспорте часто можно встретить иконки приоритета, напечатанные в две краски: белым «старика, больные, беременные и родители с малолетними» и человек в оранжевом хитоне — монах. Им тоже надо уступать.

На перроне абсолютно умильные крошечные скамейки на курьих ножках. Отполированное сотнями спин темное дерево.

Надеюсь, названия станций тут дублируют на английском и пишут крупно. Но в любом случае до полудня можно не волноваться. Из-за состояния дороги поезда частенько опаздывают, но вряд ли будут приходить с опережением. Ура! Поехали! Двери, конечно, никто не закрывает — счастье!

О, контролеры! А путеводитель врал, что билеты в третьем классе не проверяют.

Мимо плывут увитые плющом заборы, и огромные пыльные сундуки на перроне, и тепловозики, такие же, как наш. И — солнечно, солнечно и ветрено! Запах и цвет самой жизни. Кто не гонял на уязво-

Сиеста — священна.

лейке, забросив ноги на соседнее сиденье, рядом с рюкзаком, в котором все-все твои вещи — тот просто не жил! Это как надкусывать свежую корку хлеба, оторвав ее от еще теплой буханки. Как кощунственно и нахально рушить языком пенку на капучино в уютной кафешке. Как босиком бежать по утоптанной глиняной дорожке вдоль ручья... ну вы поняли. Круто в общем. Все в поля.

У тайцев яркое и красивое постельное белье. Пока вообще не встретила однотонное, все в цветочек. На веревках вокруг рельсов развешается розовое безумие разнообразных оттенков.

За моей спиной смещение двух-трех негромких разговоров — английский недавно познакомившейся парочки туристов, старательный монолог тайской внучки для бабушки и пара женских голосов. Стоим чаще, чем едем, даже вне станций. Пахнет речной водой, нагретыми крышами, теплым мазутом, жареным мясом. Мимо неспешно плывут задворки трущоб — уютных, чистеньких полудеревенских домиков, собранных из рифленого железа и фанеры. Бегают дети, куры, козы; коты вальяжно оккупируют крыши, позевывая в сторону проезжающих поездов. Мансарды проплывают как раз на уровне моего лица — ухожены и уютны, как домики на дереве. Многие балконы заняты сохнувшим бельем. На одних перилах висит лейка, чтобы утром не спускаться для умывания.

На тропинке вдоль крошечного ручья седовласый азиат тщательно отрабатывает удар клюшкой. Говорят, пристрастие к аристократическому гольфу в стране прививает монаршая семья. Мячика у дедушки нет, он просто осторожно гнет сухую от солнца траву тяжелым инструментом.

Дорога ухожена, все деревья подстрижены. Даже в игру «дай пять, банан», так полюбившуюся мне по Шри-Ланке, не сыграешь.

А вот и первая станция. Абсолютно пустынная, похожа на карикатурно уменьшенный Дворец Пионеров. Крошечные колонны; кафельный пол идеально выметен, напоминает сухое дно бассейна. Неудержимо тянет выбежать на него босиком. В отличие от столицы, в мелких городках гнездятся немаленькие стаи ворон. В самом Бангкоке я видела лишь несколько голубей и красивых певчих птах, стыдливо прячущихся в кусте. Кстати, в некоторых особенно бедняцких районах там, где многие жители вообще не удосуживаются строительством и живут прямо на асфальте, на заборах висят клетки с певчими, кажется, скворцами.

Под названием очередной станции на двух языках сообщается, что путешествие by train — комфортабельно, экономично, быстро и безопасно. Вычеркнуть fast, и под оставшимся я подпишусь с радостью; но врать не стану — скорость не самая сильная сторона этого транспорта. Что, по-моему, увеличивает его привлекательность. Шмыгай эти поезда, как уклейки, и фиг поторчишь в окне с наслаждением. Ну нет уж, спешить я в Москву поеду, а тут меня подобный темп более чем устраивает.

Так хочется поделиться, отсыпать этого ощущения; законсервировать его и послать, как банку сочных манго, друзьям в мерзлую Москву. Передать, как солнце выгоняет из тела столичную злость, и наливать вместо нее упругую веселую силу, раздвигает ребра чувством всемогущества, покорения Земли, полета, свободы. Вечный август, месяц до конца лета, пыль на загорелых ногах — и смешная торопливость школьника, отпущенного на кажущиеся бесконечными каникулы. Все успеть, увидеть, пощупать!

Мы проехали пару десятков километров от города. Задворки стали победнее и совсем рассосались, пошли бесконечные пустоши. И целые городки, состоящие из подвижных лотков с пыльными зонтами от солнца. Шифер, лежащий прямо на арматуре, означает уже солидную постройку. Баннер из плотного полиэтилена — бесценный строительный материал. Это, кстати, нам и в Москве известно, сами пользуемся...

Кофе на голодный желудок, кстати, это вкусно, но неумно.

Вдоль всей дороги стоят чудовищные остовы будущих мостов и развязок. Судя по надписям, это итальяно-тайское сотрудничество. Солидно. Посреди строек, выворачивающих пласты красной глины под укладку огромных, в рост человека, труб, вдруг взрывается нестерпимым сиянием черепичная крыша новехонького вата. Все перекрытия облиты золотом, да и сама черепица тоже обсыпана золотой пылью, нестерпимо пылающей на солнце. Неудивительно, что вызывает почтение и желание поклониться — смотреть напрямую глаза отказываются.

Дядька напротив очень карикатурно, по-мультяшному, засыпает, ежесекундно валясь на бок и тут же выдергивая себя обратно. Мне немного неловко — если бы не мои ноги, он бы спал сейчас в углу. Но не будить же его ради этого.

На очередной уютной станции кинула опустевшую бутылку в урну, когда поезд уже тронулся. Легкий пластик откинуло ветром, бутылка

приземлилась в метре от цели; я виновато развела руками. Смотритель станции погрозил мне пальцем и пошел поднимать. Негоже, согласна, каюсь.

А мы разогнались — скорость, наверное, под пятьдесят. Навстречу по дороге, нахально разрушая все мои стереотипы, прокатила болотно-салатовая машина, явно не такси. Приезжий, видимо.

Контролеры прошли только раз, и больше не возвращались, а время подходит. Я, конечно, читаю названия станций, и моей пока не попадалось, но мало ли. Поинтересовалась у соседей, помахав билетом; тетенька успокоительно проворковала что-то на местном с двоекратным упоминанием моей остановки (я это перевела как «Ну что ты волнуешься, Bang Pa-In большая станция, не проедешь; я тебе скажу, где Bang Pa-In, глупая юная туристка»). Я в ответ изобразила крайнее облегчение, чем страшно ее насмешила.

Станции делаются все беднее. Колонны давно сменились на крошечные металлические поручни, выбеленные солнцем, кафель — на асфальт. Между станциями колышутся поля камыша. На одной станции весь перрон был уставлен кадками с цветами, мясистыми такими фиалками. Над пальмами кружат аисты. Нечастые скопления домиков больше напоминают дачи-особняки, чем деревенские постройки. Крыши новенькие, цветные; везде стройки.

Интонации разносчиков плаксивые, режут слух. Так и хочется их переводить: «Несу хернюююю», «забериите пожаааалуйста, лююююди доообрые!». Прошел контроль, взглянул в мой билет, строго рассказал всему вагону, что белая едет до Bang Pa-In и надо за этим проследить. Вагон задумчиво протянул «окаааай» с загадочной покорно-хитрой интонацией. На очередной станции я выглянула, пытаюсь разглядеть название — не моя ли? Вагон зашевелился, засуетился, завылгядывал тоже. Наконец из тамбура кто-то промяукал отчетливо другие звуки; вагон расслабился, а мужик напротив конкретизировал: твоя следующая.

Моя станция оказалась ничем не примечательной, очень солнечной. Перебросилась парой слов со зрителем: «Аюттая?» — «В полдень ближайший.» — «Здорово. А потом?» — «В два еще, и еще позже есть. Много.» — «А храм где?» — «Идите прямо, и вот там сверните. Но лучше бы на такси, а то далеко.» Вот из-за таких как я и идет у местных привычка разговаривать с туристами на местном — все равно же понимают, и зачем язык учить?

Конечно, я пошла пешком. Через десяток метров я свернула с дороги в приветливое и абсолютно пустынное кафе на большой веранде. Жена читала, преклонив колени на маленькую подушку; муж листал газету за столом. Я озиралась — было не очевидно, посетитель он или хозяин, и жена, заметив меня, крикнула ему что-то недовольное («всех клиентов прочитаешь, остолоп!») В Тае вообще не сильно-то чувствуется женское угнетение. То есть в это словосочетание хочется вложить другой смысл, прямо противоположный. Муж комично выронил газету, засуетился, принес меню — на тайском, но с картинками. Я ткнула во что-то наугад, потом жестами объяснила, что мне в общем-то все равно, лишь бы не острое. Хозяин показал, что бы он посоветовал, набрал на калькуляторе сумму — 40 бат. Получив мое одобрение, оба кинулись готовить, не забыв сначала предложить мне воды. Я победоносно достала свои едва початые два литра, вызвав чуть ли не аплодисменты — умненькая туристка, молодец! Спустя пять минут мне уже принесли рис с зеленью и креветками. Я успела прогуляться к крану, торчащему прямо над покрытым ряской прудом — вся веранда нависает на ножках над зеленой гладью, и рукомойник в самой дальней части. Освежившись, я принялась за завтрак. Господи, как вкусно!

Пришли еще гости. Им подали колу и целое ведро крупно колотого льда. Красиво.

Стопить в Тае неприлично легко. После завтрака я повернула с мыслью протопать пару километров пешком, но по привычке взмахнула рукой, услышав шум мотора. Машина тут же остановилась, опустив стекло, и озабоченно поинтересовалась, подойдет ли мне местный Palas в качестве направления. Я сказала, что мне в общем-то в знаменитый местный ват, который бесплатен (в отличие от дворца), но я с радостью высажусь, где скажут. Парочка захихикала, сгребла вещи с заднего сиденья — и потом еще минут десять вертелась по деревне, выясняя у местных, где тут Wat Niwet, чтобы доставить меня точно к месту. Сажу на одной стороне рва в уютной беседке, бросаю взгляды через реку на красивую стену и жду «лодочку» канатной дороги. Она бесплатна; на вышке с 5 am до 8:30 pm дежурит пара монахов.

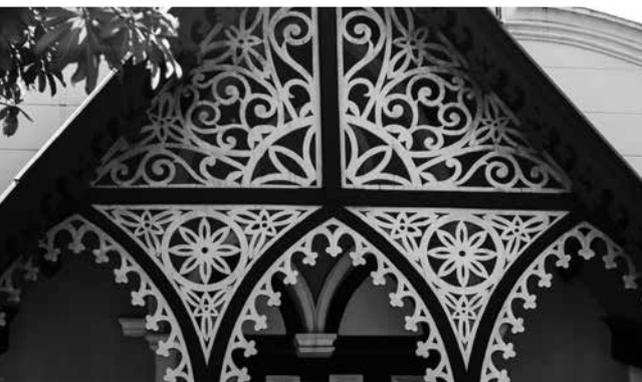
Зрелище внутри ограды странное: золотые крошки-ступы, мальчишки монахи в традиционном оранжевом одеянии, пучеглазый будда, неспешно умирающий на постаменте (я тут недавно узнала, что большинство лежащих скульптур изображают Бога в момент перехода в блаженную Нирвану, то есть — при смерти;

с другой стороны, нашего вон тоже обычно вешают прямо на кресте). Вышеперечисленное — весьма обычный набор; а странное — это то, что все постройки выдержаны в готическом стиле! Собор, стилизованный под католический; все беседки и фонтаны, постаменты и статуи — островежские, каменные и с витражами! Чудеса.

За настойчивость в достижении цели я была вознаграждена не только эклектичным архитектурным экстазом, но и видом мальчишки-послушника, наматывающего после мытья на жилистое загорелое тело мокрую ткань своего наряда. Ммм!

Наверное, посреди этого безмятежья можно было бы и заночевать — да хоть в беседку кинуть вещи и прикорнуть в уголке, впитывая солнечность светлого камня. Но ведь еще только середина дня! Так что — «лодочка», дорога, взмах руки, машина, «коб-кун-кааа!», поезд через три минуты, гудение шпал и дрожь горячего воздуха над узкими рельсами, поезд стоит ровно столько, чтобы кинуть свои вещи в

крошечный тамбур и прыгнуть следом... Билет стоит 3 бата. Значит, ехать совсем близко.

Первое, что нужно сделать в городе, где все равно собираешься ночевать — избавиться от рюкзака. Он портит все наслаждение от прогулок. Так что я отыскала на карте ват подальше от центра, и попыталась napроситься к ним на ночь. Проблема состояла в том, что ни одного ученого монаха на месте не оказалось, а неграмотная бабка-привратница обладала главным и единственным навыком всех себе подобных — «не пущать». Она жестами послала меня за храм, на кладбище. Уж не знаю, что имела в виду карга (вероятнее всего, не больше чем «ищи монахов, они на работе»), но я отыскала чудесный уголок, полузаброшенную каменную беседку как раз рядом с первыми могилками. Сунуть рюкзак было решительно некому, так как ни один монах мне не попался, и на стук в домик смотрителя тоже никто отзываться не спешил. Так что я просто прикрепила к баулу записку «заберу вечером, не волнуйтесь» и перекинула его через забор во двор.

А парк-то и впрямь шикарен! Старинные здания, сочетающие узкий осыпающийся кирпич и потемневшие бетонные нашлапки, совсем состарились и стали похожи на гигантские брошенные термитники. Валяющиеся тут и там обломки будд в вальяжных позах тоже дополняют ощущение от руин. В общем-то, все, что местные сумели выкопать, они приняли на вооружение. А что не удалось присобачить обратно к постройкам, горстями насыпали вокруг, на специальные постаменты. Звучит диковато, но выглядит и впрямь неплохо. Очень похоже на Шри-Ланку, только местные не такие жадные и не ломают больше тысячи рублей за вход.

Всюду, куда только хватает глаз — остатки стен, ступени, резьба и камень. Теплый кирпич завораживает, а уж от мысли, сколько ему лет... Почему сейчас не строят из положенных вдоль кирпичей? Так красиво. А зачем тогда строили? Кирпич мягкий, врагов они никогда не ждали — ни одного настоящего форта по всей стране. Просто для красоты? Или сразу вот так, потомкам в радость?

При взгляде на кропотливо собранные кусочки Будды вспоминается наблевшее, выплеснутое во Вьетнаме в табличке у знаменитой Лежащей статуи: «Пожалуйста, не пишите на теле Бога свои имена!».

Типичный образец
местной узкой кладки

Лицо Будды, застрявшее в корнях — неофициальный символ Аюуттаи.
А всё потому, что кто-то слишком много ест...

Солнце предъявляет свои права. Голова чумная, тяжелая. По дороге сюда кинулась под струю какому-то фермеру, поливавшему дорожку. Тот добродушно подставил шланг: «Ты из какой страны, полоумная? А, Россия... Да, у вас-то небось такой жары не бывает.» Англоязычных тут, неподалеку от Бангкока, пока еще хватает.

Все, передоз культуры. Хочу мороженое, туалет и интернет. Вполне себе сливочное тут продается, кстати, не чета вьетнамским соевым извращениям! В брусок ловко вгоняется длинная зубочистка, снизу надевается стаканчик и готово. Правда, я выбрала какой-то неудачный вкус — названия фрукта я не запомнила, но пах он отчетливым бензином. Если бы не это послевкусие, было бы совсем шикарно.

Интернет — нырок в другой мир. Два часа — хоп, и нету! Там еще адский кондиционер, я замерзла, как цуцик, хоть и сидела в подобранной тут же детской толстовке (слава мелко-геймеру, который ее там кинул и забыл, иначе я бы точно кони двинула). Сижу в кафе, согреваюсь за едой, гляжу на рисунок мороженого: боже мой, и я это ела? Добровольно?!

Как бы то ни было, а день прошел — пора узнавать судьбу рюкзака. Наверное, можно было менее экстравагантно дать его передержку в каком-нибудь кафе и не ерзать сейчас. Но вообще для воровства, как и для любой другой пакости, нужна привычка. Мало кто из обывателей умеет использовать случайно выпавший шанс.

Дорога все никак не хочет кончаться. Я возвращаюсь кругом, вдоль реки, и теперь терзаюсь: а я туда иду? Вдруг она по спирали? А если я вообще тот ват не найду? Названия же я не знаю... Собаки смотрят пристально, но пока помалкивают. Их тут много, кудлатых песиков с недобрými глазами. А еще в Аюттае какая-то странная мода на чихуахуа. Их заводят прямо пачками, одевают, балуют, сюсюкают, как с детьми — они ласковые, без внимания к своей персоне не могут и минуты.

Одна такая облизывала меня, пока я сидела в интернет-кафе. Рыжая, шерсть холеная, пушистая; полкило живого самодовольства. Хозяйка отошла, и она прямо изнемогла вся: на ручки ей, на ручки! Так и хочется ей сказать: ну что ты выпендриваешься, в этой стране

твоя порода вообще пищевая, радуйся, чихуяхуенок, что не съели... Так что облезлые подзаборные псы в этом районе имеют вполне понятные претензии к миру. Я их не виню. Но черт, кусаться-то зачем, если я ушла уже, УШЛА! Местные псы не так запуганы и шакалообразны, как индийские; стаи и помощи не дожидаются, молча пропускают вперед, идут следом, и в какой-то момент начинают скалить зубы и завывать. И уж на этот вой откликаются и выходят все, кто свободен от цепи — для эскорт-услуг.

Вот же он, поворот знакомый! Иду, заклинаю песиков заткнуться и не гоношить по моему поводу всю округу. Добегаю почти бегом до ограды — стоит мой рюкзак! Записку вынули, прочли и сунули обратно. Хорошо! Теперь избавиться от свиты — и спать. Пара мелких камушков отогнала их на расстояние, а я тем временем постелилась и улеглась. Уважаю животных за короткую память. Перестала мозолить глаза — и нет проблемы. Никто меня не ищет. Правда, укладываясь, я поняла, что беседка выходит торцом на овраг и реку. А это означает два момента. Комары — даже в самой тихой ночи над рекой они, конечно, есть. И возможные обезьяны.

Мороженко

Жарко, душно, летающие кровососы, кто-то дерево трясет за спиной и собачья стая грызется неподалеку... Гляжу на них из-под укрытия, машинально думаю: лук бы, скрытая атака +5 к поражению...

Спустя час пообвыклась. Вокруг кафель, собачьи когти я услышу издалека. Мясо, захваченное на ужин, я подвесила повыше и подальше — еще не хватало дополнительных гостей приманивать. Вообще пора бы сменить рацион, а то такими темпами я мясо скоро разлюблю. «Опять ты мне эту икру поставила, не могу я ее проклятую каждый день есть»...

Ветерок подул, прохлада упала, комаров стало сдувать. Все равно надо купить спрей, конечно — а то пока пишу, глодают мне руки. Но в целом вполне сносно. Сейчас около +20, и это потрясающе, можно даже еще градуса на три пониже. Спасибо боженька, за сим с просьбами закончили, я спать.

Часов с четырех стало по-настоящему прохладно. Я натянула штаны и платье-свитер. Какое это счастье, спать не в удушливой жаре, а на ветерке! Комаров — ни одного. Зато в полпятого меня неожиданно нашли собаки и с лаем кинулись в мою сторону. Пока они подбегали, я нашарила приготовленный загодя камень и швырнула, целясь в асфальт между ними. Камень был ненастоящий, всего лишь кусок бетона, отвалившийся от фундамента, так что от соприкосновения с поверхностью его просто рвануло на части. Эффект был потрясающий. Псы разом замолкли, развернулись и потеряли ко мне всякий интерес. Какие такие девочки? Нет никаких девочек. И вообще, скучно тут... Бродят теперь, позевывая, вдалеке, вяло переругиваются между собой.

Пока писала эти строчки при свете фонарика, выполз первый утренний монах. Он осторожно, с особенным незаинтересованным видом подходил к моей баррикаде, я решила его не мистифицировать, посветила себе на лицо и поздоровалась. Он тихонько отпрянул, быстро и независимо отошел туда, где собаки, и начал кому-то звонить. Черт, до рассвета два часа. Но не выгонят же они меня?

Интересно, а чего это тут муравьи не спят? Не очень много, но ползают всю ночь. А как же «солнце скроется — муравейник закроется»?

Меж тем ко мне, опасливо подобравшись, идет мужик с мачете. На два шага позади него — мальчишка с неумным любопытством в каждом шаге. Громко и внятно поздоровалась еще раз — они остановились на безопасном расстоянии. Их напугал мой рюкзак — из-за его массивности складывалось ощущение, что тут ночует целый табор. Я посветила на лицо, на вещи, показала, что просто сплю тут, услышала

в ответ облегченное «окей, окей!» Какие же люди пугливые. Особенно люди оседлые. Ну, это понятно. Это мне нечего терять, кроме жизни и дневника, да и то попробуй отними. А у них тут хозяйство, семьи, дети; храм, опять же, золотом обшитый...

Как-то утром в Аргентине мы проснулись от разгневанной тирады на испанском, сводящейся к тому, что «хрен ли вы тут делаете, это вам не кэмпинг!» — ночью мы поставили палатку прямо на чьем-то поле, и фермер был очень зол. Анечика, в то время уже прожженная путешественница, в ответ на угрозы только потянулась и сладко зевнула: «Ммм, этот милый мужчина наверное пришел предложить нам завтрак!» Я же в это время уже трусливо подумывала, в какую сторону давать деру, пока «милый мужчина» не вернулся с дробовиком. Поскольку быстро свернуться мы не могли, пришлось идти на переговоры, показывать карту и рассказывать о планах. И буквально через пятнадцать минут фермер просиял «О, Россия! Медвед, водка, Горбачев!» — и действительно позвал нас к себе на чай. Этот случай в корне перевернул мои представления об уровне опасности, так что мужчина с мачете тоже не показался мне особо заслуживающим переживания... тем более, что он уже ушел. Шесть утра. Попробую еще немного поспать.

Поспать мне не дали, так как спустя полчаса мужик с мачете вернулся. Без мачете, зато с монахом и МЕШКОМ еды. Они не говорили по-английски, поэтому просто ультимативно выложили передо мной несколько соков и молочных пакетиков, печенье, желе, домашние заготовки обеда в мешочках, мандарины... фантастика! Ну, в целом, монахи живут подаванием еды, и так как все стремятся улучшить свою карму, подавая побольше и повкуснее, монастыри, по слухам, вынуждены утилизировать большую часть подаваний, не будучи в силах их переварить. Поэтому, кстати, на территории монастырей столько бездомных четвероногих — их подкармливают остатками. Так что не вижу причин, отчего бы благородной донье... Но что мне делать со всей этой кучей?! Придется, видимо, есть...

Проснулись петухи — что-то они припозднились. Разбудили пением хряка в сарае через овраг; подтянулись куры и какие-то певчие птички включились разом, как радио. Ой, а по деревьям вокруг, оказывается, прыгают огромные пушистые белки!

С добрым утром!

17 января. Ayutthaya → Lopburi

Бедные монахи. Если они ежедневно пихают в себя только сладкого, глупого и вредного, неудивительно, что они все лысые и толстые. Молоко с соком «4 в 1» — просто сироп, печенье состоит из сахара и муки.

Собираюсь, напевая электрониковскую песню «все, что ночью было страшным, стало милым и домашним». Плешивые псы бродят по территории, на меня принципиально не обращают внимания — не то запомнили, что это не к добру, не то просто вахта кончилась. Снова пришел работник, показал жестами — если хочешь почистить зубы и вообще умыться, пошли. Отвел к себе, в семейный сарай, расположенный через мост за оврагом. Полил из бочки, его жена показала, где туалет. В пристройке комаров было больше, чем над всей рекой (они туда слетались, как в общежитие с фиксированной кормежкой, видимо), но не говорить же им «спасибо, я уже отлила сегодня с веранды вашей беседки». Потопталась внутри минут пять, отгоняя кровососов, попросилась и ушла. Тетенька долго махала мне вслед.

Когда я было собралась уходить, наконец-то проснулся англоговорящий монах. Ужасно подвижный, даже суетливый. Обхохотался с моей ночной историей. Я с облегчением всучила ему три рубля («It's not money, it's just gift from Russia!»). Он заволновался, убежал в дом, прибежал еще раз, размахивая своим паспортом. В паспорте нашелся штамп 1994 года — он успел побывать в России! Напоследок подарил мне четки — простенькие, деревянные, зато небось намоленные. О, меня как раз Мих просил такие в подарок привезти! Подарю вместе с историей получения, это же стократ ценнее, чем просто купленный сувенир.

Выбираясь из вата, освоила местную маршрутку, такой коллективный тук-тук человек на десять. В крытом салоне две скамейки вдоль корпуса, вход сзади; мужчины часто просто висят снаружи, придерживаясь за специально для этого припаянный поручень. Остановки только по требованию — снаружи по взмаху руки или вскрику, изнутри — по стуку в кабину или звуковому сигналу от специальной кнопки, которая обычно вмонтирована в потолок. Маршрута как правило никто, кроме водителя, не знает. Каждый новый пассажир сначала выкрикивает пару ключевых слов и взбирается, только получив подтверждение: да-да, рынок, площадь, кладбище!

Кстати, мне не показалось. В восемь утра тут действительно играют гимн по радио. Немного кукольный, явно переписанный с грампла-

стинки, ужасно старый. И на станции все правда встают! Хотя в поезде или автобусе вот уже нет. В пути можно не соблюдать многие правила, это всем известно.

Прибрела на станцию. Местная мама по всему перрону догоняет свою не в меру резвую дочь. Сначала та целенаправленно шла обнимать плешивого уличного пса (тот косился и отходил вежливо, такая белошерстная пыльная лошадь, на две головы выше ребенка; на морде было крупно написано: «заберите ее, я вас умоляю!»), потом, будучи поймана, ловко раскидала тапки, и пока мама их собирала, босиком пошла знакомиться с сыном испанской парочки, кудрявым и неожиданно светлоголовым крошкой. Видимо, у девочки неискоренимая тяга к блондинам. Людей вокруг неожиданно много, хотя до поезда еще полчаса; боюсь, эта поездка будет не столь величественно-комфортабельна. Меня разморило на солнышке; под утро я немного смерзлась даже в свитере. Надо бы выпить или съесть пару лишних кило из рюкзака — монашеских запасов хватит и на обед, и на ужин, а до ужина они в нужной кондиции явно не доживут. Но тело совершенно охренело от вчерашнего солнечного удара, потом двух часов в холодильнике компьютерного класса, потом тревожной ночи и клейкого молока-сиропа на завтрак, так что уговорить его впахнуть внутрь еще что-нибудь абсолютно нереально.

А, половина граждан направляется в Бангкок. А я наоборот. Добрые вести.

Уже влезая в поезд вдруг поняла, зачем значительная часть перрона перебежала через рельсы. Двери открыты обе, но в сторону станции ломятся все выходящие, а с тыла никого. Впрочем, при такой ширине дверей все равно застреваешь. Но давки внутри нет, я спокойно расселась с рюкзаком на сидении. Отлично, погнали! Следующий пункт — Lopburi!

Контролеры в поездах — в форме, аккуратные, подтянутые — кладут ручным компостером, когда идут. Зайцы у них по поездам не бегают, так что нет смысла, как у нас, создавать эффект внезапности. Поймала себя на том, что машинально достала билет, услышав звуки. Сила рефлекса.

Торговцев все больше. Носят снедь — яблоки в сетке, порезанные фрукты, расфасованные по пакеткам обеды (немного риса и мясо, соусы в надутых пакетиках — пакет объемный, чистый, пузатый, перехвачен цветной резинкой, выглядит невероятно аппетитно). Ароматно пахнущие котлетки на палочке, каждая в своей целлофановой упаковке. Воду в бутылках, простую, сладкую или газированную, на любой вкус.

Путеводитель сообщает, что у города есть сложности с обезьянами. И черт побери, это действительно так! Они ВЕЗДЕ! И это те самые противные попрошайки-боннеты. Вот до чего доводит буддистская доброта к существам. Город грязный. Словно жители раз и навсегда смирились со своим клеймом. «Чего тут убирать, все равно обезьяны!» Руины разбросаны среди торговых лавок, где можно купить любой ширпотреб. Дорожки, проложенные в иссохшей траве, усыпаны полиэтиленом разнообразнейшего вида. Сам городок небольшой, можно было бы сказать «уютный», но нет.

В одной из главных руин стоят лохани размером с ванну. Туда прихожане кладут купленные (!) для обезьян (!!!) бананы. И это не интуристы, а местные. Возможно, они надеются вымолить хорошего отношения со стороны этих разбойников? Люди невообразимо странные.

Поспрашивав местных, сняла себе комнатку за 200 бат на самом верху пятиэтажного отеля. Проход в нее через мансарду, забранную густой решеткой. Поневоле приучаешься время от времени опасно поглядывать вверх — не свисает ли там чей-нибудь хвост, не собирается ли кто-то запустить в тебя коркой или вцепиться в волосы? Они обычно мирно настроены, но могут же принять за дар какой-нибудь неожиданно высоко поднятый банан. А выглядят препротивно, совершенно не хочется с ними тесно общаться.

Единственный образец класки со штуркатуркой, что мне попался. Ну очень красиво!

ble A

ไม่อยาก

แม่ฟ้าหลวงเวอร์
ไม่มีเอ๋อก่ งานแนว
ได้แนวคิด....
รักสิ่งแวดล่อบ

การศึกษา

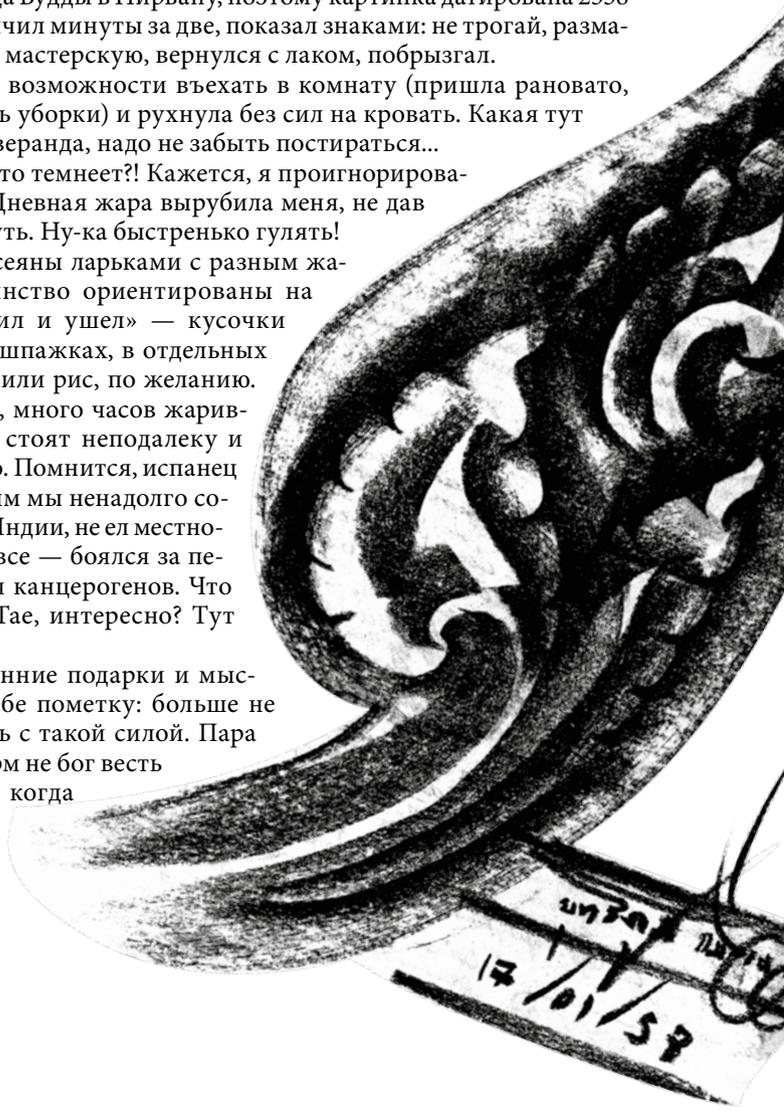
На улице, прямо углем по картону парень рисовал что-то невероятное. Совершенно шикарная техника рисунка: сначала делаются широкие мазки, задается тон, а потом углом детализируются акценты. Без наброска, конечно, все наживую... Какое наслаждение наблюдать за процессом! Я спросила у него дорогу, а спустя полчаса, кинув вещи, оказалась на той же улице. Он как раз заканчивал свое эпическое метровое полотно, показывал с гордостью: «Лорд Ганеш! Хануман! Воины!» Я не выдержала, попросила «автограф». Он сначала отнекивался — мол, не получится же, нужно больше места, но наконец сжалился и ловко вывел пару завитков. И подпись! Летоисчисление в Таиланде идет со дня ухода Будды в Нирвану, поэтому картинка датирована 2558 годом. Он закончил минуты за две, показал знаками: не трогай, размажешь. Сходил в мастерскую, вернулся с лаком, побрызгал.

Я дождалась возможности въехать в комнату (пришла рановато, пришлось ждать уборки) и рухнула без сил на кровать. Какая тут замечательная веранда, надо не забыть постираться...

...Ой, а чего это темнеет?! Кажется, я проигнорировала будильник. Дневная жара вырубил меня, не дав шанса вынырнуть. Ну-ка быстренько гулять!

Все улицы усеяны ларьками с разным жаревом. Большинство ориентированы на принцип «купил и ушел» — кусочки крошечные, на шпажках, в отдельных пакетиках соус или рис, по желанию. Чаны с черным, много часов жарившимся маслом стоят неподалеку и выглядят жутко. Помнится, испанец Дэвид, с которым мы ненадолго состыковались в Индии, не ел местного жареного вовсе — боялся за печень и опасался канцерогенов. Что бы он делал в Тае, интересно? Тут все всё жарят.

Доедаю утренние подарки и мысленно делаю себе пометку: больше не бить на жалость с такой силой. Пара сотен на прокорм не бог весть какая сумма, а когда

мимо проплывает свежая и аппетитная еда, и взять ее нельзя, потому что старая бесплатная не кончилась...

По всей Азии есть куча дешевых прачечных, но я обычно ленюсь. Искать их, потом забирать... Ну что там у меня стирать? Пара маек, пара белья, котик. Но в этот раз, ворочая серую тушу спальника под ледяным душем, я подумала, что по-настоящему ленивые люди что-то делают иначе.

18 января. Lopburi → Phitsanulok

И днем спала, и ночью спала — что за напасть? С рассветом по соседним крышам начали прыгать беснующиеся троглодиты, но даже это мне не помешало. Я встала только в восемь утра по будильнику, и то с трудом.

В комплект к прекрасной, удобнейшей азиатской жопомойке нужна еще жопосушка. А то мокро.

На завтрак я целенаправленно искала что-нибудь без мяса. Это оказалось сложнее, чем я думала — среди кучи ларьков с жаревом найти что-то иное. Я, конечно, хотела суп; но в качестве альтернативы смирилась с лапшой. Прозрачная рисовая лапша подается с яйцом и орехами — сладковатая, вкусная! Еще дают зеленый чеснок и проростки пшеницы, на отдельном блюде. Едят вилок и ложкой: вилка в правой, отмеряет и накладывает, ложка в левой — отправляет в рот. Вкусно и совсем не остро. Правда, возможно, это благодаря моей любимой пантомиме «не надо чили»: высунуть язык, потрясти им с выпученными глазами и помахать руками в отрицающем жесте. Коронный номер, все владельцы кафе с ума от смеха сходят, когда его видят. О, а поближе ко дну в тарелке нашлись нано-креветочки. Могу себе представить радость какого-нибудь вегана по поводу такого подставного подарка. Развеганизация!!

Записывать в дневник прямо на месте было неловко: столик маленький, людей много, система явно не рассчитана на застревающие элементы, и пока я разглядывала креветок на дне, успела образоваться небольшая сердитая очередь. Так что я пошла туда, где можно посидеть спокойно — в кафе Chama Popping Boba. Тут готовят огромные стаканы молочных коктейлей, ужасно популярные во всем Тае. Бог создал для таких заведений лед, чтобы обогащались они. Насыпаешь полулитровый стакан льда, доливаешь сто грамм пойла, и продаешь это как

пол литра чая. И даже эти сто грамм бодяжатся из порошка — ведь нужны разные вкусы! Банки с цветным порошком заполняют всю заднюю стенку заведения и служат своего рода рекламной витриной. В простых чаевнях сверху готового напитка надевают крышку с дыркой под соломинку, а в более пафосных стационарных кафе есть специальная машинка, которая закатывает укомплектованный стакан цветной фольгой с картинкой сверху. Milk tea бывает даже с кофе, и уж конечно — с дыней, фейхоа, личи, бананом, кокосом и какой-то зеленой дрянью. За 10 бат к напитку можно добавить цветные boba — желатиновые шарики. Когда взрослым становится скучно просто пить молоко с фруктами, они начинают разнообразно извращаться.

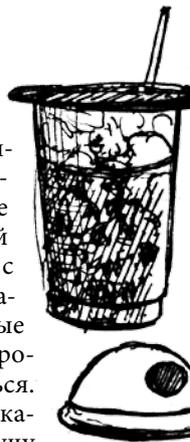
Во дворец я не пошла — 400 бат, почти тысяча рублей за вход в какой-нибудь не самый любопытный музей, ну его... «Сэкономив» кучу денег на непосещении дворца, тут же, конечно, начала просаживать их по мелочам. Например, не смогла пройти мимо ремесленника, выбивающего имена на полоске светлой кожи. Всего 30 бат, как напиток. Его мастерством торгуют две англоговорящие тетеньки: усаживают, берут мерку, записывают имя. Сам мастеровой сух и немногословен. Он достает кассу с латиницей на маленьких биточках, большую киянку и неспеша выполняет заказ. В конце покрывает кожу какой-то морилкой, отчего та мгновенно чернеет — и светлыми остаются только глубоко тисненые буквы. В два движения мастер пробивает клепку, смазывает ее воском, чтобы мягче ходила — и все готово. Лаконично, добротто, офигенно. Я бы делала еще и еще, но не смогла вспомнить за кем-то из своих друзей привычку таскать свое имя на себе. Тетушки меж тем успели поразиться, что фенька мне нужна всего одна (обычно, очевидно, берут на всю группу, если кто-то один соблазнился), и принялись расспрашивать, как это я без компании. Слушая мои рассказы, качали головами и желали удачи — в Тае и за его пределами.

А деньги мастер взял сам, не доверил посредникам.

И вот уже пора ехать. Рядом с вокзалом, кстати, отличные руины. Чистые, большие, безлюдные и безъобезьянные. Один минус — 90 бат.

Ой, я оказывается, опоздала на свой поезд всего на пару минут. Следующий аж через два часа. Черт с вами, давайте ваш дворец!

По дороге вдруг обнаружила, что на мне больше нет кожаной полоски с именем. Фак! Прошлая хотя бы два дня продержалась. Не любит их мое тело, ничего не поделаешь. Искать не пошла — упала раз, упадет снова.

Экспозиция, конечно, хаотична. Банки с консервированными змеями для древних снадобий соседствуют с ржавыми автоматами по продаже жвачки. В музее почти пусто, несколько местных групп бродят по залам. Формально тут запрещено находиться в обуви, фотографировать и трогать экспонаты. На деле блюдетсЯ лишь первый пункт, да и то не факт — охраны почти никакой, даже билет не спрашивают. Уже полчаса бьюсь с Буддой, чтобы получился похож — и ни одного посетителя за это время мимо не прошло. С этими древними статуями одно расстройство. Начинаешь рисовать, кажется — чего уж проще! А потом, чуть не плача, смотришь, как изящная, хитро улыбающаяся тетьа с грациозной горбинкой носа превращается твоими стараниями в горгулью с буханкой на голове. Есть в этих древних статуях что-то трудноуловимое, ужасно живое.

Пока впечатлил только иконостас с несколькими сотнями ячеек, в каждой из которых стоит маленький Будда, крошечная глиняная статуэтка. Семнадцатый век, поздний аюттайский период.

Все местные смотрительницы добровольно-принудительно заняты подготовкой к китайскому Новому году — шьют фонарики, сидя на своих местах. На туристов не отвлекаются, некогда. Годная стратегия укрощения сторожей, одобряю.

Вода, полученная мной от монахов, все время норовит открыться в рюкзаке и ехать с распахнутым горлышком. Но при этом удивительным образом не выливается. Чудеса твои, Господи.

Напоследок прогулялась по руинам. Они разбросаны по всему парковому комплексу, и никаких обезьян. Трава подстрижена коротко; она сухая и пахнет серединой лета. В мелких арках стен неуклюже гнездятся жирные голуби. Невероятно умиротворяющая картина. Очень хочется в дорогу — в моем понимании такое лето однозначно требует «перемещайся!» Это же та самая солнечная тропа с бабочками, по которой хочется идти в вечность.

На станции растут смешные обрубки деревьев в кадках. У них светлые, почти белые листочки и робкие ветки-пальчики. Они боятся высовывать их слишком далеко — вдруг опять обрубят? — и нелепо топорчат на расстоянии пары ладоней от ствола. А в гнутых вазонах стоит зеленая вода. Наверное, там со временем полагается самозародиться кувшинкам.

Поезд опаздывает на семь минут. Вот почему ему можно, а мне нет?!

Это более не то, на что похоже, а забитки волос на голове бога. Их тут одна витрина.

На лбу у дяди — лоскуты сусального золота, явно приставшие в момент истового общения с какой-то священной статуей. Интересно, синяки и кровоподтеки оттуда же?

В крыше низенькой платформы, засирая камеру слежения, гнезятся пушистые чистенькие воробьи. Если подойти к ним близко, не улетают, а любопытно склоняют голову к плечу: а ты что еще за птица? Поесть дашь?

О, а вот наконец и поезд! И получаса не прошло. Воспользовалась тыльной стороной, заняла место у окна. Соседки-девочки похихикали и дали какую-то фруктовую ириску а-ля тамба. Я с облегчением всучила им последнее наследие храма — печенье в герметичной таре. Девочки похлопали себя по карманам и извлекли не начатую еще пачку конфет. Ура, обмен ненужного на бесполезное!

В вагоне начали появляться первые крестьяне — эдакие неандертальцы, с тупым отсутствующим видом и вислой нижней губой. Вперивают взгляд и следят за каждым движением. Когда на меня смотрят неприятные мне люди, а уйти не удастся, я достаю нож, раскрываю и начинаю меланхолично чистить ногти. Помогает, как вышивание крестиком. Успокаивает. Всех.

Полустанки крошечные: офис, пара ларьков, туалет (как правило — сияющий чистотой и бесплатный, с третьей кабинкой для инвалидов). Стоянка длится ровно столько, сколько нужно для текучки пассажиров. Станционный смотритель в красивой оливковой форме поднимает флажок, когда все расселись. В этом столько провинциальной серьезности и какой-то винтажности, что не насмотришься.

Тайки напротив, те, что поделились сладкой дрянью, на редкость красивы. Может, просто Бангкок вырождается? Или там слишком много подделок под девочек, сделанных из несимпатичных мальчиков? Девчонки купили Milk Tea; в походных условиях его фасуют проще, в пакет с веревочкой, пузатый и сочный на вид. При покупке резким движением в него вонзается соломинка. Как и везде, основную массу напитка составляет колотый лед. Веревочка «зациклена», чтобы пакет можно было вешать — на ветку дерева, ручку скамьи или руль велосипеда. Это обычная походная тара для всей Азии. Довольно экологично: когда лед растает, останется лишь тонкая пленка пакета да соломинка.

От немигающего взгляда мужика заслонила рюкзаком. Будет так пялиться, добром это не кончится. Ни в одной стране мира, ни у одного вида животных пристальный взгляд не означает дружбы. Но пока предъявить ему нечего, и это печально. Будь это обезьян, я бы давно пошла доказывать, кто тут альфа-самка.

Под «сари» у монахов — оранжевые вязаные жилеточки. Ближе к вечеру они надевают оранжевые шапочки (конечно, лысина-то мерзнет, а к утру еще и отсыревает, поди). А днем они раскрывают оранжевые зонты.

Вообще зонты от солнца тут весьма популярны. У кого нет — пользуется пакетом, книгой, журналом, что под руку попадет. Как у нас во время внезапного дождя. На сумасшедших белых смотрят с ужасом — торчит под солнцем, портит свою кожу! Белые мечтают загореть, азиаты — отбелиться. И у нас, надо признать, шансов в достижении эталона красоты побольше.

Поезд идет мимо выжженных полей. Обычно — солнцем, но кое-где и человеком. Многие обработаны. Местами целые сотки разбиты торчащими оросилками, разбрасывающими вокруг себя водяную пыль. Все чаще чахлую желтую траву на полях облизывают тощие, угловатые волы. Их немного, пять-шесть голов в стаде; и все части тел у них несоответственны друг другу. Нелепые животные. С ними важно ходят вечные спутники — королевские белые цапли, живое воплощение гармонии. Что-то глубоко философское есть в этом парадоксальном симбиозе.

Горы — точнее, крутосклонные холмы — придвинулись справа и слева. Девушки коснулись моей руки — смотри! На обрыве возвышался гигантский золотой пупс. Здравствуй, Будда.

Мужик с немигающим взглядом и оттопыренной слюнявой губой слился наконец, оглядываясь на меня из тамбура. Ужасно подмывало напоследок подойти, ткнуть в него подошвой тапочки, потом нарочно потрогать голову и сделать еще что-нибудь непотребное по местным меркам.

Одна из станций была вся увешана королем. Не только канонические изображения в полный рост на фоне трона, в золоте, с недоуменно-детским выражением лица, но и серия мутных кадров, свидетельствующих о посещении им этой (или какой-то другой, такой же — не разглядеть) станции. Монарх высовывается из вагона, жмет руки, позирует на фоне станционного колокола, садится в авто... Руки бы оторвать фотографу. У них такой король красивый, а снимают его, как клерка; ни одной аватарки удачной.

Так. Дворец, конечно, подкосил мои финансы, но не умирать же теперь с голоду. Начала интересоваться проносимыми мимо вкусностями. Сунув нос в пару любезно подставленных подносов, остановила свой выбор на ножке курицы в панировке (20 бат). Еще теплый плот-

ный брикет риса (10 бат), абсолютно без специй, даже без соли, но ужасно ароматный и вкусный даже на ощупь, послушно ломается на клейкие куски. Здорово! Ну все, теперь я точно без интернета на вечер.

В Таиланде, кстати, никто не кидает мусор в окно. Мусор оставляют на сиденьях или под ними, и раз в несколько станций мимо проходит команда уборщиков: парень тащит пакет, а девушка трясет пассажиров, выхватывая у них пакетики из-под еды, бутылки, бумагу... Здорово!

Очень странное ощущение, когда груборукий крестьянин с «сумкой», состоящей из пары плетеных корзин с убогим скарбом, вдруг достаёт из кармана грязного спортивного костюма неплохой смартфон. Глобализация....

Девчонки купили себе и дали откусить смешного гамбургера — *salapro*. Хлеб совсем белый — рисовый? А внутри полкотлетки из нежнейшего фарша. Такое чувство, будто обычный бургер забыли испечь. Во рту просто тает. И без специй. Кто выдумал, что в Тае острая еда?

Гм, все-таки интересно: зачем на таком бешеном ходу, с открытыми окнами и дверями настежь включать вентилятор? Неужели он может конкурировать с живым ветром? Или это для того, чтобы люди на остановках с ума не посходили?

В туалете слайдовая дверь (прямою было бы некуда открывать) и смешная, очень удобная задвижка — вращающийся штырек с на-

балдашником. Есть вода и — внимание! — туалетная бумага. А в крошечном тамбуре висит мусорный пакет, если кто-то не дождался команды чистильщиков. Несколько раз я видела, как люди вставали, чтобы им воспользоваться.

Наконец-то освободилась дверь наружу; я немедленно заткнула ее собой. Мимо проносятся салатные поля риса с несметными стаями птиц. Летящий серый аист с размахом крыльев больше моих рук — это, я вам скажу, зрелище! Все больше домиков на сваях и рыбацких, ищущих себе пропитание в мелких мутных водоемах. Очень сильно мое подозрение, что мелкая водяная пыль, которая пару раз обдавала мой локоть и колени, имеет большее отношение к санузлу неподалеку, чем к божьей росе. Оставим это. Но помыться надо не забыть.

Мимо меня к выходу осторожно пробирается тетенька; на руках у нее спит, разложив щеки по маминым плечам, трехлетняя красотка. Такой сладкой улыбки даже у меня после ужина не бывает, аж завидно. Кстати, мне тоже скоро выходить.

Невероятно стремительное заселение. Улица прямо, влево, через ночной рынок (о, сейчас я пойду и детально узнаю, что это такое), немного прямо по узкой улочке — и вуаля, темная от времени вывеска London Hotel! Это волшебная, ужасно старая лавка антиквариата, над

Первый этаж в отеле занимает шикарная лавка старьевщика, где можно найти любую редкость. Даже полотенца для постояльцев.

которой небольшая терраса с несколькими номерами-крошками. И все стены обшиты деревянными плашками! И все такое темное, мрачное, негигиеничное, покрытое пылью времен — что прямо уиии! А вот вентиляторы в комнатах новехонькие. Цвет моей простыни неопределен, но она, кажется, была с рисунком. Девочка долго не могла понять моей пантомимы про полотенце; подошедший отец с сомнением поведаль, что у них, в общем-то, есть, но они «недостаточно чисты для леди». Леди, уже успевшая попредвкушать вытирание собственной потной майкой, горячо заверила, что сойдет. Из кипы безукоризненно сложенных полотенец мне, еще немного помедлив и посомневавшись, выдали второе сверху — чуть менее пыльное. Видимо, заведение чем-то проштрафилось и в следующее издание Lonely Planet не попало, иначе не понимаю, как они могут годами собирать пыль на полотенцах. Они же такие офигенные! Чего стоят одни зеркала в ванной, сделанные из рамы от окна — на первый взгляд все вроде как обычно, а на второй ручка и шпингалет выдают... Если бы я могла их порекламировать! Если будете в Phitsanulok'e — заходите обязательно! Это же

самый центр, тут три минуты ходьбы до любой точки. Такие места должны жить.

Ночной рынок — это, по сути, громадная ярмарка на площади, при свете сотни мелких индивидуальных фонариков. Дневной «легальный» рынок закрыт; из темного лабиринта ларьков несутся взвизги детей, играющих там в прятки. А вот площадь оживает: жареные и сырые, моченые, сушеные, сладкие и острые блюда — на любой вкус. Конечно, тут есть не только еда. Традиционные лаки-духи-заколки, трусы «три за сто», майки-футболки, кеды... Любой ширпотреб. Но еда доминирует. Я купила себе на ужин банальный арбуз и осталась довольна.

Из-за своих соломинок, кстати, местные частенько выпивают лишь половину купленных напитков. Соломинка-то до дна не достает... Так что всегда можно разжиться полупустой бутылкой газировки (которую, кстати, никто не трогал губами). Такой вот рай для бомжей.

Уже возвращаясь с арбузом наперевес, встретила дивное зрелище: по улице с музыкой и цветными лампочками катился десяток, если не больше, велорикш. На них восседали туристы, явно одной группы — их централизованно катали по городу. Я покачала уважительно головой «вот так сервис», и продолжила тихонько брести по опустевшему городу, останавливаясь у каждого интересного ларька или фонарного столба с нужными мне обрывками объявлений.

19 января. Sukhothai

Ночью меня кто-то вкрадчиво покусывал. Я даже заинтересовалась и поискала, кто. Под простыней обнаружился кожаный (!) матрац, что вроде бы должно исключить крупных кровососов. Включила свет и закатала всю живность в асфальт, развернув пенку поверх своего ложа. Больше меня никто не беспокоил.

Очень часто прямо посреди тротуара стоят красивые чаши, мне по пояс. Вода в них чистая, прозрачная; бетонные «берега» чуть тронуты зеленью. Иногда в ней плавают белые лотосы, иногда — мелкие красные рыбки. Ужасно красивый обычай, мне кажется. Так, кстати, непременно разгадалась тайна цветных гранул, часто стоящих у прилавков фастфудов, торговцев бусами и даже в хостеле на ресепшене. Это просто еда для мальков, которую сыплют в чаши по утрам, и от скуки — днем.

На запах свернула в темную лавку — и нашла склад пряностей. Кардамон, сушеный цитрус, перец; хаотичные неопрятные тюки и авоськи, небрежно сваленные по всему помещению. У меня повело голову: какой дух! Смотрительница посмеялась, не глядя отломала от ближайшего тюка кусок коричневой палки — в подарок. Иду, грызу. От полноты жизни ужасно захотелось кофе, и я сдуру зашла в кафе. С одной стороны — красиво, скатерть белейшая; с другой — кофе вдвое дороже и невкусный, «настоящий», а я люблю растворимый и переслащенный по-азиатски. Зато я ушибла ногу обо что-то под столом, полезла посмотреть — а там швейная машинка! Все столы сделаны из «Зингеров»! А вы говорите — хипстеры, Москва...

Дорога до автостанции затянулась — сначала это было любопытно, и я шагала довольно бодро даже несмотря на то, что с рюкзаком; а после улицы плавно перешли в какие-то мастерские и автозапчасти, да и солнце стало пригревать. Так что я поймала какую-то тетеньку, выезжающую на машине, и попросила мне помочь. Ей было не очень по пути; тут автостанции, кажется, специально располагаются так, чтобы не оказаться случайно по пути куда-нибудь, но это было недалеко, так что она не отказалась.

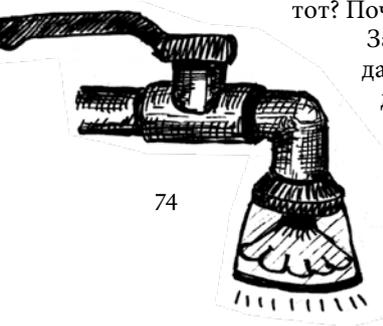
На автостанции выяснилось, что в нужную мне сторону идет только air-con bus, двухэтажная стеклянная банка. В окно не высунешься, языком запахи не половишь. И за что их только любят? Медленные, стекла пыльные, багаж отбирают, холодом дуют... из всех плюсов — разве что жопе мягко. Ну и величественно, конечно. Можно с высоты своего положения взирать вдаль.

Рядом сидит благостная бабуля; родственница везет ее куда-то. Бабуля в идеальном покорном возрасте — очень довольна, если ее не трогают. Претензий к миру не имеет, очень удивляется, если кто-то напоминает ей о ее потребностях — например, подает носовой платок или укутывает теплее. Вспоминается анекдот: «Изя, иди домой!» — «Мама, я что, замерз?» — «Нет, ты кушать хочешь!»

Вот для такого состояния этот автобус подходит идеально, факт. У них все машины грузят с горкой. И круглый год +30. Где колеевость?! Дорога дырявая, конечно, но ровная, как стол. Трафик не тот? Почва жесткая? Руки прямые? Зависть.

Заметила традицию носить на шее запаянные ланки, иногда по несколько штук. Популярно у людей средних лет. Объемные, со спичечный коробок,

Я спросила владелицу отеля, где голо или там же уютнее на ночь. Хотел, я слышу? Но он сказал, просто "вечеру" уютнее кружится, если выложить воду.

колбы из пластика, внутри маленькая статуя, широкий ремешок-фенька (часто золотой).

А очки люди постарше носят на бусах. В смысле, к дужкам прикреплена нитка мелкого жемчуга, например, или деревянных бусин. Смотрится солидно. Богато.

Кофе гадость, гадость, гадость. Не пей кофе!

Высадили меня неподалеку от одного вата, расположенного на крошечном острове. Деревья в кадках, птицы, белоснежная громадина закрытого храма, пара позеленевших от времени Будд — и никого! А все туристы собираются на выходе, у моста. Там работает аттракцион «покорми сомика деньгами». То есть сначала, конечно, деньги обмениваются на корм в баночке, а потом можно наблюдать бурлящую от тел воду и распахнутые навстречу манне пасти. Особенно меня поразила маленькая девочка, которая рассеянно крошила чудовищам какую-то няку, не обращая внимания на клацающие гигантские челюсти. Детская психика все-таки невероятно устойчива.

Вход на территорию исторического парка обошелся мне в 100 бат. За эти деньги я хапнула десяток рисованных местных карт (оборотка пустая, можно рисовать и писать письма!). Замахавшей руками служительнице («Only one!») я тоже помахала приветливо и быстро распрощалась.

Размеры парка я оценила сразу, как вошла. Конечно, тут есть и собаки; но наверняка камни есть тоже... Быстро отыскав первую попавшуюся постройку стационарного типа (ей оказался туалет), сунула смотрительнице рюкзак и пошла гулять налегке. К вечеру надо подыскать себе уголок потемнее, чтобы оуклиться...

Невероятно благостное место. По сути весь парк — это компактная система озер с зелеными лужайками, пальмами и мостами между. Есть и «ярмарочная» часть, где я объелась сладкой ватой — но «дикая» территория несравненно больше. Люди приходят сюда медитировать, читать, гонять на велосипедах по идеальным дорожкам. Иногда при взгляде на недалеко стоящее дерево сложно понять, как к нему подобраться, если не вплавь. Множество роскошных розовых кувшинок, на которые садятся вальяжные птицы.

В пруды иногда запускают гирлянды — на спил какой-то мясистой травы степлером набивают жесткие листья заборчиком, в центр ставят яркий цветок и втыкают благовония. Целая индустрия! А возле мостов из воды торчат по три-пять штук нехитрые факелы, сделанные из бам-

Сомика кормят. Сомик рад.

бука. Наверное, вечерами и по праздникам тут непередаваемо красиво.

Смешно, но многие туристы, особенно из соседних стран, действительно ходят с моноштативом для selfie, который недавно появился и у нас. Эта палка позволяет отвести телефончик повыше и подальше, чтобы больше пальмы влезло в фон для твоего улыбающегося лица. Думаю, альбомы с фото из азиатских соцсетей не для слабо-нервных.

LP соблазняет велосипедными турами: turtle-style для тех, кто хочет вдумчиво, antilore-style для топоты и экстремалов. Возможно (и даже наверняка) это лень и малодушие, но меланхолию неспешных открытий в неухоженной части не хочется менять ни на какие приключения. К тому же, за экскурсией надо тащиться обратно в новую часть города. Возле меня с треском падают громадные сухие листья какого-то гигантского фикуса; я брожу без цели и без дороги, и жизнь прекрасна.

Заманчивую идею заночевать в прохладной фикусовой роще сгубили на корню огромные, в мой рост высотой, муравейники. Мало ли, какой у них график работы. Я планирую спать, а не бороться всю ночь вслепую за территорию.

Внезапно встретился мокрый, как мышь, слон. Их кучи я видела у дороги и раньше, а тут прямо целый, огромный, в цепях. Бежит трусливо от погонщика. Я пропустила его мимо, затаив дыхание — такая громадина! Не успела перевести дух — следом еще один! Тоже мокрый. Тоже бегом. И тут я в конце аллеи увидела слонотойню. Ох, слишком поздно! Их, оказывается, из поливалки водой обливали. Какие могли бы быть кадры! Но тут как раз окатили последнего, и он тоже побежал спать.

Наткнулась на странную акацию, чьи плоды часто продают на рынках в чуть подвяленном виде. Свежие они густые внутри и напоминают яблочную пастилу, вязкую и кислую. Странно, что на нее не слетаются ни мухи, ни муравьи. Лежит себе еда, никем не востребованная...

Иногда немного пугают странные взвездные звуки — так в советское время НЛО обозначали, такие уи-уи вращательные. Это велосипеды с электрическим приводом.

Как же тут мало людей! Отличная видимость между деревьями и я на горизонтах вижу лишь пару компаний и три машины. Дорожки разводят всех желающих гулять в одиночестве, а случае особой тоски можно ходить и без дороги. Смотрителей нет, никто не запрещает топтать траву хоть ногами, хоть щеками — можно и ходить, и сидеть, и валяться...

Беседки тут очень красивые, но для моих целей совершенно бесполезные. Слишком открытые, чтобы в них ночевать. Но вскоре я нашла себе прекрасную люльку! Wat Sri Savaya, монастырь, обнесенный хорошо сохранившейся стеной, с тремя стелами разной степени разрушенности и залом для молебнов, от которого остались лишь колонны. И словно для меня — кусок чуть утопленного в земле бетонного фундамента, уютный и небольшой, как раз рядом со стеной!

В этот раз с едой я прогадала. Привыкла к свежему и вкусному везде, и хапнула не глядя каких-то соевых шариков с лотка, завернутых в вяленькую капусту — абсолютно безвкусно и не питательно нисколько. Стоили они, как обычный обед, кстати. Зато теперь я знаю, что такой вид еды абсолютно бесполезен. На волне огорчения зашла в кабак и потребовала супа и правильного «холодного кофе». Пахнет это все — аж зубы сводит!

Кстати, брат Milo, местный вид Nesquik'a, тут совершенно без толку. Что горячий, что холодный, его просто разбавляют водой; ни тебе молока, ни сгущенки, ни сливок. То ли дело кофе!

Супчик в Тае — мечта дистрофика. Ими можно людей из голодовки выводить. Не острый бульон, ужасно вкусный; в нем плавают кусочки нежирного мяса, немного зелени и комок рисовой лапши. Иногда еще крошат пару шкварок, для пикантности. Обожемой. Можно, я тут жить буду? Притворюсь кактусом в кадке. Поливайте меня этим супом трижды в день, а я буду цвести, улыбаться и петь смешные русские песни, что-нибудь из ранней Пугачевой, например.

Ой. На дне подло притаился маленький кусочек перца. Как огня кусок. Уже полстакана кофе выпила, а все равно такое чувство, что меня за язык держит какой-нибудь злой ядовитый осьминог. Вот без этого я бы прекрасно обошлась, а все остальное было отлично.

По дороге я встретила уродливую розовую крысу и некоторое время ходила, раскручивая ее вокруг себя за плюшевый хвост, пока не нашла ей домик в запущенной части парка, уже за пределами стены. Тут властвуют огромные рыжие муравьи, а упадок ощущается с удвоенной

силой. Пытаясь выбраться в парк обратно, забрела в деревню, а в ней нашла лесопилку. Точнее, фабрику мебели — под одним большим навесом клеили мебельные щиты, шлифовали их и собирали в огромные шкафы. Особенную прелесть этому месту придавала мелкая пыль, которая оседала на всем. Рабочие не особо на меня отвлекались, но и не прогоняли, так что я потыкала объективом во все уголки; потом помахала рукой и выбралась на дорогу.

Уже порядком утомившись, решила все же довести до завершения процесс обнюхивания всех территорий вокруг стены. Оставалась только одна неизученная сторона, и я решительно туда направилась. Подхожу к воротам, а там внезапно ретивая охранница. Ваш билет, говорит. Я — да пожалуйста. Она: если наружу, то потом рау again. Я — так я же до ближайшего вата только! А все равно, отвечает, 100 бат.

Тьфу ты, думаю, кочерга. У тебя дыры в заборе такие, что слон проходит, а через соседние ворота, уже запертые, при мне небольшой косяк туристов с велосипедами перебрался. Но спросить с человеком-функцией бесполезно; зато с ними работает «смотри, птичка». Она, оказывается, все равно уже уезжала — рабочий день-то кончился. Так что

я не стала ее задерживать, попрощалась, отступила внутрь и вернулась, как только та скрылась за поворотом. Как и следовало ожидать, ничего особо интересного я за пределами стены не нашла; так, красивая тропка убегает вдаль. На байке или велосипеде неплохо бы прокатиться; пешком и с устатку не так весело, расстояния уж больно огромные. Так что я вскоре вернулась на легальную территорию.

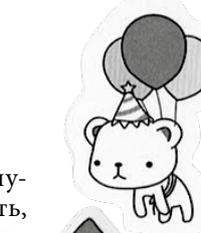
Рысканье в темноте мимо всплывающих тут и там руин живо напомнило игру Oblivion. Где уже эти наполненные гоблинами подземелья, где хранится нужный мне волшебный камень?!

Комары, конечно, есть, но мне сейчас нежарко даже в куртке; а это означает, что и в спальнике будет неплохо. Дописываю письмо, подсвечивая себе телефоном.

Устроилась я по всем правилам фортификации. Фундамент находится в низине, обнесенный, к тому же, неслабой стеной. То есть, чтобы меня найти, нужно отыскать один из двух входов, а потом свернуть зачем-то с основной тропы. Бетонный край фундамента все еще теплый от солнца, а мой фонарик ниоткуда не виден — так что сидеть очень уютно. От собак у меня есть пара длинных палок, от людей — пучок благовоний. Надо быть конченным отморозком, чтобы напасть на помолившуюся отшельницу посреди некогда святых руин. Надо мной звезды; благовония заполняют пространство уютом; от лужаек пахнет теплой травой и влагой. Между деревьями нечутся летучие мыши, и иногда плавно проплывают огромные неспешные светляки. На периферии, на ярмарочной площади, дотлевают концерты; только что запустили такой неслабый салют, что даже мне удалось им полюбоваться... Можно бы и поспаать.

Ой-ой. Хор двух десятков, не меньше, злобных собачьих глоток говорит нам о том, что одной палкой я не отмашусь. Плюс в одном: он уже дважды раздавался из одного и того же места. Возможно, это стационарная стая? Ну, в крайнем случае, остается стена. Она, конечно, высоковата, но клацающий зубами допинг мне поможет. Помнится, охранная свора на Шаболовке, в заброшенном телецентре, заставила меня перемахнуть двухметровый бетонный, без зацепок, забор с проводами и загнутыми внутрь арматуринами, буквально в течение секунды.

Ааа! Кто-то пошевелился в траве прямо за моей спиной. Я аккуратно отложила книгу, осветила. Там, у стены, что-то темнеет, не то полешко, не то крыса. Фонарь слабый; читать с ним хорошо, но

Китайские
девочки!!
наклейки.

кусочек
ткань →

У меня есть свои странные
планы, которые потихоньку,
медленно, но верно, осуществ-
ляются. И на том спасибо.

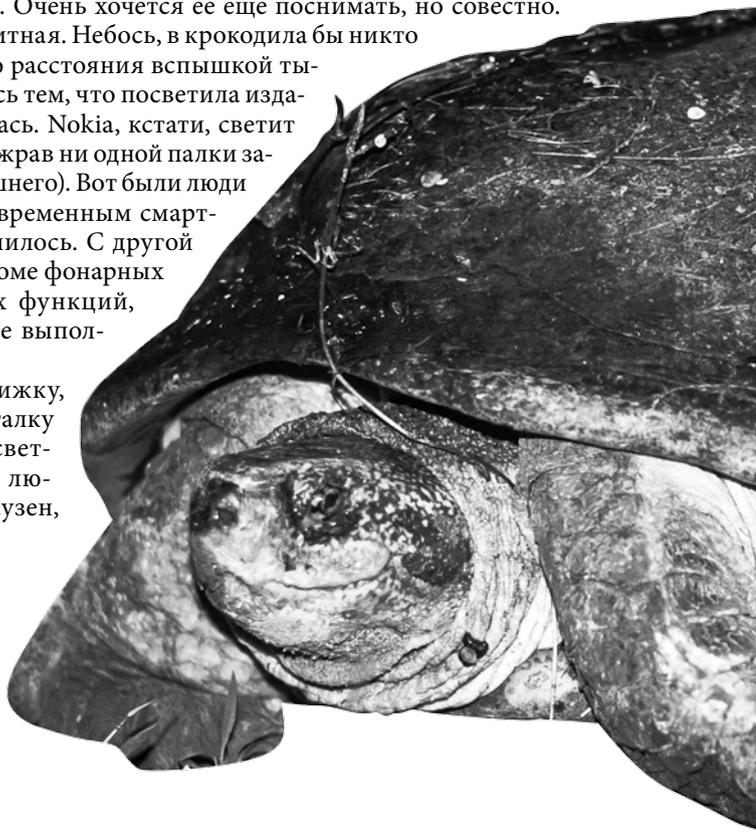

вот вдаль не бьет совсем. Затаилась, жду. Минута, две... кто-то мелко-грызуний уже бы не вынес, дернулся. Может, змея или лягушка? Пойду, посвечу поближе. Убежит, так убежит, зато может хоть увижу, кто это был.

Ба! Да это же черепаха! Нихрена себе, да она размером с кота! Извинилась перед ней за дискомфорт и немного побеспокоила ее вспышкой. Красавица! Сорвала ей пару труднодосягаемых молодых побегов с дерева (вызвав предынфарктное состояние у геккончика, притаившегося на стволе — тут ни сантиметра без жизни). Черепаха листья гордо проигнорировала, выждала минут десять — куда ей спешить! — и довольно бодро потопала дальше по своим делам.

Псы горестно залились лаем; у меня потухла еще одна благовонялка; Пироженка из Москвы прислала смс «фырфырфыр. Пироженка» (чуть не выронила телефон — трудно смириться, что на твой фонарь приходят сообщения, когда ты черте где и уверен, что связи тут не бывает). Соседнее озерцо исполняет лягушачий концерт, довольно тихий и приятный; куст с цикадами дает жизни намного ярче. Вокруг стены по дорожке кто-то наяривает круги на мотоцикле; в небе ни одного знакомого созвездия, и вообще звезд немного. Черепаха шествует обратно — я уже узнаю ее по шагам. Какая же она огромная! А когда приседает в испуге, скрипит. Очень хочется ее еще поснимать, но совестно. Она такая беззащитная. Небось, в крокодила бы никто не посмел с такого расстояния вспышкой тыкать. Ограничилась тем, что посветила изда-лека и полюбовалась. Nokia, кстати, светит уже два часа, не сожрав ни одной палки зарядки (позавчерашнего). Вот были люди в наше время. Современным смартфонам это и не снилось. С другой стороны, у них кроме фонарных еще масса других функций, этим кирпичом не выполняемых.

Дочитываю книжку, но следующую читалку надо брать с подсветкой. «Мой старый любимый Шробенгаузен,

пианино, название которого звучит так, словно сорок ящичков столового серебра валяются по лестничным пролетам Эмпйрстейгбилдинга». Ага, а Эмпайстейгбилдинг в моем произношении звучит так, будто хромой на обе ноги дедушка играет в классики. Все сравнительно.

Наверное, путешественнику негоже в этом признаваться, но я не люблю «отель тысячи звезд». Я норная, ночевки под открытым небом не для меня. Я люблю спать, как убитая, а это возможно лишь в чувстве безопасности и контроля — необязательно в бункере, но хотя бы на крыше с минимумом доступа бродячих животных. Наверное, это капище — первое место, где мне правда хорошо. Возможно, тому виной стены вокруг и тот факт, что в их пределах точно никого нет. Может, прохлада и минимум насекомых — ни жуков, ни муравьев в моем бетонном ложе. Но небо, все темнее и дырчатей, такое родное. Одиннадцатый час. С гигантского фикуса с треском валяются листья. Пожалуй, почитаю еще одну палку благовоний и спать.

Ближе к полуночи мелкие комары пропали совсем; на вахту заступили крупные и наглые. Какими-то волнами, подчиняясь своему ритму, они то исчезали, то вдруг наваливались скопом. Я несколько раз пообещала себе купить спрей, как только увижу первый магазин. Если бы не нашествия, ночь можно было бы считать лучшей.

20 января. Sukhotai → Lampang

И никто не пришел, даже черепаха не вернулась. В шесть проснулись птицы — не меньше пяти видов вдруг громко и одновременно заорали, много слова не подберу. Захотелось кинуть в них тапком, чтобы они разлетелись; я начала вылезать из спальника и наткнулась взглядом на рассветное небо. Частые светлые клочки облаков на синем фоне были такого нежно-розового цвета, что захотелось немедленно от них откусить. Я замерла и несколько минут, не шевелясь, замороженно смотрела вверх.

Спальник, как и все вещи, за ночь немного отсырел. Разложила его на прогревающемся бетоне, пока он сохнет, гляжу в карту. Отсюда я точно еду в Так — из парка всего две вмняемые дороги, и в Sukhothai я уже была. А вот дальше... Можно было бы на границу с Бирмой в Mae Sot, но описание национального парка возле города мне не понравилось, а на традиционные костюмы я еще в самой Бирме посмотрю. Так что в Lampang!

Также, как я не советовала ездить стопом в Индии — долго, жарко, мучительно — с такой же настоятельностью я рекомендую всем стоп по Таю. Даже тем, кто еще ни разу не. Будь благословенна страна, где $\frac{3}{4}$ машин — джипы с открытым багажником! Ехать сзади можно целой толпой, с рюкзаками, да хоть с велосипедами! Не нужно вымучивать разговор — водитель в кабине и в тебе не нуждается. Достаточно сказать «здравствуйте» на входе, «спасибо» на выходе и пару слов о маршруте между. Бывает, правда, сложно объяснить, что неважно, куда едет водитель, главное, чтобы вперед. Зато часто довозят туда, куда им самим не надо. Единственная сложность — все норовят на автостанцию завезти.

Очень пригодилась ветровка. Даже в полдень в открытой машине на скорости совсем не жарко. На 120 км/час ветер такой, что не дай бог ниточка перед лицом зацепилась и начала биться — исхлещет. Я ехала то на мешках с удобрениями, то в обнимку с пакетом колотого льда; а как-то раз меня подобрали крестьяне, у которых в кузове был навоз. Меня туда не пустили, замахали руками: куда ты, в кабину полезай! Рюкзак мой закинули в «багажник» над кабиной, но все равно было тесновато. Мою коленку притиснуло вплотную к ноге дядьки, что в автостопе считается плохой приметой. А за полчаса до этого я подобрала какой-то корнеплод, упавший с фуры на крутом повороте. На вид, как помесь вытянутой репы и картошки, эдакое полешко (последующее гугление показало, что это была юка). Так что я поерзала, достала нож, не спеша обтесала себе кусок и начала с аппетитом похрустывать. То ли благодаря этому, то ли вообще тут так принято, однако тема приставаний даже не вставала. Как же здорово катиться вдаль, закинув ноги повыше! Еще и полудня нет, а я уже почти в Тае.

Главное — не надо стопить ночью. В смысле, после заката. Собаки и днем-то полаивают, считая дорогу своей вотчиной. Но от сурового взгляда легко прекращают погоню. По вечерам в стае они намного наглее. Но днем — сказка! Широкие, чистые, ровные дороги с большой обочиной (не забываем уступать байкам, это для них выделенная полоса). Движение левостороннее, так что крайний правый ряд, как правило, идет на разворот. Чем ниже скорость у машины, которая подъезжает, тем выше шансы. Пикапы тормозят чаще (из 7 машин, что меня подкидывали в течение дня, лишь одна была легковой). Скорость отличная. Сейчас мы замедлились до сотни — пробка, грузовики.

Лают и бросаются, в основном, представители мелких пищевых пород.
Солидные псы добродушны и легко идут на контакт.

Перед школами — скопления завтрающих детей; у кого нет домашней еды, заваривает у ларька доширак.

Ужасно люблю обгонять тихоходы на каком-нибудь лихаче и потом снова, как призрак, возникать с протянутой рукой на дороге. Одного дальнобойщика я так добила на трассе Питер-Москва: на третий раз он остановился и пробурчал «черт с тобой, полезай, настырная».

Мимо в основном поля и леса. От Sukhothai до Так было много мелких сел, а потом начался хайвей, вдоль него никто не селится. Останавливают на таких трассах не реже, чем на закоулках, так что смысла их избегать нет.

Основное направление местной вдольдорожной торговли, кроме еды — соломенные каркасные шляпы от солнца и керамические вазоны, те самые, для воды и рыбок. И еще керамическую плитку и садовых гномов.

По всей стране офигительно стригут кусты! Не только до полных обрубок, как на той железнодорожной станции, а прямо во всякие фигуры. Часто делают привставших на задние ноги слоников, чтобы охраняли вход.

Меня подвозит пара парней, очень красивые. Такой монгольский тип — тонкие сухие черты, высокие скулы, длинные черные волосы, внимательный, собранный взгляд. Юноше был нужен туалет, и мы дол-

го крутились в поисках заправки. Остановиться у дороги не вариант — вдоль сиденья лежит длинный костыль. Увидев возделенный домик, парень открыл дверь, не дожидаясь, пока машина перестанет катиться и ловко поскакал на одной ноге, весело помахивая костылем. Все же есть инвалиды (они же люди с ограниченными возможностями), а есть те, кто живет с одной ногой, тремя пальцами или без глаза, умудряясь делать это полнее и удачнее, чем люди с обычным количеством частей.

На последний участок все-таки пришлось взять автобус, опять эту скучную запаянную банку. Я так ловко вырубилась в уютном сидении, что пробудиться меня смогли только в самом Lamrang'e. Город огромный, богатый; не чета полустанкам, которые я посещала в последние дни. Я запахнулась в толпу граждан в маршрутке и покатила в центр. И вот тут LP устарел. Поскитавшись в поисках отеля и выяснив, что почти все, указанное в путеводителе, уже давно закрылось, я начала опрос местных жителей. Один дядечка был очень ностальгически настроен — отвел меня практически за руку в отель, по дороге вспоминая, как он десять лет назад, зимой, катался по Питеру. Парень на ресепшене ужасно меня огорчил, сказав, что город вырос и цены тоже. Но тем не менее достал карту (как же я люблю эти огромные блокноты А3, где в хорошем качестве картинки, а листы скреплены в блок, и тебе отрывают девственную, еще ни разу не сложенную карту!) и показал: вот, самые бюджетные варианты, кучно, на одной улице. Я начала обход. Первые два оказались переполнены — хотя цены нормальные, 250 бат за ночь. За мной увязался сальный тук-тукер, с обычной песней «да куда ты, да все закрыто, да нет ничего, поехали лучше со мной». Ей-богу, если бы третье место дало мне отворот, я бы выместила на нем все огорчение. Но внезапно отель с громким названием Lamrang Hotel оказался всего лишь старинным санаторием с длиннющими коридорами и очень лояльными ценами. И на кровати, хоть она и называется single, я могу лежать поперек, не свисая.

Тетя соболезнующе посмотрела на мой багаж и крикнула мальчишку — очень вежливого, даже чуть-чуть раболопного. Он присел под весом рюкзака и взглянул на меня еще более восхищенно.

Сегодня день бесплатной воды. Сначала одноногий парень купил на прощание пол-литра; потом в автобусе еще одну бутылку дали, а теперь на ресепшене отеля предлагают.

Несмотря на усталость, выпинала себя гулять. Оказался прекрасен старый район, где дома деревянные, на сваях и напоминают наши резные избы. Глянула набережную, магазины вдоль главных улиц, и принялась наматывать круги, общаясь с местными школьниками. Дел в городе больше нет, а вот интернет было бы неплохо отыскать.

Дети очень пугались, когда я пыталась с ними заговорить, но услышав заветное слово Internet, преображались, начинали размахивать руками и показывать направление. Столько противоречивых ссылок я не видела никогда. В общем-то, толковый совет дал парень на байке, и даже пометил мне на карте нужную точку — но потом по самому району меня гоняли часа полтора; то закрыто, то вовсе нет ничего, то салон переехал... «там, у школы, точно есть!» Наконец добралась.

Шум, гам, полсотни компов... и ни одного свободного! Парень удрученно развел руками и повторил глупой туристке дважды: нет мест! Я улыбнулась устало, вынула из-под первого привставшего школьника стул и села возле стойки: подожду. Парень оценил угрозу, походил по рядам, поспрашивал, кому-то пригрозил, кому-то польстил, но вскоре освободилось аж два компьютера на выбор. Я сладостно нырнула в

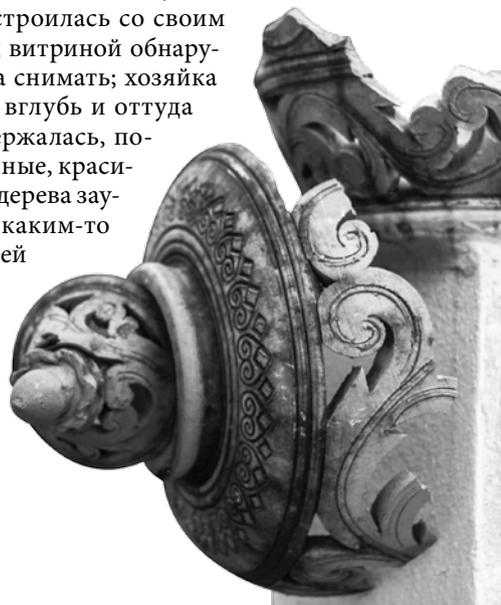
сортировку фоток, а когда время вышло, почти в бессознательном состоянии поплелась домой. Спать!

21 января. *Chiang Mai*

Ух, ну ничего себе, прилегла на пару часов! В шесть вечера вырубилась до шести утра. Почему всегда так трудно дается переход? Если сидишь — тяжело заставить себя встать и пойти; когда идешь — лень остановиться и записать; пишешь — «ну еще пару строчек»; спишь и переставляешь будильник, лишь бы не вставать... Что-то иррациональное есть в этой тяге к стабилизации!

Напротив кровати, у изножия, в небольшом шкафу висит зеркало, прямо в огромную кровать транслируя все, что происходит. А красиво, наверное. Взгляд в карту: ура! Мы снова катим по рельсам! Прогулка до станции заняла меньше времени, чем я ожидала, и вот я уже сижу на прохладных камнях скамейки... По дороге Таиланд преподнес мне подарок. Упала пенка — она часто разворачивается от ходьбы. Я полезла в дальний карман, где обычно лежит обрывок веревки на такой случай... и внезапно достала «украденную» сумку. С VISA, деньгами и открытками! Это было невероятно. Карман боковой, со сломанной змейкой, узкий, неудобный — я никогда не кладу в него ничего ценного, даже грошовые благовония пихаю в центр, иначе выпадут! Чтобы я добровольно положила туда кошелек?!

Как бы то ни было, мне незамедлительно стало ужасно стыдно за мои подозрения на прекрасную страну, на чудесный, чудесный Тай! Я как-то иначе оглянулась... и он меня простил! Это было видно по тому, что мне начали улыбаться встречные — часто даже раньше, чем я успевала кивнуть. Фотографирующие школьницы всей стайкой залились смехом, когда я пристроилась со своим фотоаппаратом к их селфи. В лавке под витриной обнаружила лохматого рыжего сеттера, начала снимать; хозяйка увидела, заулыбалась гордо, свистнула вглубь и оттуда вышел еще один. Ааа, медведи!! Не удержалась, пообнималась с ними. Спокойные, послушные, красивые, черти! Дедушка за стойкой темного дерева заулыбался и помахал, чуть не сбив банку с каким-то мутным снадобьем. И даже бомж, с песней роющийся на станции в мусоре и при-

стающий ко всем туристам и местным «помочь копеечкой», обошел и подергал всех, а меня не заметил. Ура!

Этот участок пути настолько далек от столицы, что тут нет даже вездесущих торговцев едой. Грустно пью бесплатную отельную воду. Но что может заставить человека забыть о голоде, если не смертельная опасность? Конечно, инстинкт размножения. Я поискала подходящую кандидатуру и вскоре обнаружила ее, бегущую прямо на меня. Длинные черные волосы, узкое печальное лицо — когда он пробежал мимо, это было примерно как в мультфильме «Лови волну»: «Опа. Ну все, влюбился».

Я убеждала себя, что он едет с красавицей-невестой; или, что еще хуже, с какой-нибудь страшной девой. Но эти доводы не возымели эффекта на мой истощенный организм — он все равно был готов бегать по поезду с вопросом «Where are you from?!»

Бегать не пришлось — внезапно выяснилось, что он сидит всего в двух креслах от меня. И пары улыбок оказалось достаточно, чтобы завязать контакт. В пути мы непритязательны и голодны до себе подобных. Из-за меня он вскоре поборол вековую раму и тоже осторожно высунулся наружу — переглядываться из двух окон удобнее, пассажиры не мешают.

В Азии привыкаешь гипертрофированно выражать эмоции — и радость, и печаль, и внимание; чтобы местным было проще, не зная языка, понять твоё настроение. Так что, высовываясь в окно, радовалась всему, что проносится мимо, как белочка-истеричка, и видимо произвела впечатление. Дэнниэл оказался из Италии; путешествует он с другом и почти не говорит по-английски. В отличие от своего застенчивого и растерянного товарища, Алан сразу взял инициативу в свои руки. Мы сверили карты (их новехонький LP знает многое, о чем еще даже не догадывается мой) и договорились погулять вечером. Они забронировали номер в Walk INN (Алан небрежно ткнул в карту где-то наверху, где путеводитель отмечал только парк); я же согласилась с выбором LP — хотела попробовать разрекламированный Julia Guest House, и решила не менять планов. На станции назначения мы выбрали маршрут до старого города и распрощались у его ворот.

Я с трудом разыскала свою Джулию и выяснила, что это воистину райское местечко (с бильярдом, лежаками и баром на первом этаже) необходимо бронировать заранее. Кругом была чертова уйма отелей, вся улочка ломилась от табличек

*Чем дальше от столицы,
тем дружелюбнее скоты.
Плюс в дороге из
целого уйма*

Игра в гляделки с итальянцем Дэниелом закончилась в отеле Walk Inn. Ничем.

homestay и guesthouse; но я, стиснув зубы, поперлась в тот, на другом конце города. В отель, которого не было в LP.

Как ни удивительно, Walk Inn я нашла без труда. Но добиться, живут ли тут итальянцы Алан и Дэни, оказалось непросто. Человек за стойкой сменился, записи они ведут хаотично, никто ничего не знает. Я решила не идти назад (тем более, что какого-то Алана, въехавшего сегодня, они мне нашли) и забронировала себе кровать. И вот я в общей спальне, треплюсь с чернокожим боксером, который тренируется все утро («300 отжиманий, 200 ударов ногой, подтягивания, повторить»).

Я говорю ему: «Марк, Россия — холодное, мрачное и опасное место.» Он отвечает: «Я знаю! Я туда хочу.» — «Марк, — спрашиваю потрясенно. — Зачем?!» Он откидывается на своей кровати, закладывает руки за голову, вперивает карие глаза в потолок и мечтательно рывкает: «Girls!» Только что он рассказал мне историю своей пятидневной love с метиской из Армении, которая в Питере зарабатывает по клубам торговлей наркотой и, по ее собственным словам, наемными убийствами. Марк выступает ночью, а днем пытается спать; но шум с улицы делает его раздражительным.

Не выдержала, конечно, потратила свои жалкие копейки. Не отрывая владельца лавки от важного разговора по телефону, купила блюдце своей мечты за 10 бат (на миске было написано 12, но пальцев у занятого продавца было всего 10, что он и показал). На дне извивается причудливым узором кракелюр глубокой голубой глазури. Ужасно красиво.

Чанг Май — город огромного числа лавок и лавочек. Весь наш район — переплетение баров, хостелов, прачечных и магазинчиков; все столбы уклеены стрит-артовыми наклейками — тут и реклама, и антиреклама, и самовыражение... Надо бы почитать, что привлекает сюда туристов с такой силой.

Ребята и впрямь оказались тут. Мы столкнулись на улице и пошли завтракать. Алан признался, что они нон-стоп приехали прямо с юга, и его единственная мечта сейчас — поспать. Я с надеждой посмотрела на Дэни, но тот спрятался за бокалом с пивом и повторил слова друга. Условились, что встретимся в 8 pm и пойдем смотреть ночной рынок.

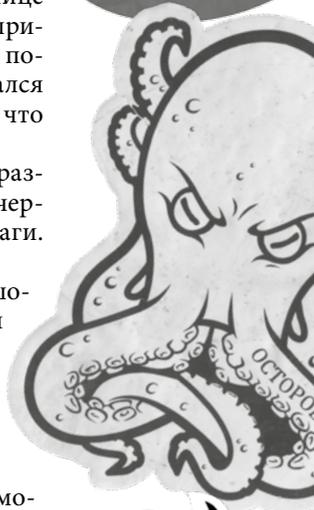
По всему городу рыскают мальчишки, расклеивают и раздают рекламу ночных боев. Очень удачная реклама — черно-белая печать на одной стороне цветной красивой бумаги. Собрала несколько штук на письма.

Глядя на жующую толпу детей — сосиски с жаровни, шоколад и мамина еда в пакетике — я неожиданно для себя захотела бессмысленного и сладкого. Памятуя об утренней находке потерянных было денег, мой внутренний цензор не нашел, чего бы возразить. Спустя минуту я шарилась по улице уже с двумя стаканами — сладкий попкорн и напиток. Попкорн оказался божественным — более жирный, очень свежий, а карамель сильно отдает молоком. А вот какао со льдом отстой. Сама же говорила, что не надо его брать! На дне еще boba, подо льдом, а соломинка огромная, специально, чтобы эти склизкие комки не застревали. Они безвкусные и, на мой взгляд, весьма противные — пьешь ты, ничего не подозревая, и тут тебе в глотку влетает ЭТО. Я всасываю их в соломинку и плююсь во все стороны. Они клево прилипают к бетону. А еще можно бросать их на лед сверху. В общем, все что угодно, только бы не внутрь.

В отеле вспомнила, что с меня взяли депозит за ключ, а ключа-таки не дали. Пришлось трясти перепуганных девочек «звони своему боссу сейчас». Утряслось. Он вспомнил, что действительно забыл.

REAL MEN
DON'T BUY GIRLS
ลูกผู้ชายไม่ซื้อหญิง

HOW DARE YOU...
SHE'S PRICELESS
คุณกล้าดียิบ.....เขา priceless

Ужин с ребятами обошелся мне в рекордные за поездку 120 бат. Не критично, конечно, но почему все встреченные мной мужчины вламываются в бюджет?! Я читала, что с нормальными девочками все наоборот. Зато рыба, которую я себе взяла, и впрямь была божественна.

Мы идем на рынок. Алан хочет купить шелковый платок для родителей; он задал пару вопросов гуглу на тему отличий настоящего от не, а потом мы нашли магазинчик, где продавец-индус очень образно и красиво рассказывал про свою работу. Про полотна кашемира, которые мастер делает всего 7-8 за свою жизнь (потом глаза отказывают) — цена на эту ткань начинается с 10 000 бат за кусок и теряется в небесах. По его предложению мы жгли шелк («должен гореть очень быстро, не оставлять комочков и немного вспыхивать, взлетая») и щупали разные виды тканей.

Настоящий шелк делают в Индии и Китае; но индусы страдают некоторой аляповатостью в выборе рисунка. Дэни не имеет своих идей по вечерним развлечениям, и следит за другом с восхищением. У меня есть пара мыслей, чем еще заняться, но рассказ и впрямь интересный. К тому же Алан вскоре углубился в выбор тканей, а я оттащила индуса в сторону и расспросила про родину. Мы уже поговорили про сезоны, шелковые плантации, чай и тхали — а ребята все еще решают, какой кусок шелка взять. Ох уж мне эти мужчины, нельзя их допускать к шопингу, они слишком серьезно к этому относятся и парятся, вместо того, чтобы получать удовольствие.

Ночной рынок меж тем окончательно выплеснулся на улицы и шумит, плещет вокруг нас. Это целые улочки, составленные из ларьков и палаток; подсвеченные яркими гирляндами и фонарями, они выглядят дьявольски заманчиво, все время кажется что вот там, на две палатки дальше, что-то совсем красивое, заморское, невиданное, и очень-очень дешево... это иллюзия, конечно — в связи с курсом цены тут кусаются. Ужасно много слонов — из ткани и дерева, металла, камня и даже пластика. Масса принтов на майках и цветных китайских переходников на любые разъемы. Ничего супер-интересного пока не нашлось, но пару фенечек я пощупаю.

Ребята прочитали светящуюся надпись Pornping Tower и захихикали. На итальянском слэнге это означает «башня минета».

На ночные бои мы все-таки не попали — сначала хотели погулять побольше по рынку, а повернули лишь когда тот начал закрываться (он до десяти всего лишь, надо бы его «вечерним», а не ночным называть).

То, что мы застали, было похоже на показательные выступления детской школы муай-тай. Собственно, это и были дети, подогревавшие уже расходящуюся публику дать еще немного денег. Подростки на ринге в кругу баров — с клубной музыкой и светом, с бильярдом и леди-боями вокруг, заманивающими посетителей — это смотрелось довольно сильно.

В какой-то момент, присмотревшись, я поняла, что один из детей — не ребенок, а карл. С неправдоподобно большой головой и хорошо развитой мускулатурой, он постоянно подставлялся и комично падал, изображая избиваемого неудачника. Эдакий лайт-вариант постановочного реслинга.

Детская мафия тут процветает. Мальчишка лет пяти подбегает к усевшимся зрителям, дает пощупать мускулы, вызывает на армрестлинг-состязание — и конечно требует чаевых за свою веселую наглость. Забавное шоу для туристов, ничего особо жестокого или нелегального. Жаль.

Под конец прогулки я, раздосадованная непроисходящим ничем, прибегнула к проверенному средству — сняла руку с локтя, который Дэни мне галантно предложил, и всем телом изобразила озноб. Куртка висела у меня на поясе, так что непрозрачнее намекнуть было трудно, так что Дэниэлу не оставалось ничего другого, кроме как меня обнять, хотя идти так, конечно, было намного менее удобно, чем под руку.

Перед входом в мою общую спальню лежит вязаный Dogaemon в виде коврика.

22 января. *Chiang Mai*

Правильно немцы говорят, что счастье — это глюк². Мы пошли с ребятами искать завтрак. Алан заглянул в какую-то лавку, предлагающую кофе и мюсли, я что-то посмеялась на тему еды для бабочек и «а как же мясо для настоящих мужчин». Невинная, в общем-то, шутка, к тому же имевшая под собой вполне прозаические причины — мясо я ем, а мюсли нет. Но Алан и так уже с трудом переносил то, что мы с Дэни гуляем под ручку, так что он быстро всучил другу его пакет, сурово с ним поговорил и развернулся. Дэни оторопело посмотрел ему вслед, быстро и торопливо объяснил мне то, что не требовало объяснений — Алан сказал «ну вас, гуляйте сами», но он, конечно, пойдет за ним. Я пожалала плечами и пошла искать рынок с фруктами.

Вскоре я уже наслаждалась драгонфрутом (выглядит, как баклажан, который решил смимикрировать под ананас, а внутри полон мякотью, сочной и с мелкими, как у киви, семенами) и прогуливалась по узким улочкам.

Днем ко мне робко зашел Дэни, извиниться-попроситься. Назавтра они уходят в двухдневный поход с гидом. Доброй дороги, чего.

Сию по ту сторону канала; далеко от старого города. Рынок Wararot и местный маленький чайна-таун ждут меня; кофе с молоком и капающая сладкой глазурью свежайшая булка; из колонок тянется медленное кантри, женский голос поет «позволь, я укажу тебе дорогу, мой друг; ты так одиноко заблудился». Здорово, что тут везде можно приносить еду с собой и заедать, например, взятый кофе. Или запивать принесенным взятый рис. Европа совсем сдвинулась на ограничениях в попытке всех уравнять и отстоять права всех одновременно, да еще и обезопасить идиотов от них самих. Мы скоро выродимся, и азиаты по праву займут

---

2 *Das Glück (нем.) — счастье.*

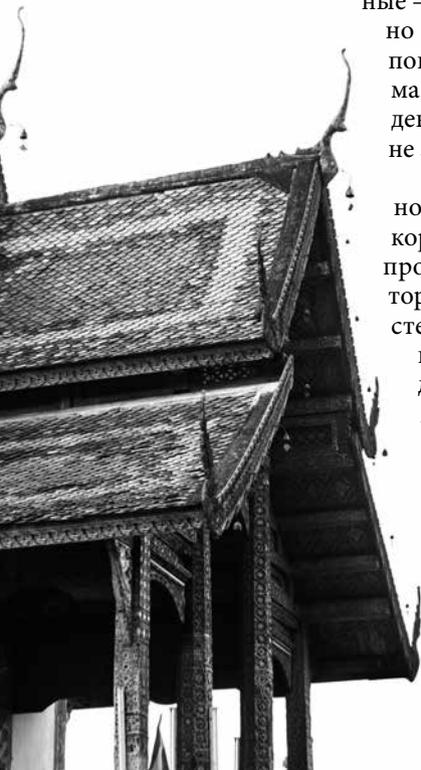
наше место, как племя, в котором здравый смысл еще не стал важнее правил, и прочнее всего действует старинный принцип естественного отбора — дураки отсеиваются.

Набрела на крошечную типографию. На входе владелец читает газету, а в глубине пресс печатает страницы, настоящей высокой печатью. Думаю — надо помаячить, вдруг пригласит на экскурсию! А хозяин не реагирует. Я поснямала с краю еще, походила вокруг него. Наконец, не выдержала, потыкала пальцем. Он проснулся, тут же поздоровался, покивал и предложил зайти. Ух, какие литеры тут валяются в беспорядке, рассованные по темным, состарившимся ящикам, испещренным пятнами краски! Так хотелось взять себе — выкрасть или выпросить — хоть что-нибудь, хотя бы крошечного Будду с нимбом вокруг головы. Но я представила, как этот брусочек будет кочевать по моим карманам, пока не осядет где-нибудь на дне ящика с разным хламом — и не стала. Пусть остается дома. Он тут на своем месте.

Чайна-таун хорош и плох одним и тем же — изобилием. Тут надо хотя бы начерно представлять, что ищешь, иначе тебя утопит в магазинчиках шапок и шляпок, детского питания, игрушек, ритуальных товаров, трусов, рюкзаков, сумочек, шлепанцев, оргтехники, канцтоваров и косметики. Купить можно что угодно, но как правило предметы по одному не продаются. Можно найти разрекламированный по всей Азии тальк Pond's — 125 бат, за пачку из 7 штук. Или ручки, отличные — набором в 25 штук. Коробку консервов (можно договориться на упаковку), ящик фруктов — попробовать можно бесплатно. На туристов тут мало обращают внимания. Ну сколько ты купишь, девочка без тележки? Две, три упаковки? Отойди, не заслоняй витрину.

Из находок сегодняшнего дня: в поисках странного откопала в одном из канцелярских целую корзину с древними городскими открытками; их продавали еще до того, как на каждом углу стали торчать фоточки для туристов. Цена старая — вместе с конвертом, 7 бат за штуку. Перекопала массу невскрытых пачек, виды на важные городские достопримечательности и чопорные фото королевской семьи за общим столом.

Кррасота!

23 января. Mae Sai

Стремительная депортация. Проснулась в шесть; еще темно. Переставила будильник, и на следующий звонок подпрыгнула, как ужаленная. В общей спальне всегда неловко шуметь утром, я об этом не подумала — мои вещи свалены грудой в одном углу; надо перебирать и шуршать пакетами. Правда, окно, затянутое сеткой и без возможности закрыть его, уже с половины пятого пропускало звуки уличного трафика, неожиданно бурного для такого мелкого проулка. Едва ли я могла шуметь сильнее.

Система транспорта в городе страннейшая. Автобусов нет вовсе; есть такси, велорикши, моторикши и маршрутки. Часто таксуют явно

левые машины. Маршрутка стоит 50 бат, минимальная ставка для «из конца в конец». Найти ту, что довезет до вокзала, не составило труда; а вот там удача мне изменила. Единственное, что идет в нужном направлении — GreenBus. У них отдельное окно, электронная очередь с номерками и очень неприятные сальнолицие служащие. Девушка поведала, что автобус стоит 300 бат, и других способов туда добраться «нееет» (она так сладко растянула пухлые губы, что я понадеялась, что их порвет). Плюнула, бросила номерок и пошла пешком.

В мегаполисах самое трудное — найти выход. По счастью, автобусный терминал стоял как раз на нужном мне отшибе. Я пошла, понемногу уточняя направление, и вскоре вышла на огромный хайвей. Поллимен ужасно обрадовался, когда понял, что мне нужно направление на какой-то город, но немного запутался в показаниях. Я прошла где-то километр мимо целой реки автомашин, когда возле меня остановился донельзя удивленный мотоциклист. «Мадам, вам куда?» — «В Мае Сей!» — «Ээ, автобусный терминал в другую сторону!» — «Не, я так.» — «Ээ... а... ну, все равно в другую сторону!»

Тут я оборачиваюсь и вижу огромный щит с указаниями расстояний. Chiang Rai, попутный город, 150 километров в обратном направлении. Этот билборд был развернут так, что со стороны города ничего не разглядишь. Эх. Пришлось возвращаться. Зато на правильной дороге я сразу же поймала микроавтобус.

Водитель разговаривал по телефону; из-за блютуза и постоянного смеха было немного не по себе — ехать по хайвею на 130 км/час, проходя один за другим серпантинные развороты почти на 180 градусов с разговаривающим с самим собой парнем не так просто. Машина — мягкая, шикарная, идет — будто режет мягчайшее масло. Одно удовольствие ехать на такой по горной трассе. За это можно ей простить холод кондиционера и рэп — уверена, водитель не знает, что парень поет ему про тупую, тупую суку, которую он мечтает **выебать, выебать**.

Я сижу сзади и думаю, что хочется вперед, достать фотоаппарат и сделать погромче музыку, где наконец-то появилось крутое кантри. Но во-первых, не надо лезть со своими просьбами, пока везут, а во-вторых, лень. Мимо летят офигенные горные пейзажи. Что ни взгляд — зарисовка. Мельница на пруду; камни и струи; дом на сваях; мост и солнечная тропинка к нему... Ни черта не успеваю сфотографировать, только увидеть, вспышкой, картинка-для-воспоминаний. Много изящных, очень европей-

В Мае Сэй, и только тут, мусорные баки делают из речной. Эканне огромные горники на подставке. Миттессе, это переработанные шипы? Или первичный фродуей?

ских каменных домиков. Водитель, не снижая скорости, похлопал по сидению: перебирайся! И потыкал в окно: смотри и снимай! Уии!

Водитель обгоняет через двойную сплошную везде, где видимость больше полсотни метров. Он явно тяготеет к скоростному режиму, тыкается в обгон чуть ли не по тротуару. Мы догнали один из GreenBus'ов, и я радостно показала ему язык. Женский голос поет из динамиков «Давай-ка я покажу тебе, что такое настоящее безумие».

Ура, город! Сразу видно, что большой — «камера хранения» на вокзале платная, 20 бат. Посомневалась, но все-таки оставила рюкзак — а то слишком уж внимательными ко мне стали рикши. И сразу убежала подальше. Это было неправильно — так я проскочила все едальни и осталась без обеда. Очнулась уже в каком-то старинном районе, где одни кофейни и антикварные. С трудом отыскала себе хотя бы мороженое, чтобы заморить червячка; никак не удается сориентироваться, ни одной улицы, чье название совпадало бы с картой. Наконец случайно вырулила к башне с часами — тут и почта, и рынок, и я теперь точно знаю, где я. На рынке, конечно, нашлась едальня, с тем самым супчиком. На мой вопрос, а не остро ли, тетенька всплеснула руками с таким оскорбленным видом, будто я предположила, что она добавляет в суп тараканов: «Ты что, конечно, не острое, садись давай! Тебе широкую лапшу или узкую?»

В столице уже давно передают деньги без пафоса, просто протягивая руку. Но тетя придержала ладонью локоть — старая традиция, дань уважению. Так приятно. Обед стоил 30 бат, как мороженое.

Предугадывающий желания водитель — это замечательно.

На почте тоже электронная очередь. Пока ждешь, на экране показывают поучительное видео, как правильно упаковать для отправки секатор. Коробку потом весело передают друг другу юноша во вьетнамской шапке, монах из Тая и девочка в сомбрере. Очень наглядно. На восьмом конверте мой язык высох и я огласилась пользоваться влажной губкой для смачивания марок.

Бумажку от багажного отделения я выкинула еще на почте, что осознала только подойдя к вокзалу. Так что я просто проломилась к своим вещам, осыпая всех благодарностями на двух языках, и забрала их. Парень не сопротивлялся.

А вот автобус в нужном направлении уже успел заполниться, пришлось сесть спиной вперед на моторный отсек, возле водителя. Людей не становилось меньше — наоборот, они набивались на каждой остановке. Я почти сразу уступила свое место, где нужно выворачивать шею, какой-то мелкой школьнице с синими брететами (жуткая мода), и тихонько сползла на ступеньки в двери. Кондуктор не была довольна моим выбором — я затыкала собой вход; так что меня запихнули на первое же освободившееся VIP-место у окошка. Остальные стояли и не булькали, так что им никаких привилегий.

На остановке все рикши степенно подождали, пока я полюбуюсь на карту, после чего показали мне единственную маршрутку, которая отсюда вообще куда-то идет. Мы заехали к местной разновидности Ашана, гипермаркету Tesco Lotos, подобрав девочек с кулечками. Я неосторожно задала вопрос, и вскоре весь салон обсуждал, где тут soi №11, чтобы белая не проехала. Учитывая, что улица в городе всего одна, и мы по ней едем, а переулки-soi идут последовательно, и мы на восьмой сейчас, не совсем ясно, что тут обсуждать с таким жаром.

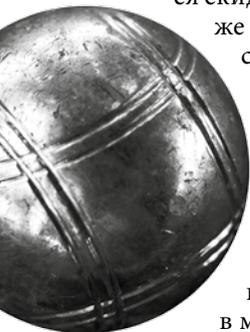
Это была попытка найти найдешевейший хостел. Но то ли он закрылся, то ли город не тот — я отчаялась, подняла глаза и увидела монастырь. Огромный, богато украшенный, со спящими мелкими монахами. Я попятилась, ведя с собой внутренний диалог. Не-не-не, говорила пугливая сторона, он же такой пафосный! Кто они и где я. Найдем потом какой-нибудь маленький, на отшибе... Вторая сторона, настроенная решительно, ничего не отвечала и молча рулила моими ногами, занося тело внутрь. Надо же когда-то начинать, сказала она наконец. Вот, давай.

Уже с третьей попытки я нашла Главного Монаха. Совсем юный, он беседовал с женщиной, почтительно сидящей напротив него на ци-

Судочки, в которых можно переносить все три блюда! Обед и десерт. Шикарно!

Монахи увлеченно играют в петанк — такой бесшумной крикет, где нужно выбивать литалемские шары противника.

новке. Английский он знал не очень, и потому позвал переводчика из местных. Мысленно чертыхнувшись, я протараторила стандартный спич, блаблабла, путешественник, денег немного, нужно место поспать, всего одна ночь. Когда англоязычный понял, что я стремлюсь в спальню к монахам, он твердо, вежливо и ясно сказал, что это плохая идея. Мальчишки, знаете ли. Послушники. Знаю, говорю. Давайте вы мне скажете, где hostel подешевле? Клоповник, за 200 бат?

От вида смиренной белой все немного офигели и Главный Монах высказал своим идею, показывая куда-то за спину. Мол, да, в принципе возможно, если не тут. Договорились, что я кину вещи и зайду ближе к шести. Провожатый показывает на байк. Я думаю: вот, совсем уже привыкли к колесам, два шага не могут пройти! Но отказываться не стала.

И хорошо! Меня повезли туда, куда макар телят не гонял. После четвертого поворота я задумалась, а не предложил ли их Главный Монах просто отвезти меня нафиг из города, в надежде, что я не найду дорогу обратно? Через школьный двор, по узким улочкам, вдоль кафешек и каких-то базарных лавок... наконец, мы остановились у шикарного отеля. У меня взяли копию паспорта, выдали ключ и бесплатную воду. Вещи я занесла в «свою» комнату, и едва удержала челюсть на месте. Вечером опишу подробнее, но это шикарно.

До возвращения три часа — успею ли добежать до границы? Проблема в том, что мне надо не только туда, но и назад... Побежали.

Для бедных тут раздолье — любые опции отключаемы, получается скидка. Например, рыба в ресторане стоит 100 бат, на улице такая же — уже 30 бат. Выключаем возможность сидеть с комфортом за столом, и цена резко падает. А потом ты с этим пакетиком на вынос можешь рассестись в любом месте прямо на тротуаре, как все и делают, и жрать, расставив локти.

Вся одна местная улица сводится к воротам в Мьянму. Это сплошной рынок, конечно. Драгоценности и бижутерия преобладают, и масса лотков с едой. Жареные каштаны и печеная кукуруза, орехи и — оу, внезапно, местное вино. У лотка две юные азиатки пробуют одно за другим, требуя у испитой, равнодушной продавщицы все новые и новые порции в маленькие стаканчики. Выбрали себе уже больше 10 бутылок.

Начала с ними соревноваться, обсудили свойства вин. Они брали то, что взяла бы и я — терпкое гранатовое, сочное ежевичное. Вообще большинство вин делится на ядовито-приторно-сладкие и резкие,

CHOOK-DEE GUEST HOUSE
เชือกดี เกสต์เฮาส์

- BEER
- DRINK
- WINE
- TEQUILA
- COFFEE
- WATER
- FRUIT
- MEAT
- VEGETABLE
- EGG
- BREAD
- CONDIMENT
- TOILET
- TOOTH

с ярким, не химическим вкусом. Я взяла себе после долгих проб клубничное, спрятала в рюкзак. Это уже традиция — покупать алкоголь именно в тот момент, когда я ночую в каком-нибудь святом месте, куда с ней нельзя, и проносить его контрабандой.

Продавцы не особо обращают на меня внимания — интуристов почти нет, основную толпу составляют местные, весьма состоятельные тети из южных провинций и столицы. Это перед ними расстилают шелка и разворачивают золотые веера. А я так, всем очевидно, мимо иду, разве что каштанов куплю.

По запаху смолы, леденцов и специй вплыла в аптеку, как Рокки в сырную лавку. Пока владелец убирал солнцезащитные жалюзи (их тут всегда разматывают с утра и сворачивают после обеда), обнюхала все углы в поисках самого яркого источника. Но это, кажется, сами стены пропитались, все сотни ящичков. Ой, а пора бежать.

Неудивительно, что монахи хотели меня сбавить — у них тут какой-то праздник. Огромные столы с белоснежными скатертями носят и все, что ни попадя, цветами украшают. Меня пока ни один не узнал, а я их и подавно. Звучит неожиданно какой-то рэп-лирик «You and me, me and you». Наше желание друг от друга избавиться взаимно, у меня вино греется и свежайший хворост остывает, ну где же все? Мальчишки в робах дерутся и горланят, деловитые рабочие привинчивают лампочки к столбикам. Поймала одного, показала ключ с лейблом отеля — мол, мне бы домой. Среди монахов началась движуха и звонки по телефону. В принципе, направление я запомнила, и если мне напишут на бумажке адрес, наверное, дойду...

Тут наконец-то нарисовался Главный Монах. Конечно, спросил меня, нужна ли мне еда и не хочу ли я кофе. Я, не выходя из смиренной роли, ответила «спасибо, у меня есть вода», пнув себя мысленно, чтобы не добавить случайно «и вино». За такую скромность мне во все места насовали пачек с печеньем и отправили в путь.

А на ресепшене я заметила, что отправленный со мной водитель ЗАПЛАТИЛ деньгами за мой номер. То есть это не их прикормленный отель для своих, а какой-то просто хостел. Ничего себе. Я поблагодарила провожатого и пошла разглядывать внезапный рай.

Это студия на первом этаже, с отдельным входом и личным столиком на лужайке перед окном. Кровать необъятна и застелена мягким, огромным одеялом. От нее до плазмы, что висит напротив — метра четыре. Слева ниша квадратов на шесть — за барной стойкой начина-

Игра «найди непищевое».

ется «кухня», столик с парой стульев. Рядом с шифоньером для одежды — утопленное в стене зеркало и пуф, мини-гримерка. Ванная отделана под пещеру — лакированный бетон, стеклянная раковина-тазик, стоящая поверх столешницы из того же бетона, изогнутый медный кран. В комнате обнаружилась целая корзина шампуней, мыл и одноразовых наборов с зубными пастами. Постель настолько белая, что даже без штанов мне совестно садиться на нее своей пыльной путешественницей попой.

И вино. И свечи. И благовония. И три пачки печенья. Чувствую, самая северная точка Таиланда удалась. Когда я благодарила Главного Монаха, я ничуть не кривила душой: «я просила лишь о кровати, а вы подарили мне дворец». Хотя и на ночь всего.

Вода в душе оказалась с подвохом. Сначала шла одна холодная, и я было уже огорчилась — а она каак раскочегарится! Пришлось прыгать вокруг с криками «горшочек, не вари!» — реально же кипяток! Поставила на TV музыкальную программу, открыла вино — ну, не мускат белого камня, конечно, но вполне. Ой, кто-то сегодня захмелеет...

Главное — не влипнуть всерьез в телевизор. А то тут 250 каналов, а у меня никакого иммунитета к движущейся картинке. Новости, новости, магазин на диване, историческое ток-шоу, клипы. Их особенно здорово смотреть. Все и так понятно. Он ждет, она не звонит, он к ней — а там дверь запертая и татуированный мужик в окне маячит.

Листала-листкала, вдруг включилось какое-то специальное видео из зала заседаний. С сурдопереводом. По всем каналам разом. По субтитрам судя — это про недавно открывшийся рынок орхидей, мол, прекрасное начинание, надо бы поддержать... Прошелкала упорно два с половиной десятка каналов, везде один и тот же голос. Все ждала, что на 28-м сидит товарищ из внутренней службы с классическим «допереключаешься».

Эх. И кина не будет. Пойду спать.

24 января. Tham Luang → Chiang Khong

По будильнику проснулась весьма рано; сразу села сочинять себе дорогу дальше и провозилась аж до девяти утра. Свести воедино обе книги, перевести LP, продумать дешевую и удобную трассу, поваляться... Выписала себе основные пункты. Начнем, пожалуй, с пещеры Tham Luang, она совсем близко.

С этими мыслями я вышла на дорогу — или подкинет кто-нибудь, или драйвера поймаю. Удачно спросила дорогу у сгущающего мотоциклиста. Он выпучил глаза на мое «пешком» и предложил добросить за 50 бат. Это полностью совпадало с моими ценовыми планами, так что вскоре я уже сидела сзади и рассказывала ему про приключения Mister'a Green Cat'a в Аргентине. В какой-то момент он съехал с основной трассы, достал телефон и начал кому-то звонить; меня немного напрягло сочетание слов «фаранг» (то есть иностранный турист) и money, так что я на всякий случай освободила руки. Можете считать меня параноиком, но я люблю жизнь и хочу, чтобы она подольше не кончалась. Но, видимо, разговор был просто беседой о последних радостных событиях в жизни, без подвоха, так как меня через несколько солнечных тропок довели до офиса неподалеку от пещеры. Посещение пещеры стоит 30 бат, в сумму включена аренда налобного фонаря, полная свобода и абсолютное безразличие служителей. Дорогу ко входу пришлось спрашивать у парня, стоящего кэмпингом на лужайке перед домом (США, уже десятый год в Тае, дети больше тайцы по виду — видимо, мама местная). Он махнул — иди по тропинке.

Вах, какое чрево! Древняя река вытекает из-под горы, оставляя распахнутой глиняную пасть. Сверху — острые сталактиты, снизу — мягкий язык намытого песка. Высота в начале вообще невероятная, потолок освещен отблесками дневного света — фонарь бы не достал. Потом пещера сгибается всего до десяти метров, и на этой высоте держится, уходя вглубь. Идти удобно, проложены ступени и поручни в тех местах, где оползни оставили холм. С потолка постоянно капает, на луче от фонаря танцует пар, камера мгновенно запотела. Я быстро сняла куртку — несмотря на прохладу, влажность дикая, и она начинает противно льнуть к телу. Хоть и не радует бродить в одной майке по враждебной территории...

Жителей в пещере почти нет. Сначала, взглянув на потолок, я отпрянула, но вскоре, приглядевшись, поняла, что ржавые черви размером в ладонь, испещрившие светлую глину — всего лишь камни специфической расцветки, которые там и сям вымываются из породы. Кроме мифических каменных червей встретилось лишь пара многоножек и крупные пауки, удирающие от света.

Я не собиралась уходить далеко — порода везде примерно одинаковая, а я не очень люблю естественные пещеры за отсутствие логики. Когда бродишь по запутанным техногенным подвалам, постоянно де-

Раз освобожденные руки не пригодились,
сделала пару фотографий дороги.

лаешь маленькие открытия, строишь в голове план помещений. А вода не знает, зачем ей этот закуток, просто тут порода мягче, и никакой особенной логики в этом нет. Но меня увлекла тропа с ее обычным «а что за поворотом?» То скала блеснет чем-то наверху, то вдруг зал откроется, то наоборот — лезешь по шкурудеру почти. Дорога становится широкой, как катакомбы канализации; или вдруг появятся ступени вверх на головокружительную высоту...

В общем, опомнилась я далеко не сразу. Поворачивать назад вдвойне неприятно — пока ты идешь вперед, ты смелый исследователь, а за тобой — известная дорога и где-то далеко дырка в светлый день. Поворачиваясь спиной к неизведанному, ты чувствуешь себя очень уязвимо. Кажется, что именно сейчас из глубин ползет неведомый Барлог, и твоя неосвещенная спина — отличная мишень. Так что обратный путь я проделала очень быстро, минут за тридцать. Увидев последнюю пещеру и отблески дня так обрадовалась, что потеряла бдительность и сочным пируэтом шмякнулась на задницу, пропахав ей пару скользких ступеней. Сдавать фонарь я пришла грязная, окровавленная и счастливая.

В сторожке меня встретил другой рейнджер, более идейный. Замазал йодом мои садины, показал нарисованную им карту пещеры — она тянется на семь километров, почти не изменяясь. Рассказал, что доходит до конца каждый месяц, проверяет состояние источника. Обычно он едва сочится — река давно иссякла. Предложил остаться на условиях бесплатного кемпинга — выглядит заманчиво, но ведь еще только середина дня!

Когда я собралась уходить, он предупредил меня, чтобы я не ночевала в лесу. «Что, звери?» — «Ага, те еще. Амфетамин варят эти звери. Хочешь остаться на ночь, спи тут, а по горам ночью не шарься».

Пообещала добраться до цивилизации до наступления темноты и распрощалась. Конечно, по серпантину в сторону трассы я прошла всего сотню метров, как меня пригрела пара, возвращающаяся в Мае Сэй. А на трассе сразу же еще одна — до автостанции. Когда десантировалась из кузова, неудачно приземлилась на кучку маленьких, но ужасно злых красных муравьев. Сменила две машины уже, а по ногам все еще жар бегаёт от укусов.

Валяясь в кузове очередной машины, глядя в синее, в мелкую ласточку, небо; жуя крекеры с ананасовым вкусом (подарок монахов) я вдруг подумала, что никогда в жизни не буду свободнее, чем сейчас. Счастливей — может быть; когда в меня влюбится тот, кого я люблю; когда

Капля ледяной воды на загривок
в темноте пещеры убивает пару
тысяч нервных клеток.

у меня родится ребенок или появится свой hostel, когда выйдет эта книжка — я буду много, много счастливее. Но такой свободы больше не будет. Я раскинула руки пошире и решила наслаждаться.

Теперь я сижу на остановке в каком-то безымянном городе — мне обещали автобус. Мимо едет куча вкусных пикапов, и я уже подумываю дезертировать на трассу, но пока лень. Стоп по таким мелким селениям обычно несложен, но утомителен — без карты особенно. Я же опять легаю по пачке Беломорканала, в LP эти места очень общо представлены.

Очень хочется допить вино и выкинуть тяжелую бутылку из рюкзака, надо не забыть вечером заняться.

Автобус высадил меня Chiang Saen, в северной точке знаменитого Золотого Треугольника. Я начала придумывать, как бы спросить дорогу, как вдруг осознала, что это тот самый рынок, отмеченный в середине крошечной карты. Так что дорога, на которой я стою, упирается прямо в Меконг. На радостях купила себе жареную рыбку с брикетом клейкого риса, и пошла на набережную. Я выглядела так органично и убедительно в роли местной, жрущей что-то прямо на парапете, что какая-то приезжая тайка спросила у меня дорогу на местном языке.

Денег на сегодня почти не осталось, черт с ним, подумала я, и купила себе манго. До сих пор я здесь пробовала только пару долек в упаковке, это совсем не то. Манго надо брать целое, спускать с него шкуру и драть зубами, вцепившись пальцами в ускользящую волосатую кость, заливая все вокруг соком. Пока я это делала, еще несколько местных и туристов подошли со своими пакетиками еды — я правильно угадала тренд, двигать челюстями, разглядывая, как лодочник борется с течением в мутных водах. Кстати, йодом прижигать ссадины намного менее больно, чем заливать соком манго. Спасибо, хоть не ананасом. Как известно, пока мы едим ананас, умеющий своим соком расщеплять белки, он немножечко ест нас.

Диспозиция по транспорту: автобусов в Chiang Khong сегодня больше нет, лодка стоит 5 000 бат (общественный отменили недавно, это тариф на

Самые легкие местные монеты — 1 бат. Они с королей! Купила себе пару специально для дневника.

На стоюе висю.

Почти не шю.

индивидуальное обслуживание — заставить лодочника пилить в такую даль против течения недешево). Пойду пешком, всего-то 54 километра.

Светлая широкая дорога, прожаренная солнцем, проходящая мимо крошечных домиков-особнячков, затерянных среди рисовых полей... Иду мимо и думаю: так и должен выглядеть дом, когда в нем появляются дети. Красивое родовое гнездо в долине, с крыльцом, выложенным яркой плиткой, с мастерской на первом этаже и бескрайними просторами вокруг. И буффало! Личное, огромное, мохнатое, тупое буффало!!!

Первый водитель взял меня в кабину — пришлось трепаться на смеси английского и жестов. Он предложил куда-нибудь заехать поесть, на что я ответила, что сытая, но ему, как мужчине, конечно, надо больше. Показала я это «надо» вокруг живота излишне рьяно, так что он восхитился и оскорбился одновременно: «Пузо?! У меня пузо?!» — долго смеялись на тему толстых и худых тайцев. Увидел, что я с трудом записываю буквы, придерживая мечущуюся коленку, предложил подождать пару километров. Тряхнуло, и впрямь стало намного ровнее. Дядька многозначительно поднял палец: «Вот! Ровная дорога? Нравится? Я делал! Я — инженер.» Вскоре стало не до разговоров — мы въехали на серпантин, со всех сторон появились обрывы, и мы перебрасывались только моими ахами и его «фоткай сюда». Пару раз он останавливал, чтобы я могла снимать в непринужденной обстановке.

Заселение мне не грозило — в кармане 150 бат, а цены на жилье тут начинаются от 250 бат. Я смирилась, но все же поспрашивала для вида. Люди вокруг сытые, жадные. Одного я оторвала от ужина, он, вытирая жирные губы, с неприятным сочувствием говорил, что меньше чем за 300 бат я тут на ночь ничего не найду. В интернет-кафе девушка, согнав детей и небрежно

смахнув чипсы со стола, потребовала за интернет 30 бат. У нее стоит 7 компов, посыпанных пылью, из посетителей — только собственные дети. Компьютер повис при попытке выключить их аниме. Я говорю: и за это 30 бат?! В городе шустрый и прекрасный стоит 15 бат. Она, не прекращая жевать, абсолютно равнодушно: тридцать. Пришлось уйти.

Зато! В очередном отеле владельца видно не было, но в фойе сидела чета пожилых немцев. Мы потолковали, и они предложили мне место, где ночевали недавно: 100 бат за комнату и душ с горячей (!) водой, бесплатный доступ к компьютеру с интернетом, free кофе, чай, вода в бутылках. Комната, конечно, формата шкаф, но если просуммировать все услуги, получается, что мне немного доплатили за постой. Валяюсь, жгу свечи и благовония, пью вино, читаю. Разрешила себе ничего не делать сегодня.

В книге беглый убийца нанимается на рудник в Чили, в Антафага-сту. Думаю: гм, почему это название кажется знакомым? Представляется белый пляж, птицы, брошенные будто случайно гигантские камни, жара, ресторан с дешевой и невероятно вкусной рыбой, чилиец, подбросивший нас до самой границы... да я же там была! Круто. Вот бы довести счет городов и стран до такого числа, чтобы любая книга и любое упоминание вызывали такие картинки в образах.

У стены, отделяющей мою комнатушку от соседней, дыра по всему верхнему краю. Мой сосед по нарам за стеной ест чипсы, сморкается и листает журнал, время от времени набирая смс. На сенсорном, судя по звуку, телефоне...

26 января. Chiang Khong

Я постепенно доакклиматизируюсь и превращусь обратно в сову. Подъем раньше девяти уже практически невозможен. Теперь у меня очень простая задача — за световой день добраться до Nap.

Сочный завтрак у начала трассы. Американец лет 16-ти восторженно-понимающе усмехнулся: «Oh, hitchhiking!» Мы немного поболтали, после чего я распрощалась и пошла вдаль. Через пять минут ко мне подкатила машина с тем же рыжим тинейджером. Он выскочил и уступил мне место: «Карета подана, принцесса, приятного пути!» — вот это сервис! Тайцы явно не поняли, что это было, да и ехали в моем направлении недалеко. Ну ничего. День еще только начинается, времени масса — погнали!

Смешная история случилась с крестьянином. Я поймала его, и он с трудом объяснил, что в нужный мне город не едет, а скоро сворачивает. Я, как мне казалось, объяснила, что он может высадить меня перед поворотом. Но при этом, оказывается, я слишком рьяно показала вперед. И он покорно повез, пока не нашел пост полиции, где прижался всей машиной к будке и принялся жаловаться: вот, въезла, распоряжается, а мне же совсем-совсем туда не надо! Они серьезно проверили мои документы, я рассыпалась в извинениях и откланялась в сторону ближайшей развилки.

А теперь качусь в компании земельных инженеров, отлично болтающих на английском. У них работа по лэндингу, планированию и разметкам. Говорят, это на пару часов, а потом они идут в Thoeng, что на полпути к Nan. Нет повода отказываться, так что валяюсь в кузове с книжкой, люблюсь на их совещание на полянке.

Когда уже выехали, их вдруг осенило, что можно закинуть меня обратно в Chiang Khong, откуда ходят автобусы. Чтобы не мусолить перед солидными людьми тему моей бедности, раскатала концепцию о том, как здорово не возвращаться туда, где ты уже был. Они порадовались и довезли меня аж до середины города. И тут-то, на прощание, я узнала, что это был никто иной, как министр спорта этого штата, девушка по имени Lek, с личным шофером. Юху, у меня есть емейл и телефон министра!

Мы так долго едем в неизвестном мне направлении, что будь за рулем юноша, а не англоязычная мусульманка, я бы уже заволновалась. А так просто валяюсь в кузове и бездумно гляжу в небо, наслаждаясь солнечным бездельем. Ветер бьет меня по щекам моими же отросшими патлами, а я думаю: я езжу не в одиночку, а с целой толпой читателей. Напарник нужен, чтобы показывать ему вокруг: смотри, как круто! Я делаю это в дневник и знаю, что потом смогу порадовать кого-то и этим небом, и этими домами вокруг. И мне хорошо.

Ужасно восторгнула юношу из местных идей, что можно ездить одной и не платить за автобус. Тряс мне руку, смеялся. Привет, зарожденные автостопа в Таиланде.

Пожилая пара крестьян убрала с заднего сиденья тяпку и мешки с семенами, чтобы меня посадить, а на подъезде к городу позвонила англоговорящей дочке, чтобы та спросила, где меня лучше высадить.

Одни ребята, высаживая меня на повороте, попросили постового посадить меня на следующую попутку. Так насильственно моей пер-

соной был осчастливлен преподаватель физкультуры из Nan. Сначала он был страшно придавлен ответственностью, пытался лихорадочно вспоминать английские слова, покрывался потом и нервно дергал ремень безопасности. Я же наоборот была расслаблена многочасовым солнцем, в руке у меня был арбуз, в другой нож, в душе абсолютный покой. Потом я узнала Дораэмона на его приборной доске; потом мы вместе поехали над красотой скал, и его попустило. Правда, перед высадкой я долго на ощупь искала LP на заднем сидении, чтобы понять, куда бы меня. Поэтому, попрощавшись, он быстро сзади нашарил бумажник, проверяя, что деньги еще с ним. Это немного подпортило благость расставания.

Зато в городке я очень удачно спросила дорогу у Yim — девочки на мотобайке. Она везла домой только что купленную собаку и ужасно обрадовалась возможности попрактиковать английский, так что предложила заменить псину на меня и поискать хостел на ее колесах. Мы и впрямь ткнулись в пару мест, но везде оказалось дорого. На третьем хостеле Yim осознала происходящее, услышала мое «просто место для сна, без наворотов вроде TV или кондиционера» и предложила не маяться дурью и ехать к ней.

Дом крошечный, один этаж, всего две комнаты — причем одна скорее коридор-прихожая. Тем не менее, именно в ней по-

*Маршрутки тут
кемпного маршрута неважно,
чтобы поближе было. →*

Yim, её брат и безымянная собака, которую за ночь так и не съели разъяренные коты.

чему-то все проводят время. И телевизор стоит прямо напротив кипы одеял и подушек справа от входной двери. Yim рассказала по телефону родителям о своей удаче и те немедленно пообещали приехать и посмотреть, что это за белая нахалка вломилась в дом их дочери. Я к этому времени постирала свои штаны и осталась в коротеньком домашнем платье. Yim посмотрела на меня задумчиво: «Не пойдет. Слишком... сексуально». И мы пошли перекапывать ее гардероб в надежде найти что-то подходящее к случаю. Вскоре отыскалась майка с джинсами — и выяснилось, что у среднего тайского тинейджера чуть больше задница, чуть уже плечи и немного длиннее ноги. Майка отличная, мне ее обещали подарить, а штаны приходится поддерживать импровизированным поясом.

Yim так и не научилась выговаривать мое имя Ginger — за вечер она перебрала все варианты звучания от «чикен» до «чимчим», ни разу не повторившись. Странно, что читать ей не проще, чем произносить на слух. С английским у Yim не все хорошо — она то вполне нормально

изъясняется, то вдруг замыкается, пытаюсь выстроить фразу, и потом повторяет какую-нибудь конструкцию по многу раз, в надежде, что я все-таки пойму. Точно как я несколько лет назад. Страшнее нет человека, который уверен, что он НЕ ЗНАЕТ язык. Я вот уверена, что знаю. Говорила же я с министром спорта сегодня, чо.

Мы сбегали на рынок, полюбовались видом заката над рекой — там есть специальное такое место под мостом, где все парочки это делают. Когда вернулись домой, там уже был готов ужин — прямо на полу перед телевизором стояла бадья с рисом и куриными ножками. Утомительны конечно все эти застольные семейные беседы; особенно, когда старшее поколение не знает языка. На улице спать намного проще.

25 января. *Nan* → *Chiang Khan*

Подъем в школу в Таиланде ранний, затемно. В шесть все начали копошиться, принимать душ (холодный, между прочим). Завтрак никто не делал, но *Yim* начала сомнамбулически гладить школьную форму себе и младшему брату. Я принесла одежду (она почти не высохла за ночь, сильная роса); *Yim* машинально, не просыпаясь, выгладила ее тоже. Все это время с улицы в ужасе рвалась собачка; периодически из темноты доносились звуки разгневанного кошачьего мява. Пес отвечал обреченным, отчаянным, срывающимся лаем, и вновь панически бросался в дверь, лишь только ее приоткроют. Стоило ли покупать эту козьявку, чтобы скормить суровым ночным котам?

На улице темно, я хорошо понимаю пса, у которого еще даже нет имени. Я тоже не хочу за дверь. Досушиваю штаны веселеньким желтым феном, а по TV тем временем показывают упражнения для кроликов. Половину мощности фена я использую, чтобы согреть себе ноги — хоть я надела теплое платье и проигнорировала ледяной душ, снаружи тянет холодом. Надела штаны, нащупала последние мокрые пятна, досушиваю попу феном. Смотрюсь комично. Мама *Yim* меня обняла на прощание и пожелала быть осторожной — как все мамы, конечно.

Ладно, хватит сибаритствовать, пора ехать.

Тайцы лучше всего останавливаются, когда видят необходимость своей помощи — одинокую девочку посреди пустой степи, конечно, долг не велит бросать. А когда машин много, можно ехать спокойно — ведь ее подберет следующий. Вот каждый так думает, никто и не останавливается...

Хороший способ выбраться из мертвой зоны — всунуться в чью-то отъезжающую от парковки машину. Правда, это пахнет насилием — отказать в такой ситуации почти нереально, некоторым только удастся ускользнуть, мотивируя это тем, что они недалеко и вообще на разворот скоро. Кстати, о разворотах — это отличное место! Дороги тут узкие, так что машины разворачиваются медленно, на пониженной передаче, и водитель во время этого маневра абсолютно беспомощен. Кому-то, конечно, все равно удастся делать вид, что этот просящий взгляд к ним вообще не относится, но большинство вынуждены оправдываться, показывая жестами — я недалеко, я тут вот сейчас... такие жесты — знак правильно выбранного места, значит, вскоре найдется тот, кто не сможет соврать и подберет.

Я рассчитывала высохнуть по дороге — ха! Тут туман такой силы, что дальше носа не видно. И холод, как в кондиционированном автобусе. Натянула куртку, носки теплые откопала на дне рюкзака — что я, зря, что ли, их таскаю все время? Во время остановки водитель нашел в кузове замерзший комок меня, напихал мне в рюкзак крошечных бутылочек с водой в дорогу и забрал к себе в теплую кабину. Они с дочерью, моей ровесницей, катят в Chiang Mai. Это очень мне по пути, теперь я судорожно листаю LP в поисках идей по дальнейшие планы.

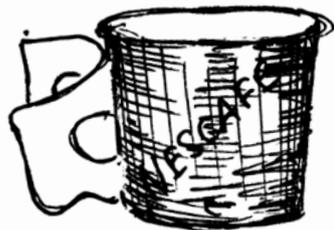
Ребята увидели, как на остановке я метнулась к ларьку с сосисками и запретили мне платить. А когда заглянули в пакет и нашли там только одну сосиску и рис, поквохтав на тему «совсем себя не бережешь», купили мне еще жирную огромную сосиску (смесь яичницы с лапшой и овощами). К ней дали прозрачный красноватый пакетик соуса. Я сначала его испугалась, уж очень он коварно выглядел. А оказалось — просто сладкий, как сироп. Его основная функция — склеить все в тех местах, куда он дотянется. Со мной он с этой задачей справился блестяще.

А я на полустанке неподалеку от Phrae — ура, опять рельсы!

Солнце наконец-то дошло до платформы, и я со стоном счастья вытянула ноги, плюхнувшись прямо на горячие плитки. Начальник станции, беседовавший со мной до этого о высоком на хорошем, светском английском, подавился очередным «madam». У него-то штаны сухие, ему этого счастья вообще не понять... А вот и поезд!

Мимо понесли кофе, и мое счастье стало полным. Я достала купленное поутру печенье, вытянула ноги и начала наслаждаться с такой силой, что проходящего мимо кондуктора чуть не смыло волной умиления.

А к местным стаканам тут приклеивают маленькие белые крылышки-ручки. Неудобно, но идея забавная.

Кондуктор конфигурации Моргунов из тройцы «Трус, Балбес, Бывалый» вежливо расплылся в жабьей улыбке в мою сторону и накиннулся коршуном на деда в шляпе с редкими длинными волосками вместо бороды. Сначала достал у него из-за спины недопитую бутылку спиртного, а потом долго стоял над душой, видимо, вытрясая или деньги, или билет. Ни того, ни другого у деда не было, но он ловко имитировал поиски. Наконец мрачная туча пролетела дальше, дедок, посмеиваясь, достал новую бутылку; а мы опять въехали в костер — горит трава вокруг рельс, и весь вагон полон пепла, вьющегося, как снег. Труднее всего дяде в белых штанах — он встал и начал методично оббивать носовым платком все вокруг, пытаясь спасти белизну своих треников. Ну увы, кто же так в дорогу одевается! Зато у него теперь шикарный камуфляж, можно на снегу прятаться, или в соляных пустынях.

И вот я снова в городе, где уже провела одну ночь. Привет, Phitsanulok! Испытывая сильное чувство дежавю, прошлась по той самой дороге, «прямо, у мечети направо», но в этот раз была вынуждена пройти изрядно дальше. С изумлением обнаружила, что город вовсе не заканчивается там, где на карте стоит посреди белого поля указатель «Lom Sak 117 km»; он, оказывается, вытянут в эту сторону даже больше, чем в сторону исторического центра и главной площади. Хм. Возможно, это следствие последних 10 лет, которые незнакомы еще LP за 2006 год? Время как раз подошло к двум, и я чуть не спеклась на этой пыльной трассе. По контрасту с утренним туманом и промозглостью это было даже приятно, но голову немного повело, как от хорошего вина. Когда я уже подумывала сойти с трассы, чтобы охладиться, меня подобрал офигенный дядька на трехколесной тарантайке. Я величественно села на какие-то ящики, чувствуя себя паллетом, который перед собой тащит погрузчик, и мы двинулись с подобающей королевским особам скоростью 20 км/час. Вскоре на светофоре мы нагнали маршрутку. Их прелесть — в открытой заднице. Вся маршрутка дружно крикнула «стой!» и потому я, уже схватившаяся за поручни, не выпала обратно от резкого движения вперед (а могла). Мы свернули и уткнулись в автостанцию — всего метров 400, так что платить я не стала.

Раз уж меня довезли прямо в логовище всех автобусов, я решила не пытаться получить солнечный удар, выбираясь из этого разлапистого города, а добиться «правильного» автобуса. Это было непросто, так как произношения у нас явно различаются, но я сумела объяснить, что мне нужен маленький, локальный автобус, а не зеленая громадина. Чтобы

этого добиться, нужно говорить «нон э!» (в смысле, без кондиционера) — и тогда есть шанс, что поймут. Хотя основная проблема лежала далеко от лингвистических трудностей: я была первым на их памяти туристом, который настаивал, чтобы его лишили права поехать, как белый человек.

Кстати, есть простой самостоятельный способ: найти линию, куда причаливают local bus и просто прочесть название станции, написанное над ним. Сработает, конечно, не везде, а только в тех крупных городах, где названия дублируются.

Ура, поехали! А в двухэтажных гробах пусть престарелые немцы ездят.

Как только наклеила билеты, вошел контролер. Поздоровался со всеми, сложив руки у груди, и начал сверять сумму билетов. А мои уже успели по дюжине писем расползтись. Я ему показала остатки, пришипленные, как бабочки в альбом, он только рукой махнул: все вы, туристы, двинутые.

Достала пакетик с остатком утренней сосисы; конечно, весь соус уже вылился внутрь. Спасла рис, сосиску; думаю: «как хорошо, что он весь в пакете!» Положила его себе на колени и потыкала в него сосисой. На палке. С заостренным концом. Мысль «как хорошо, что тут нет ос» я боюсь додумывать, а ну как тоже антиматериализуется?!

Школьницы знакомятся со мной образцово, по учебнику: как зовут, откуда приехала, сколько лет. На последнем пункте их лица из азиатских делаются широкоглазыми рязанскими: десятилетняя разница между нами в глаза не бросается. И хорошо. А лет через 30 уже можно будет бить на жалость, как безвозрастная, древняя старуха.

Черт, какие же пейзажи вокруг! Серпантин, обрывы — и дорогу все время достраивают. То несколько грейдеров уютно сомкнули клешни, прикорнув под деревом; то строители с огромными черпаками разливают густой, черный вар и вся дорога дымит, будто по ней прокатилась зловещая карета Темного Властелина; то вдруг наша полоса нырнет между двух возвышающихся дорог и встречные автобусы, фуры с ящиками окажутся вровень с нашей головой. То поворот на 180 градусов, а под нами в немыслимой дали — каток озера, отражающий цветное разнолесье... Асфальт свежий, еще без разметки, и пахнет... Ах, как жаль, что я не прыгнула возле озера!

Автостанция оказалась на отшибе. Ой, всё, сказала я себе. Никаких многочасовых поисков жилья на ночь глядя. Так что отошла за первый

На тарантайке я сидела лицом к водителю, уцепившись в тюки. Против фотографий он не возражал — или просто не обратил внимания, увлекшись погоней за маршруткой? Экий Золотухин...

же забор, где нашлась тыльная сторона магазина лаков-красок-шампуней для машины, и нашла себе чудесную пустую комнату. А рядом — туалет! Это все формально относится к складу того самого магазина, однако же забора-то нет. И дверь в комнату можно закрыть изнутри. И даже свет тут есть — хотя, конечно, затемно включать его самоубийственно. Окно со шторкой выходит на внутренний дворик, вокруг пусто и тихо. Прекрасно! Скауты советуют устраивать стоянку рядом с водой, надо прислушиваться к дельным предложениям. Кинула там вещи, умылась рядом и пошла ужинать на автостанцию, размышляя, сильно ли испугается ночной сторож, если затеплить свечу в заведомо пустующем помещении. Впрочем, огонек будет виден только из туалета, а там испугаться уже не страшно.

Всегда люблю это ощущение разведчика во вражеском стане: сидишь в кафе, платишь за ужин, и все думают: вот беспечная туристка! Никто же не знает, что ты после этого идешь нагло вламываться в чужую собственность, чтобы спать на бетонном полу в недостроенной пристройке к складу.

На станции ровно в 6 рт спускают при гимне флаг на ночь. Мы с дочкой трактирщика были единственные, кто оторвался от своих дел и встал. Впрочем, это непоседливое существо, кажется, было радо любому событию, которое способно легально отвлечь ее от резки петрушки. А мне внезапно очень интересны чужие религии и традиции — видимо, за неимением собственных.

О, в моем гнезде есть и розетка! У этого места остается один минус — жара. Бетонная коробка пробыла на солнце последнюю часть дня, и теперь внутри стен духовка. Но и эта проблема к середине ночи пройдет. Ну что ж, нет повода не выпить, хотя бы местного странно-слащавого спрайта. Кажется, благодаря ему я исчерпала свою потребность в сахаре на ближайшие пару недель.

Романтический вечер при свете свечей и благовоний. Сейчас только нож поближе положу, и можно спать. Но одно то, что дверь сможет открыть только двуногий, причем двуногий с мозгом (надо отогнуть шторку и изнутри разлочить замок) ужасно радует. Минус вой собак, как раздражающий фактор! Возле дороги уже началась привычная ночная грызня. Как уютно с одеялком по эту сторону ограды! Все же стены — столь же великое изобретение, как и огонь. Они дают слабому голому человечку шанс не сдохнуть от инфаркта, просыпаясь от любого шороха.

Главным квестом оказалось, возвращаясь после вечернего мытья в темную келью, не наступить босой ногой на теплящийся конус благовоний у двери. А то я бы своим воем перебудила всех ночных сторожей округи. В ответ на первые вкрадчивые покусывания густо облилась вкусно пахнущим «Скелетоном» — фиг вам, сограждане. Сегодня мы СПИМ.

27 января. *Chiang Khan* → *Nong Khai*

Посреди ночи действие спрея кончилось и кровососы вернулись; я, почти не просыпаясь, достала бутылочку и повторно осенила себя этим знаменем. И все прошло. Наутро встаю, потягиваюсь, открываю рюкзак — и оттуда выпархивает невероятная стая, как моль из шкафа с шубами. Спрятались, сердешные! Повыгоняла всех на солнышко, порадовалась силе спрея — меня никто больше не тревожил ночью.

В какой-то момент около моего убежища начали тусить люди, и я притихла. Потом поняла, что уходить они не будут аж до следующей ночи, так что надо делать морду кирпичом и выбираться.

Первого встречного на территории я просто спросила, как пройти в LomSak; он, как обычно, ничего не знал, но не удивился: подумаешь, забрела туристка с дурацкими вопросами. На автостанцию иди спрашивать, махнул он рукой. Я послушно пошла. А у ребят, зависающих у входа, челюсть отпала гораздо сильнее — они-то стоят там давно и прекрасно знают, что пару часов мимо них никакие туристки внутрь не проходили. Они проводили меня взглядами, но ничего не спросили, а я не стала просто так травить байки. По их лицам было видно, что я создала им главную тайну жизни.

К городу я шла, вяло постопливая, еще не проснувшись толком. В таком состоянии меня поймала местная тетя. Она размахивала руками, доказывая: у меня кафе, и муж, а дочь скоро поедет в город, чего тебе пешком туда идти, это же несколько километров! Пожилая чета толком по-английски не говорила, но муж внезапно гаркнул по-русски: «Молоко! Мама!» — учил когда-то. Я села на скамейку, изобразив крайнее изумление, он ушел бриться, довольный эффектом.

В садике многое сделано своими руками — например, глиняная мойка на тумбе из дерева, или столы, собранные из некрупных бревен. Уютно. У дома открытый первый этаж и внутри масса украшений и финтифлюшек в старинном стиле — рога, картины, сети, шкуры...

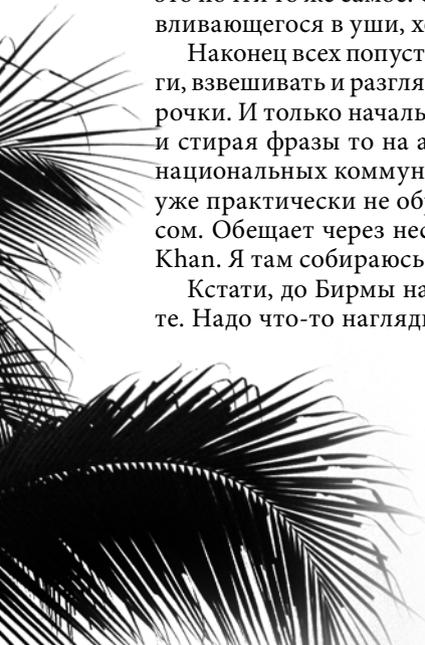
Глаза — невероятно-желтые, с коричневыми крапинками.
Сибаритствующий гипнокот.

Вскоре из дома выпорхнула великовозрастная дочь, почтительно забрала приготовленный завтрак и мы поехали. Соан категорично сказала, что раз я не хочу на автостанцию, мы сначала едем к ней на работу. Небольшая стойка ломбарда, бледные истощенные тени с той стороны — от хорошей жизни золотые дедушкины часы не закладывают. А с этой стороны прозрачной, между прочим, загородки дым коромыслом. Меня учат произносить имена — Suvit, Ou, Soan, Pituk, Lambae — кормят арбузом, вливают в меня то кофе, то молоко; я смеюсь, отбиваюсь и записываю. Клиенты явно как-то иначе представляли себе траурный день расставания с семейными реликвиями. Чуть менее униженно. Они ждали презрения, ругани, поучающих сентенций о собственной ничтожности и несостоятельности — а попали в балаган.

Тетя сделала завтрак не только дочери, но и мне — моя порция состояла из лапши с соусом-джемом и проростками. Вкусно, но однообразно, а порция огромна. Я размазываю еду по тарелке, как капризный ребенок, а ребята вокруг подоставали смартфоны и переводят на русский тайские фразы «ешьте лапшу», «русские девушки красивые», «как вам понравился арбуз» и «я принял душ» — с указанием, где это можно осуществить. Одна мрачного вида тетя не разделяет общего энтузиазма (может, потому что ее имя я так и не смогла ни выговорить, ни записать), сердито расставляет фрукты по столу, сурово молится — видимо, чтобы следующий день не был таким безумным, как этот. Мол, поразвели белых, работать невозможно. Моей Соан никак не дают поест — все прочие слишком заняты мной, а она одна — посетителями. Я держусь, чтобы не доедать выложенный кусочками арбуз — их тут шестеро и им еще работать, Рыж, положи вилку, лучше воды выпей, это почти то же самое. От общего мельтешения и массы чужого языка, вливающегося в уши, хочется спать.

Наконец всех попустило, ребята вернулись к работе — считать деньги, взвешивать и разглядывать с лупой чужие цепочки, навешивать бирочки. И только начальник все еще играет с телефоном, выстраивая и стирая фразы то на английском, то на русском. Возможность межнациональных коммуникаций захватила его полностью, как идея, он уже практически не обращает внимания на меня, увлекшись процессом. Обещает через несколько дней поехать вместе со мной в Chiang Khan. Я там собираюсь быть сегодня, поэтому вежливо отказываюсь.

Кстати, до Бирмы надо придумать, что отвечать на вопрос о работе. Надо что-то наглядное, но вне сферы журналистики, фотографии

и писательства — эти темы в полицейском государстве лучше вообще не поднимать.

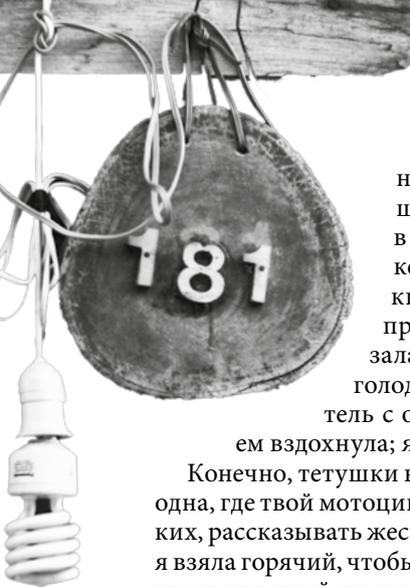
Зашла женщина, занесла ящичек странного. Это крошечные бутылочки (углубление — под большой палец, и даже у меня он полностью не вмещается). Внутри что-то вроде энергетического йогурта — молоко со вкусом витамина С. Сначала кажется странным, потом еще более странным, потом кончается бутылочка, оставляя тебя в недоумении.

Последняя в этой части очереди девушка все никак не уйдет — перечитывает договор, считает деньги, потом снова переводит взгляд на бумаги. Я нетерпеливо жду дырки в обшивке, чтобы дернуть Соан; а то мне уже показывают жен, дочерей и просят фотографий с ними. Ой, пора бежать. Да и время уже почти полдень. Удастся ли объяснить ей, что мне надо не в город, а между? Наконец состоялся фотосет со всеми участниками безумия, выстроившимися на ступенях. Я оставляла им свой адрес, но, конечно, никто ничего не прислал. Как ни удивительно, расставание прямо посреди трассы далось легко. А вот потом начались злоключения.

Все, абсолютно все встречные хотели довести меня на автовокзал. Многие даже были готовы вернуться. Я сдалась — черт с вами, выберусь из города на автобусе! Не тут-то было: автостанция в их понимании — это контора, к которой причаливает GreenBus. Я вздохнула, спряталась от последнего благодетеля за автобус, чтобы не расстраивать его видом моей пешей прогулки обратно. Убедившись, что он уехал, я пошла использовать город — раз уж меня сюда засунули. Нашла компьютерный класс, а при нем туалет (эффективнее всего показывать жестами не «вымыть руки» — тогда тычут в бочку с водой при входе, а неполиткорректную, зато действенную мужскую струю). Ну вот, фоточки уже в интернете, теперь можно и моими делами заняться.

Совет: останавливая машину, не здоровайтесь по-тайски. После этого невозможно объяснить, что тайского вы на самом деле не знаете. Кривая на один глаз тайка уже полчаса мне свою жизнь рассказывает. Впрочем, ей ответы, кажется, и не нужны. Да и мне хорошо — везет по нужной трассе, все довольны. Несколько раз крестьянка начала сокрушаться, что они проехали уже давно нужный им поворот, но мужик за рулем был непреклонен в своих добрых намерениях. Проблема в том, что крайней точкой своего благодеяния он наметил автобус-

ную станцию в городке DanSai, куда мне совершенно не было нужно. Я терпела, пока дорога шла в общем-то в подходящую сторону, но на развилке Loei — DanSai не выдержала и решила все-таки сломать немного его мир, десантировавшись прямо посреди кипарисов. По счастью, рядом оказалась харчевня, и я смогла это объяснить адским голодом. Мол, а потом такси возьму до города. Водитель с облегчением вздохнул; крестьянка с облегчением выдохнула; я тоже выдохнула и мы радостно попрощались.

Конечно, тетушки в кабаке тут же надели на меня: кто, куда, почему одна, где твой мотоцикл?! Вяло отбиваюсь — жарко, сил спорить никаких, рассказывать жестами сложно, дайте лучше яичницу доесть. Кофе я взяла горячий, чтобы заесть сладкое, но суховатое печенье; поданный традиционный стакан со льдом использовала, чтобы натереть себе холодом загривок, самое уязвимое место белого человека на солнце. Тетка, которая все это время считала, что я симулирую незнание такого простого и понятного языка, как тайский, после этого жеста окончательно сочла меня странной и отсела подальше. В это время другая, молчаливая тетенька принесла мой заказ, легко и быстро поинтересовалась у меня на английском, откуда я и как меня зовут. Вот. И никто больше не кричал на меня на тайском. Хорошо-то как.

Надо бы идти, но от кофе по жилам разлилась такая нега. Ничего не поделаешь с условным рефлексом: в Москве кофе я обычно пью после съемки, как награду за уже проделанную работу, так что организм его воспринимает, как разрешение расслабиться в кисель. Между тем время перевалило за час, а я еще черте-где. Надо как-то перемещаться расслабляться.

Я иду по пыльной, абсолютно пустой трассе (одна машина раз в 10 минут) и мечтательно вылавливаю взглядом то красивую осыпь ярко-красной глины — словно с выкрученными на максимум цветами; то бабочку с огромными пестрыми крыльями, которую потоком ветра из лощины неумолимо несло поперек дороги; то вдруг хижину и крестьянина, занятого обтесыванием тростника... Солнце жарит — середина дня! — но меня спасают намоченные и охлажденные волосы и недавний отдых, так что даже рюкзак не кажется особенно тяжелым. Убегающий вдаль серпантин дает новый смысл излюбленной игре в «что там, за поворотом?» — тут намного быстрее сменяется пейзаж.

Километре на третьем моей неспешной прогулки меня подобрала машина с водителем и двумя состоятельными тайками средних лет. Теперь мы гоним в Chiang Khan, точно по моему маршруту, и вся машина дрожит от хохота, когда мы валимся друг на друга на повороте. А повороты каждые 50 метров. Приятно ездить с теми, кто разделяет твое удовольствие от поездки! Хихикая, выбираем на развилке куда ехать; быстро разбираем салфетки на заправке и весело смеемся над девочкой, которая делает селфи на фоне карликовой пальмы.

Мы выехали на равнину. Здесь везде цветочные питомники, где под навесами ровными рядами ждет своего часа рассада в мешочках. Сотни, тысячи кустиков. А вокруг кустится вольный бамбук, зловещими многометровыми снопами подпирая облака. Не менее агрессивно выглядят цветы оранжевого вьюнка — в городе он послушно оплетает указанные ему стены, заборы и крыши, а вырвавшись на волю полностью поглощает деревья, накрывая их, словно живым одеялом. Если ветер шевелит листву, несложно представить нашествие красных муравьев, уничтожающих все на своем пути.

Chiang Khan — городок-игрушка. Деревянные дома, узкие улочки, и, конечно, лавки с кучей туристического сувенирного барахла. Никогда реальная жизнь не бывает столь же прекрасной, как эти «потемкинские деревни». Прямо жаль. Вот почему бы людям не вкладывать силы и деньги во внешний вид своего города *для себя*, а не для туристов? Не окупится? А провести всю жизнь в заплыванном бетоне — это нормально?

Символ города — велосипед; его можно встретить на бредоках, майках, шортах; в виде принтов и вышивок, как самостоятельную фигурку и как наклейку. Я прошла центральную улочку из конца в конец, насладилась общим видом и предвкушаю более детальное знакомство. Долго не решалась спросить про цены на жилье; наконец подошла к одному ресепшену, наугад, и задала сакральный вопрос. Тетенька взглянула на меня строго и набрала на калькуляторе 150. Я уже было взвыла от радости, но она вдруг протянула руку и зачем-то добавила еще один нолик. Увы! Потатицалась до указанного в LP Chiang Khong GH.

Им оказался старый, перекошенный будто древний корабль на приколе, деревянный дом. С видом на Меконг, конечно — тут все с этим видом, так как город строился вдоль реки. Теплое дерево и уютный запах старого, прогретого солнцем шкафа, ммм! Владелец повторяет «Thank you!» после каждой реплики и предлагает не торопиться с опла-

น.ส.ไมตรี สุรสิงห์
245 ม.1

той. Вместо этого он лично занес мне полотенце, а чуть позже постучал, чтобы я не пропустила закат на Меконге. И впрямь стоящее зрелище! Рассвет обещает быть не хуже.

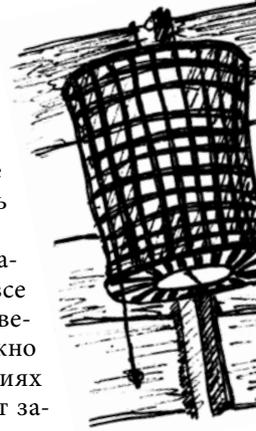
Мои соседи — экзальтированная французская пара. Красавица Марго только что послала бородача-Макса взглянуть, все ли со мной в порядке и почему я торчу кверху задом в углу вранды. Макс меланхолично оторвался от айфона, глянул в окно на мои ужимки и спокойно констатировал, в лучших традициях вышколенного английского дворецкого: она фотографирует закат, мадам.

Люди вокруг часто забывают, что английский всеобщ. Пока не подошел хозяин, со мной общался его мало говорящий подручный. Давать скидку он мялся, и вообще половину моей пламенной речи («можно без кондиционера, только с вентилятором, очень маленькую, без окна, но больше 200 бат не дам!») не понимал. На его растерянность молодой официант, наклонившись, посоветовал: чего ты паришься, ответь ей — очень жаль, спасибо что зашли, но комната стоит триста, поэтому до свидания. Он не учел почему-то, что эту фразу на хорошем английском скорее пойму я, чем его непутевый друг.

Поскольку я люблю универсальные предметы, раскладной нож заменяет мне весь маникюрный набор — можно почистить или подстричь ногти, снять лишние мозоли, шелушить заусенец и тд. Благо, острый нож и не такое умеет. Проблема в том, что по-настоящему острый нож обладает еще и свойствами анестетика — что срезал себе что-то нужное, узнаешь не сразу. Но все же обрезной маникюр дался мне сегодня малой кровью. Надо только не забыть вытереть в коридоре, а то напугается кто-нибудь.

Я так вымоталась, что была готова завалиться спать без ужина. Но моя комната расположена прямо над кухней; когда я лежу на кровати, то прекрасно слышу, как внизу режут лук и отбивают мясо. А если опуститься на пол, то эти же итерации еще и видно. Сквозь щели же неумолимо просачиваются не только звуки, но и запахи. Волшебные! Я пыталась бороться, но вовремя сообразила, что тогда апогей голода придется на ночь, когда ничего толком не раздобудешь, так что смирилась и спустилась. Ткнула наугад во что-то с рыбой за 80 бат и неожиданно получила весьма нажористую уху с грибами.

Солнце никак не утонет в реке. Вентилятор почти разогнал дневную духоту, но все равно после душа одеваться не хочется. Небольшой

пыльный светильник из тростника дает чуть желтоватое пятно света на белые широкие доски. За окном токает геккон; ставни распахнуты в дотлевающий закат...

Подсказка для ленивых: если вонючую потную майку кинуть на вентилятор (который с защитной сеткой, разумеется), то спустя час она прекрасно проветрится. Правда, на внешний вид это не повлияет, только на запах.

У комнаты над кухней есть еще один минус — дым. Он не ощущается как запах, но от него першит в горле и кружится голова. Спасибо хоть, вечером ребята закончили не очень поздно, я еще даже не успела начать бегать по стенам, задыхаясь в своей комнате.

28 января. Nong Khai

В шесть я аккуратно отклеила себя от кровати со словами «спать ты можешь каждый день и где угодно, а рассвет на Меконге в твоих краях показывают нечасто». Пообещала себе, если очень приспичит, лечь обратно после просмотра. Трижды ха.

Солнце встает в стороне от реки, золотит лаосский берег, рассеивает туман. Вчера мне выдали забавную карту города — скан с чьего-то небрежного рисунка ручкой. Это был вызов, так что утренняя прогулка имела целью не столько поиски завтрака, сколько сбор информации, полезной для туриста. Я уселась на веранде за столиком. Сейчас как общу, как нарисую! Знай наших!

Это оказалось немного сложнее, чем казалось. Извела кучу листов. География у города дурная — одна длинная улица вдоль реки, поперек нумерованные проулки-сои, скучно. И все интересные места размazаны, не соберешь их в рамках одного листа. Я сменила несколько листов, пока результат не показался мне условно-удовлетворительным, но была все равно недовольна.

На прогулке нашла внезапно католический собор. Ну, то есть комнату с низким потолком и распятием; оформлено в стиле сельского музея. На вывеске было указано, что Всевышний принимает граждан с 9:30 am, но служительница явно ощутила мою потребность в разговоре с высшими силами и без слов открыла мне на два часа раньше.

Вообще утро как-то не задалось. Сначала карта явно сопротивлялась рисованию. На рынке подсунули вчерашние (нонсенс!), холодные и твердые шашлыки, да еще затребовали вдвое дороже

Rose apple, местный фрукто-овощ. Похож на боярышник перцу на вид, но не пахнет, а полный сладкой «яблокоподобной» мякотью. Вкусен необычайно, особенно, когда с медом.

обыкновения. И даже не разогрели! Потом мне попытались впарить цветастый халат, единственный сувенир, который мне бы мог пригодиться в дороге, за 250 бат. Я говорю: да за эти деньги можно платье по фигуре купить, не только мешок из хб! Но нет, никаких скидок. Потом я отыскала АТМ, сняла денег — и мне заблокировали карту. Такое происходит, когда сумма великовата и страна неожиданная. Апогей, думаю. Тьфу ты.

Я пошла в интернет-клуб, попросила друзей кинуть мне денег на skype, быстренько созвонилась со службой мониторинга банка и подтвердила, что странные операции с деньгами делала действительно я, а не какие-то злодеи. Они пообещали оперативно вернуть мне власть над картой. Настроение немного улучшилось, и я решила позвонить кому-нибудь на мобильный, чтобы разбудить и поболтать. У нас восемь, в Москве, значит, еще только четыре, большинство моих друзей еще даже не ложились.

Выбор адресата был странный; странным оказался и результат. Возбужденный Костик на том конце поведал, что как раз собирался мне писать: а не хочу ли я вляпаться в странный проект и помочь арендовать лофт 250 квадратов, с четырехметровыми потолками, под разные цели? Мастерские и комнаты для жизни, например. Он вот собирается там жить. И еще пара человек.

Это сообщение переполнило мою и без того довольно беспокойную голову, так что я быстро завершила разговор, свернула все дела в интернете, пошла домой и сунула ее под ледяную струю в ванной. Стоя в такой странной позе и глядя на убегающую по полу воду (где-то там, десятком метров ниже, эти мутные капли впадали в великий Меконг) я подумала, что большие испытания суть всегда большой шанс. И если мне предлагают пожить РЯДОМ с тем человеком, с которым всегда единственно верным решением казалось жить ВМЕСТЕ, то это, в общем-то, тоже чего-то значит. Голова остыла, план убить все человечество немного подзавял и я начала соображать. Для начала — надо собрать вещи и сделать чек-аут. Еще месяцок подумать у меня есть. Так что — в путь.

*Я ее точно не убивала!
Я ее начала!*

Пом в одном из банок.

На трассе Chiang Khan — Nong Khai чрезвычайно много фур. Я их не торможу — легковушки удобнее, и чаще бывают англоязычными. Но когда эти громадины идут пустыми, то разгоняются, как освобожденный от поклажи ослик. До сотни, и на повороте не сбрасывают, а проходят его юзом, чуть ли не на двух колесах. С тормозящими играют в шашечки. Выглядит жутковато, как бегемот-балерина. Только успевай отскакивать.

И еще мешают мотобайки. Тут масса деревень, и между ними, конечно, все небогатые местные предпочитают добираться на двухколесном коне. Вереница занимает весь левый, ближний к обочине ряд; машинам негде тормозить, да и мне сложнее поймать чей-то взгляд. Пока ловятся очень локальные машины, на пару деревень. Уже три, а я всего в полусотне километров от места старта.

Тай — очень спокойная страна, так что я не удивилась, обнаружив, что забыла вернуть нож в его место на по-ясе, оставив болтаться в каком-то кармане рюкзака. Юноша, что везет меня, стал часто употреблять выражение «мы же друзья» — первый признак опасности для автостопщика-девушки, маркер настроения, рефлекс на который оттачивается годами. Было жарко; машина пыльная, грязная; парень пухлый и неопрятный. Когда он предложил не ехать сегодня дальше, а заночевать у него — в общем-то обычное предложение для местного люда — я поймала себя на неприязненной мысли, что если он меня коснется, я разобью ему пяточок фотоаппаратом. Старые зеркала содержат очень много стекла и металла... И тут же устыдилась. Ничего такого он, конечно, не имел в виду. Просто я озлобленная и опасная. Он довез меня до автостанции, высадил, вежливо попрощавшись; и так и не узнал, насколько был близок к провалу.

Наконец поймала машину наподольше. Полицейские, с настоящими пушками! Если они попытаются меня изнасиловать, будет что рассказать детям. Но пока я объект заботы — они осматривают свой участок, останавливая для меня у каждого View Point, чтобы я могла пофотографировать. На одном особо впечатляющем месте

Один из местных способов заработка — продажа сортированных камней.

капитан достал айфон и попросил сняться с ним. Он все время хочет меня потрогать — то руки коснется, чтобы внимание привлечь; то плеча — убедиться, что мне не холодно; то ноги, чтобы уточнить, что я правда ими шла от Chiang Khana. Возможно, совместное фото было тестом на порядочную женщину, и я его завалила? К тому же, он заплатил за мой хворост на остановке и купил мне колы. Что-то дешево, что я — Плохиш, за банку варенья и пачку печенья продаваться?

Черте-что, а не день, хоть обратно ложись. Так ведь некуда уже! До моего хостела 70 км.

В Тае много людей, которые упарываются ради удовольствия. Всякие бегуны на длинные дистанции встречаются по дорогам, и тяжести на открытых тренажерных площадках все тягают, и ездуну на тонкокамерных скоростных велосипедах могут где-нибудь в безлюднейшем месте попасться. Сразу видно благополучную страну, где у жителей есть время и силы на спорт.

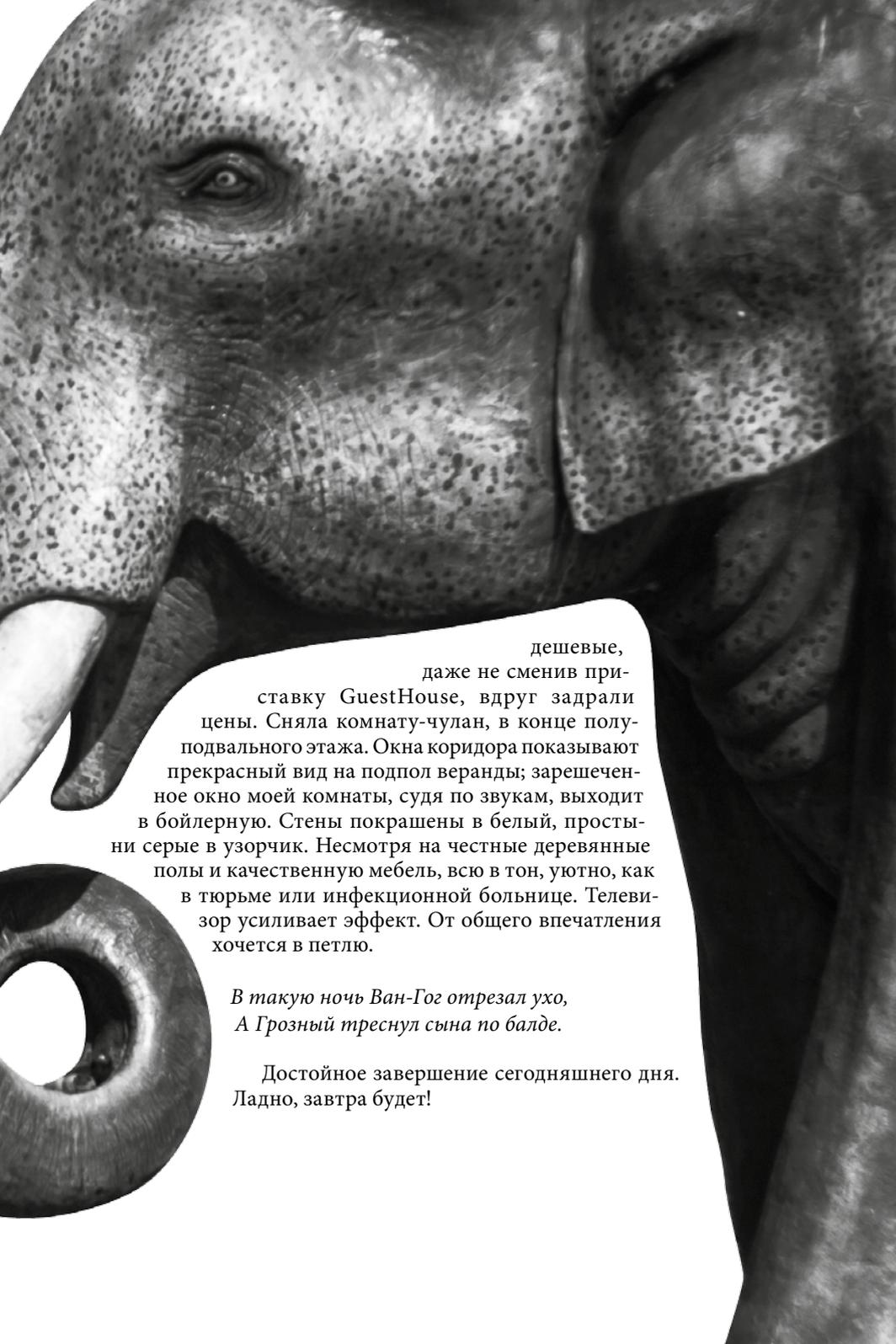
Совершенно выжата. Выбросили меня в трех километрах от города (а я ведь говорила: направо, направо сворачивайте!) Пока искала дорогу, стемнело, и меня подбросил на байке огромный, заросший белесой щетиной американец. Сильно за полтинник. Когда он предложил не искать отель, а провести ночь с ним (вот уж кто имел в виду то, что сказал, в отличие от тайца!), меня даже на посмеяться не хватило.

Город изрядно разросся
и мои отели, самые

Вы видели рэкет слон? Вечерами по отелям и ресторанам нешешно идет процессия, Пара погонщиков и огромная туша — попробуй не дай. Принимает бананы и деньги. Фотографировать его в это время не позволяют, и погонщик с убойным молотом как бы намекает, что требование это серьезно.

*Но это не тот слон. Они с птицей — просто садовые скульптуры.
У кого какой сад...*

дешевые,
даже не сменив при-
ставку GuestHouse, вдруг задрали
цены. Сняла комнату-чулан, в конце полу-
подвального этажа. Окна коридора показывают
прекрасный вид на подпол веранды; зарешечен-
ное окно моей комнаты, судя по звукам, выходит
в бойлерную. Стены покрашены в белый, просты-
ни серые в узорчик. Несмотря на честные деревянные
полы и качественную мебель, всю в тон, уютно, как
в тюрьме или инфекционной больнице. телеви-
зор усиливает эффект. От общего впечатления
хочется в петлю.

*В такую ночь Ван-Гог отрезал ухо,
А Грозный треснул сына по балде.*

Достойное завершение сегодняшнего дня.
Ладно, завтра будет!

29 января. Udon Thani

Мои утренние сборы обычно занимают минут 7-10, в зависимости от уровня морального разложения с вечера. Вчера я ничего не делала, ничего не доставала и вообще почти сразу упала спать, так что чекаут получился мгновенный, в формате «встали-вышли».

Поезда, если люди вокруг не врут, начинают в нужном мне направлении ходить только с часу. Все еще по инерции бреду в сторону жд, раздумывая над перспективами; на углу встречаю светловолосого парня, и машинально, размышляя вслух, спрашиваю, как он думает добираться до Удона. Ему тоже сказали про час, посоветовали автобус, так что он идет на автостанцию. Начинаю огорченно расписывать, как прекрасны поезда в Таиланде, на что он, прислушавшись к звучанию моей спотыкающейся английской речи, прерывает меня по-русски: Ты из России? Ну так давай по-нормальному.

Так без моего участия решилось, что я еду автобусом. Мрзд учит не отказываться от его подарков, а симпатичный айтишник в такой ситуации несомненно тянет на дар небес. Как минимум, это дает мне шанс не разучиться говорить по-русски; а то за предыдущие три недели единственной языковой практикой был трехминутный разговор с банком.

Паша уехал из Екатеринбурга, повинувшись мечте взять последний уровень в игре Ingress. Новое увлечение, проект google: по всему миру люди строят «порталы», чтобы отражать нападения врагов от своих и захватывать чужие. Он погружен в телефон и почти не отрывается от экрана; весь окружающий мир воспринимает через сетку точек на карте. Мы составляем любопытную пару фриков: я гоняюсь за заброшенными домами, помойками, канцелярскими и узкими улочками; он — за достопримечательностями или совсем неприметными пунктами, лишь бы в карте было помечено, это этот объект посещал кто-то из своих. Долго вместе, нам, конечно, лучше не оставаться — мы в первые несколько часов наталкивались на потенциальные проблемы, но пока галантно их обходили. Надеюсь, галантности нам хватит на пару дней.

Пока стык интересов тривиален: поскольку байк арендовал он, мы катались туда, куда было нужно ему, и находились в каждом пункте ровно столько, сколько было достаточно для взлома портала, или создания паутины, или сбора маны. Зачастую для фотографирования или прогулок этого было

*Забудь о делах. Напрячь губы
и поубавь свой собственный
М. мейби, кто это — мурзилка.*

недостаточно, а метались мы по городу основательно. Чувствовать себя балластом не особо приятно, но от процесса перемещения по теплому городу я все-таки получаю довольно ощутимое удовольствие. Возят, кормят — почему бы не побыть один денек домашним животным. От невозможности преследовать другие цели, я машинально переключилась на пищевые интересы и начала есть, как не в себя, каждый раз, когда встречается какой-нибудь ларек: фрукты, мороженое, сладости, пончики, мясо, мясо, мясо... Забавно, что такой день ничего-неделания меня сильно вымотал — хочется лечь и не двигаться, по возможности, никогда. Быть полностью ведомой, ходить словно с закрытыми глазами, не запоминать дорогу и не пытаться осознать, в каком мы вообще районе; беспомощно канючить «есть хочу, есть хочу» вместо того, чтобы немедленно рвануть на поиски МНЕ подходящей еды — во всем этом несомненно есть нечто свежее, но больше двух дней я так не протяну.

Хммм. Заход в интернет с попыткой зарегистрироваться на мой рейс в Мьянму внезапно показал, что вылет у меня не четвертого, а одиннадцатого. Ну, на неделю ошиблась — спасибо хоть в безопасную сторону!

31 января. *Khan-Kaen* → *Ubon Rachathani*

Птицы начинают петь, лишь только процесс рассвета запущен. Плевать, что небо еще темное — с их насестов над городскими крышами

уже видно, что ночь не бесконечна. В начале седьмого на улицах больше некому шуметь, так что их трели разносятся через все перекрестки и площади. Днем тут будет столпотворение; машины и люди сойдутся в одну суетливую пробку. А пока бредешь наедине с птицами, словно ты только что открыл совсем новый город, еще пока не населенный людьми...

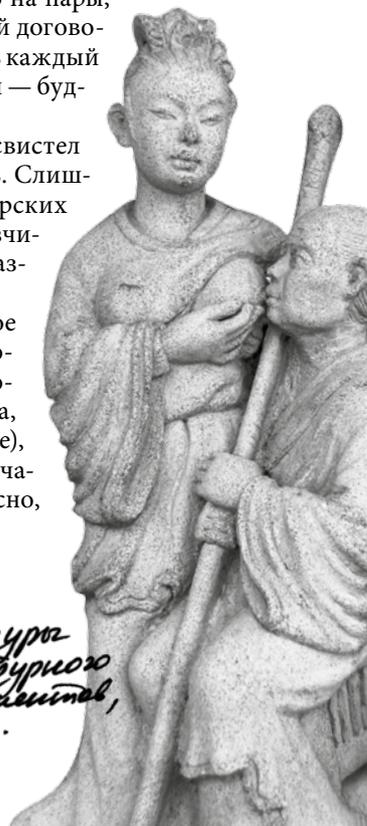
Разрекламировала Пашке поезда-игрушки, а вышло все не так. Подали дизель — шумный, дымный и промозглый. С унылыми кольцами, свисающими с поручней и тусклыми лампами холодного «дневного» света. Поезд ранний, рассвет только-только тронул мокрые поля, распахнутые в холод окна никого особо не радуют. У меня было ощущение, будто в мою сказку пришли скептики и показали ее мне без романтических прикрас: просто способ перемещения из пункта А в пункт Б. Неудобный, но хотя бы дешевый. Нет, пожалуй, я еще не доросла до того, чтобы ездить группой. Она слишком неповоротлива. Я ощущала себя, как мустанг, которого внезапно оседлали, а потом и вовсе надели латы и шоры.

Триумфальное шествие с вокзала нас четверых (к Паше присоединились две его компаньонши, тоже русские) с железнодорожного вокзала до хостела была прогулкой тевтонским клином. Кажется, это ощущала не только я. Так что мы быстро разбились обратно на пары, приобретя некоторую легкость; а уж когда с Пашкой договорились встретиться вечером в отеле, чтобы погулять каждый по своим делам, ощущение свободы достигло апогея — будто с последних уроков отпустили.

Неудивительно, что когда в городе Пашка просвистел мимо меня по своим делам, я не стала его окликать. Слишком все хорошо так, как оно есть. Идти мимо мастерских и улыбаться парням, чинящим байк; засмущать грузчиков за работой; заглянуть в темный магазинчик, разглядев в глубине лоток с мороженым...

Кстати, тут мы впервые попробовали «мороженое в кокосе». Это когда на дно выскребленной кокосовой половинки накладывают «допинги» (выбор довольно странный: моченые личи, рис или кукуруза, мелко рубленый кокос и какая-то тухлятина в банке), сверху кладут сам кокос, сливки и мороженое. Получается вазочка, которую можно ковырять на ходу. Вкусно,

*Жиле шаловливое скульптура
у этого китайского культурного
узелка. Для привлекательности, небось.*

Мороженое в кокосе.

хотя немного однообразно. Сюда бы мед, кило мороженого и фрукты!

Я втерлась в местную типографию — всего лишь современные ризографы, не так любопытно, как старинные штампы и литеры. Поболталась между станков, поборолась с искушением выпросить себе пачку розовой бумаги — будущих чеков. Как на них должно быть приятно писать! Но ведь мне нужна именно местная, с какими-нибудь закорючками...

Мой героический отказ был вознагражден — следующей точкой оказался сбор макулатуры! Груды коробок до потолка высоченного склада, конечно, меня не особо интересовали — а вот несколько свежепринесенных пачек у ворот я обшарила с любопытством. Ребята были заняты перекидыванием на весы новенького и не мешали мне. Я отобрала несколько договоров на тонированной бумаге, ксерокс

чьего-то паспорта и пару детских рисунков.

Дальше начался питомник цветных рыбок — огромные мутноводные чаны с золотыми проблесками. Я заглянула в каждый, чем страшно насмешила местных менеджеров.

Проблему туалета в таких районах можно решить двумя путями. Или через забор в бурьян со следами предшественников прыгнуть, или через тот же забор окликнуть кого-то из ремонтной мастерской и провернуть пантомиму «девочке приспичило». Говорить при этом нельзя: первые же английские слова переводят тебя из категории «несчастное дитя» в ранг «интурист» и оппонент начинает в панике оглядываться, кто бы его прикрыл от необходимости говорить на этом страшном языке.

Я промахнулась с перекрестком и попала на пыльные задворки железной дороги. Дедушка-мороженщик на очень толковом английском высмеял мои предположения о том, где я нахожусь, и ловко поставил жирную точку на одной из третьестепенных улиц в моей карте. Что ж, направление я взяла верное. Решив наконец

плотно позавтракать, встала в очередь к бабушке, готовящей прямо на улице суп. В огромный чан, разделенный на половины, опускается сетчатая черпалка. В чане — кипяток. Из набора снеди на столе выбирается и опускается вариться: нарезка разных видов мяса, трава (петрушка и популярные тут проростки пшеницы), и конечно, собственно лапша. Она по сути быстрого приготовления, так как тонкая. Это все потом скидывается в миску и дополняется темным бульоном из второй секции.

Я сначала села прямо на бордюры рядом, на что покупательницы вокруг замахали руками и провели задами к недалекому крупному кафе. Усадили за пустой столик, принесли от бабушки ароматную миску, дали воды и пароль от Wi-Fi на бумажке. Я смаковала суп, смахивая слезы благодарности.

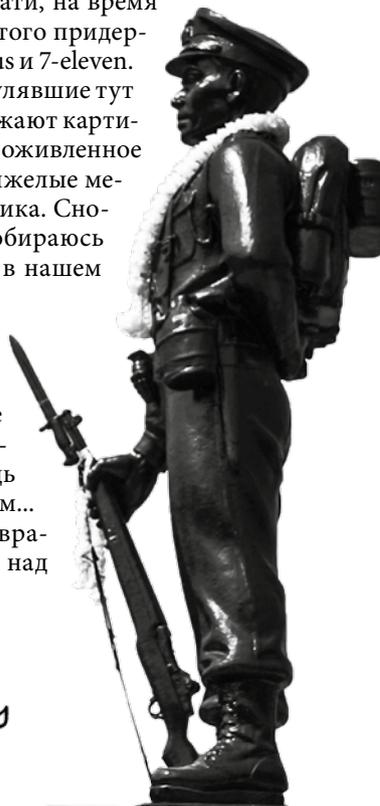
А в магазине неподалеку нашлись открытки за 3 бата! Я даже не поверила, что бывают такие цены. Картинки очень-очень старые, выцветшие, но довольно интересные.

Жара. Дошла наконец-то до озера — почти два километра. Запущенный сад, старые велодорожки, огромная водяная гладь. Рядом с беседкой торговка укачивает себя в гамаке. Тут, кстати, на время дневной снесты запрещена продажа алкоголя — этого придерживаются, конечно, только гиганты типа Tesco Lotus и 7-eleven. Сонное царство — в полусне на скамейках лежат гулявшие тут граждане, десяток еле живых от жары псов изображают картину «моровое поветрие в питомнике». Единственное оживленное место — площадка, где дюжие мужички катают тяжелые металлические шары, стремясь выбить шар противника. Сноу петанк. Говорят, он и в России прижился. Пробираюсь сквозь ремонт дороги к центру и мечтаю о душе в нашем стареньком отеле.

Плотный обед меня совершенно вымотал. Особенно сильно ударила сладкая булочка, такая воздушная, что ее можно было смять в кулаке до размеров дайса D20, выжав при этом обратно все 200 грамм маргарина. В отель, на часах пять, можно часик вздремнуть... или лучше письма? А то ведь письма потом не дадут. А поспать что, дадут?.. Гммм...

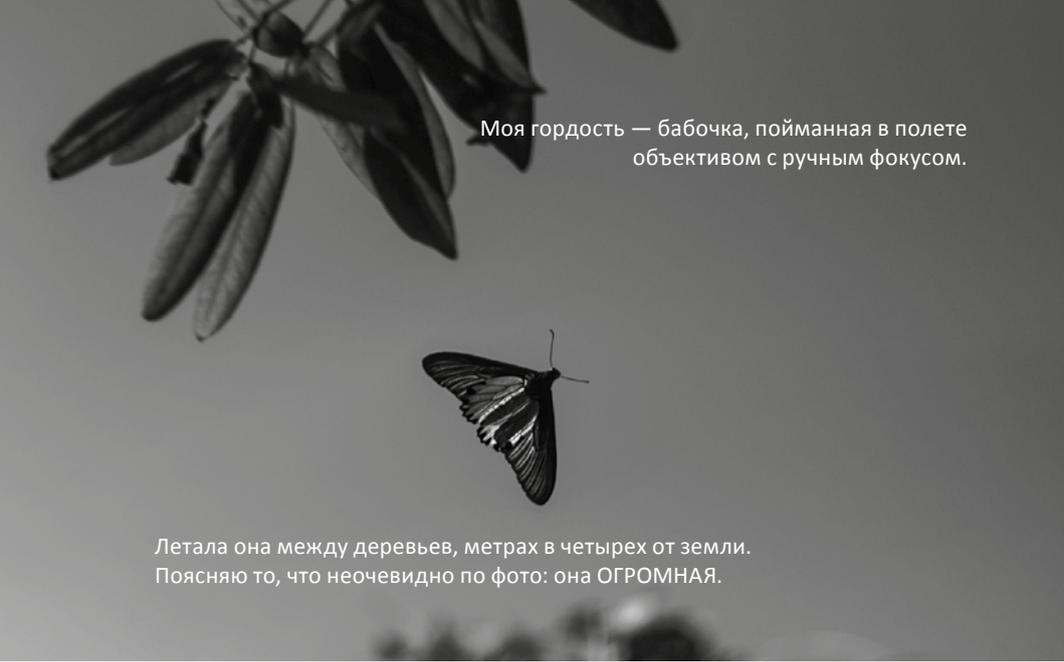
Проснулась я от холода — вентилятор превратил мой загылок в кусок льда и усиленно работал над

*Неизвестной
нагроможденной повстанцев* →

Моя гордость — бабочка, пойманная в полете объективом с ручным фокусом.

Летала она между деревьев, метрах в четырех от земли. Поясняю то, что неочевидно по фото: она ОГРОМНАЯ.

остальным телом. И как только люди выживают под кондиционером, который не только дует, но еще и остужает?! И зачем они за это доплачивают?! Загадка.

В начале одиннадцатого вернулся Пашка (я успела написать пару писем и начать засыпать над книжкой про Вирджинию Вульф). Принес плакат со спектакля с подписями участников и сногшибательную историю, как он отыскал игрока-тайца, взламывающего порталы неподалеку от него, прижал его в реальности и познакомился, после чего ездил с ним на байке в разные локации. Так что игра, казалось бы, уменьшающая шансы на общение, одновременно их увеличивает. Я испытала жгучий приступ зависти — мой день был весьма элегичен и событиями не насыщен — и пообещала себе вскоре устроить каких-нибудь приключений.

31 января. *Ubon Rachathani*

Ночью меня накрыло паранойей, от которой руки покрылись волдырями. Чертовы клопы! Паранойя передалась Пашке, которого обычно не едят, так что спали мы паскудно. Несмотря на это, в семь утра мы уже встали. Решение ехать пришло за полночь, и нам было немного нелов-

ко, что мы не предупредили девчонок — но когда наутро мы заглянули к ним в комнату, чтобы извиниться и попрощаться, обнаружили, что их и след простыл. Облегчив свою душу, мы пошли на трассу. Тут выяснилось, что у меня есть шанс лишиться Пашку автостопной девственности, так что я решила не упускать возможность.

Конечно, поймали едва ли не первую машину — у них большие кузова, можно ездить вдвоем с двумя большими рюкзаками, и никаких проблем. Спустя пару пересадок нас опять завезли на автостанцию, и Пашка, несмотря на приличную скорость, с которой мы перемещались, предложил дальше ехать автобусом. Мол, попробовали, и хватит. Стоя на станции, сопротивляться трудно; я плюнула, не став возмущаться даже когда он взял билеты в первый класс.

Ох уж мне эта странная логика, когда от центра города до аэропорта — 1 км, до железнодорожной станции 3 км, а до автостанции — больше шести! Таксишная мафия у них, что ли? Пришлось ловить маршрутку.

Приехали мы поздно, душ со стиркой тоже отняли время, так что на прогулке я успела только пообедать, немного заблудиться и упасть в объятия интернета. Обычно «игровые» комнаты оборудованы шикарными мягкими кожаными креслами, похожими на сидение Большого Босса. Они манят и обещают погружение в иной мир. За спинами удрученно бродят и грустно мяукают юные мальчишки, которые просадили уже все деньги и сегодня больше не могут потратить 10 бат на какую-нибудь линейку или контру. Они заглядывают играющим в экраны, советуют «лошадью ходи», напевают песенки и канючат. Время от времени в дверях появляется очередная сестра (мамы сами до беготни по богомерзким заведениям не унижаются), и начинается «ну еще пять минуточек» — «да мама уже тысячу раз звала». Кстати, девочек в компьютерных классах не встречала ни разу, несмотря на всю толерантность Таиланда. Единственный вид половой дискриминации, который мне тут встретился.

Стоило немного посортировать снимки и поболтать с родиной, как на улице почему-то стемнело. Выпала я уже прямоком на night market. Конечно, правильное его называть не «ночной», а «вечерний» рынок — он открывается с закатом и к десяти вечера уже полно-

стью разъезжается. Цены не самые низкие — кеды, например, 400 бат (800 руб). Зато аксессуары на смартфоны всего от 50 бат (100 руб). В России существует практика дарить покупателю телефон и надеяться, что он потом вернется тратить деньги на чехольчики-рингтончики, потому цены на бессмысленные цацки такие невероятные.

1 февраля. Ubon Rachathani

Люблю рынки. Чертовски люблю рынки. Уютные улочки между огромных кип свежесрезанной зелени; вороха цветов, первая похлебка, которую неспешно, со вкусом едят торговки, перемежая движения челюстями с первыми утренними молитвами. Деловитость заведенного механизма — в этой толчее все знают, что им нужно. Я ощущаю себя случайной деталью — всего лишь праздный зевака, подглядывающий сценки из чужой жизни.

Никогда не умела заучивать слова; в LP, конечно, есть список из сотни выражений, но он прошел мимо меня, не задержавшись. Зато от постоянного повторения вдруг стало ясно: сип — 10, ди сип — 20. Отбираешь фрукты, молча берешь пакет. «Ди сип!» — протягиваешь бумажку, «Коб-кун-кааа!»... Прямо гордость ощущаешь в этот момент. Счастье беспроблемной коммуникации на чужом языке.

Надо бы как-нибудь заставить себя попробовать желтую лапшу. Но стеклянная рисовая так вкусна, что при любом возникающем выборе я не могу устоять. Мальчишка ловко орудует щипцами, вылавливая в чане с кипятком снулую ошпаренную зелень. Из витрины с висящими шматами копченого мяса хватает кусок, быстро срезает с него пару стружек, бросает обратно. Сноровисто шаманит над миской, добавляя в месиво нарезку трав из разных ящичков и немного вареного яйца. Скорость приготовления блюда в Азии возведена в ранг священнодействия — даже простой коктейль ловкие руки превращают в танец бармена. Ну, здравствуй, завтрак.

Учить названия блюд неинтересно — они состоят из последовательно нанизанных ингредиентов. Супчик, который я обычно заказываю, так и называется «лапша с чем-то». Белая лапша на тайском — lek sek nam. Со свининой или курицей обычно, но бывает еще с seafoods, или колбасками, или чем под руку попадется. Но этого в меню все равно не пишут.

*Вот он, прародитель Red Bull. Настоящая
из мышечек и меда, «пробуждающая жесткость мышц».
Не помогает, как и Red Bull.*

Улица никак не кончится — судя по карте, по ней можно прийти в следующий город. В рюкзаке булькает вода с колотым льдом (люблю выжимать из кафешек максимум пользы); во рту невыносимая, почти тягостная сладость манго («37 бат, как дорого!» — ахнула я, и продавец, посмеявшись, предоставил скидку в два бата). На мне снова чужая майка — Пашка дал погонять свою, пока мои сохнут; впереди целый теплый день, когда можно никуда не спешить, и номер гостиницы уже оплачен.

Почту найти оказалось не так легко — все опять показывали в разные стороны и никто не признавался, что опознает это место по карте. Пришлось дойти аж до университета. Пообщалась с одной из студенток — на очень правильном, книжном английском она спросила мою страну и имя, представилась и предложила сфотографироваться — одним пакетом, без пауз, привычно анкетирруя очередного туриста для своего гербария. Она помогла мне с почтой, так что я решила не отказываться и положить свой засушенный отпечаток в эту коллекцию.

Местные пекарни — это ужасно. Они пахнут ванилью и маслом на всю улицу и притягивают, неумолимо и беспощадно. Булочки уже упакованы, снабжены этикетками и уютно выложены в ряд. Всего 20 бат. Они непристойно мягкие, светлые; вызывают ассоциации с необъятно пухлой тетушкой. Сминать губами эту пышку также стыдно, но сладостно-счастливо, как пнуть ненавистную тетю, вечно лезущую со своими мокрыми объятиями, ногой в живот. Когда разворачиваешь булку (ее пакуют так прочно, что я обычно пользуюсь ножом), хочется спрятаться, чтобы никто не видел твоего падения. Как только с едой покончено, запах подгорелого сахара начинает вызывать тошноту и омерзение, тянет покинуть место преступления.

Я сижу за деревянным столиком на улице, перед огромной витриной, за которой месильная машина и обитый жестью стол. Именно тут пышек готовят к заклятию. Сил встать у меня пока нет. Полдень, начинается жара, и даже в тени ощущается давление, властный солнечный пресс. Операционная абсолютно пуста и чиста — последняя порция булочек обжаривается в печи. Мои пальцы невероятно пахнут ванилью, и я невольно ощущаю себя грузной масляной булочкой, томящейся в духовке. Скоро меня достанут и сомнут чьи-то неопрятные пальцы...

Смотришь на пухлощекого прыщавого школьника и думаешь: вот, такая кроха, и ведь никто не знает (и сам он еще не задумывается), кем

станет — красивым юношей или красивой девушкой. Таиланд такой Таиланд.

На ужин мы пошли вместе, должна же быть какая-то культурная программа кроме совместных переездов. Посреди ночного рынка отыскали свободный столик, расчистили от стаканов из-под пепси. Рис мягкий, рыхлый — менее вкусный, на мой взгляд, чем на лотках. Взяли по тарелке, добавили мяса. Пашка соблазнился полупрозрачным ломтиком свинины, а я от жадности хапнула огромную шпажищу багровой курицы. Жадность была наказана — при ближайшем рассмотрении мяса в шашлыке не обнаружилось. Где они набрали в курице столько кожи?! Так сытые, но неудовлетворенные, мы уткнулись в средства связи: Пашку донимали негодяи из Свердловской области, которые весь Ебург «накрыли полями» (то есть создали сетку из порталов, объединенных связями) и записали пафосное видео-послание «этим снобам из города», объявляя, что могут играть и без них.

Придя в окончательно дурное расположение духа, Пашка решил исправить его хотя бы в пищевом смысле, так что выяснил у меня предпочтения на продолжение банкета, быстро нашел сносно англо-говорящих тайцев и не слезал с них, пока полностью сформированный и уточненный заказ не ушел на кухню. Теперь можно откинуться на спинку и подождать. Хотя шкура курицы все же добралась до моего желудка и ко мне подкрадывается негаданная сытость, я надеюсь, на попробовать что-то новое меня все-таки хватит.

Снующие мимо торговли не подходят к нам уже полчаса, так что Пашка открыл гуглотранслейт с тайским вопросом «где моя курица, чувак?!» и ушел в народ, наводить справедливость. Весьма вероятно, что моя улыбчивая мимимишность — не единственный способ получить от мира желаемое; его способ тоже работает. Я уселась поудобнее.

2 февраля. Nakhon Ratchasima

Поезд в семь с дальнего вокзала, так что мы решили выйти за час — на тот случай, если никто не подвезет. Маршрутка попалась уже на первом мосту, так что на перроне мы оказались столь рано, что успели на предыдущий поезд, в 6:18 am. Станционный смотритель кивнул нам на стоящий поезд, мы торопливо уселись; но он присматривал за глупыми туристами и не дал нам уехать не туда, замахал руками — дальше, дальше! Оказывается, этим поездом надо воспользоваться, чтобы через

тамбур, попереk, просочиться в следующий. И этот второй еще тоже не наш, наш — третий, на самом дальнем пути. Боже, благослови контролеров и проводников!

На остановке между городами в поезд сноровисто набились крестьянки. Мужья и сыновья, едва только поезд притормозил, начали закидывать в вагон корзинки и тюки с зеленью; последние добрасывали в окно уже после отправления. Всюду виднеются соломенные шляпы от солнца, нахлобученные поверх косынки или даже просто полотенца, свисающего на уши. Рынки тут открываются довольно поздно.

Мимо торговцы носят невкусную ерунду. Нас с Пашкой обоих не устроила кукуруза: меня потому что она вареная, а я люблю сырую; Пашку — потому что она без соли. Огорченные крестьяне долго перешептывались, нелюбезно поглядывая на зажавшихся белых. Впрочем, день еще только начался и покупателей будет много.

Nakhon — город за стеной. Но в отличие от обычных исторических центров, стена тут играет чисто функциональную роль. Она не особо старая, не слишком-то красивая. Просто забор из бетона. Внутри тянется сплошной рынок, перемежающийся с ювелирными лавками. Я долго брела между рядов пищевых искушений, пока не нашла случайно то, что хотела — rose apple, чуть битые, и потому ужасно дешевые. Торговка, пухлая девица, ни за что не хотела продавать мне гнилые, и все отчаивалась, что глупая туристка не понимает. Наконец сдалась, и я стала обладательницей целого килограмма счастья всего за 40 бат. Кстати, цены тут вообще хорошие. Мелкие, на одну монетку, сувенирные кошельки со слониками — 10 бат. Кило винограда — 150 бат. Золотые серьги — 100 бат. Яблоки — 50 бат.

Рынок еще закрыт, ищу какую-нибудь едальню попроще, брожу по радиальным улочкам вдоль стены, наворачиваю петли и узелки — вдоль главной улицы, свернуть, снова на главную... Где-то вручную готовят сардельки (ловкие пальцы отмеряют пять сантиметров, стягивают бесконечную колбасу ниткой, перебрасывают чуть дальше и опять повторяют все те же движения). В другом углу помешивают густое, острое на вкус варево, из которого сиротливо торчат куриные лапки. Лапы тут вообще продают весьма часто, иногда прямо в виде шашлыка. Специфическое ощущение, вспоминается истории от биолога Нила Шубина, как он бестрепетно препарировал трупы по работе — сердце, печень, ребра... ничего интересного и страшного — пока не дошел до кисти. И вот тут его накрыло ужасом и тошнотой, потому

что эти пальцы еще недавно гладили и пожимали, отдавали честь, ковыряли в носу — в общем, жили. Так и с курицей. Одно дело освежавшую жопу жевать, другое — встретиться с лапами. Эдак веганом стать недолго.

Наконец, далеко убредя от центра, нашла кафе с офигенной хозяйкой, уютной сухой тегушкой. Она была мне настолько симпатична, что я решила ткнуть не глядя в принесенное меню. Itani оказалась узкой белой лапшой, залитой соусом из мясного фарша и, кажется, кокосового молока. Пока я выясняла название, помощница хозяйки быстро сварганила второе, неправильно истолковав причину моего интереса к меню. Я увидела, замахала руками — но тут же устыдилась. Ребята старались... заберу с собой, потом поем. Но хозяйка, наблюдавшая всю сцену, сделала правильные выводы, отобрала у меня тарелку и сказала, сколько заплатить за одну порцию. Напоследок показала в меню на другое блюдо: в следующий раз бери это, тебе понравится.

Собирая себе ужин я поступила, как истинная девочка. Купила невкусного, но красивого печенья (снаружи выглядит как многообещающая сладкая булочка, а внутри стружка безвкусного растения, словно сырая картошка), шпажку клубники в шоколаде и кофе. Фондю тут делают немного непривычно — сначала макают в горячий шоколад, а после сдабривают цветной посыпкой для торта и опускают в ледяную воду, так что на выходе получается аккуратная, никуда не капающая конфетка.

На выходе поискала, куда бы кинуть зубочистку от клубники, владелица ларька меня окликнула и показала на ведро рядом с собой. Ее напарник тут же ловко шагнул вперед, выпятил грудь колесом: что там ведро, принцесса! Давай мне в карман рубашки, буду хранить у сердца!

Наконец нашла в 7-eleven обычную сгущенку. Теперь можно будет готовить гадкий азиатский 3-в-1 прямо дома, ура!

3 февраля. *Nakhon Ratchasima*

Проснулась рано, но осталась валяться. Я продумала свой дальнейший маршрут — хватит комфорта, грядущие дни будут очень насыщенными. Так что надо насладиться свежестью простынь, пока они еще есть у меня, вместе с крышей над головой. Часов в девять решила прогуляться, но выбрала ошибочное направление — рынок; так что уже спуска

полчаса я снова тащилась домой. С арбузом. Я их очень люблю, но в Тае попадаются преимущественно крошки. Три кило, четыре кило — не то, чтобы мне не хватало, но такой не оставляет после себя чувства грандиозности содеянного. А тут был огромный, он даже в рюкзак не влез — как можно пройти мимо! Возвращаюсь в отель с добычей — а у нас дверь нараспашку. Уборка. Забрали мусор, перетряхнули вещи, отмыли унитаз. Уф, ушли. Я всегда нервничаю, словно при обыске. Ура, опять ничего не нашли!

Решив, что отдохнуть сегодня нужно по-максимуму, я еще немного повалялась. Отдых вообще обладает способностью вселять в человека веру в себя. Я подскочила, вихрем пронеслась по улочке, чуть не сбив почтенного австрийца, который чинно прогуливался со своей юной чикой из местных, обмениваясь приветствиями со знакомыми. Он уступил мне дорогу, взяв под козырек, а я по инерции проскочила мимо — и спустя полминуты встала, как вкопанная, перед разложенным изобилием карманных ножей. Пока я сравнивала два неплохих стилета (мысленно благодаря Флая, своего тренера по паркуру, за то, что он научил меня разбираться в лезвиях и привил неприязнь к автоматическим «выкидушкам», способным заклинить в самый неподходящий момент из-за какой-нибудь нелепой песчинки), австриец неспешно нагнал меня, остановился, ткнул в меня тростью «о, дева Мария! О, молодость! И стоило так спешить, чтобы застрять здесь?!» Я бегло извинилась, бросила ножи и поскакала дальше, решив срезать путь на параллельную улицу через торговый центр. Роковая ошибка! Я залетаю внутрь — брелоки, цацки, косметика, скучно.. и вдруг — он! Купальник моей мечты. С тех пор, как четыре года назад я забыла свои тряпочки в машине друзей, с которыми мы ездили на озеро, приходилось купаться голый или полностью одетой. Полтысячи бат. Я попыталась торговаться, пошло не очень. Мне предлагали другие, дешевле; но я видела только его. Это любовь. Пришлось смириться с тем, что я мот.

Теперь буду голодно гулять. Сейчас только поем.

Постройки с высокой трубой на территории монастырей — крематории. Внутрь вкатывается по рельсам чугунная вагонетка размером с постель; дверь металлическая, с запорами и окошечками. Чтобы не сбежал? Прах сыпается вниз через специальную дыру. Из уважения к религиозным постройкам я всегда разубаюсь перед тем, как взойти по лестнице, так что теперь на моих ногах налипло немножко монахов. Интересно, повлияет ли это на мою карму?

Интересные кварталы с узкими улочками обрываются каким-то нелепым разлапистым хайвеем; водители Green Bus несколько раз пытались увезти меня в Chiang Ray или в Lamrang, но я не поддалась. Вспомнились тревожно-настойчивые птицы-чебоксары с их постоянным говором «чебоксарычебоксарычебоксары» — они гнездились у метро Черкизовская в Москве и приставали к неосторожно заинтересовавшимся пассажирам, отбирая у них вещи и запихивая почти насильно в маршрутку.

По хайвею гулять неинтересно, пришлось свернуть на уже исследованный участок. Тут автопилот нашел дорогу к кафе вчерашней улыбчивой тети; она встретила меня, как родную. Я подчинилась ее вчерашнему выбору, взяла Rangoo и получила смешной сэндвич, мясо в длинной булочке, политый специфическим сладким соусом на базе кокосового молока и корицы. Для меня эта смесь оказалась слишком приторна, и я поискала глазами, чем бы разбавить сладость бытия — за моей спиной очень удачно расположилась целая грудка, килограмма на три, свеженарезанного чеснока. Он так призывно блестел, что хотелось хватать его горстями и жевать, как орешки. Всего три-четыре зубка обеспечили моему обеду необходимую пикантность. Отлично!

Чем же, все-таки, у них так восхитительно пахнет из аптек?! Прополисом? Тигровым бальзамом? Янтарной смолой? Ароматерапия такой силы, что, проходя мимо, невольно сбиваешь шаг; хочется войти внутрь, лечь на прохладный кафель, глубоко вдохнуть и немедленно выздороветь. Правда, концентрация там такая, что с непривычки можно выздороветь от жизни вовсе — схватить передозировку и насовсем уйти в головокружительный транс ароматов.

*реклама энергетика
такая энергия...*

นางสาวจันทร์ เพ็ญวิบูลย์
ชาติ: 21 เม.ย. 2496
มรณ: 30 ต.ค. 2546
อายุ 52 ปี

นางสุคนธ์ ศิวารัตน์
ชาติ: พ.ศ. 2468
มรณ: 2 ต.ค. 2557
สิริอายุ 89 ปี

Когда монаха уже сожгли, а пепел осыпался в противень, его памяти воздвигают небольшой монумент. А банки с прахом рядовых жителей просто и без затей вмуровывают в ограду монастыря.

Прогулка получилась недлинной, но содержательной. Акцент был сделан на поиске аутентичной бумаги для писем, и день оказался хлебным. Сначала я нашла ворох счетов, заполненных каллиграфическим почерком, потом утянула листок с цветопробой из типографии. А в одной из лавок абсолютно пленилась пачками старых договоров, висящими на стене в качестве украшения. Контора занималась какими-то торговыми соглашениями, а ненужные контракты не запирала в стол, а вешала над стойкой администратора — ветшать и собирать восторженные взгляды фарангов и обывателей. Мой взгляд был такой, что еще чуть-чуть, и бумага бы воспламенилась от светящейся в нем страсти, так что менеджер на хорошем английском поинтересовался, не может ли она как-то уменьшить мою печаль. В рамках пожарной безопасности. Я поведала ей историю своих писем на родину, и даже показала удачно завалывшееся послание Ирке на А3 афише. Тетя восхитилась, осмотрела стену, сказала, что вот эти пятилетней давности договора (с китайскими подписями на тончайшей желтенькой бумаге) уже неактуальны и она готова с ними расстаться. Уже через минуту вокруг нее скакал восторженный рыжеволосый фаранг-сеттер, норовя счастливо лизнуть ей нос. Тетенька слегка опешила от это метаморфозы и чопорно, с искренним облегчением, попрощалась.

Утром я жаловалась, что хочу озеро или реку, а Пашка виновато разводил руками: в этой местности есть только пруды, и все далеко от нас. Возвращаясь из интернет-кафе я заблудилась и собрала, кажется, все точки с водой, что были в этом городе. Они возникали из темноты внезапно, с уверенностью отсекая меня от нужного мне направления. Такой простой, линейный город; ночь, я черте где и совершенно не понимаю, куда. Хорошо хоть шашлык со мной. Но ведь обидно ночевать на улице, имея оплаченную постель с чистыми простынями!

Канализация в Тае обычно утоплена под плиты. Никаких тебе мутных ручьев по краям улицы. Но запах все равно просачивается, густой, тошнотворный. На больших перекрестках лежат решетки, под которыми видна белесая

*Итоговое кристалище выведет
очень аккуратно, даже коварно.
Все в цветных зеркалах и стеклышках.
Вспоминается детский «секретик»?*

река, убегающая в глубине под тротуар. Выглядит жутковато. Такая концентрация фекалий, кажется, способна убивать не хуже цианида. По ночам из этих решеток выползают гигантские тараканы, смысленные, будто крысы. Благодаря им ночной город начинает напоминать гигантскую кухню, где внезапно включили свет и смахнули крошки со стола.

Ура, вот же она, дорога! И ужин удался. А вот с поспать явные сложности. Вентилятор имеет только кнопку включения и заклинен на самой большой скорости. Время от времени он входит в резонанс сам с собой и начинает поскрипывать, почти в точности повторяя заоконные голоса сверчков. Паралитик-сверчок, с механической неумолимостью скрипящий прямо над ухом, не способствует здоровому сну.

Завтра мы с Пашкой разъезжаемся. Уважаю эгоистов. Они не считают нужным врать, прикрывая свои истинные мотивы. В их мире собственная польза является вполне достаточным аргументом. Так что Пашкина приветливая фраза «может, махнешь со мной в Аюттаю? А то там такие цены на хостелы, самый дешевый — 300 бат...» — укрепила меня в мысли, что пора расходиться.

Итак, возвращаемся к исходному. Голод, дикарство, одиночество. Уии!

4 февраля. *Nakhon Ratchasima* → *Bangkok*

Короткие сборы, прогулка, вокзал — и билеты до разных пунктов. Огромный, совершенно не тайских размеров контролер дядя Степа выкусил из наших билетов по аккуратному сердечку, хитро сложив бумажку вдвое. Три часа ставших уже привычными взаимных подколов пролетели незаметно; короткое объятие, и на месте Пашки сидят две смуглые европейки.

Девушки оказались француженками. Пишем наперегонки — я письма, они открытки. Поезд несется, пункт пересадки все ближе. Есть ли сегодня поездка в нужную мне сторону? Отличный способ снять с тела душное одеяло жары — вылить на голову воды, а после воспользоваться окном с несущимся мимо ветром, как феном, чтобы просушиться и остыть. Испаряясь, вода забирает с со-

*Весьма почитаемая статуета,
если судить по числу
золотых замяток на теле.*

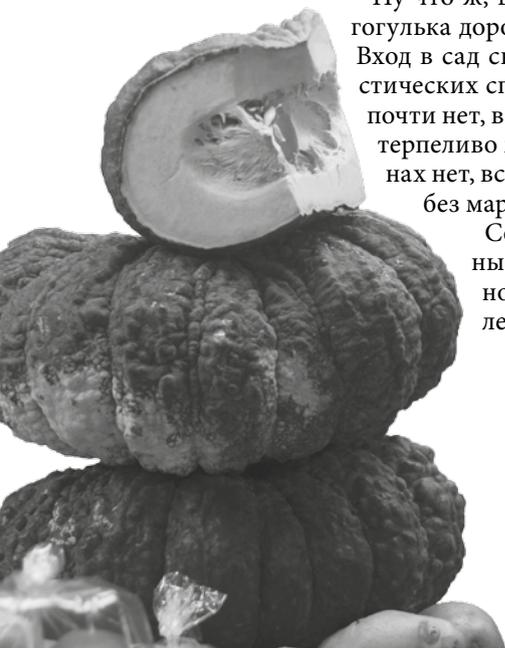
бой и липкую духоту, давая телу полтора часа свободы. Важно, чтобы при этом тебя не отхлестали по щекам близкорастущие акации, или не пришел какой-нибудь станционный столб прямо в бубен. А то проблема жары может резко и необратимо замениться на совсем другие трудности.

Конечно, поезда нужного мне направления отправляются не с центрального вокзала. Мне выдали расписание и доходчиво пояснили, что поезд ушел. В прямом смысле. Но еще сидя в вагоне я просмотрела маршрут выхода на трассу — километров пять пешком по городу, вполне подъемно. Причем теми районами, которые я пропустила в прошлый раз, на северо-западе. То есть это будет еще и познавательно. Отлично! Так что прихватила чью-то недопитую бутылку воды и свернула на улицу у здания вокзала. Карта не поясняет тип улицы, хотя из того, что она тянется вдоль путей, можно было сделать вывод — это прибрежье торговых контор и центров логистики, порой весьма мутных на вид. Всюду снуют рабочие, деловито помахивая пачками накладных, и разъезжаются огромные фуры с коробками. Извилистая улочка вильнула и превратилась в дорогу; еще одна петля, и впереди замаячил самый дешевый вещевой рынок, расположившийся в палатках над каналом с ароматной зеленой водой — майки от 30 бат, дешевле только в Китае. Теперь немного вперед, и...

Ларек с нарезанными фруктами вынырнул внезапно, и отказаться от манго я не сумела. Нет ничего, даже близко стоящего по наслаждению. Лишь самая зрелая дыня оставляет такое чувство сладости и нежности, но и то это лишь подобие. Теперь надо еще раздобыть воды побольше — и можно вставать на трассу.

Ну что ж, вот он — последний рывок, кривая загогулька дороги вокруг дворца на краю моей карты. Вход в сад свободный, но отягощен сотнями туристических спин, пробирающихся внутрь. Одиночек почти нет, все группами; стадо огромных автобусов терпеливо ждет снаружи ограды. Мелочи в карманах нет, вся кончилась, так что придется обойтись без маршруток.

Солнце садится. Какой же Бангкок огромный! Улицы переходят в хайвеи и развязки, но не кончаются. Очень радует певучее, летучее чувство собственной бездомно-

сти. Можно было бы сесть в автобус и доехать; но кто меня там ждет? И где — там? Куда спешить? Все мои вещи со мной; воды я попросила в кафе, и мне отлили целую бутылку. Я выберусь на окраину, чтобы завтра начать пораньше; а заброшенные дома, поля или уютные крыши есть абсолютно везде. Так не все ли равно, где я окажусь в момент заката? Устать так, чтобы любое ложе казалось мягким — вот моя единственная реальная цель на сегодня.

Ну и смотреть по сторонам, конечно. Вот школьник перед домом делает уроки под присмотром бабушки. Вот несутся по мосту мотоциклы — стройными рядами, как огромные жуки. Вот открываются один за другим ночные рынки, ярмарки. Вот солнце медленно сползает за мост.

Интересно, что такого привлекательного в нищеводстве? Брести без цели, выискивать места, где можно вымыться или раздобыть воды бесплатно; радостно принимать внезапную помощь — на мосту меня догнал юноша на байке, быстро выспросил направление и подкинул до автостанции, километра три — и ему туда совершенно было не нужно. После лучезарно улыбнулся и мгновенно исчез в толпе. Встречать и пропускать мимо изумленных таксистов. Идти, не сбавляя шага, похлопывая себя по боку, искоса бросая взгляды на встающую неторопливо огромную полную луну. Кажется, я могу идти так бесконечно.

Напевать что-нибудь, присматривать и отвергать места для ночевки — сотни их, вариантов; бетонное ложе под эстакадой; кожаный диванчик в круглосуточной автомастерской; чей-то незакрытый двор; небольшая часовенка; огороженное крошечное святилище; газон вокруг огромного, закрытого на ночь кафе... Можно жалобно попроситься или проявить наглость; выбрать совсем глухой угол или наоборот, шумную закусную. Пока все не то, не то; слишком грубо, можно, конечно, и в канаве, но эта волшебная ночная гонка просто обязана закончиться чем-то особенным. Где моя вишенка на торте?

Я уже немного устала — прошла-пробежала уже больше 20 километров, с рюкзаком; но запас сил, накопленных за сытые последние дни, был слишком велик. Я распугала всех встречных собак и больше их не боюсь. Попросилась в туалет в кафе, и обнаружила там подарок судьбы — душ. Так что эта ночь уже удалась.

А сейчас я сижу, уже почти лежу, на прохладных ступенях храма-водопада. Изнутри несется звучная буддистская мантра, туда-сюда снуют деловитые прихожане. Я жду, чтобы кто-то из монахов обратил на меня

внимание — хочу проверить, насколько сильна их вера. В принципе, площадка слева от входа меня устроит — там есть ковер, и благовониями пахнет приятно, собакам тут, настолько далеко от города, взяться неоткуда, может, прихожане еще и еды оставят. Но надо же дать ребятам шанс улучшить карму — вдруг предложат что-то получше?

Как же на ступенях удобно! А голос изнутри усыпляет... где там мой котик? Сейчас польюсь от комаров и немножко вздремну... о, а вот и монах, весь в белом. По-английски не говорит. Усадил меня, увертикалил, привел в приличное состояние и пошел за англоговорящим собратом. Уверена, он надеется, что неправильно меня понял, и что этой безумной белой, припавшей к ступеням в несомненно религиозном экстазе, нужно что-нибудь простое и необременительное — святой прасад, благословение, отпущение ее (по лицу видно — немаленьких) грехов...

Служба смолкла. Я прямо стесняюсь спросить — церковь тоже я разрушил? (ответ: нет, это еще до вас, в шестнадцатом веке). Нехорошо, наверное, решать свои проблемы за счет других. Но так увлекательно. Опять же, хочется верить, что в этом большом мире всегда найдется место для такой маленькой меня.

У ребят начались пляски с бубенцами, а я быстро зарисовываю элементы храма. Во-первых, тут запрещена фотосъемка, а сделано все реально красиво и хочется запомнить. Во-вторых, мне надо показать какой уровень духовности. А то по мне в камуфляже и донельзя грязной майке это не очевидно.

Посплю-ка я все же. Интересно, одухотворяет ли служба, выслушанная во сне?..

Лежа в полубессознательном состоянии я наконец-то четко сформулировала объяснение, отчего я люблю ходить вот так, побираться и вроде бы бесцельно тратить силы. Этими бессмысленными в целом актами я даю шанс возможности случиться. Пусть со мной познакомятся какие-нибудь люди; пусть произойдет нечто из ряда вон. В четырех стенах отеля — чем выше плата, тем предсказуемей ночь. Чем ниже — тем страннее. Так стоит ли переплачивать за предсказуемость жизни?..

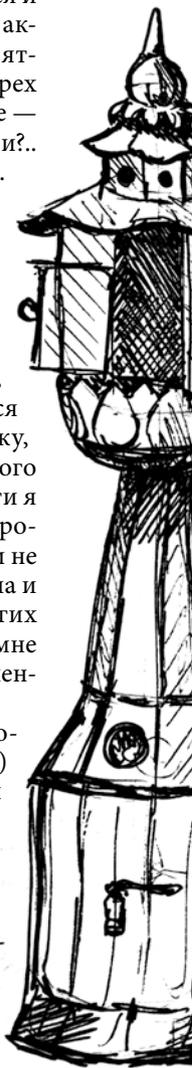
Я прилегла на мистера GreenCat'a и даже сама не заметила, как...

...вот уже я сижу за столом. На меня веет кондиционер, стул слегка откатывается. На мне новая майка (снова синяя! по возвращению можно открывать небольшой магазинчик подаренных вещей). Я вымыта, во мне плещется том-ям домашнего приготовления, а наутро меня отвезут на станцию. Как я дошла до жизни такой?

Монахи высыпали после службы и нашли спящую меня. Эдакий рождественский подарок. Служители культа оказались молоды, примерно две трети — девушки моего возраста. Да, храм закрывается на ночь, а они все разъезжаются по домам. Но не бросать же девушку, столь откровенно собирающуюся спать на улице, у дверей закрытого храма! Быстро, чуть ли не жребием, девушки решили, к кому у гости я еду. Улыбчивая Бен хохотала, как девчонка, на виражах ночного города. Я рассказывала про себя полвечера — ей и ее спокойному, почти не говорящему по-английски мужу. Про свое путешествие, про письма и книги, про подлый курс доллара, про друзей и приключения в других странах... В пять утра подъем — до школы везти младшего сына, а мне в семь утра на вокзал. Но все же мы засиделись за полночь. Совершенно чудесный вечер.

До того, как перепоручить меня заботам мисс Бен, старшая англоговорящая служительница протянула мне набор фруктов и 1000 (!) бат. «Чтобы у тебя были деньги на безопасные ночевки». Фрукты я взяла, от денег, конечно, отказалась с тысячью извинений — моя совесть не резиновая. Но уже прощаясь, вечером, Бен выдала мне

Такая вот Неласная Лалитара. От нее подмигают свечи и благовония. А снизу крадутся. Что ли она еще и донором масла служит, то ли просто вешит свечи благодать... →

ту же тысячу: «Неважно, бедна ты или нет. На эти деньги ты сможешь увидеть больше интересного в нашей стране, а значит — тем более и увлекательнее будет твоя книга». Я не посмела отказаться. Столько добра за один вечер, столько тепла... Как за это расплатиться? Сюда уже никак. Счастливая семья, полная чаша — им ничего не нужно. Придется передать это тепло дальше, тем, у кого не густо. Ребята, а ну подставляйте стаканы! Тьфу, а ведь хотела написать «карманы» — это Фрейд или БГ водит моим уставшим пером? Ну-ка, мечи карманы на стол... Так, пойду просплюсь. Ой. То есть выплусь.

О! Эти странные подушки я уже видела! И тут на втором этаже моей сегодняшней кровати отыскалась точно такая же! Сторона большого треугольника с локоть; на ней очень удобно полу-лежать, когда читаешь. Почему-то мне казалось, что это нечто религиозное — видимо, потому что продаются они как правило рядом с лотками благовоний. Я не раз уже заглядывалась на красивые, вышитые узорами подушки, но никак не могла придумать им применение. А тут как-то сразу удалось приспособить ее под спину, чтобы разминать ее после трудного дня. Забег с рюкзаком позвоночник мне так легко не простит... я легла спиной на ребро подушки, расслабилась — и услышала любимый «щелк!» — я научилась сама вправлять верхний отдел, не подвластный скручиваниям! Ух ты. Надо будет обязательно купить себе такую.

5 февраля. *Nakhon Pathom* → *Kanchanaburi*

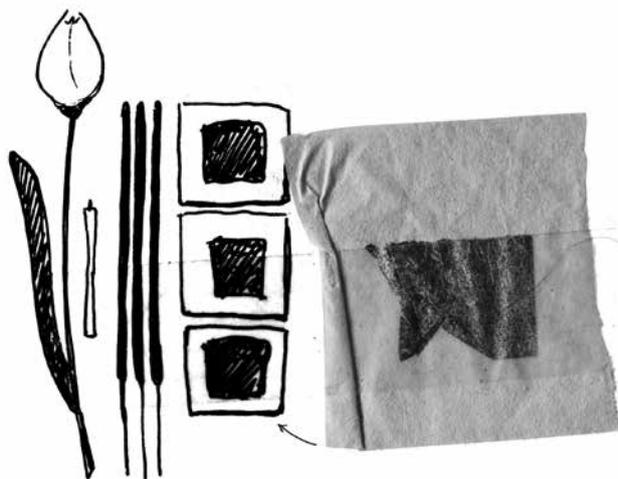
Проснулась я сама, за полчаса до будильника. Приснилось, что я не успела спасти котенка и он умер, стал игрушечным прямо у меня на руках. Вскочила в слезах — а меня уже ждал завтрак (омлет с сосисками, хворост, к нему традиционное подогретое соевое молоко) и выглаженная (!) выстиранная майка. Пока я ела, муж Бен общался со мной, показывая фотки из ближайших городов, и я неосторожно похвалила одну крупную ступу. Оказалось, что она в Pathom'е, его родном городе, это на полпути до Канчанабури, куда я стремилась. «Посмотрю с поезда», легкомысленно отмахнулась я. «С поезда не видно, — озабоченно откликнулся юноша, — придется ехать!»

Внезапное предложение едва не перевела хворост из категории «вкусный завтрак» в ранг «причина смерти». Я закашлялась, запила

молоком, беспомощно посмотрела на часы. С другой стороны, куда мне торопиться? А он уже воодушевился. «Я тебя отвезу, ок? Смотри, вот расписание. Ты можешь пересест в этот поезд... хм, он тут не останавливается... Алло, станция? Блаблаблабла? Бла. О, отлично, смотри, вот этот, в половину десятого, тоже там идет, ты на него успеешь, если поспешим.»

Я все поняла и согласилась, но парень на всякий случай позвонил Бен, чтобы убедиться, что у нас не возникло недопонимания. Мне быстро насовали сувениров в руки — чипсы, фрукты, плоские ароматные икеевские свечи (откуда они здесь?!) Попытались подарить кепку («а то голову напечет!»), но тут я воспротивилась, и так вид гопнической, дальше некуда. Все остальное начала кое-как упикивать в рюкзак, потом поняла, что так не пойдет, начала доставать оттуда пакеты... и внезапно огромные, на всю стену, часы. Это я вчера нашла, не выкидывать же. Hello Kitty, новые, работающие, с батареейкой. Кажется, кому-то не понравился подарок. Парень в молчаливом изумлении разглядывал содержимое моего рюкзака с видом «я никогда не пойму вас, туристов», на стадии часов его брови скакнули вверх настолько, что едва не пробили потолок. Я перелопатила весь рюкзак, уложив предметы так, чтобы они не вываливались, бросила его в багажник, и мы погнались.

О, какой вышел стремительный даршан! Мы забежали на территорию огромной, подпирающей небо ступы и начали швыряться деньгами. Муж Бен быстро рассовывал по кассам мелкие купюры, запуская меня в разнообразные аттракционы. Мы успели купить пару наборов подношений (цветок в бутоне — положить на пьедестал; свечу поставить, как в обычном храме; с благовониями, сложенными в ладонях, поднести руки ко лбу в знаке приветствия, после воткнуть в специальное место; маленькие квадраты золота распаковать из бумажек, наклеить на и без того усеянную статую). Я оклеила своими губы Будде и ноги. Говорят, золото настоящее. Очень легко сминается, превращаясь из листика в кусочек.

Тайцы, как и индусы, стараются фотографировать все свои забеги по святым, не стесняясь позировать коленопреклоненными (с этим я уже сталкивалась, когда, преодолевая смущение, просила разрешения сфотографировать кого-то — обычно они легко соглашаются, а порой даже сами просят об этом). Так что меня в процессе наснимали на планшет в самых разных позах. Между статуями мы перемещаемся бодрой трусцой, чтобы не оставалось сомнений в наших серьезных намерениях.

Следующий этап: разменять 20 бат на чашку монеток, после чего подойти к длинному столу, где выставлены десятки металлических чаш. Надо неспешно идти вдоль и бросать монеты внутрь, чтобы звенело. Напоследок мы побили в колокол специальной колотушкой и попозировали с напряженными лицами у статуй. А теперь бежим на поезд!

Муж Бен купил мне билет и, убедившись, что я нашла себе место в зале ожидания, распрощался. Чуть позже я напишу им, что у меня все хорошо, а они пришлют мне снимки, получившиеся в итоге этого триумфального религиозного забега. Фотографии с айпада не слишком высокого качества, так что в книжку они не войдут.

Стоило ли так спешить? Поезд опаздывает на полчаса. Наблюдаю, как машинисты, залихватски смеясь, высовываются из поезда на подьезде к станции и выхватывают у дежурного нужные им бумаги. Ритуал так отработан, что парень на станции часто даже не смотрит в их сторону, просто поднимает руку с папкой. Мой сосед по лавке, спокой-

ный любознательный дедушка, уже успел ознакомиться с моим билетом и на каждый прибывающий поезд поднимает руку с невозмутимостью старого индейца: «No. Next». Отсюда поезда поворачивают на юг, так что поток большой. Грызу даренные чипсы, наблюдаю за туристами, пытающимися узнать, когда же наконец придет fucking train. Беспокойные люди! Судя по жестам дежурного, тот отвечает то же самое, что и мой дедуля. Мимо несут корзины всякого, но во мне еще не переварился домашний завтрак. Просмотрела карту, разбила дорогу на участки, чтобы вернуться в Бангкок не раньше девятого. Отличная будет неделя!

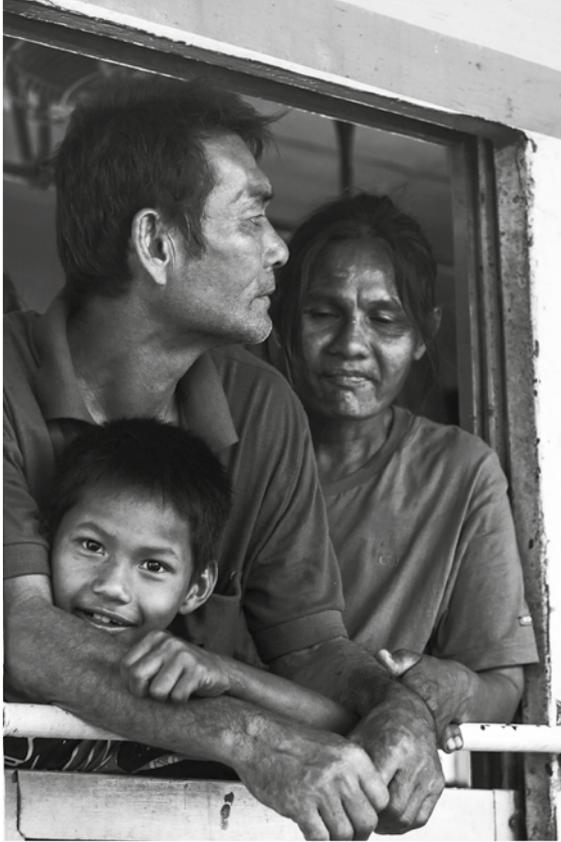
В мой поезд погрузились все местные туристы — еще бы, кто едет на юга, в крошечном Nakhom Pathome не застревает, тут только психи с прицелом на даршаны и национальные парки. Ура, гудок, звонок, объявление — поехали! От полноты жизни купила себе чищенное помело; сладострастно грызу его, наблюдая двух юных рэперов, занимающих тамбур — огромные дырки, узкие шапки. Интересно, почему никто не делает ушные туннели из серебра?

Мой добрый друг почему-то купил мне билет не до Канчанабури, а до конечной, Nom Tok. Я прогуливаюсь по вагону и устраиваю опрос, где находится Тигровый Храм; процент англоговорящих невысок, а про храм и подавно никто не слышал. Странно. Но, может, это все знак? Придется, видимо, ехать, куда указано судьбой.

Единственное огорчение — борьба с нашим окном так и не увенчалась. Есть подозрение, что оно было злонамеренно привинчено. Поскольку для дислокации я выбрала единственный отсек без доступа кислорода, почти всю дорогу я провела в дверях, вставая лишь на редких контролеров (они не любят, когда туристы пытаются выпасть и разбиться на подвластной им территории). Ничего особенно интересного сначала не показывали — рисовые поля, взлетающие вдалеке птицы, тощие жопы стоящих в тени волов, иногда — провал метров на десять с грязной речкой внизу... Провал?! Ого, это уже любопытнее! Я высунулась поглазеть, и очередной контролер взял меня за шиворот и очень вежливо объяснил мне, что, пожалуйста, не в его смену такие фокусы. Так что я пошла внутрь вагона знакомиться с рэперами. Они оказались весьма милыми фотографами, с аккуратно убранными в кофр тушками зеркалок; всей группой едут отдыхать на выходные.

Напротив меня едут почтенные, не говорящие по-английски тайские пенсионеры, с золотыми перстнями и супер-планшетами. Они

Беатриса, которая ненавидит, когда её сокращают до «Беа».

Неизвестный тайский мальчик

слишком степенны, чтобы кривляться и жестами выяснять, куда я еду, поэтому просто фотографируют меня и улыбаются.

Через два сидения от меня есть пара европейских девушек — они тоже ничего не знают про тигровый храм, зато идут на водопады. Говорят, это близко всего пара километров. Стоит обдумать. Какие еще будут предложения?

И тут я увидела шикарный мост через реку и дорогу, уводящую по нему наверх, к огромному храму на вершине далекой горы. Гм, поезд на котором я еду, последний — по прибытию на конечную он просто меняет локомотив, ждет минут десять и катит обратно. Но есть же, наверное, автобусы! Вдруг я смогу наприсниться переночевать там, на вершине?

Бедный полисмен, худо-бедно знающий английский, уже много раз пожалел, что сознался. Сначала он был рад пообщаться с любознательной туристкой, но вскоре начал меня избегать, а потом и вовсе тихонько скрылся; я нашла его в последнем, техническом вагоне, среди торговцев, контролеров и монахов. Он встал и побледнел, увидев свою судьбу в проеме вагона. Я поманила его пальцем и попросила немедленно написать мне название храма, который мы только что проехали. Сделав квадратные глаза — ну и запросы у вас, леди — он все же послушно написал на вырванном из коллекции билете. Десяти бат не пожалел, чтобы от меня отделаться. *Goamahamongkol*. Оказывается, храм называется так же, как и станция.

Европейские девушки оказались не вместе. Я подцепила испанку Бетрису, и мы ломанулись на водопады. От станции убежали, на дороге быстренько поймали машину, два километра за пять минут — оказывается, для нее это был первый автостоп в жизни.

Водопады! *Nom Tok!* Поток жиденький, но зато красивые мхи, обкатанные камни и куча брызг от малышни, болтающейся в лягушатнике у подножия. Я припрятала все вещи в кафе внизу, блокнот спрятала в камнях, фотик дала подержать паре треплющихся туристов — и нырнула в струи прямо в одежде, по местной традиции. Как только я спустилась, на мое место начали стекаться русские — в купальных костюмах, для позирования. Выглядит диковато, впрочем, местным, кажется, все равно.

Стремительный день. Водопады мы тоже пробежали почти насквозь, чтобы не опоздать на последний автобус. Впрочем, долго

GOAMAHAMONGKOL

смотреть там все равно не на что. Уже сидя в автобусе я попросила у Беатрисы глянуть в карту в смартфоне, и вдруг поняла, что железнодорожные пути идут мимо Гоамахомогола, а вот автобусные — во все даже нет. Они обходят эту гору совсем с другой стороны. Ну что ж, придется принять предложение Беатрисы и переночевать у нее, в Канчанабури.

Ледяной сладчайший кофе в огромном стакане, кондиционированный автобус и насквозь мокрая майка — да я знаю толк в простудах!

«В Испании так принято сокращать имена. Ладно, какую-нибудь Лауру сокращают до Лу, но когда Беатрис сокращают до Беа, я впадаю в ярость. БЕА! Фу!» — Беатриса легко поддерживает непринужденный разговор. Она потрясающе легкая. Уже спустя полчаса мы ржали, как кони, над какой-то глупой интернациональной шуткой, и сквырнули огромный стакан с остатками кофе. Мерзлый поток сладкого льда устремился на сиденья, мы прыснули в разные стороны и тут же покатались со смеху. Так, не разгибаясь от хохота, и добрались до дома. Канчи — небольшой городок; пара туристических улочек и большая неустроенная периферия. Если пройти по главной улице около двух километров в глубь, попадешь на базарную площадь. На ней всегда полно людей — они фотографируются с главной местной достопримечательностью, старым не используемым железнодорожным мостом. Мост как мост, был бы неплох, если бы не гроздь висящих на нем туристов. Беатриса говорит, они там даже утром, рассвет встречают.

Купила себе фенечку за какие-то копейки — не выдержала вида красных кристаллов. День был примечателен, пожалуй, лишь тем, что сегодняшние полтысячи бат я потратила в абсолютный, коллапсирующий ноль. Что можно считать прямо-таки достижением — я же не платила ни за поезд, ни за ночлег, а спустила всю сумму по мелочам. На вечерний интернет я наскребла 10 бат по карманам, и уже была готова просить скидку в пару бат.

Ночь. Беатриса сидит снаружи с сигаретой и планшетом — она обожает веранды и старается подбирать отели пусть похуже, но обязательно с возможностью сидеть вот так вечером. Я сижу на кровати с письмами и книгами. Везде, даже в ванной, горят недавно подаренные мне свечи, сверчки за окном сходят с ума... Заглянув в рюкзак за какой-то надобностью, вспомнила, какой прекрасный хаос у меня там, и предложила Беатрисе в шутку сыграть в «что у меня в карманцах». Спустя минут десять она сдалась, да

Вот так обычно выглядят фотосессии у «того самого» моста.

и невозможно было угадать, что я вытащу оттуда огромные настенные часы. Когда Беатриса снова смогла говорить, она помянула Деву Марию и печально сказала: «Я знаю, почему ты так молодо выглядишь. Ты просто сумасшедшая. Это все объясняет». Я не нашла что возразить, только напомнила ей, что она только что пол-сада излазила в поисках камня, чтобы помочь мне поточить нож, которым я собиралась резать открытки. Так что мы неспроста оказались рядом.

6 февраля. Kanchanaburi → Eravan Nation Park

В Тае полно крепких, сильных женщин, занятых своим делом и отчетливо счастливых своей жизнью. Они похожи на американских фермерш из фильмов — огромные, уверенные в себе, немного опасные на вид. Я поймала машину как раз с такой тетей. Хотя этот экземпляр больше напоминает Председательницу из фильма «Разборки в стиле Кунг-Фу». Только без бигудей. Зато с обязательной для образа сигаретой.

Оказывается, я застопила снабженца. Председательница едет с мамой и огромным списком продуктов по разным кафешкам, чтобы им было что продавать. Бабушка кормит меня бананами, предлагая следующий каждый раз, как я закончу прежний. Я не отказываюсь, но размеры связки меня пугают.

Одну за другой проезжаем святыни. Председательница каждый раз отрывает обе руки от руля и складывает их в приветственном жесте. Интересно, есть ли статистика об авариях по этой причине? Впрочем, во время разговора она тоже особо не сдерживается, жестикулирует от души.

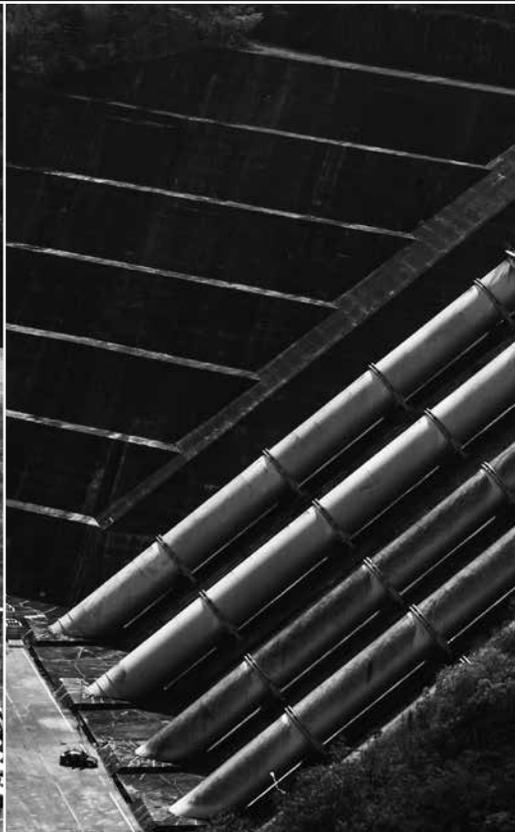
На калькуляторе набрала: 59. Ткнула себе в грудь. Показала на меня, выдала калькулятор. Я послушно написала свой возраст, и она, и ее тихая сухенькая мама посмотрели на меня с изумлением: «Мы думали, ты совсем ребенок!» Когда сказала, что катаюсь одна, тетя уверенно и одобрительно подняла большой палец: «Так и надо!».

Были некоторые сложности с тем, чтобы объяснить, кто, куда и зачем едет, но Председательница ловко разрубила этот узел, позвав меня в местный ресторан. Во-первых, она приказала мне заказать себе еды («Я плачу, не спорь, выбирай лучше»), а во-вторых, она поймала англоговорящую официантку и мы с ее помощью быстро обменялись планами.

Мне предложили прогулку на дамбу, а после — к водопадам, там есть дешевые отели, а то в этом районе только курорты по тысяче бат за ночь. Тем временем бабушка крепко взяла меня за руку и утащила смотреть на берег. Водохранилище и впрямь впечатляет — выглядит почти как море. Мы повосторгались островами на горизонте, и бабушка, растрогавшись, растрепала мне ладонью волосы. Кто там придумал, что у тайцев считается оскорбительным трогать голову? Обычные у них проявления заботы и ласки, общечеловеческие.

Дальше мы покатались на невероятно огромную постройку, перего-раживающую все море. И пофотографировались там, конечно. А потом меня кинули прямо к дверям национального парка. Вход три сотни, но я вспомнила напутствие, с которым Бен подарила мне тысячу: потратить, чтобы больше увидеть. Ок, будет сделано!

Уютно и чисто, отличная навигация — туалеты, залы для лекций, водопады, информационный центр... И, кажется, на площадке для кемпинга я прекрасно смогу выспаться. Осталось найти розетку и угол, куда бы кинуть вещи.

Кошки в Тае на наше «кис-кис-кисонька!» независимо вздергивают обрубок хвоста и ускоряют шаг. Ничего хорошего от чужаков ждать не приходится. А вот на причмокивание, которым мы привыкли подзывать собак, останавливаются и начинают голодно мяукать, жалуясь на судьбу. Впрочем, на пустые руки их никакими звуками не приманить.

Мне ужасно нравится релаксивная организация парка. Конечно, в основном он рассчитан на организованные группы, снабженные гидом. В такой системе одиночки вроде меня приобретают невероятную свободу; и количество развлечений зависит только от удачи и смекалки. Например, я случайно наткнулась на извилистую километровую обзорную тропу, ведущую вдоль основной дороги на водопады. Обычно посетители проезжают эту часть на каком-нибудь местном транспорте — что зря ноги топтать. Но это по асфальту идти скучно, а по тропке вдоль воды — очень даже интересно, тут еще и названия растений через раз написаны! В каждой заводи — красные опавшие листья и подсвеченный солнцем ил, а вода такая чистая, что видно каждого малька на дне.

Река становится все шире и полноводнее — я поднимаюсь к истокам. С той стороны — обычная асфальтовая дорога, едут мороженщики и парни на байках; а у меня — настоящие джунгли, и никого. Только ящерицы шмыгают под ногами и бабочки планируют. Огромные, с ладонь, они даже летать не могут, их от каждого взмаха уносит. На мою неподвижность купилась ящерица. Начала красться вдоль ноги по дереву, а когда поняла, что неподвижное камуфлю — чья-то живая запчасть, припустила, размахивая лапами, в ближайший куст бамбука. Расчет верный — в этих колючках можно слиток золота спрятать, никто за ним не полезет.

Внезапно за поворотом открылась неподвижная группа ярко одетых дев. Подхожу ближе — выставка подношений местному божеству, полностью одетые в национальные тряпки манекены. Ставили бы рядом сразу палатку первой помощи для инфарктников, эдак ведь и Кондратия дожидаться недолго.

Воды все больше. Пулы стали достаточно крупными, и в них устраивают купальни, съезжая со склизких камней, как с горок в аквапарке. Конечно, везде разносится «Коля, ну пошли уже нахер», «Танька, фотик, бегом, встань у этой, как ее» — так что мои сожаления об отсутствии купальника быстро сошли на нет. Посещение водопадов для русских — это макнуть попку в каждую из десятка ступеней, желатель-но засняв это на телефон. И да, мы единственные, кто ходит в купальниках. Ну, с этим все ясно — срабатывает рефлекс «вода + тепло = ванна». К тому же, чего скрывать? У наших мужиков встает на девушку, даже когда она в тулупе и валенках, так что раздевай не раздевай, эротизма уже не добавится. Так зачем отказывать себе в удовольствии?

Я не спеша поднимаюсь среди людского потока, стараясь издавать только wow, thank you и sorry, чтобы не быть опознанной соотечественниками. В воде ходят огромные рыбы — никто в них особо не заинтересован; туристы, вставая в позу для съемок своих лезущих из купальника телес, отпихивают особо наглые особи ногами: пшла! Я сижу на одном из микромо-стов, болтая ногами в паре метров от стоящего подо мной косяка. Жарко, но деревья дают такую плотную тень, что даже постоянный подъем не особо мучителен. Моя неухоженная тропа давно слилась с общей; так что теперь это аккуратная, выложенная плитами дорога со ступеньками в трудных местах.

Но по корням все же попрыгать пришлось. От шестой до десятой, последней части, нужно пробираться почти на четвереньках. Туда-то это несложно — ты полон сил и обувь сухая.

Но пара бродов, небольшая погоня за рыбками в заводи, несколько падений на скользких камнях, ушибленный о корни палец — и прыжки вниз на метр, на неровные оползни из камней, уже не так радуют. Последний этап водопадов впечатлил меньше, чем ожидалось. Гора-то возвышается чуть ли не на сотню метров, но поток скрыт в скалах среди зелени, так что разглядеть можно лишь последний десяток. Людей на последней точке немного, купаться тут негде, да и прохладно уже.

Я спускаюсь, задерживаясь во всех интересных местах. Во-первых, подсушиваю сандалики, а во-вторых, поджидаю симпатичного европейца, что недавно прошел мимо меня вверх. Водопад закрывается в полчетвертого, а путь вниз один, так что никуда он не денется.

Симптоматично, что во время всего пути я разговаривала только с нерусскими туристами. Пара с ребенком (шриланкиец и француженка) подержали мой рюкзак, пока я лазила на дерево, чтобы сделать хороший кадр; пожилая австралийка поделилась со мной картой; девушка из Канады помогла мне подняться на камень, а целая толпа тайцев позировала, сидя в воде.

Тот самый симпатичный юноша пробежал мимо, а бег по пересеченной местности не способствует знакомству. Ну, раз я дважды успела

Впрочем, местные тоже не промах.

ему улыбнуться, а он ни разу не подошел знакомиться, пусть купается в одиночестве. Я же пошла к началу тропы, где в заранее запримеченном месте снова углубилась в лес. Маленькая, на одного, заводь с бурлящей чистой водой показалась мне прекрасной. Я быстро развесила все свои тряпки по кустам, пробралась по замшелым корням и осторожно погрузилась в воду.

Конечно, места тут было поменьше, чем сверху, особо не поплаваешь; а на берегу, в корнях дерева, высилось странное строение, похожее на термитник, из которого регулярно вылетали не то пчелы, не то мухи. Подобное соседство, конечно, слегка вызывало опасения. Но зато они молча взлетали, и не фотографировались при этом. По-моему, в таких местах можно купаться только в одиночестве и только нагишом. Этот вывод я сделала еще в Аргентине, в бирюзово-молочном озере, омывающем ледник; или даже раньше, во вьетнамском прозрачном ручье, питавшем стоглавое древо баньян? Есть такие места, где одежда и разговоры кажутся кошунственными, как шорты в храме.

Неспешно добрела до площадки с кафешками, заказала ужин. Сервис, конечно, как всегда в туристических местах. Мороженое за 10 бат здесь стоит 20, воды не наливают, даже если попросить (официантка на мою хитрость молча подала пустую кружку и указала на холодильник; я просто дождалась, пока пухлая судомойка не пошла наливать себе стаканчик и сунула ей кружку. У простой женщины экономических соображений нет, если человеку нужно воды, то конечно, пожалуйста). Купила и мороженое, и лапшу, а еще решила все-таки раскошелиться на манго.

Фруктами торговал классический, анекдотический трансвестит. Плохо выбритый мужик с ярко накрашенными губами и ломающимся, высоким голосом. Он сделал мне скидку в 10 бат за то, что я не попросила разделить мне манго и пожелал приятного вечера. Совершенно невозможно поверить, что он так ведет себя, повинувшись внутреннему ощущению, а не играя на публику.

Сижу под навесом и даже подумываю, не принести ли сюда свои вещи — так уютно. Но пока тут какой-то нездоровый кипеш охраны. Бегают с рациями, проверяют машины, в гонг бьют. Конеч рабочего дня, их можно понять. В переводе на мне понятные события — залечь пока не выйдет, надо найти место с освещением и почитать. Если, конечно, мои вещи не унесли злые нубезьяны или добрые смотрители. Пожалуй, стоит проверить.

Мой дизайнер на просьбу «поталантиста-потаалтиста вставить котиков», пробургал, что ладно, но он отказывается иметь к этому отношение. Так что — котикки целован моя вишка!

Это я. Пара с ребенком догнала меня на спуске, радостно полистала дневник и сделала пару фотографий.

Вдоль дорожек включили фонарики, крошечные, ниже чем по колесу, с подставками из корней и камушков. Ужасно красиво. Людей немного — большинство предпочитают не задерживаться, приезжают из Канчи всего на день. Я нашла себе удобный стол и наблюдаю за утасованием дня под крики какой-то птицы и метание стрелок...

Упс. Я внезапно глупо попала с выносом своих вещей из заначки. Безобидный на вид садовник бросил поливать свой куст и подозрительно спросил, одна ли я. Услышав положительный ответ, что-то весь перенапрягся и потребовал бумагу с чекином. Хм, отвечаю, это что? Он совсем как-то недобро оживился, иди, говорит, в информационный центр, прямо сейчас. А я там между прочим весь день терлась, открытки выбирала, журналы резала, и никто мне слова не сказал. Я уже забрала вещи, так что можно было просто тихонько раствориться в темноте, но садовник, кажется, эту линию мыслей проследил и взялся за рацию. Черт. Ночная облава на незарегистрированную белую не верх моих мечтаний на этот вечер. Плюнула, кинула вещи под ближайший куст и пошла. Безразличный ко всему ночной охранник дал мне написать дату и имя на бумажке и внезапно отобрал паспорт. Ну и порядки!

Довольно злая я пошла к ближайшему фонарю посреди кэмпинг-поляны — высокая мощная галогенка позволяет читать, как днем, у своего подножия. Комаров — ни одного. Только шмякаются огромные ослепленные мотыльки вокруг, как очень быстрый снег. В двух шагах стоит палатка с милым тайским семейством (охота же им всю ночь под иллюминацией спать!), они сначала немного всполошились от вида ночного сторожа, но я им показала книжку и фонарь, они заулыбались. Безобидные книжные черви — это замечательно!

Важно не свалить мотобайк, стоящий поперек тропы, по дороге к моей беседке. Правда, утром владелец все равно срочно переедет — не знаю, как он умудрился пропустить влажность песка вокруг, но его ждет отличный душ поутру, как только включают поливалки. А надо мной с рассветом будут скакать пушистые белки — заросли бамбука над моей беседкой все в клочках рыжей шерсти. Еще пара страниц, почистить зубы (раковина, огромная керамическая посудина, стилизованная под пень, стоит прямо посреди поляны — вот это сервис!) и спаать!

*светильник висит на уровне камня
улицы уютнее.*

7 февраля. Eravan → Hellfire Pass. Сердитый день

На ночь я связала все вещи в узел. Во-первых, на тропе все-таки встречались обезьяны, и если они унесут мои любимые тапки, я расстроюсь. Во-вторых, у беседки за толстыми колоннами начинается обрыв в реку, а вылавливать потом чехол от спальника километром ниже по течению не хочется. Спалось прекрасно, свежесть, ни одного комара, огни на той стороне реки, свечи вокруг моего ложа... Отличный вечер!

А вот утро таким пока не получается. Нет, поднялась я нормально, но выяснилось, что мне надо выкупать паспорт. Недорого, всего 30 бат, но это плата за одну ночь. То есть трех сотен за вход им недостаточно! И ведь если бы я использовала палатку, мне пришлось доплачивать за нее. Я молчу уже про хостел. В общем, я была достаточно зла и даже не поднимала руки на дороге, ведущей от парка к цивилизации. Меня молча и также сердито довез на байке дядька из местных — просто остановил и ультимативно указал на сиденье. Очередь на автозаправку. С одной стороны — ну не ехать же правда на автобусе. С другой — стопить в таком настроении явно не хочется... в задумчивости я вышла на дорогу и поймала машину с песком. Один парень из кабины тут же выселился на кучу снаружи, я кинула ему рюкзак и села к водителю. Они докинули меня до последней заставы парка. Солдатики проверяют машины и ждут автобуса, чтобы меня посадить. Их трогий начальник сердито показал мне на тень, мрачно отдал свой стул, не глядя протянул воду. Проезжающие туристы смотрят на меня с ужасом: чего натворила?! Неужели депортируют?!

Ура! Мой любимый продуваемый автобус! Можно торчать в дверях!

Но радость длилась недолго — тьфу, я опять еду в Канчанабури. Что за заколдованное место! Быстро остановила автобус на развилке и поймала новую машину. Бурчащий сердитый папа за рулем, мама и дочка. Мужик явно не собирался останавливать; он ворчал, что всякие фаранги вообще-то могут себе позволить арендовать байк, и что он не такси, и что его отвлекают... Но мама с дочкой, уже привычные к этому бубнению, это все игнорировали и радостно расспрашивали меня про поездку и планы. Уверена, что это они его и убедили остановиться в стиле «давай подберем, смотри, какая милая!» Неудобно, когда ты родил ребенка, а он внезапно оказался союзником твоего противника во всех спорах.

Утро.

На лобовом стекле качается такая пачка оберегов, что удивительно, как водителю что-то удастся разглядеть.

После еще пары поворотов я перестала что-либо понимать. Карта у меня 10×10 см, весь район — две точки. Мы созвонились с подружкой дочери и уточнили, куда я еду; после чего меня опять бросили на военных, на очередном посту. Они сразу поняли, куда я хочу попасть, быстро склеили мне машину в нужном направлении, я кинула вещи в багажник... и тут грянул взрыв.

Оказывается, у них петарды завалялись, а тут такая оказия, белая туристка. Я не стала их разочаровывать и устроила полный спектакль: с визгом, руганью и ржачем в конце. Распрощались, долго махали друг другу. Машина попалась полная — и людей, и вещей. Весь кузов забит, я уселась сверху и оказалась примерно на полтора метра выше бортика, на шаткой конструкции из стола, коробок и собственного рюкзака. Кабина уже не прикрывает меня от ветра, и я ощущаю все радости аэротрубы. Улететь пытаются серьги и волосы, щеки полощут, а если улыбнуться, моментально набирается полный рот ветра, так как уголки губ неспособны сдержать его напор.

Ехала я в музей Hellfire Pass. Он в стороне от больших дорог; обычно туристов сюда завозят автобусами, а местные добираются на своих машинах. Музей невероятно пафосный, строился на деньги австралийской торговой палаты — стекло и металл, разувайтесь на входе; все от витрин до буклета выполнено на высочайшем уровне. Сам музей крошечный, всего несколько небольших залов; основная экспозиция, ради которой сюда едут сотни людей ежедневно, это несколько километров заброшенной железной дороги.

Мемориал рассказывает о нечеловеческих условиях работы сотен военнопленных и простых строителей, нанятых для срочного налаживания железной дороги. Они выстроили четыреста километров рельс, заплатив за это сотней тысяч жизней. Китайцы, малайцы, японцы, мьянмарцы и тайцы работали по 18 часов в сутки, одними только ручными инструментами и примитивными отбойными молотками слой за слоем снимая породу с горы, чтобы полотно железки могло пройти сквозь скалы.

Ты выходишь на тропу в одиночку, без гида. Заблудиться негде, дорога не разветвляется, но по пути возможны осыпи и обвалы, солнечный удар или приступ острой печали с суицидальными намерениями. Так что очень вежливые служители (их английский идеален — эта часть тоже выполнена по высшему разряду) проверяют, есть ли у тебя достаточно воды для этого пути, а после выдают тебе рацию с порядковым номером и микро-карту. Раз в четверть часа тебя пингуют: «Номер 14, ответьте. Где вы находитесь?». Тут отличная разметка и встречаются памятные таблички, так что с навигацией нет проблем. Ни одного человека из несметных толп в музее за мной не пошло. Все остались на первом этапе, в паре сотен метров от входа, фотографироваться с вагонеткой. Так что я иду абсолютно одна по тихой, уютной солнечной тропе. Изредка из-под листвы начинают проглядывать распадающиеся в труху шпалы. Пытаюсь представить себе это место полусотней лет раньше. Здесь жили, страдали, умирали — каждый камень тут несчастен, кто-то его отколот и отнес, возможно, именно этим подорвав себе здоровье. Основные причины смертей на строительстве — истощение, холера, обвалы... Треть всех участников погибла. На фотографиях в начале работы они стоят, улыбаясь, сильные и уверенные в себе. Сейчас построим и глазом не моргнем! Фотографий последних этапов почти нет, только наброски одного приезжего художника. Невероятно тощие тела, погасшие глаза, механические движения без силы, смысла,

веры... Столько жизней, столько судеб сломано — чтобы что? От полутысячи пройденных ими километров осталась сотня, что соединяет Nam Tok и Бангкок. Еще четыре километра прогулочной тропы для туристов. Остальное просто руины, зарастающие травой. Памятник великой бессмысленности.

В музее среди прочих частей экспозиции была книжка-дневник, написанная таким же бисерным почерком, что и мой. По-английски. Дорого бы я дала, чтобы ее почитать! Воспоминания не так интересны. Это приукрашенная и отсортированная реальность. А дневник — это запись всего, что казалось важным на тот момент. Она тоже субъективна, но эта субъективность не прячет правду, а выпячивает ее. Если человек на шести страницах рассказывает о том, как он добывал себе ужин, а потом одной строкой, что заезжал великий чучче с напутствием — это кое-что значит.

Тропа кончилась внезапно — поперек легла асфальтовая дорога и надпись «нет пути». Рядом дежурило такси. Я достала рацию и запросила центр, каков план. Конечно — идти домой по буеракам обрат-

но или 6 км на таксо. Шесть, думаю я, не двадцать, да и дорога все-таки немного проезжая. Не люблю возвращаться тем же путем. Так что первые полтора часа я топала пешком, без единой попутки; солнечная асфальтовая тропа, обычные джунгли вокруг, бабочки... А потом поймала местного и триумфально въехала обратно. Смотрю — а там вчерашний обаятельный европеец. Посмотрела на него мрачно и поехала дальше. Нет уж, не срослось так не срослось.

Вообще положение мое среднее. У меня кончилась вода (вся) и очень хочется кушать. Тут вокруг совсем ничего нет, даже крутого ресторана не сделали. Так что стопить придется на голодный желудок. А при моем желании заночевать на берегу водохранилища, надо все-таки озаботиться заранее и водой, и пищей.

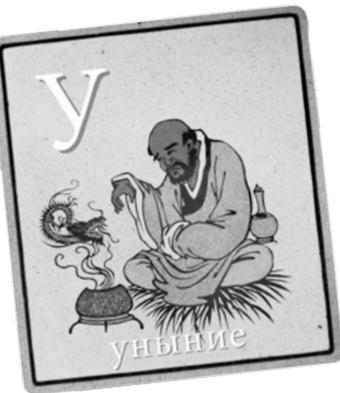
Ой. Не знаю, дорогое Мрзд, как это у тебя получается, но спасибо. Я сижу на заднем сиденье, под ногами болтается еще не начатая бутылка воды. В одной руке у меня сэндвич с нежной ветчиной, в другой — шпакка с очень злой сосиской (из нее при раскусывании торчат куски перца). Коленками я придерживаю банку холодного Latte от Nescafe, и мы вдвядятером едем в кэмпинг, на весь уикэнд. Четверых я уже знаю, это студенты Аом, Эо, Дин и Лин; остальные едут впереди в другой машине.

Пообщаться с настоящей сплоченной компанией тайцев — бесценно. Двое парней часто и помногу курят, отодвинувшись от друзей. Лин часто бьет Кина (может, он ее брат?). Девочку за рулем, Аом, я долгое время принимала за симпатичного мальчика.

Про меня уже сыплются комментарии в Facebook и Instagram — мы успели сделать несколько фотографий в машине, так что теперь я местная знаменитость. Не знаю еще, что там выйдет из книги, но популяризоваться, как пока еще живой писатель, мне удалось уже на большом куске Азии. Мы подъезжаем к озеру, коротая время за просмотром моего дневника — он уже достаточно пухлый и хвастаться им интересно.

Ребята перевели мое имя Ginger (имбирь) — на тайском это звучит как Kin. Ура, у меня есть тайское имя!

Между прочим, недешевый уикэнд получился. Они заплатили по 220 бат за человека, получив двухместные небольшие палатки во дворе неустроенного жилого дома. Они называют это HomeStay, но по-моему, это обидрало. Мне-то конечно все равно, но за ребят обидно, они хорошие. В туалете из нового только

Рисунки на китайском храме прямо-таки настаивают на буддизме.

В очках — Лин, а из-за нее выглядываю я.

щеколда на двери. Стены из силикатного кирпича с дырками, потолок из закопченной клеенки. На душевом обогревателе в «ванной» обещана гарантия десять лет, и при взгляде на него очевидно, что они уже давно истекли. Вода идет холодная.

Я выбрала вторую самую симпатичную девочку (первую намертво заняла третья по обаянию, и они, кажется, составляют уютную пару любовников — тут подобные отношения в порядке вещей), и вписалась к ней в палатку. Лин спулая, ей жарко — похоже, в Бангкоке молодежь в этом климате уже не выживает без кондиционера. Благодаря ей я выяснила, что в этом районе много мьянмарцев; еще бы, до Мьянмы всего 25 км. Их отличают желтые разводы на лице. Надо привыкать, мне с ними еще месяц жить.

Основная достопримечательность города — опять-таки мост. Огромный, деревянный, пешеходный, через всю реку. И такой невероятной высоты, будто по реке ходят не только мелкие рыболовные лодочки, но еще и атлантические титаники.

На берегу бойкая торговля, обычный рынок. Обаятельнейший дядька ловко орудует лопаткой и мешает блинчики, заливает их сгущенкой — блин за 10 бат. За тридцать можно пожарить огромный блинщик и начинить его яйцом и бананом. Я не уверена, что осилю столько счастья в одно лицо, поэтому взяла обычный, а на закуску выхватила только что кончившуюся банку со сгущенкой — по стенкам, конечно, остался толстый слой сладости. Мальчишки пьют пиво, мы с Лин прогуливаемся по мосту. Есть где развернуться — почти два километра. Правда, ни одного свободного места, все в людях, которые делают селфи на фоне реки или монахов. Наконец я решила, что надо бы отделиться, пока они скупают — я хоть интернет поищу. Вызвала, конечно, бурю недоумения: что, ОДНА пойдешь?! Любая группа страшно инертна и спустя какое-то время с ужасом представляет себе распад на индивидуумы обратно.

Я распрощалась, пообещав вернуться к ужину, и через минуту склеила девочек на байке с коляской. Напросилась с ними. В общем-то они хотели просто подкинуть меня по прямой до конца поселка, так как там, возле автовокзала, выше шансы на интернет. Но в итоге мы про-

катились по всем трем улицам этого города с небольшой обзорной экскурсией. Маленький скутер с коляской (не одноместной, как у нас, а целой площадкой со скамейками) не был рассчитан на такую толпу, я села пятой; крыло скребло по колесу, я притворно ужасалась и картинно округляла глаза «я сломала вашу машину!», все смеялись, девочки уверяли, что байк и не такое выдерживал, и чтобы я сидела спокойно. Интернет мы не нашли, зато расстались, довольные друг другом и прогулкой.

На площади оказался ночной рынок, я немного погуляла мимо лотков, раздобыла пару манг и пофотографировала.

В поездке выработались смешные рефлексы на картинки. Пластиковые стулья — вкусно! (они обычно стоят в придорожных кафешках) Большой автобус — дорого и холодно! Маленький с открытыми окнами — здорово, хочу ехать далеко! Озеро — хорошо, красиво, бесплатно поспать можно, но комары. Плотно закрытая затемненная слайдеровая дверь — интернет, друзья, фоточки, хвастаться!

У ларьков я выпросила еще информацию, где можно поискать место с интернетом.

Памятка: сладкая вата зло, зло, не ешь больше вату, особенно черничную!

А на лице — танака!
Значит, девочка из Мьянмы.

TUAPARKAR

К залу я подошла с половиной ваты, уже много слипшаяся и ужасно довольная. Там очень кстати торчал юноша лет десяти. Он сначала весьма резко отказался от подарка, но потом я пояснила жестами, что это не «бедный туземный мальчик, на тебе конфетку», а я наелась и не хочу склеить всю клавиатуру. Он перестал выпендриваться, поблагодарил и радостно впился зубами в вату, а я выпала в Москву, заплатив за два часа сразу.

После возвращения я докупила себе пару кусочков мяса и вальяжно пошла домой. Наивная! Когда я вернулась, у студентов был такой пир, что мне стало стыдно за мои жалкие манго. Тут и знаменитая запеченная в соли рыба (нежнейшая!), и все виды шашлыка, и разные орешки к пиву или газировке, лапша и рис... и HotPot, сковорода с выпуклым центром в дырочку, которую ставят прямо на угли. Вокруг наливают немного воды, а на центральный дуршлаг, как на самое горячее место, выкладывают для прожарки кусочки рыбы, мяса или зелень — тогда все, что с них стекает, оказывается в воде, где уже полощется лапша и овощи. Вылавливается это все палочками, очень удобно. Обедение!

Меня уговаривают сесть и взять миску, чтобы было удобнее, но чувствую, что сейчас лопну, и сопротивляюсь. А в моем стакане чудесным образом оказывается все больше льда и колы. Ааа, спасите меня!!

Завтра ребята едут в Egan. Придется отделиться. А то один из юношей уж больно печально и пристально на меня смотрит. У него, конечно, мое любимое «щепочное» телосложение, божественные руки и тату на всю спину, но если мне даже с итальянцами и русскими не удается ничего путного, с тайцами точно лучше не пробовать.

Может, это не так уж много — 2000 бат в совокупности за то, что у тебя во дворе орда сытых и довольных студентов танцует и смеется? Впрочем, мы довольно мирные. Я так вообще спать иду.

8 февраля. Sanghlaburi

Все проснулись затемно, начали вяло собираться. Ночью собаки дважды принимались истошно лаять где-то неподалеку. Я начинала подсчитывать, сколько нужно камней, чтобы всем сестрам по серьгам, и отключалась обратно где-то на середине подсчета. Я была уставшая, а матрац мягким; снаружи холодно, а в спальнике уютно. Так что, когда все встали, я повернулась на другой бок и решила «еще минуточку».

Через минуточку меня подбросило ощущением, что кто-то вцепился

Какие отличные фонарики! Конечно, в Маеке балбук так легко не разбудится, зато маленький бутылочек — сколько души уютно.

Вкусные орешки. Мама, я так и не узнала их международное название. Зато купила себе целый пакет!

мне в волосы. Первая мысль «краб?» была абсурдной, но очень достоверной по ощущениям. Вторую мысль «прыгающий паук размером с ладонь?» я додумывала уже вне палатки, прыгая на одной ноге и одеваясь. Такой вот убедительный подъем. Потом я пошла там с фонарем и никого подозрительного не нашла. Чуть позже мне пришла в голову простая мысль — возможно, от моего шевеления местная кошка приняла меня за что-то любопытное и схватила лапами снаружи палатки, через ткань.

Вчера я не справилась с управлением душем и облила себе штаны. Оставила их на ночь снаружи — не спать же в обнимку с мокрой тряпкой! И, конечно, суше они от росы не стали. Брр, когда же наконец потеплеет!

Мы прогулялись на мост, и я с изумлением обнаружила, что людей стало больше, а не меньше. Оказывается, утром в выходной, еще до рассвета, они собираются, чтобы снять тяжесть своих грехов. На лотках продавцов стоят аккуратно упакованные подарки: благовония, сок, цветок, йогурт. Или мыло, печенье, конфетки, соевое молоко. Встречаются наборы с зубным порошком или туалетной бумагой. Покупаешь, ловишь любого монаха, садишься перед ним и просишь благословить. Он читает короткую мантру (твои друзья в это время фотографируют — тот момент, когда монахи не закрываются, если видят направленные на них объективы, и даже не корчат недовольные лица), ты выкладываешь свои дары в миску на руках монаха.

Сегодня большинство монахов предусмотрительно захватили мешки и выглядели, как сиротки на показательном утреннике.

Подоплека этого действия проста — как всегда, попытка обмануть божество. Будда завещал: есть то, что подадут в чашу. Он не рассчитывал, что возникнет упаковка из пластика и кусок шоколада подать станет намного проще, чем, например, рис с овощами. Поэтому диета в храмах становилась все более странная. Не говоря уже о том, что гигиенические принадлежности тоже нужны, а где их брать? И кто-то придумал первым, как сделать систему, работающую ко всеобщей выгоде и радости. Продавцы получают стабильный доход с упаковки предметов первой необходимости; монахи — эти самые предметы без

Девочки.

прикосновения к нечистым деньгам; прихожане (учитывая особенности этого действия, лучше сказать «прохожане») — благословение. Все мудро устроено в природе.

Я смотрела на процесс со стороны, пожевывая еще один блин от божественного дяденьки. Завтракала я тоже зря — у нас оказалось проживание breakfast included, так что нам принесли хворост и целую кастрюлю супа с фаршем.

Собаки тут живут только ночью. Днем они сливаются с пылью, не в силах побороть сон. Я их понимаю. В принципе, стоит завести себе вшивую бесполезную псину хотя бы ради того, чтобы к тебе во двор не заходили, как к себе домой, чужие шивые бесполезные псины.

Выехали, как ни удивительно, ровно в десять. Несмотря на все проволочки и задержки. Отдельное спасибо ребятам, что их не соблазнила идея заплатить 400 бат с человека за то, чтобы на лодке подкатиться к какому-то местному храму — фотки этого древнего сарая с обоих интересных ракурсов украшают лотки с открытками, и не вдохновляют от слова вовсе. Так как утреннее приключение не состоялось, было решено доехать все-таки до границы с Мьянмой и посмотреть место под названием «три пагоды».

Как и писал LP, специально ехать ради этого места абсолютно бессмысленно. Три пагоды — это три прыщика где-то по пояс, стоящие посреди зеленой полянки, окруженной рынком. Загранпереход в двух шагах, туда идет тихая, интеллигентная очередь. Два часа, убитые на разглядывания базара и поедание арбуза.

Ну все, наконец-то едем, куда надо. Правда, немного заблудились, а еще у нас водитель, спавший пару часов, засыпает.

Ничего себе, какая мото-мафия! Странные байки на широких колесах без протектора, словно гигантские жуки, шмыгают мимо организованными группами, жестахми требуя уважения от остальных участников движения. Между собой тоже общаются, поднимая руку, если обгон сейчас невозможен или наоборот, помахивая ей «вперед, вперед».

Пол из нарезанного бамбука — красиво, но не очень удобно. Мы остановились перекусить в каком-то пустом, казалось бы, месте — кафе такого уровня никак не маркированы, о них просто надо знать. С дороги это место выглядит как частная лежанка под навесом, но рядом приютилась кухонька, и даже меню выдают. Обещали что-то очень чили.

Заплатить за себя мне не дали ни разу — в этой острой едалне в том числе. Пока мы ждали заказа, ребята сидели в соцсетях и глаз не

поднимали. Рассказала им про русскую игру «не будь мудаком с друзьями», когда платит тот, кто первый схватился за телефон и отвлекся от беседы. Посмеялись, но телефонов из рук не выпустили. Тогда я засадила их работать на меня: писать заметочки в дневник и присылать сделанные вместе фотки. А то я им послала, а мне?

Начали приносить еду, уже три разные тарелки на столе — том-ям, мясо с зеленью и орехами, овощи. На вид разное, на вкус одинаковое — жидкий огонь. Борются с этим, как всегда — подают абсолютно пресный рис и лапшу. Но даже в небольших количествах этот перец перекрывает все. А еще он накапливается. Сначала ешь и думаешь: о, как хорошо, я, оказывается, привык. А спустя пару ложек вдруг замечаешь, что дышать ты можешь, только если во рту держишь ледяную воду. Я знаю, что это ненастоящий ожог, и боль пройдет, надо лишь на десять минут снять симптомы. Но выглядит очень натурально.

А тут принесли обычное мясо; после огненных пыток оно кажется пресным. Поэтому я его чуть-чуть макнула в том-ям, а оно подло утонуло. Пришлось глотать быстро. Опять сижу с улыбкой Моны Лизы и льдом на языке. Ребята посмеялись, но сами двухлитровую бадью воды тоже прикончили быстро, да и неострое мясо расхватали.

Как же здорово, когда наконец попустило! И все-таки без обычного мяса было бы обидно — язык обожжен, а есть хочется, как и раньше. Зато проблемы с горлом отошли на второй план, думаю, все микроорганизмы, которые не умеют выживать в магме, в этом напалме сгорели наместо.

*Впечатание потелание и образу
душиного пощера от Лии и ко.*

Hellow ginger (ginger)
Nice to meet you.
ยินดีที่ได้รู้จัก
เพื่อนร่วมทางที่น่ารักมาก
ขอให้คุณโชคดีในทุกๆอย่าง
มาเจอกันบ้าง Good luck for you.
hope to see you again Sometime.
Rin (ริน)

เจอกัน @ สิบสอง
ดีใจจัง ที่ได้เจอกัน
ขอใจในใจดีในการเดินทาง
(Aom. 8.2.15) Nice to meet you

ยินดีที่ได้รู้จัก
ดีใจที่ได้รู้จัก
ขอใจในใจดีในการเดินทาง
Body 8/2

สวัสดีค่ะ → Hello
ดีใจที่ได้เจอกัน
ขอใจในใจดีในการเดินทาง
ถามสารทุกข์ที่อื่นด้วย
Elle
9/02/05
Thailand

Кстати, заедают они это чипсами. Обычные такие воздушные хлопья, разве что странных, ненормированных размеров. Я их ела, они легкие, как обычные кукурузные, почти без вкуса. Я наудачу спросила у ребят, что это, не ожидая ничего сверхъестественного, и внезапно получила ответ: свинья. На мои выпученные глаза они посмеялись, и нашли в интернете описание, как из свиных шкурок, мелко нарезанных и специально обжаренных, выдувают вот такие воздушные кукурузные палочки. Ничего себе. Как тут сложно быть евреем или вегетарианцем! Кругом сплошные подвохи.

Мы так неспешно ели и ехали, что я смирилась с тем, что не успеваю на поезд. Но на подъезде я глянула в расписание и увидела, что последний в 3:30 pm. Хм, думаю. Ну ладно. И чем ближе мы подъезжали, тем, конечно, медленнее двигались. «А-а-а!» — кричала я. Но тихо, про себя. И головой билась незаметно. А они неспешно спрашивали дорогу, открывали карту, спорили... Три минуты до отправления. Еще вопрос. Минута. Мы выруливаем на площадку перед станцией. С безумными глазами обнимаю всех по очереди, хватаю рюкзак, влетаю в поезд...

Ту-тууу! Я сползаю по краю тамбура, не имея сил взмахнуть рукой.

Черт. А у них правда одна цена, как у метро. Даже на эти три станции. Сто бат, и все тут. Хоть до Бангкока едь. Но ведь я же хочу на гору! Нет уж, проявим настойчивость.

На подъезде к станции я струхнула. Ну что я им скажу? Какая-то сомнительная легенда «Я тут случайно проходила мимо вашего храма на вершине горы». Вдруг они вообще не работают? Только строятся, например? Приду ночью, а там одни строители в своих «террористических» костюмах. «Эй, — говорю, — товарищ кондуктор! Да, да, вы! вот это что наверху?» — «Храм!» — «А он работает? Я могу туда ногами (*показываю*) дойти?» — «Да!»

Черт.

Ладно, будем импровизировать. Слышала, мол, о вашем медитационном центре (*правда*), решила посетить (*правда*), последний поезд ушел (*тоже правда*)... с этой мантрой десантируюсь и подхожу к «ресепшену». Он у них аж до моста, дальше хода нет, если не договорился.

Ой, говорят они. А ступа же до трех только. Ой, отвечаю. А что же делать? Может, я смогу переночевать тут, а утром по холодку сходить?

У служанок в белом вся шерсть встала дыбом. Посмотрим на ситуацию с их стороны. Темнеет. С туристического поезда, который, как конь дьявола, трижды в день проносится, слава богу, мимо, вдруг ссыпается ЭТО, с рваными крашенными волосами, в тату, в камуфляже неприличного оранжевого цвета, с гигантским грязным баулом, и просятся в святая святых.

После первой вежливой части отговорок, звучащей как «нет, нет и нет!» вдруг последовал вопрос «А как ты вообще тут оказалась?..» Я, разумеется, решила не терять возможность; открыла карту и дневник, воодушевилась, вещаю. Давлю последними четырьмя путешествиями и, конечно, книжкой (*правда*, дневник я неудачно раскрыла — хотела на рисунках Будды из Аюттаи, а получилось на винной этикетке, пришлось выкручиваться). Монахиня расслабилась, к тому же сообразила, что она далеко не последняя инстанция. Окей, говорит, давай ты войдешь и спросишь про ночевку. Сейчас мы только тебя проверим. И угрожающе замахивается на меня металлоискателем.

В итоге мой рюкзак перетряхнули полностью, проверив карманы, швы и ощупав утолщения в спине. Из него изъяли: две зажигалки, мобильный, электронную читалку, фотоаппарат, картридер, все зарядки, нож. Наркотиков при мне не оказалось (об этом спросили отдельно), и мне разрешили все запаковать обратно. Отобранное осталось лежать в отдельной ячейке, а номерок я спрятала в карман.

Так я, чувствуя себя сверх меры легкой, прошествовала по тому самому мосту (так и хочется написать соединяющем мир живых и далее

по тексту). На входе главная монахиня встретила меня с распростертыми было объятиями — мол, еще одна сестра к нам и т.д., но вскоре присмотрелась, окстилась и сложила руки на груди. Я быстренько повторила весь перформанс: какой у вас прекрасный центр, увы, медитировать мне некогда, я бы только хотела посетить Ступу-На-Вершине, как жаль, что она уже закрыта, но, может быть, завтра... В конце тетюшку озарило облегченное понимание, разрешение трудной задачи: она улыбнулась широко, не размыкая губ и, пристально глядя на меня, медоточиво поведала: завтра понедельник. Ступа закрыта. Нет ни одной причины находиться здесь. Снаружи есть хостелы, и вообще катилась бы ты, деточка.

Окей, говорю почти без задней мысли, попытаться стоило. На хостел денег нет, но я могу, как обычно, переночевать на улице. До свидания.

Это был удар ниже пояса; меня немного оправдывает то, что я действительно не придаю этому такого уж значения. Эка невидаль, поспать где-нибудь под навесом. Но для всех оседлых это звучит примерно как «пойду повешусь». Они моментально представляют себе весь объем ответственности за твою загубленную жизнь, и неудобства от твоей ночевки перестают казаться страшными на этом жутком фоне.

Тетенька засомневалась в том, что она понимает, что происходит. Если ты не праздный турист, говорит, то кто же? Присаживаюсь обратно, открываю дневник и раскладываю карту... Спустя полчаса она, спрятав признаки восторга обратно, снова поджала губы: «Все это прекрасно, но у нас есть правила. Ты останешься здесь только на одну ночь. Завтра на первом же поезде, в пять тридцать, двинешься дальше. Я помогаю тебе исключительно как женщина женщине». Никогда не болела феминизмом, очень люблю уступки.

После бумажной волокиты (давно известно, что монахи всех стран и религий трепетнее всех относятся к формулярам — я считаю, что это от привычки неукоснительно соблюдать в своей жизни десятки нелепых предписаний тысячелетней давности и такой же актуальности) меня послали на омовение. Выдали торжественно белую тогу: бла-бла, девочка, ты должна смыть с себя дорожную грязь, мы ходим в белом, так как это символ чистоты наших намерений... В моей голове заиграла благостная музыка; босая, с белым полотнищем я последовала через гигантский каменный зал с колоннами, зашла в обычную душевую и с наслаждением вымылась, порадовавшись, что белая одежда (это оказались раздельная блуза и юбка) такая легкая.

Я вышла окрыленная, на волнах все того же божественного, стройного аккорда, готовая послушно вести себя как минимум сутки.

Возвышенную мелодию вдруг зажевало, как в старом магнитофоне. Монахиня издала какой-то неприличный звук и схватилась за голову. «Штаны! У тебя есть другие, не эти?!» — сначала я не поняла, в чем дело. Оказалось, юбка внешняя, обычно надевается поверх другого одеяния. Будучи натянута на голое тело, она не столько скрывает, сколько подчеркивает половые различия. Я ужасно не хотела ничего грязного, поэтому честно сказала, что ничего другого у меня нет. Штаны одни, и это — непристойный камуфляж.

Тетя порастеряла всю свою благодать. «Ты! Ты-ы! — тыкала она в меня обвиняющим перстом — Ты проехала столько стран и у тебя ОДНИ ШТАНЫ?! О мама мия, столько стран, столько городов — в одних штанах?!» — чувствовалось, что многие выражения из внутреннего монолога она пропускает, поэтому в репликах, обращенных ко мне, зияли некоторые паузы. Я сжалась над ее отчаянием и достала теплую тогу-платье. Оранжевое, шерстяное, с агрессивным красно-черным узором — оно было явно неподходящим. Я рассчитывала, что эта попытка будет засчитана, а мне выдадут какое-нибудь легкое полотнище из местных запасов.

Но не тут-то было. Монахиня неожиданно успокоилась, словно кран перекрыли, и железным тоном приказала надевать. Под белое. Я натянула на еще влажное после душа тело эту власяницу, мысленно благодаря всех богов за то, что дневная жара уже пошла на убыль. Сверху накинула легкую тунику.

Сразу возникла непоколебимая ассоциация с волком, ужасно неловко маскирующемся в овечьем стаде.

После меня передавали из рук в руки (каждому надо было рассказать мою историю — событий в монастыре немного, а люди жадны до приключений), пока не нашли крайнего очень симпатичного, очень юного монаха, слегка бледного от осознания величия и ответственности его миссии. Оказывается, я на его шее уже третья — несчастливый уикэнд! В разных местах гигантского зала, где шла служба на пару сотен человек, сидела девушка европейского вида (отличный английский — австралийка? Бельгийка?) и топорный, нескладный юноша, с крашенным зеленкой хаером и жестким говором.

Юноша-монах отчаялся бегать между нами и смирился с нарушением всего: посадил нас рядом. Обычно монахи-юноши спят снаружи

монастыря и в зале для медитаций сидят отдельным клином. Отодвинув нас минимум на три метра друг от друга, переводчик плюхнулся между. Нам выдали по книжице с английскими страницами, зал начал читать гимны. Это было привычно еще по Индии, а тут еще и с переводом, то есть с пониманием происходящего, здорово! Я быстро втянулась, а на финальной, 53-й странице уже могла на одном дыхании произнести *grarooteergrahkjow*, наиболее часто встречающееся слово. Ноги почти не затекли (опять же, дело привычки), но адские коврики плетут из каких-то проволок, кожу они просто пытаются. Местным-то хорошо, они сидят на подушечках.

После молитвы следовало обойти зал неспешным шагом, стройными рядами, в загылочек друг другу (думаю, Будда вставил этот пункт специально, чтобы у прихожан не атрофировались ноги). Когда мы вернулись, я потянулась к дневнику — много незаписанных событий за сегодня, а до следующего гимна еще есть пара минут. Это заметил переводчик. Недобро встрепенулся, начал было что-то говорить, не смог сформулировать сразу, запнулся — и сделал нам знак следовать за ним.

Мы пришли на отдельный балкон и взволнованным срывающимся голосом сформулировал главный постулат: Учительница против записей. Что вы чувствуете или думаете, должно оставаться ощущением; нельзя облечь в слова свет, идущий из сердца. Сейчас, говорит, я покажу вам, что на этот счет говорила наша Мать. Далее последовал не менее пафосный, чем абсурдный, ритуал: на треножник был водружен магнитофон *Panasonic*, рядом выложены из голубого шелкового мешочка несколько кассет. Всему этому мы благоговейно поклонились, и дальше начала говорить Мать. Свистящий, тягуче-певучий голос с весьма издевательскими интонациями произносил фразу, затем следовал быстрый и точный перевод на хорошем английском. Так как оба этих языка я не понимала, где-то на третьей фразе я выключила восприятие и, глядя на освещенную вершину храма, куда я так и не попала, начала думать.

Здорово было бы показать этому мальчишке средний палец. Нет, вовсе не в том значении! Там у меня мозоль от ручки. Просто дать пощупать и спросить: ты уверен, что стоит пытаться переучивать человека, который ежедневно пишет по десять тысяч знаков и строит на этом свою жизнь?

Мысли всплывали и гасли; день тоже угасал. Я начала играть с предметами, попадающими в поле зрения: представила гору, покрытую зе-

ленью, огромным добрым мамонтом с густой шерстью. Я гладила его и шептала что-то доброе и успокаивающее. Мы слушали уже вторую кассету — про пути восхождения к Храму-На-Горе; путь, который суть есть Восхождение К Вере. Я машинально проследила взглядом по хребту горы до храма и ужаснулась — в концепции зверя этот золотой, подсвеченный розовым, гладкий и явно твердый купол выглядел чем-то инородным, жестким шанкром или воткнутой занозой, которую и хочется, и страшно зацепить. Мы дослушали и отмотали назад третью кассету. Темень наступила полная, и по саду вокруг начали бродить привидения в белом, подсвечивая себе дорогу фонариком. Переводчик отошел, ребята перебросились парой фраз — и я моментально поняла, что парень не русский, как мне было показалось; они оба из Чехии, один язык, они вместе. Не знаю отчего, но я вдруг ощутила себя страшно одинокой, будто у меня только что отняли союзника. Но тут кончилась четвертая кассета и нам повели знакомиться с Матерью, которая как раз закончила пение с остальными и распустила класс.

Как и все духовные лидеры — невысокая, улыбчивая, все время слегка восторженная. Она задавала очень толковые вопросы: как нашли дорогу, отчего именно тут, что для нас Будда. Ребята, оказывается, тоже просто так на огонек заглянули. То-то зеленоволосый мальчик так кряхтел, сидя три часа подряд на коленях!

Мы попрощались, и последовала бесконечная процедура укладывания. Нельзя просто взять и уложить уставших с непривычки гостей. Надо еще раз расспросить, а удовлетворив свое любопытство — пере- сказать всем, кто рядом, и добавить все истории, что услышал за день, и обсудить; потом несколько раз обсудить с гостями распорядок и правила; потом найти ответственную за белье и ей опять рассказать все с начала... На середине ритуала я, уже порядком взбешенная, спросила про ужин — оказалось, что еды у них с пяти вечера нет, так принято. Я выждала вежливую паузу, всучила Терезе из Чехии фонарь и босиком в темноте пошла забирать свои вещи и обувь из центрального зала, выфыркивая в окружающую тьму свое недовольство. На обратном пути, не встретив абсолютно никаких трудностей с ориентацией в крошечной мгле парка и никак не освещенной зале с колоннами, я легко догнала процессию, как раз идущую располагаться на ночь.

Огромный зал на другом конце парка инспектируется бодрствующей монахиней. Я была уже готова залезть в душ и строчить в дневник, скрючившись, сидя на унитазе — раз тут везде нет света и запре-

щены записи. Но встретила внезапно понимание со стороны ночной няни. Она выдала мне фонарик и даже предложила кофе. У умывальников обнаружилась дежурная лампа. Минус — ее видят все, и со всех сторон сюда слетается мошкара. Так что мое белое одеяние уже слегка шевелится. Никто не кусается, но копошится знатно. Время от времени я встаю и стряхиваю этот распадающийся ковер на пол. Немного сняла проблему, оставив на краю светового круга чашку от 3-в-1: теперь хотя бы любознательные муравьи бросили меня и широкой волной устремились к сладкому.

9 февраля. Goatahamonkgol

Спала я отлично, хотя ночью муравьи нашли мой рахат-лукум в рюкзаке и устроили диверсию. Не те комнатные, что безобидными черными потоками усеяли вчера чашку из-под кофе; ночью пришли беспощадные воины, с ноготь длиной, каждый с идеей умереть или добыть для муравейника что-нибудь эксклюзивное. А монахи ночью храпят. Представьте себе акустику храпа в двухсотметровом зале со средней высотой потолков около десятка метров. И когда на крышу садятся птицы, ощущение такое, будто на жестяной противень сыплют горох.

Разбудили нас, как и обещали, в половине четвертого ночи. Гонгом. Тело в это время способно уснуть обратно в любой позе, так что я дотащилась до зала медитаций, усадила его прямо и первый час наслаждалась, досыпая. Пение, сидячая медитация, относительно быстрый проход вокруг Будды, снова псалмы — и долгая неспешная walking meditation: шаг раз в полминуты, и не гуськом, как обычно, а каждый на своем маленьком участке.

Это что-то ирреальное — вдруг обнаружить себя ночью, в храме, в полной тишине слаженно шагающей вместе с сотней других фигур в белом. Закончили мы в семь, когда было уже светло.

А холодно. Рука почти не держит ручку, несмотря на теплое платье. По огромному дереву передо мной бегают веселая белка, а я спешно жую бананы — до завтрака всего 15 минут, надо спешить.

Завтрак тоже не дают так просто, конечно. Идея съесть бананы была отличной. Сначала мы образовали колонны и взяли в руки пустые миски в мешочках. Потом босиком, оставив тапочки, промаршировали в столовую (еще один гигантский зал с мраморным полом) и полчаса пели гимны. Потом надели медицинские маски (!) и пошли обходить

стол с едой, чтобы собрать себе порцию из чанов с разной всячиной. С гигиенической точки зрения это было очень правильно: изголодавшиеся за ночь послушники не будут капать слюной в общие чаши. Еда вкусная и разнообразная, в основном вегетарианская и острая, но есть варианты.

По дороге успели поговорить с Терезой. «Все же религия у буддистов дурацкая.» Тереза ответила холодно: «Да? Я буддист.» — «Нирвана, как идея мне непонятна. Как можно хотеть НИЧЕГО не испытывать? Сансара, это же здорово! Можно перерождаться, и перерождаться, и перерождаться...» — «Будешь так рассуждать — переродишься в дерево.» Поднимаю два больших пальца: «Ну и замечательно! Пожить деревом, птицей, муравьем, животным! Все-все попробовать!»

В общем, не поняли мы друг друга.

Прощались с монахами мы тоже долго. Мне преподнесли ежедневник со словами «твоя книга такая старая, возьми эту, она совсем не чагая». Ребята заплатили пару сотен за постой и посмотрели на меня вопросительно. Я ответила, что будь у меня пара сотен за ночлег, я бы тут не оказалась. И все же, ну почему все религиозные люди так опасаются спать на улице? Будда всю жизнь ночевал на земле. Им из монастыря кажется, что снаружи одни ужасы...

Ребята оказались на машине и предложили подбросить меня до Канчинабури. По дороге мы решили смыть с себя чувство затхлости — начали с того, что врубили жесткий чешский рок-рэп. Пожалуй, я посплю пока.

Вот, а сегодня мы наблюдаем наказанную лень. Можно было в 7 am поехать на поезде, останавливаемся прямо у порога монастыря, до самого Бангкока. Но я решила покататься. И вот 10 am, Канчинабури, а следующий поезд только в 2 pm. Эх! Пришлось ловить маршрутку. Она идет в Бангкок и стоит сотню. В общем-то я рассчитывала бесплатно, но не устраивать же скандала, раз остановленная машина оказалась рейсовым транспортом.

Зато в таком месте много добрых и доверчивых людей. Я попросила у соседки телефон, и та дала, даже не спросив, зачем мне. Надо бы прикупить смартфон с GPS! У меня от хостела, где должен был поселиться Пашка, записана только улица, а неплохо бы повидаться. Так, это банальный Баглампу, прямо рядом с туристическим центром. Как, наверное, скучно ездить с интерактивной картой — никаких загадок, тайн, все как на ладони... А где же интрига?

Нашла отель, кинула вещи, макнулась в душ и пошла тратить деньги. Это еще не День Больших Закупок, какой я планирую устроить перед отлетом; но хорошо бы отыскать немного гелевых ручек и всякой ерунды, да и порадовать себя после храмовых запретов тоже надо.

Пашка забежал, поделился последними новостями: он взял рубез в пять тысяч уникальных порталов, прошел за один день игры ногами 43 км, в хлам разругался со своими коллегами из Екатеринбурга, ну и черт с ними, зато никто не знает, где он, так что накрыть его не сумеют. И сегодня он ночевать не будет, он арендовал тук-тук на всю ночь и будет допиливать последние нетоптанные зоны Бангкока на предмет неразрушенных порталов.

И стоило ли снимать душку, если мы будем спать вахтовым методом, спрашивается?

Н-да, ну и сервис. 30 бат за час интернета («1 минута сверх — 10 бат»), стакан кипятка без ничего — 10 бат («и принесите чашку, как только допьете»). У Главной Тети лицо бульдога, поперек которого можно было бы сделать татуировку «No money — no honey». Их можно понять. Людям не до сантиментов — они делают деньги. У них на этаже по сорок комнат, и это только в одну сторону. Сторон две, этажей три, а обслуживает это все человека четыре. Вот что бывает от жадности. Зато какой тут причудливый коридор! Я дошла до пятого поворота и, честно говоря, побоялась идти дальше без запаса еды.

10 февраля. Bangkok III

Хорошо не иметь привязанностей к людям и не стыковать с ними свои планы. Только я хотела вежливо сформулировать Пашке, что у меня свои идеи насчет прогулок и кооперироваться с ним я, в общем-то, не жажду, как он посетовал, что за ночь ничего не успел, так что его планы «буду полностью свободен, пойдем гулять» отменяются.

Кстати, а вечером лапша вкуснее. За целый день окунания всякого в кипяток он становится наваристым бульоном. А с утра — водица.

Как же здорово ощущать, что Бангкок стал привычен! Когда знаешь основные районы, места и еду, цены — сама жизнь становится обыденной, в смысле, поход за завтраком перестает восприниматься как испытание — ты просто бродишь по красивому городу и отдыхаешь. Вот теперь можно ставить жирную галочку на стране и катиться к следующей!

День я провела бестолково, но вкусно. Усилием воли добила все начатые письма — не отсылать же потом из Мьянмы тайские хвосты! Пачка получилась на полтысячи бат, а марки я клеила в шесть рядов — красивые у них все с очень низким номиналом. Кроме этого за два дня высадила примерно столько же только на еду, на всякие вкусняшки. Так что катаюсь шариком по улицам, жалею, что не могу попробовать «вот этой зелененькой», потому что не лезет.

Все! Прощальный ужин с Пашкой, милые застольные беседы («А если бы я еще шесть порталов закрыл, была бы и вторая медалька»), короткий спокойный сон...

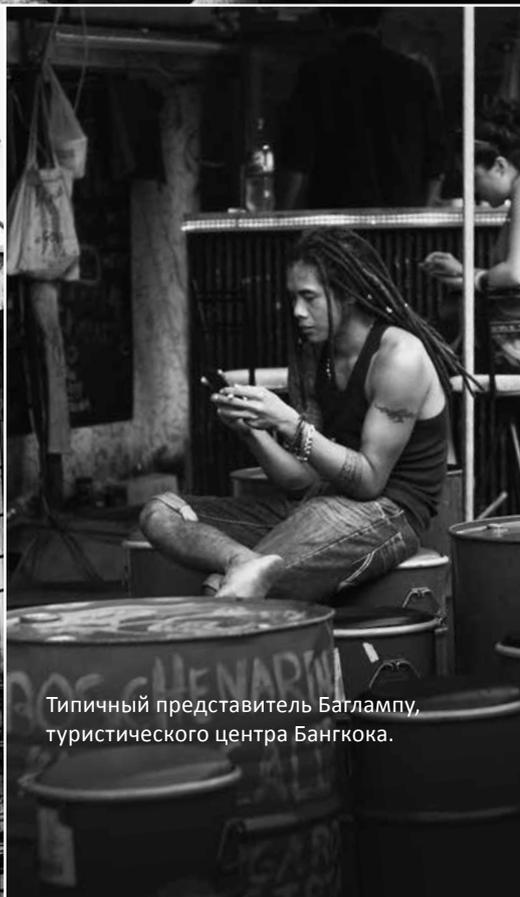
11 февраля. *Bangkok* → *Mandalai*

Ну, привет, трудный день. Трансфер от хостела в аэропорт вполне гуманен — всего 150 бат. От порога до слайдовых дверей в зал вылета, удобно.

Перед вылетом я попыталась сбросить все ненужное. Остатки еды я положила рядом с умывальником с подписью «free»; неактуальный талмуд LP по Таиланду сунула на край стены над своей комнатой — если кто-то будет в отеле Sodthi Guest House, пошарьте над крышей номера UP13 (прямо выходите из дверей номера, разворачиваетесь налево и тянетесь, встав на табуреточку, позаимствованную у уборщицы). Вот только пыльно там.

Меня никто не пришел будить, так что я могла бы пропустить оплаченный автобус. Он стоит всего пару минут, выкрикивая «Эйрпорт! Эйрпорт!» Я спустилась как раз вовремя, меня быстро загрузили, и мы погнали в ночь. В темноте мы петляли по району, заезжали во дворы и переулки, собирая урожай сонных вылетающих. Даже несмотря на неспешность, в аэропорту я оказалась в семь. Мне хватит времени на истерику по поводу неоплаченного багажа, а при желании даже появится уникальная возможность проспаться свой самолет.

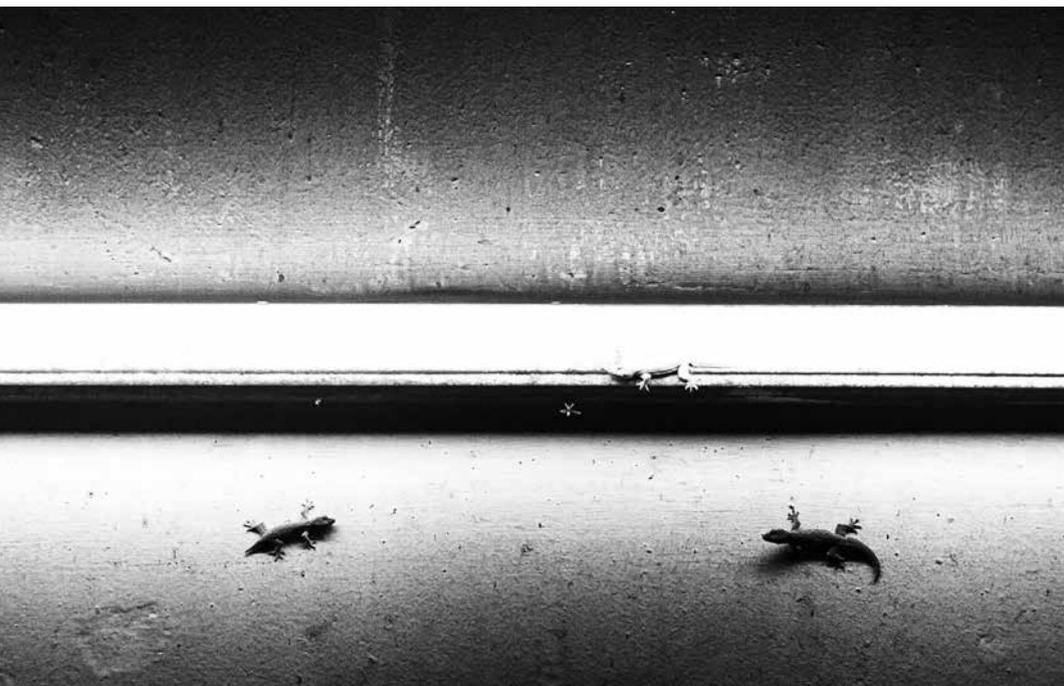
До вылета три часа, до открытия регистрации — полтора. Я проли-стала свой LP по Мьянме; пишут, что дорого и сложно, но возможно. Звучит жутковато и притягательно, меня охватывают обычные в таком случае вибрации: а что там? Как выживать? Напомнила себе строго, что люди там как-то живут, значит вода-еда есть, да и крыша над головой найдется. А остальные проблемы — мелкие и решаемые, волнений не заслуживают.

Типичный представитель Баглампу, туристического центра Бангкока.

Поскольку проблемы с незарегистрированным багажом были ожидаемы, я разрешила себе не переживать по поводу расходов, несмотря на то, что весь мой рюкзак не стоил тех \$60, что пришлось заплатить за его перелет. Просто надо запомнить на будущее — если на сайте предлагают заплатить за багаж, а он у вас все равно есть — лучше платите, даже если это дорого. Или ищите другие варианты с перелетом. В аэропорту ТОЧНО не будет дешевле. Мне вот всего за \$10 в сети предлагали, чем меня это не устроило?

На время взлета я традиционно отложила все дела и насладилась. Сколько ни летаю, момент отрыва от земли всегда переполняет восторгом. Или это страх так интерпретируется смешным организмом?

Гекконы давно поняли, что светлыми пятнами отмечают специально обустроенные столовые, где вечерами подают свежих мотыльков.

Билет на Мандалай

Часть вторая

Я учусь жить в таинственной Мьянме

11 февраля. Bangkok → Mandalai

Полет прошел незаметно; я была включена в последние 150 страниц двухтысячестраничной книги Розова и не могла отвлекаться от такого триумфа. Так что в реальность я вернулась уже на таможне, со штампом въезда. На выходе меня атаковали таксисты — немногочисленные, но очень энергичные молодые люди. У меня не было проблем с подсчетом валюты, которую нужно снять, курс очень прост: \$1 = 1000 кьят. Если цены на жилье хоть как-то совпадают с данными десятилетней давности, на день нужно около \$15, так что \$150, взятых в кьятах, должно хватить на первое время.

Тем не менее, снимать 150 тысяч незнакомых денег оказалось невероятно страшно. По счастью, у меня на карточке просто нет такой суммы, чтобы снять слишком много. Оглядываясь, я положила пачку в невзрачный носок, подшитый изнутри к рюкзаку в основном отделении — элегантный способ сохранить основную часть денег от всех невнимательных, но любопытных.

Так, где же тут обычные автобусы? Я подошла к одному туристическому лайнеру и спросила, чем добраться до города. Оказалось, он как раз туда идет. С некоторым подозрением я окинула взором шикарный салон и спросила о цене. Мне показалось, я ослышалась. Однако пассажиры подтвердили — да, автобус и правда бесплатен. Надо только предъявить авиабилет Air Asia. Ничего себе!

Уже спустя минуту я, потеснившись, знакомясь с обаятельной немкой Тиной, которая предложила мне заплатить семь тысяч и занять в забронированном ею отеле свободную кровать. Так что у меня осталось только две проблемы в жизни: я очень хочу есть и моя задница адски устала сидеть.

Ого! Тина арендовала пентхаус! По ее словам, на сайте была какая-то акция, так что ей сдали номер за полцены. На двоих тут пять полотенец, две шикарные кровати с золотыми покрывалами, два душа (в смысле, в одной комнатке две головки с разными рассеивателями), полный гигиенический набор туриста, дозаторы, заполненные шампунем и гелем, кондиционер, огромная плазма, холодильник, чайник, чай и кофе.

Я быстро выпросила два главных местных слова:

hello — mingalarbar (мангалапа) и thank you — kyaczubar (кезутембар).

Тина.

Лестница к храму на горе.

Уличный секс-шоп.

Мы бродим по разлинованному городу — все улицы абсолютно прямые и их названия записываются не буквами, а цифрами. В центре торчит дворец, тоже квадратный. Мы хотим чего-нибудь поесть, но попадаются только секс-шопы в тайском стиле — неопрятная телега, на которой разложены девайсы. Если не присматриваться, это похоже на выкладку запчастей к байкам (тем более, что эти ларьки часто соседствуют).

Наконец нам попался столь же заляпанный жиром ларек с пустыми блюдами, которые всем своим видом намекали, что их можно сделать полными. Улыбчивая тетя предложила нам холодный рис, сдобренный шкуркой от курицы и кусочками, кажется, мяса, и чапату — пережаренную лепешку в форме чебурека с вкраплениями гороха. Запивали мы это водой из одной на двоих кружки. Обошлось это удовольствие в 6000 кьят, по три доллара с человека. Хм, ну если цена в этом туристическом месте завышена примерно вдвое, жить вполне можно.

Дальше прогулка ускорила. Мы хотели попасть на вершину горы, а солнце уже заходило. Мы довольно быстро пробежались по улице,

дошли до нескончаемой стены дворца и дальше долго и уныло шли по набережной вдоль его рва. Однообразнейшее место, где нет абсолютно ничего. Редкие парочки, фотографирующие закат; писающие байкеры, дети с отцами на вечерней пробежке и километра два рва, стены и пагод. Невероятно скучно.

Мы сравнительно легко нашли угол, где судя по карте начинается Великая Тропа. На самом деле это даже не тропка, а лестница, местами перерастающая в кавалькаду залов. Вдоль всей длины бесконечное сооружение упрятано под крышу с острыми углами. Одна вытянутая пагода, внутри которой буйствует торговля. Не только все скамейки превращены в мини-рынки; благодаря пологости горы удалось все холмы вокруг застроить домами. Живут тут дружными семьями, поутру открывая окна, чтобы продавать немислимую дрянь — пластиковые аляповатые браслеты, синтетические меха, грубые поделки из дерева и камня. Правда, сейчас, на закате, торговля уже немного пошла на убыль. На освободившихся местах скачут и играют дети.

*Будда столь многолик.
Роботом тоже бывает*

На рынках часто продают поленья. Это не дрова, а то самое "мангское" дрово тшанко. В комплекте идет тарелочка из мрамора керамики, чтобы распылять смолу.

На первом же перегоне к нам привязался монах. Мы неосторожно спросили у него направление (и без того очевидное, но мы пытались быть вежливыми), после чего он решил, что это его судьба. Вел он себя, как бродячая собака в надежде на ласку — старался не отставать; заглядывал в глаза, ища там признаки восторга от очередного Будды (статуи расположены в специальных нишах на каждой площадке, часто для них строят целые дома). Я была уверена, что рано или поздно он попросит пожертвований; да и в целом не люблю таких сопровождающих, так что где-то с середины лестницы я начала от него незаметно сбегать: отставать и прятаться за колонны, намеренно обходить его, когда он явно призывал остановиться и оценить красоту места... Меня успела погрызть совесть: вот, человек добра желает, и только моя черствая неблагодарная душа... То ли дело интеллигентная Тина, молчит, улыбается, послушно смотрит, куда покажут.

Спустя минут десять Тина слегка отстала и быстрым шепотом проинесла: «Это магия какая-то! Куда ни повернусь, везде он! Даже если бегом бежать! Как ему это удастся?!» Я ответила что-то многозначительное про опыт, который не промолишь, и успокоилась.

О! На рыночке я наконец-то нашла лоток с магическим местным деревом танако, и по моей просьбе тетеньки сделали обряд нанесения этого странного макияжа. Бревнышки с руку толщиной, сантиметров по 15-20 в пеньке, желтые на спиле — их продают, как товар первой необходимости, наряду с обувными щетками, ножами и рисом. Для использования еще нужна «терка», плоская шероховатая тарелка из темной глины. Дерево поливают водой, трут, а получившейся смесью мажут лицо так, как обычно наносятся маски — щеки, подбородок и лоб, избегая глаз и носа. Впрочем детей, кажется, в раствор целиком макают. Надо будет почитать, от чего он защищает — солнца, прыщей или злых духов?

В одном из залов увидела обычный кулер, как в каком-нибудь офисе. Бросилась к нему, как к родному. Вода холодная, но не особо вкусная, да и вид какой-то... грязенький. А на следующей остановке увидела, как довольно небрежно одетый пыльный дед, сидя на полу, наполняет бутылку такого же кулера грязной чашкой из технического ведра. Эмгх. Нет, на воде я все-таки экономить не стану.

A black and white advertisement for STAR drinking water. The top part of the ad features the brand name "STAR" in a large, stylized font with a registered trademark symbol. Below it, the text reads "1 drinking water" and "UV & OZONE SYSTEM". To the right, it says "Product of Myanmar". At the bottom, it provides the manufacturer's address: "Manufactured by: 61 x 62 Street, Pyigyitay, Yangon, Myanmar" and a phone number: "40043, 09-43196830". The background of the ad shows a woman sitting on a wooden structure, smiling, wearing a floral shirt and a patterned skirt. The woman from the bottom photograph is integrated into the advertisement.

Закат на горе впечатляющ. На самой вершине сидел полисмен, который многозначительно показал на табличку «фото и видео — 1000 кьят». Я комично подняла руки в жесте «сдаюсь!» и спустилась на пару ступеней ниже. Судя по гроздям свисающих туристов, мы были не оригинальны. Монах правильно оценил наше платеженежелание и куда-то пропал — кажется, пошел утешать полисмена.

Спускались мы без приключений и не спеша. На всей лестнице нельзя обуваться; сандалии мы взяли с собой. У подножия нас вновь атаковали таксисты. Жуют бетель, пристают с незаинтересованным «куда это ты, друг». Привычно поулыбались и раскланялись, пошли по темным улицам домой. На обратном пути решили взять небольшой круг — и наконец-то встретили и нормальные кафешки, и магазины. Да и время к ужину. Надо учитывать особенности местного расписания — между временем, предназначенным для приема пищи, эту самую пищу фиг отыщешь.

Для начала зашли в какую-то просто лавку с продуктами, просто поглазеть на ассортимент. Лавка оказалась смешной — вся заставлена соками и газировками, за которыми, если присмотреться, отлично видны бутылки с крепким алкоголем. Лицензии у них нет, что ли? Я спросила про цены у местной девочки и оказалось, что вино (!) стоит 400 кьят. Как вода. Из чего же они его гонят?! Выбрала нечто попробовать, хозяйка глянула: «Ого, крепкое!» — «Да, — говорю, — отлично!» Посмеялись.

Вино оказалось страшной дрянью — несладкое, безвкусное, с сильным запахом спирта. На вкус как разведенный фурацилин, да и на вид тоже. У кого язык вообще повернулся налепить на *это* этикетку «вино»?! Тина попробовала и констатировала: это не для питья, это что-то медицинское. Ага, нечто для анализов, судя по цвету.

Парадоксально — когда ходишь вдвоем, ощущаешь себя более уязвимой. Одна я могу дать деру через забор, жестко подражаться, подавить на психику и побычить, поигрывая ножом. А рядом с цивиливной европейкой единственный выход, кажется — завизжать в случае чего и надеяться на подмогу.

12 февраля. Mandalay

Ровно месяц с момента моего отъезда из России. И, надо признать, я недурно его отмечаю! Проснулась на шелковых простынях (на полу

валяется золотое покрывало с красным подбоем), потянулась, скатилась на пол, сделала пару упражнений для спины и услышала, как Тина напевает в ванной. Потом мы спустились в шикарный dinner hall, обставленный, как для банкета: розовые скатерти, стулья, обвязанные золотыми «передниками», поверх жемчужных чехлов и огромная череда металлических боксов со всякой фуршетной всячиной на завтрак.

Туристы расхватали привычные вещи: хлеб (на тосты), клубничный джем в маленьких розеточках и кофе. Так что я смогла взять кучу вареного риса с курицей и почти всю имеющуюся папайю — не очень, правда сладкую. Вспомнилась шутка от Пашки: «Какая-никакая, а папайя».

За завтраком Тина склеила какого-то соотечественника и укатила с ним на байке смотреть ближайшие достопримечательности. Чтобы присоединить к ним меня, нужно было брать такси, и по их лицам было видно, что не надо. Черт с ним, с длиннейшим в мире пешеходным мостом, лучше поброжу по городу. Все равно пора отделяться: Тина хочет ехать днем и автобусом, я ночью и поездом. Акклиматизация прошла успешно, можно уже выделяться в автономный бродячий модуль.

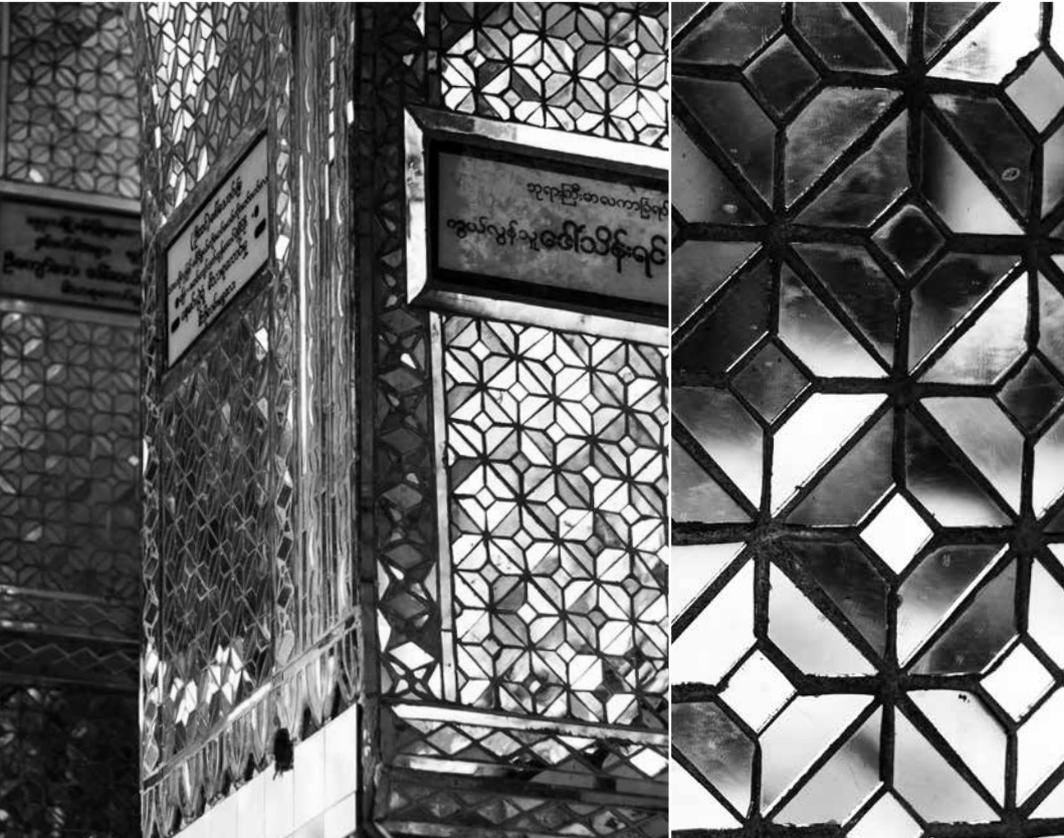
Только мне кажется, что агентство путешествий со слоганом «See you later» — это немного зловеще?

Сходство Мьянмы с центральной Индией обеспечивает вездесущая пыль и неухоженность, и запах бетеля, которым тут все заплевано. Дома-особняки по основным улицам выстроены из камня, солидно и красиво; но вокруг столько построек из кое-как сколоченного дерева, фанеры и шифера, что общее впечатление скорее деревенское. Пыли так много, потому что травы почти нет — там, где заканчивается асфальт, начинается полоса настоящей пустыни.

Вышла из дома без денег, с собой только вчерашние полторы тысячи. Интересно, хватит? В местные закрытые кафе соваться страшновато пока, как в гнездо пауков: там темно, людно и шумно, и что с меню неясно. То ли дело на улице, где выпекают лепешки!

Тетя сидит у длинного костерка-плиты, на которой стоит одновременно четыре-пять сковородок с дном, выгнутым вверх. Выливает на них тесто, в блинчики кидает рубленые овощи, накрывает каждую крышкой, а после выкладывает готовые на огромное плетеное блюдо. Плюшка — 200 кьят. Неплохо.

У них такие разлапистые и огромные храмы, что, кажется, в них можно немножко потеряться прямо с вещами, а найтись уже утром. Надо будет попробовать.

Город очень большой. Если смотреть по карте, по прямой я прошла километров семь, ну так я же не шла по прямой. Я выискивала всякие интересные, шла змейкой, обходя попутные кварталы со всех сторон. Система с нумерацией улиц сначала немного сбивает с толку — ты ведь не всегда понимаешь, находишься ли ты на горизонтальной линии или вертикальной. Центр расположен между улицами 87-25 и 70-40, но почему-то запутаться в этих простых цифрах очень легко.

Сейчас сижу в золоченом храме — рядом мелкий бассейн с Буддой, чуть поодаль гигантский колокол, и везде вокруг павильоны — крашенный бетон, внутренняя сторона отделана кусочками зеркала и цветных стекол. Какие-то смутные ассоциации с советским санаторием. Стены желтые, зеркала рефлексируют золотом. Трое мелких детей играют со мной в известную по мульту «Ну, погоди» игру «заяц-волк». — на базе единственного известного им английского слова. Переключка «hello! — hello!» между нами длится уже больше получаса с перерывами на радостный визг и попытки позвать маму, чтобы она тоже порадовалась.

Мама бы, кстати, правда порадовалась и, наверное, тоже попозировала. Очень комфортная страна для фотографирования — у всех смартфоны, каждый знает, как это здорово, иметь в телефоне снимки близких (то есть никакого ужаса перед техникой, предубеждения о потере души или прочих оскорблениях). С другой стороны, люди тут

достаточно дикие, чтобы не обижаться, если я фотографирую что-то довольно интимное — как кто-то моется на улице, например, ругается или с открытым ртом сидит. Они ужасно смешливые, и если сделать серию, то на первых кадрах человек тебя не замечает, занятый своими делами; на втором оглядывается и оторопело смотрит в камеру, а на третьем складывается пополам от хохота: «Меня?! Меня снимаешь, и даже не сказала!»

Предопределив себе напряженную бессонную ночь в поезде, я решила насладиться цивилизацией. В нашем номере все убрали, мою начатую бутылку вина переставили, вымыли все использованные предметы и положили новую упаковку кофе. Я с трудом заставила работать телевизор — розетка универсальная, рассчитанная и на широкие европейские штекеры, и на местные узкие. Так что телевизор все время вываливался и прерывал трансляцию. Каналов немного, всего полтора десятка. Как всегда, интересна реклама — как самый понятный и яркий видеоряд. Есть несколько англоязычных познавательных каналов, ни одного известного мне. Показывают «Наруто» и «Хоббита» на английском; многие каналы предпочитают местные боевики. Очень агрессивные, с морем крови и разбитых морд, на техническом уровне наших сериалов.

О! Тут показывают вторую «Первую кровь»! Это где юный мускулистый Сталлоне бегаёт с лоснящейся спиной среди джунглей и голыми

руками колючую проволоку рвет. С английскими субтитрами! Я так в поездках всю классику пересмотрю.

Ох, сколько же у них детей! Вся улица сплошная пробка, машины стоят в два ряда — разгружают грузы и людей — а прямо под ногами копошится мелочь. Бездомных немного — насколько я понимаю, именно нищих я встретила всего дважды; они издали начали протягивать ко мне руки в надежде. Но основная масса спящих возле дороги — владельцы лавочек и торговых точек. Они спят все время, пока кто-нибудь не захочет залить в бензобак что-то из мутной бутылки, или купить себе еды.

А мальчишки (возрастом до 30, иногда и старше) вечерами играют плетеным шариком. Правила — нечто среднее между дворовым футболом и соксом. Все встают в круг и переминаются, используя при этом не только ноги, но и все части тела, кроме ладоней. Шар размером с дыньку сделан как абажур для лампочки, из плотной соломки. А работать здесь начинают с шести-семи лет. Вчера мы купили еды в ресторане, где все официанты и повара были младше двенадцати.

Тина опоздала на полчаса, потом долго отмывалась в душе, рассказывая сквозь шум воды, как дофига туристов во время закатов на этом мосту и что «Ginger, в любое другое время туда поезжай, а то моста под людьми не видно!» После она тщательно высушила волосы феном (вчера мы обе обошлись полотенцем), умастила себе волосы и мы наконец-то двинулись. Мануэль мужественно ждал нас внизу, на протяжении последнего косметического часа; он повел нас в уютное кафе. Я занялась записями, так что ребята вскоре взяли себе по пиву и перешли на родной язык — тему беседы я все равно улавливаю, по интонациям и некоторым знакомым словам. За соседним столиком компания мьянмарцев азартно делит чек и деньги; слева одинокий удрученный местный глотает ром, разбавленный минералкой.

Еду пришлось заказывать наугад, но мне повезло. Выбранное блюдо оказалось хорошо зажареной чикинятиной, с пресным рисом. Я попросила добавить к этому изобилию соевый соус, и удивилась, чего это они так с ним возятся — сою, что ли, рубят? Оказалось, что тут принято подавать его не в бутылке, а в мисочке, с добавлением порезанного чеснока и перца. Этот рецепт я, пожалуй, прикуплю. Он хорош.

Вскоре место шумной местной компании оказалось занято парой пожилых немцев. Хлебное тут место на германцев! Дедушка заинтересовался моей «книжкой», полистал ее, поднял глаза и очень пафосно,

не спеша, акцентируя каждое слово произнес: «Милая барышня, это самый красивый дневник из всех, что мне встречались» — так я оказалась вовлечена в разговор. После первых же фраз выяснилось, что я русская (на что последовала торжественная, акцентированная фраза «милая барышня, из всех русских, что мне встречались, вы единственная говорите по-английски!») Маршрут у них с подругой довольно любопытен. Они из разных городов, познакомились уже в зрелом возрасте и, когда наконец смогли бросить детей и прочих родственников, стали выкусывать самые вкусные города при помощи перелетов. Тина с Мануэлем постепенно втянулись в общий разговор, мне стало скучно; и тут я поняла, что не могу уйти, потому что опять забыла взять деньги.

Когда я сказала об этом Тине, она, кажется, заподозрила меня в попытке поужинать за ее счет и слинять, не дожидаясь ее возвращения. Она настойчиво предложила мне остаться. Я бы дала ей дневник в качестве гарантии, но, во-первых, не хочется оскорблять ее подозрением в том, что она меня подозревает, а во-вторых, вдруг и правда потеряет?

Вечер завершился скомканно. Тина явно торопилась освободить номер; я ее понимала, поэтому быстренько насладились душем и собралась. Я уже начала было прощаться, когда вдруг услышала ее холодно-любопытствующий вопрос, помню ли я про свой долг в два доллара. Черт! Я же шла и думала — приду и сразу верну! Но душ был такой горячий, что в его пару растворились все мысли вообще. Я подорвалась, чтобы разменять на ресепшене пять тысяч, стандартную бумажку, которую выдает банкомат; Тина прохладно и недвусмысленно спросила: разве ты не можешь *сразу* взять свои вещи? Тьфу ты. Мой поезд в четыре часа утра. Конечно, могу, ведь уже почти десять.

В общем, когда я наконец выбралась из этого дворца, настроение мое было паршивым. Конечно, я люблю халяву, но друзей не обманываю и уж точно стала бы пытаться отжать проклятые два доллара. Хотя будь ситуация обратной, мне бы не пришло в голову их выбивать, даже несмотря на перекося с курсом. Настроение не улучшилось от того, что, как я убедилась спустя три улицы, я пошла в противоположную сторону от вокзала. И снова, не сообразив перевернуть мысленно карту, не там свернула. Еще три квартала не в том направлении. Вместо полукилометра я прошла в итоге два, со всеми вещами, и на вокзале оказалась довольно взмыленная, без никакого следа комфортабельности отеля.

Конечно, кассы закрыты («Откроют в три»), на вокзале пусто и тихо. Беспокойный юноша-полицейский посоветовал мне привязать большой

рюкзак (на что я показала ему, что он уже пристегнут в двух местах лямками к ограде). Скамейка оказалась очень удобной и для меня, и для вещей. Но маленький рюкзачок с мелочами и полезными документами я все же сунула к себе в спальник — когда он снаружи, даже привязанный, я могу придумать слишком много способов его унести. Наверняка такие фантазии — всего лишь моя паранойя; но то, что повышенная бдительность не даст мне выспаться — это реальность.

Спать пришлось под душераздирающие вопли то собак, то котов, а также музыкальные композиции охранника, который специально ходил со своими рингтончиками поближе, чтобы меня охранять. Посреди ночи меня разбудила целая толпа заботливых железнодорожников. Они пристали ко мне с усиливающимися криками «ХЕЛЛОУУ!» — узнать, в порядке ли я. С огромным усилием я показала им не «fuck», а «okey» и провалилась в сон обратно.

По будильнику я встала, поискала глазами табличку «туалет», не нашла и спросила у проходящего дяденьки. Он как-то невесело хихикнул и показал до конца платформы и налево.

Выйдя на перрон, я осознала масштаб проблемы: всю ее занимал лоскутный ковер из одеял и тел. Ну еще бы — один поезд в день, и тот ночью! Про хихикание тоже вскоре стало ясно — под туалетом понимается огромная куча мусора с явными следами использования.

А вот потом началась жопка. Касса не открылась, только вывесила листок: билетов на сегодня, завтра, и ближайшие три дня нет. Кончились. Мужичок неподалеку на мои расспросы развел руками: ну так праздники же. Конечно, можно уехать туда и зайцем, едва ли тут в общих вагонах что-то проверяют. Но что там будет с отелями в месте, куда разом уехал весь Мандалай?

Я вернулась на свою скамейку и сосредоточилась на карте. Из столицы можно уехать в трех направлениях. Вверх налево — Nsipaw, куда я пыталась попасть и куда пока не получается. Вниз — это начало Большого Миграционного Движения на неисследованный юг; пожалуй, я бы хотела сначала покончить с севером. Остается последний вариант, в Katha и дальше, в Mythyna, откуда можно лодкой вернуться назад.

Так. Пойду-ка еще немного посплю.

13 февраля. Mandalay → Shwebo → Myitkyna

Новая дата, новый день, надеюсь — новый запас удачи. Утро я проспала отлично, по принципу «он опять поспал немножко и опять взглянул в окошко»: ждала, когда же наконец развееется ночь и можно будет или вставать на трассу, или расспрашивать окружающих так, чтобы они не шарахались.

Открываю в очередной раз глаза, и вижу, что мое пробуждение караулит какой-то дедушка. Авторитетно заявив «Ты едешь в Shwebo», он сделал многозначительную паузу, чтобы дать мне переварить эту информацию. «Да!» — радостно подтвердила я, не став, впрочем, уточнять, каким именно способом. «Тебе надо туда» — солидный тычок прямо в зенит. Я, конечно, не настаиваю, начала я мысленный диалог, но хотелось бы задержаться немного тут... — дедушка не стал дожидаться, пока я додумаю свою мысль и выражу ее. Он просто отловил какого-то пробегающего мимо мужичка (тот беспомощно взглянул на меня и слегка затравленно оглянулся), показал на меня с емким пояс-

нием: «Туристку — туда. Ей в Шibu». Парень посмотрел на меня искательно, и мы пошли. По дороге я вспомнила, что строение у станции весьма разлапистое; там, где я сейчас спала, платформы, а над нами мост через них, выход в город и кассы. Так что представительный дедушка из местной мафии предлагал мне не провалиться сквозь небо, а просто поехать цивилизно. Я не стала отвергать столь явный знак благоволения небес.

У касс, конечно, столпотворение. Устроить такую же неразбериху, как в каком-нибудь крупном индийском хабе, у всей Мьянмы людей не хватит; но даже это небольшое скопление выглядело внушительно. В соседнем окне неторопливо расплачивалась одинокая дредастая европейка. Я пристроилась за ней и спустя полминуты получила вождеденный билет — рукописный, как и все местные проездные документы.

Уехать бы побыстрее. Мне кажется, что в мелких городах будет проще — во всяком случае, перестанет преследовать вездесущий крик HELLO MADAM TAXI MADAM! — изрядно действующий на нервы. Неужели они не понимают, как это неприятно? Это не предложение ус-

лут, это констатация факта, что я несу для них деньги. Ребята, да нету у меня для вас денег, давайте я сразу стану полноценным «ником».

Оставила вещи контролерше в кассе (та подозрительно спросила: денег внутри нет? — таким тоном, каким обычно спрашивают про бомбу), сбегала поесть. Лапша с нарезанными большими ножницами всячиной (овощи, зелень и немного разнородного мяса) и тарелка бульона к ней, обычная тут еда, — 500 квят. И апельсин с соседнего ларька.

Ну что ж, я в поезде, на VIP-месте. Upper-class — для богатых; сидения мягкие, места пронумерованы. В уже отъезжающий поезд внезапно стали забегать грузчики. Идти по нашему «господскому» вагону они не рискнули, так что оббежали его и стали закидывать вещи и друг друга в следующий.

За окном — удручающая взор помойка; за год или два так не встрешь, это работа на десяток лет минимум. Сквозь груды мусора прорастают неубиваемые кувшинки — значит, под ними пруд. Очень юный отец сноровисто укачивает младенца, который начинает орать, лишь только тот остановится — так что парень гуляет с сыном на руках по вагону и тихонько ему напевает. Снаружи — дворы; коты, драные тощие собаки и тощие же монахи. И ни одного пищевого животного, кроме куриц...

Пошли поля, и я поняла, зачем привязывали багаж, кинутый на полки сверху — поезд входит в резонанс со стыками и начинает реально подпрыгивать вверх-вниз, с достаточно сильной раскачкой. Скользкие кожаные сумки точно бы повылетали с металлической полки. Я пару раз с опаской поглядывала на рюкзак — но он отлично расперся между полкой и потолком.

Нумерация тут как в самолете, буква-цифра; мое место у окна, соседа слева нет. А вот на месте А, через проход, умирает от жары грузный дядя. Он сначала сполз на пол, потом лег, оперевшись об окно... а потом вытянул ноги и положил их на поручни моего сидения. Кто там выдумал про приличия у азиатов?! Он свои мозоли разве что не на колени мне положил.

Бесконечность полей навевает, меня тоже несколько раз выключало. Мимо ходят официанты, предлагают меню из вагона-ресторана. Мы едем через деревни, где и женщины, и мужчины ходят в одном хитоне, обматывая его вокруг тела, как полотенце. А на голове — вьетнамская знаменитая островерхая шапка. И — никакого мусора; хижины, глинобитные печи, красота.

Прошел контроль, вежливо спросил билеты, расписался. Ой, только заказала себе еды — как моя станция. Что за напасть.

Shwebo — маленький пыльный городок. Прошлась пешком; бойкий парень предложил бесплатно добросить до отеля (конечно, в расчете на комиссию). Ресепшен назвал мне цену в две тысячи, и я в целом весьма вдохновилась. Загаженный угол с холодной водой, конечно, но... Когда я вышла, окрыленная и готовая на все согласиться, пухлый парень внизу осознал, как надо доносить информацию до туристки и написал цену на листочке. Не две тысячи, а двадцать. Когда я отсмеялась, то предложила пять. Парень отказался торговаться и я просто вышла за дверь, не отвечая на вопросы «куда ты идешь». Куда-куда. Подальше.

Снова я павлин. Иду — злая, уставшая, голодная, мокрая, бессонная. Следующий отель был полон (цена за номер — \$11). Еще один — тоже (цена \$10). В городе смотреть совсем нечего; я выгуляла его из конца в конец и подумала — ну и зачем я тут? Что я вообще забыла в этой дыре, где я — повод вспомнить два английских слова, за которые можно получить денег? На перекрестке остановилась пропустить череду байков; пухлощекый парень лет одиннадцати растянулся в польщенной улыбке, притормозил: «Мадам-такси?» Какое тебе, болван, такси?! Ты конфету должен сосать, а не сигарету, мачо в шортиках!

Жара. Храм — не монастырь, а скопище торговых лавок и пустой трон Будды; псы бегают вокруг. С кем тут про ночевки говорить? С торговцами? С собаками? И отовсюду, как проклятье, несется «хелло...мадам...хелло...такси...» Это издевательство, когда ты всем нужен, но бесплатного километра никто не подвезет. Все эти улыбки — интерес не ко мне, а к моему кошельку. И даже сраного пустого угла не найти в этой деревне, куда можно было бы спрятаться, чтобы ночью не сидеть посреди улицы — темной ночью, когда двери этих лавок закроются... Захлопнутся ставни, словно вдруг наступило средневековье и снаружи с закатом начинается разгул демонов. Даже храм запирают на ночь, прямо вместе с собаками! Им есть где спать, а мне нет!

*Мне обидно и каплют слезы,
Когда мне под ноги кидают розы,
Когда люди на улицах и в окнах квартир
меня встречают и устраивают пир на весь мир.
Мне рады даже малые дети,
Мне машут даже деревьев ветки,*

*Меня приветствуют все, все как один —
я привезла им новый мир!
Я привезла Большие Белые Деньги!*

В такие моменты главное — не забывать, что это состояние далеко не уникально. Приступы тоски и отчаяния случаются периодически, как и чувство собственной ненужности, безвестности, чуждости — они и на родине могут догнать, стоит только дождю затянуть небо, а уж когда в радиусе сотен или даже тысяч километров нет ни одного человека, которому было бы не все равно, это прямо-таки естественная реакция организма.

Самое страшное в такой момент — ощущение, что волна удачи, которая несла через все преграды, вдруг схлынула, оставив тебя подыхать на довольно жестких камнях. Ты такой вдруг очнулся, а вокруг — чужая деревня, мамы нет, и что делать, неясно. Тут-то вместо волны удачи начинает захлестывать другой волной — панической. Но ведь сила вернется! Это же прибой. Туда-сюда. Надо только отдохнуть и поискать хорошее место.

Так что я решительно прервала монолог саможалости и временно прекратила погружаться в пучину черного отчаяния. Нашла кафе, решив начхать на все и пожрать — заказанную в поезде лапшу вынули буквально у меня из глотки, что организм посчитал крайне несправедливым. Из английского в меню было только кофе; местную вязь мальчик-официант оказался категорически неспособен перевести («Конечно, это же не мадам и не такси», — злоратно подумала я). Тогда я прошла на кухню, ткнула пальцем в рис, в курицу и в суп, и он радостно засуетился, отдавая распоряжения. Напоследок я углядела клиента, уносящего с собой в пакетике мутную жидкость, подозрительно напоминающую масала-чай, и ткнула в него тоже.

Мясо, конечно, оказалось твердым как камень, рис холодным, а суп очень острым, но я все равно проглотила почти все и размякла. Плечи к этому времени остыли и подсохли; слезы тоже; жизнь явно начала налаживаться. Ну, нет в этом городе жилья. Чего расстраиваться-то? Пойдем-ка лучше спросим, можно ли отсюда убраться.

По дороге на станцию я поймала краем уха обрывок кантри-мелодии из ларька с дисками и сбросила вялость. Так бывает, когда антибиотик обрубаёт симптомы начавшейся простуды — слабость, растерянность, неспособность сконцентрироваться будто разом улечиваются из ор-

ганизма, оставляя тело легким, а голову ясной. Я = я. Если надо, заночую на станции, мне не нужна чья-то помощь, так что хорошо, что никто не суется со своей заботой в мои дела. Уньлой «Лошадки» как не бывало; в голове заиграла совсем другая песня:

*Что нам за дело в том,
Если нас не любят здесь?
Мы покинем этот дом,
Позабудем, что он есть.*

На обратной дороге я налейше использовала тех людей, что подворачивались мне под руку. Фотографировала всех, растормашивая их на улыбку. Незаметно я дошагала до рельс обратно. Меня встретил начальник полиции, купил мне билет (на этот раз я попросила ordinary — он на расстойание втрое большее стоит почти вдвое дешевле, чем upрег).

Теперь главное — найти место, где пенку расстелить, чтобы не свисать со скамейки всю ночь в нелепой позе.

Я успела познакомиться со всеми детьми и мамочками на станции, заняла (испросив разрешения) офигенно удобный лежак для сиесты в одной из лавочек. Чертовски жаль, что его нельзя будет взять с собой в поезд.

Прибыл очередной состав; торговки с корзинами с местного рынка поднялись — работать. Одна пожилая сухощавая тетя с подносом бананов на голове ласково мне улыбнулась:

«Ты красивая!» — имеется в виду танак на моем лице. — «Ты тоже.» — фотографирую. — «Да ну, брось! Ты одна?» — «Да.» — «А чего ж так? Смотри, сколько мужиков вокруг! Вон, например — гляди, офицер, видный мужчина, тоже один! Бери его, езжайте вместе!»

Еще в Индии на деревенские шутки я научилась залиvisto, по-деревенски, смеяться.

Погрузка в поезд была стремительной. Места для сидения мне освободили, но весь пол забит тюками с какими-то корнеплодами. Вровень со скамейками. Что ж, тем удобнее будет спать. За этот ночлег я заплатила четыре доллара.

Меня потеснили — вошла новая партия пассажиров. Мужики хлещут ром, заедая семечками. Жаль, если они не выходят до полуночи. Мы с девушкой на сидении напротив понимающе улыбаемся друг другу. Ехать почти сутки.

Сосватанный мне офицер любезно помог оформить билет.
Все билеты заполняются кассиром от руки. Вот так работенка!

Кстати, бутылку с ромом (а также: мелкую книжку, телефон, шлепки, бумажник и тд) ребята тут суют сзади за пояс саронга. Логично — трусов нет, а к голому телу гладкий предмет отлично прилипает.

14 февраля. Муйтуина

Ночь, конечно, была волшебная. Долго в одной позе спать трудно, поэтому все всё время шевелились, искали место поудобнее. Когда кто-то выходил, возникал каскад движений и изменений — на освободившееся место наваливали тюки, раскладывали затекшие ноги и тд. Я начала ночь с того, что медленно, часа за два, сползла на пол, прогибая об сиденье позвоночник (для уставшей спины это оказалось внезапно очень приятно). На полу стояла

корзина с какой-то репой, которая и стала моим гнездом на эту ночь. Я укладывала в нее нижнюю часть туловища, а голову и локти уместала на сиденье, пытаясь смягчить существование котиком. Проблема была в том, что острых углов у поезда, особенно при болтанке, много, а котик один. Так что под колени, на кромку корзины, я подкладывала обувь, а под щиколотки — бутылку с водой. Где-то посередине ночи корзина наконец вышла (вместе с девочкой, с которой мы периодически путались там ногами), а я с наслаждением бухнула на ее место свой ровный и мягкий рюкзак. Ура-а! Теперь можно сползти на него полностью.

Пробираться в туалет по темному вагону, шатающемуся, как корабль в шторм, через десятки тюков и спящих на них тел — это чертовски сильное впечатление! Периодически приходилось перебираться через сиденья, прыгая по их ручкам или даже спинкам. Сейчас попробую почистить в окно зубы — вокруг поля и туманные рассветные холмы, такая пастораль — самое то в нее отплеиваться.

Жители, конечно, поглядывают на меня с интересом. Но так как я рога не отращаю, огнем не плююсь, хвост не показываю и вообще веду себя до неприличия скучно, интерес потихоньку угасает, разве что когда кто-нибудь ловит мой взгляд на себе — мгновенно оборачивается в панике с настороженными ушами. Девушки сразу начинают нервно хихикать, мальчики — солидно поправлять саронг.

Шерстяные шапки довольно массового ширпотребного производства — почти на всех. При этом соломенные местные шляпки носят тоже. Поверх. Да и то сказать — не особо жарко, я свое шерстяное платье не снимаю тоже.

Мимо носят одни только чипсы. Можно, конечно, самой добратся до ресторана, рассчитанного на мягкие вагоны, но это через весь поезд же. Леня. Только успела записать, как в дверях материализовался чувак с корзиной, полной мягких тостов, термосом и целым мотком лент разных 3-в-1. Тосты — огромные ломти душистой, свежей булки, которую макнули в масло и посыпали сахаром. Упакованные в полиэтилен, по 200 квят за ломоть. Кофе — 300 квят. Ой. Только наелась — а теперь мимо несут горячий рис и массу добавок... Нет в жизни счастья!

На станции ребята под милую кукольную музыку строят очередную круглую ступу. Интересно, куда им столько культовых мест? Туристов, конечно, радует, но что-то не верится, что это все на экспорт. В особо успешных дерев-

ных их десятки. И ведь они не быстро разрушаются, не то что хижины местных.

Вошел какой-то нетипичный торговец. Уже три пицепродажника прошли со своей короткой, понятной даже мне песней (например, «вода, холодная вода» или «снеки-орешки»), а он все болтает хорошо поставленным, густым голосом. А, конечно! Это же БАД от всех проблем! Он перечислял болезни. От облысения — втирать в голову, при ревматизме — в спину; от пищевых расстройств пить по ложке в день, для потенции медитировать на фаллическую форму флакончика. Ребята вокруг смотрят, приоткрыв рот, не сводя взгляда. Пара человек купили. Непыльная работа, у парня все пальцы в перстнях.

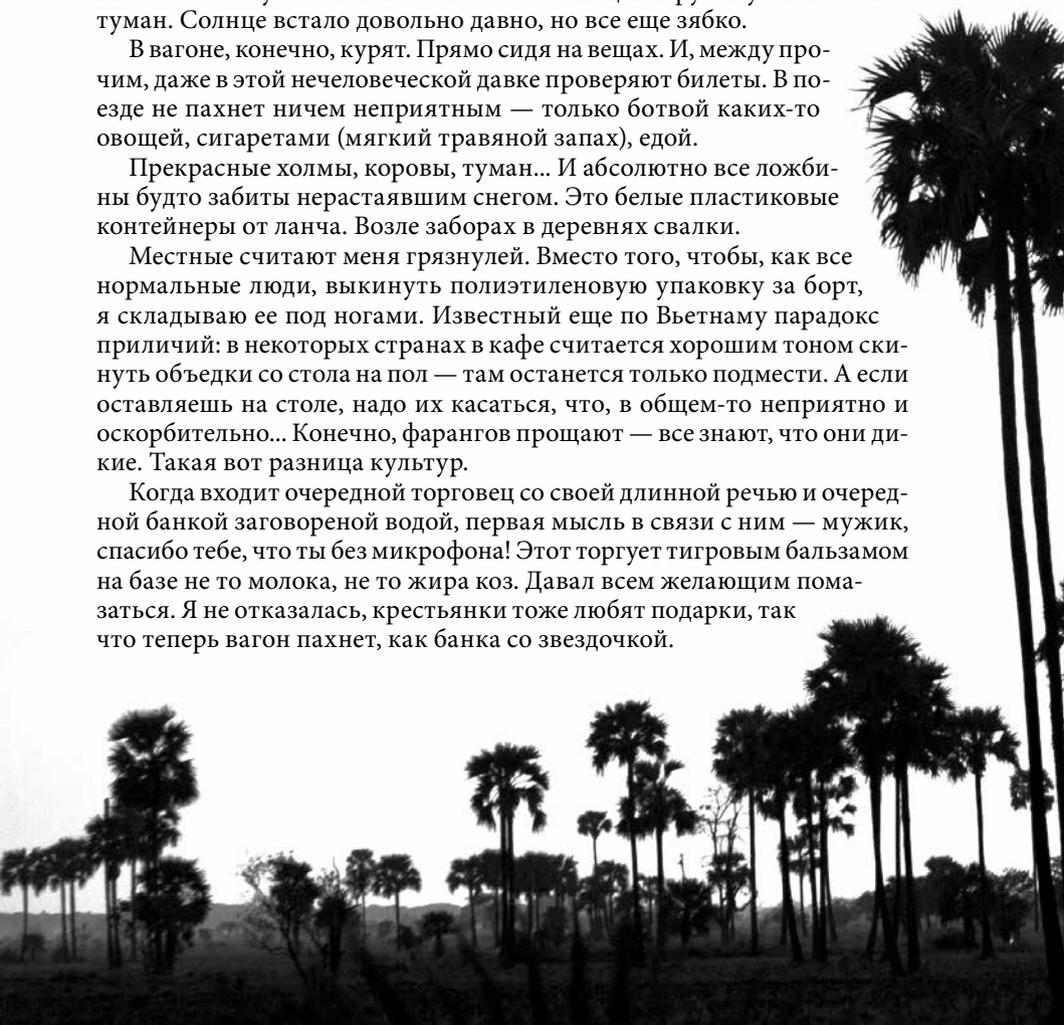
Поля усеяны избушками с десятками ножек — для сушки зерна или отдыха рабочих? Местами видны обрушившиеся, сгнившие «наседы». Мимо них кочуют плотные стаи мелких птиц. Вокруг клубится белый туман. Солнце встало довольно давно, но все еще зябко.

В вагоне, конечно, курят. Прямо сидя на вещах. И, между прочим, даже в этой нечеловеческой давке проверяют билеты. В поезде не пахнет ничем неприятным — только ботвой каких-то овощей, сигаретами (мягкий травяной запах), едой.

Прекрасные холмы, коровы, туман... И абсолютно все ложбины будто забиты нарастающим снегом. Это белые пластиковые контейнеры от ланча. Возле заборов в деревнях свалки.

Местные считают меня грязнулей. Вместо того, чтобы, как все нормальные люди, выкинуть полиэтиленовую упаковку за борт, я складываю ее под ногами. Известный еще по Вьетнаму парадокс приличий: в некоторых странах в кафе считается хорошим тоном скинуть объедки со стола на пол — там останется только подмести. А если оставляешь на столе, надо их касаться, что, в общем-то неприятно и оскорбительно... Конечно, фарангов прощают — все знают, что они дикие. Такая вот разница культур.

Когда входит очередной торговец со своей длинной речью и очередной банкой заговореной водой, первая мысль в связи с ним — мужик, спасибо тебе, что ты без микрофона! Этот торгует тигровым бальзамом на базе не то молока, не то жира коз. Давал всем желающим помазаться. Я не отказалась, крестьянки тоже любят подарки, так что теперь вагон пахнет, как банка со звездочкой.

Следующий продавал едкую пыль (в составе, кажется, известь, поваренная соль, какая-то сладость — пыльца? — и тигровый же бальзам). Ее, на удивление, принимают внутрь. Гадость невероятная, но пахнет хорошо. Парень увидел, что я делаю из скотча мешочек с щепоткой на память, насыпал мне целую горсть — так что я еще с соседками поделилась. Они кивали благожелательно, показывая жестами: это полезно для желудка! Я в ответ показала, что у меня с желудком все хорошо и без гадкой пыли.

На одной из станций в окна ничего не продавали, но поезд споро-висто обежали безмолвные попрошайки. Звучно вращая огромными алюминиевыми чашами (камни они, что ли, туда бросили? Монет-то в обращении нет, а бумажки такого звука не дадут). Они проходят под окнами, и оттуда низвергается денежный дождь. Бабушка рядом со мной кинула тысячу. Монастырь? Или просто очень нищая деревня?

На подъезде к моей станции некоторые сопровождающие перекинулись из добрых попутчиков в доставучих таксистов. На очередное «такси!» я резко остановилась, так что догоняющий молодчик влетел в меня, потом немного добавила ему толчком тяжелого рюкзака и завершила экзекуцию ударом книжки по плечу: «No! I'm not TAXI!» Во время первой части процесса парень опешил, а потом ржал, в приторном испуге поднимая руки и капитулируя перед натиском «сумасшедшей туристки». Зато потом — никаких приставал. Первый же слог «та...» вызывал короткую тираду все еще ржущего парня «не надо, она дерется, я пробовал!» — и все. Но один успел спросить «YMCA? 1000 кьят!» Из чего я заключила, что это в двух шагах.

Young Men Christian Assotiation — и впрямь спасение. Там всегда есть недорогие комнаты и англоязычный, очень дружелюбный персонал. Я ночевала у них в Индии и в Малайзии; так что увидев в LP заветную аббревиатуру, поспешила проверить.

Комнаты и у них по \$10. Увы, видимо, это нижняя планка по стране. Милая заботливая тетенька тут же выдала мне прекрасный скан карты города (где отмечен отель, основные достопримечательности, почта и интернет-кафе). На вопрос про лодку, на которую я, признаться, очень рассчитывала, она замахала руками: и не думай, там бои, ничего не ходит! Опасно.

Надо, думаю я, у кого-нибудь уточнить «не ходит» или «опасно». Это, знаете ли, не одно и то же. Заглядываю в соседнюю комнату, а там та же европейка с дредами, что в кассе Мандалая на вокзале передо

мной билет покупала. «О, — говорю. — Привет, попутчица. А не знаешь ли ты случаем что-нибудь про паром?» Девушка раздражается демоническим хохотом. «А-а-а, — говорит, — та же ошибка! Не я одна попалась!» Нет, говорит, отсюда лодок, весь город опросила. И автобусов тоже нет. Вернуться можно только так, как мы приехали — поездом. Правда, можно доехать не до Мандалая, а до города Katha, там еще сохранилась лодочная переправа.

Приехали. Katha на середине пути. Пойду переем эту информацию.

Прямо рядом со входом в наш хостел стоит забегаловка — кстати, рекомендованная мне и тетенькой с ресепшена, и дредастой девицей, и LP. Еда и правда вкуснющая! Здесь готовят нечто наподобие thali — только и рис, и всякие добавки подаются холодными, а потом к нему добавляют плоскую сытного горячего бульона. И на столе стоит не графин с привычной холодной водой, а маленький термос бесплатного зеленого чая.

По дороге встретила рейд местной дорожной полиции. Бравые ребята вылавливали в толпе мотоциклистов без шлемов и отправляли куда-то не то штраф платить, не то разъяснительную беседу слушать. Судя по изумленным лицам оштрафованных, такое у них тут нечасто.

На моих ключах офигенный, с ладонь, тисненый по металлу брелок. Я бы его выкрала, ей-богу, как сувенир. Но мне кажется, дружище Христос расстроится. Пришлось только полюбоваться.

Прогулка вышла короткой. Не только потому что улиц тут всего две — можно было бы позалипать на рынке, или на набережной, или по кабакам местным пройтись, коих тут неисчислимо. Но я двое суток провела на улице и в поезде. Так что я купила торт (точнее — увесистый сочный кекс), заварила «Sunday» у соседей в кафе (а здесь вот не берут денег за кипяток, а про чашку даже не спрашивают) и пошла к себе.

15 февраля. Myitkyina → Katha

Поезд в 7:45 ам. Я вышла в семь, с идеей поесть; но мое любимое кафе с хорошими тетушками еще только расставляло посуду. Я вернула чашку, пожелала им удачи и отправилась на вокзал. Это было правильно: билеты оформляются вручную, даже ordinary-class для местных (в крошечную полоску картона вписывается номер ID

*Подставкой для чайника служат
незабвенные тарелочки для растирки
тамако. →*

и имя), так что это не быстро. Отказываясь от места в мягком вагоне ты автоматически лишаешься и привилегии с отдельной кассой.

В поезде днем оказалось немного свободнее. У моих ног внезапно материализовался, шевеля усами, крошечный мышонок. От моего взгляда сжался в комочек и шмыгнул под лавку. Моя соседка напротив везет какую-то огромную коробку — не то вентилятор, не то посудомойка. С нее взяли еще 2000 кьят за перевозку. Стоя между скамейками, коробка занимает почти все место, так что один из нас не может спустить ноги. Сначала, понятно, мы зажали тетеньку; но я как правило все равно сижу с ногами, чтобы не дуло; так что вскоре я жестами предложила ее передвинуть. Тетя испуганно засопровтивлялась, и не зря — стоило мне сдвинуть груз, откуда-то из-под земли вырос билетер с вопросом, удобно ли мне и нет ли жалоб — свирепо при этом посмотрев на тетеньку. Я заверила, что мне ок, а тетя заискивающе заворчала, что не виновата, что ей продали билет рядом с нежным фарангом, охраняемым государством.

Вот мы уже проехали деревню попрошаек (они махали нам своими жбанами, издающими голодный звук пустых камней, но мы не остановились). Вдруг девочка, слушающая музыку на соседней скамейке, подпрыгнула и завизжала. Всем, конечно, стало очень интересно — а из-за ее спины, из пакета с едой, вылез мышонок и пробежал по ее ноге. Тетенька (мама?) сердито заворчала, собрала мусор со скамейки и выкинула в окно. «Будешь мусорить, тебя совсем съедят! Я же тебе тысячу раз говорила — убирай за собой!»

Солнышко постепенно поднимается, и уже не так бесповоротно холодно. Или все дело в том, что мое желание горячего напитка исполнилось, лишь только я додумала эту мысль? Мы традиционно ждем, пропуская встречный — уж не знаю почему, их стараются не встречать на скорости. Встречный притормаживает, но идет без остановки; с него, как с ограбленного судна, сыплются отработавшие в этом направлении торговцы и оккупируют прямо с ходу наш поезд.

Мороженое тут на вес продают в экономичной таре, напоминающей фонарик: места под сладость — одна ложка, а вся остальная вафля — удобная ручка.

Начала мелкую наглядную агитацию среди местных. Кофе попросила налить в стакан от первого, а не в новый. Весь наблюдавший вагон пришел в дикое изумление, на что я жестами пояснила, что от пластика, выкидываемого в окна, весь пейзаж превращается в помойку. Мне

показалось, что меня не поняли (кофе, впрочем, налили, куда попросила — но мне кажется, что если бы я попросила кипятка в ладошку, или прямо в рот, мне бы не стали перечить). Но когда девочка напротив доела чипсы и по привычке вытянула руку в сторону окна, она наткнулась на мою страдальческую гримасу и убрала пакет под сиденье. Мышу на радость, но как я ликовала!

Интересно, а можно организовать тут пункт приема мусора за мелкие деньги? Или они будут из города приносить, откуда ближе? Руки чешутся все это убрать...

Задружилась с тетеньками, сидящими напротив. Ни одной настойки на жабах мы не пропускаем. Все втроем с тетями берем почитать листовку (после чтения они отдают их мне — на письма), просим побольше тестового материала, мажем себе шею, икры и ладони, оставшиеся капли дружно втираем в мой дневник (а пусть пахнет!). После чего растираем ладони и долго вдыхаем улетучивающийся запах. Мне особенно понравился один дядька, какие у него были интонации, какие он мхатовские паузы делал! «Теперь — венец творения! Решение! Всех ваших проблем! Наконец-то! УЗРИТЕ!» — и обе руки поднимают мутный бутылек под потолок. В общем, я не против купить домой экзотики, своих растирать. Но целый месяц с ужасом ждать, что пахучая липкая дрянь вытечет мне в рюкзак...

Меня часто из дома спрашивают, счастлива ли я тут. Обычно я отвечаю шуточно-пафосно, что счастливы бывают люди без фантазии, кто не может себе придумать новых вершин после покорения предыдущих. Для людей с выдумкой счастье невозможно — лишь кратковременное наслаждение от того, что очередная цель достигнута. Ну и ощущение правильности пути в целом. Но здесь, намазывая дневник в шесть рук, под стук колес, с солнцем, несущимся мимо по полям — я вдруг почувствовала, что да. Счастлива. Наверное, это состояние просто зависит

от сытости и тепла, риса со вкусными пережарками, и ласковых солнечных лучей — но чувство-то настоящее.

Глядя на самозабвенно ковыряющегося в грязи хряка, не могу не мечтать о том, чтобы подойти и шепнуть в огромное, волосатое, испачканное ухо: а ты знаешь, что скоро станешь воздушными чипсами? Жутковатое откровение о перспективах реинкарнации. Хорошо, что мой Моисей не знает русского, иначе его последние недели бы ли бы сильно омрачены теологическими раздумьями.

Фотографируемся, конечно. На смартфоне есть опция «добавить имя» если на снимке встречается цветовой пятно в форме лица. Вот и познакомились. Техника заставляет учить язык, хотя бы буквы. Всем местным очень нравится ямочка на моей щеке и цвет глаз — конечно, у них глаза всегда карие, я на их фоне выгляжу альбиносом. Волосы никого не удивляют — их мальчишки тоже высветляются и красятся, кто в красный, кто в оранжевый. В оригинале-то никакого разнообразия, только антрацитово-черный. По-моему, темные волосы это безумно красиво, мечта же — иметь такие волосы. Увы, европейские волосики, будучи крашенные в «контрабандный товар, радикально-черный цвет» выглядят обычно весьма жалко. А уж такой прочности, силы и блеска, как в косах юных местных крестьянок, вообще никакими шампунями не достичь.

Ой, да. Ни за что не себе не прощу, что вчера упустила девушку с распущенными волосами! Она ехала на велосипеде, оглядываясь на меня и ослепительно улыбаясь, а я все боялась, что концы ее копны попадут в колесо — такие они были длинные. Я улыбалась ей в ответ, но поднять фотоаппарат не успела, ааа, как я могла!

На одной станции смотритель вышел с замотанным флагом (разрешаю движение), с красным ртом, из которого вытекал бетель, и в умиленных «звериных» комнатных тапочках. Я выглядываю в окно и обдумываю план экспедиции, которая пешком пройдет со мной по этим рельсам, соберет мусор и повтыкает через каждые сто метров плакаты на местном «берегите природу, мать вашу!» Если кто-то хочет поучаствовать — пишите, я договорюсь с властями.

Кстати, местные качку переносят не очень. Многие блюют из окон.

Прошла монахиня — мужчины-монахи в Мьянме носят красные одеяния, женщины — розовые; нередко только по этой цветовой дифференциации можно понять, кто перед тобой. Одинаково пухлые, равно бритоголовые и улыбчивые.

Очень нравится их привычка выказывать уважение, протягивая предмет или деньги двумя руками. Всем билет подают одной, не глядя, а тебе — двумя. Красиво!

Рельсы мало где идут рядом с трассой. И хорошо. Дороги тут проселочные, поверх асфальта густо покрыты мелкой розовой пылью. Глиняная пыль от колес вздымается в воздух, утягивается вслед за поездом, пытаюсь осесть внутри и забить собой все. В клубах после машины не видно даже ближайших деревьев. Все вокруг ржавого цвета, даже мусора не найти. Естественный цвет остается только на вертикальных поверхностях, а все крыши, антенны, деревья, скамьи, столы, качели покрыты сантиметровым слоем пыли.

На остановке я увлеклась фотографированием местных и не заметила, как на освободившееся справа от меня место тяжело опустилась

пожилая обаятельная мьянмарка. Зато я не смогла проигнорировать свою придавленную ногу, так что подпрыгнула не хуже девочки с мышонком. Тетя страшно перепугалась и рассыпалась в извинениях, обнимая и глядя мою пострадавшую стопу; я ее успокоила, но ситуация еще долго была источником веселья для всего вагона. Мы с тетей быстро нашли общий язык (не английский), я рассказала ей о своих планах на Мьянму, а она пообещала мне сказочный вид с горы Bhamo.

Дружить с соседями утомительно — тянут за рукав смотреть те холмы, что им кажутся красивее моих, спрашивают разное... Зато можно вещи бросать и уходить гулять. Хотя с ними и без присмотра ничего не случится — мой рюкзак выглядит так, что заинтересоваться им может только дворник на предмет «что эта куча мусора делает в вагоне».

К постоянной качке привыкаешь. В целом, она не очень-то мешает, если не пишешь, не писаешь и не пытаешься уснуть в сползающей позе. Во всех остальных случаях подпрыгивание даже успокаивает. Как же я теперь без нее?

Последняя подсевшая ко мне барышня оказалась англоговорящей (точнее англопишущей — произносить слова вслух она стеснялась, поэтому наша беседа протекала в ее блокнотике на смартфоне). Она тоже ехала в Katha, и я обрадовалась; мы проболтали почти час, она звала меня сестрой и под конец путешествия я решила попробовать напроситься в гости. Вброс про отсутствие кровати на ночь как-то не зашел — не было необходимого в такой ситуации изумления. Я решила не отступать и на ее «вот мой телефон, буду рада тебя услышать» в открытую предложила сегодня зайти к ней в гости. Она радостно закивала, как-то слишком легко. И точно: на выходе она быстро пробубнила «nice to meet you» и развернулась. Черт, думаю. Где автобус-то хоть?! Тут же 25 километров от станции до нужного города! Девушка ласково взмахнула ладонью в неопределенном направлении; увидев мое недоумение, поймала первого попавшегося таксиста: вези ее в Katha. Пока тот радостно потирал ладони, соображая, сколько можно срубить с беспомощной туристки, я плюнула, растолкала толпу и на выходе поймала уже переполненную маршрутку. Она везла за тысячу. Я впихнулась в полный тетушек кузов, мой рюкзак шмякнули на крышу. С первой же минуты я поняла, что это будет очень длинная поездка.

Должность кондуктора требует изрядной ловкости рук.

Разделка ночного улова.

Мы вскарабкивались на горки и плюхались в низины, пыль от обгоняющих нас байков застилала нам глаза, и мешала разглядеть дорогу. Мы пересекли 12 бродов и четырежды переехали через рельсы. Я села на крайнюю скамью в переполненном кузове, высунув ноги за борт; до начала движения это была отличная позиция, но после старта «на запятки» вспрыгнули четыре бравых молодчика и дедушка. Из-за их широких плеч и пузиков лишь изредка проблескивала дорога. Я проторчала так минут пятнадцать, отчаялась что-то разглядеть и развернулась к низенькой дырке в боковом тенте. Спустя еще четверть часа и это место пришлось уступить, так как к дырке припала одна из бабшек — дышать и блевать.

Когда человек блюет, родственники или соседи по салону обычно не остаются равнодушными. Они утешительно похлопывают больно-го по плечу, мелкими резкими хлопками (так тут, кстати, успокаивают детей) и разминают ему плечи и шею. Мы помяли и похлопали бабушку (она оборачивалась к нам, чтобы выразить благодарность, и тут же сгибалась в новом спазме). Так и доехали.

Мои опасения о том, что сначала затемно придется искать причал (чтобы уточнить расписание), а потом отель, не сбылись. По дороге мне сообщили, что лодка отправляется в четыре. Гм, подумала я, так можно же и на улице переночевать. И сразу стали попадаться шикарные места для ночевки! Целые скамьи на улице. Деревянные лестницы без ограды. Лежаки без присмотра! И тут мы останавливаемся — справа причал, слева — хостел. Последний англоговорящий попутчик уже начал приглашать меня на ужин, я вежливо отказывалась — и чтобы окончательно закрыть эту тему, пошла к ресепшену. Сейчас, думаю, спрошу цену, подожду немного — и пойду выбирать себе лежак на ночь. Но в сволочном отеле цена за койку в отдельной комнате с вентилятором оказалась всего \$7! Лучшая цена за всю поездку. Ну не настолько уж я бедная пока, и душ тут есть, и простыни...

Когда холодно, а у вас только миска и бассейн с ледяной водой, омоление происходит стремительно. Я облилась один раз, намылилась найденным в УМСА куском янтарно-сандалового мыла (кто-то спрятал его на шкафу в моей комнате), вылила на себя еще пару ковшей, отфыркиваясь, как буффало в болоте. Потом намылила голову, широким жестом опрокинула на нее пару ведер и быстро, не вытираясь (нечем), засунулась обратно в теплое платье. Когда я выходила (твердой поступью и почти не стуча зубами, лишь оставляя за собой мокрый след,

From:
Moscow, Russia
Ginger

VIA AIR MAIL

To:
Daw Khaing Khaing Myat,
#4 Quarter, near the Post Office,
Katha, Sagain Division, Myanmar
for Kelly and sisters

Напишите бабушке сюда:

как огромный слизень), я наткнулась на девушку, гладящую белье. Она смотрела на меня с восхищением. По ее мнению, с такой экспрессией могло бы плескаться лишь стадо гиппопотамов.

А я спешила глянуть город. Впрочем, до темноты все равно не успела. И очень пожалела. Первый город Мьянмы, который мне действительно кажется прекрасным. Небольшой, с крошечными, уютными улочками, деревянными двухэтажными домами... Весь вид такой... радушный. В нем хочется спать на улице, это кажется правильным. Guest House'ов в нем семь. Все выстроились в один ряд на набережной. Выглядят одинаково — на первом этаже TV и стойки регистрации, крутая лестница наверх — и вереница крошечных комнат. Люди ночуют тут, дожидаясь паромов, они непритязательны. Зато в моей комнате выключатель есть не только на стене рядом с дверью, но и возле кровати — чтобы можно было погасить свет, не вставая.

На ужин мне попала какая-то дрянь. То ли я неосторожно взяла какую-то не ту приправу, то ли хозяйка положила это в суп изначально, но мерзкий соленый йогурт с прокисшим вкусом испортил мне всю лапшу. Убедить себя, что все нормально, не удалось, так что пришлось врать расстроенной хозяйке, что я сыта. После этого я пошла вразнос: купила себе второй ужин, банку сока, шампунь и бальзам для волос (азиатские бывают очень хороши, а мои волосы от пыли и частого мытья в холодной воде стали напоминать мочалку). Так что я с легкостью исправила экономию на отеле. Уже совсем довольная я решила возвращаться, как вдруг поняла, что заблудилась. В смысле, я не помню названия своего отеля, и вроде бы причал вот, а где же дверь?

В этом раздумье меня обнаружила тетенька на велосипеде. Она быстро расспросила меня, куда и зачем это я бреду, а после ультимативно

Ma Ma Nu.

Kelly.

Еще одна
сестра

заявила, что мне необходимо выпить чая с ней и ее сестрами. Так я попала на светский раут в большой деревянный дом, и была вынуждена напрягать свои языковые навыки, обсуждая университетское образование, родителей, рабочий день и обычаи питания разных стран. Келли оказалась учительницей английского, так что мне пришлось туго.

Бабушки очень любят открытки и календарики, особенно с цветами и видами других стран. Так что если у вас будет возможность послать им небольшой привет из России от друзей Ginger, сделайте это — им будет очень приятно.

Ох, какой длинный день! Завтра, чувствую, в лодке вместо красивых видов сна буду смотреть. Зубы мыть, будильник ставить — и бултых!

Тетьки подарили мне дерево. То самое, спил танако. А нечего было хвалить их косметику! Теперь придется путешествовать с пеньком.

16 февраля. Katha → Mandalay

Проснулась я незадолго до четырех, по будильнику, в непроглядной мгле. Сначала мне показалось, что я что-то перепутала — слишком уж тихо было везде — а ведь сразу за окном начиналась река и причал, где и должна быть основная движуха. Я выглянула в коридор и увидела лицо мьянмарца, жутко перекошенное от слепящего света. Не особо надеясь, хрипло и без церемоний со сна я спросила по-английски:

«Во сколько лодка?» Он буркнул «прямо щас» и пошел стучать к моим соседям с фразой «Morning is coming, wake up!»

Сию на полутемной кухоньке, потягивая «Sunday». Купить порошок чай было классной идеей — горячего в этой стране намного меньше, чем следовало, при их-то ежедневной (а особенно среднесуточной) температуре. Я вчера теплое платье всего на пару часов сняла.

Перед «завтраком» пришлось решить проблему чайника. То есть чайник был — самый тривиальный, электрический. Но розетки, предназначенные вроде как для него, были странные — врезанные в деревянный шкафчик дырки, к которым сверху прицеплен жутковатый рубильник. К каждой. Я постояла в раздумьях, не вырублю ли я сейчас свет во всем поселке — не верилось, что такой огромный, в ладонь, рубильник охраняет одну жалкую розеточку. Подошла местная тетя, я попросила ее принять на себя груз решения. Она сноровисто воткнула штепсель, щелкнула тумблером... ничего. Бормоча про себя, она подергала ручку в разные стороны — ничего. Переволокнула в соседнюю и повторила все итерации, включая бормотание — ничего. Я плюнула, забрала у нее чайник и подключила его у себя в комнате, в розетке, которая уже питала мой телефон.

Вышла я рановато, за полчаса — как раз успела переварить известие, что баркас стоит 25 долларов. Ого-го! Отдельная «кабина» на пять долларов дороже. Ну нет, доплачивать половину ночевки в отеле за то, чтобы закрыться от всего пейзажа в какой-нибудь комнатухе без окон — увольте.

После покупки билета я спустилась к этому, гм, судну. Кажется, я пока единственный пассажир. Ряд синих, невероятно облезлых жестких сидений, поставленных жутко кучно. Я как-то привыкла к прогулочному варианту с более свободным положением стульев; а тут трое, если заполнить скамьи, будут втиснуты друг в друга и соседей спереди. Перед рядами небольшой помост и черный экран телевизора. На судно я попала по неширокой, но очень длинной доске, переброшенной с борта на берег. Это мне понравилось (и захотелось посмотреть на загрузку остальных пассажиров), а вот все остальное, включая плазму — нет. И тут совершенно негде лечь. Палубы нет вообще, под ногами настил, пара досок с интервалом в доску, небрежно брошенных на арматуру; все в мазуте и воде. Снаружи — только узкая полоска борта. По нему можно пройти (мне пришлось так сделать, так как я выбрала неправильный трап и пришла к окну, а не ко входу), но лежать точно

нет. Теоретически подходит то место, где я сижу сейчас, но это сцена перед телевизором, куда развернуты все скамейки. Ну что ж, можно будет давать местным спектакль, конкурирующий с ТВ.

Пока я все еще единственная пассажирка. Если так пойдет, мое путешествие может случайно стать чуть более увлекательным, чем планировалось. Тут одних матросов четыре человека, а акватория большая. Где же туристы, которых будили рядом со мной? Может, тут есть еще какая-то лодка, дешевле? Ага, как же. По лодке на туриста. Ладно, пренебречь, вальсируем. Это непролазная мгла давит и заставляет думать о странном. Но она рассосется спустя пару часов, а за это время ребята не успеют ничего задумать, не то что воплотить.

С палубы есть лесенки в VIP-кабины, расположенные рядом с рулевой рубкой. Я это выяснила, когда мотор вырубил (а вместе с ним и свет), и поползла искать хоть какой-то отблеск снаружи.

Над водой висит огромный кровавый месяц, рогами вверх. Красота. А того берега не видно вовсе, только темнота без огней. Мы убрали трапы и встаем поперек реки — я знаю, что она широкая, но все равно жутковато, ведь лодка ужасно длинная. Кроме меня и пары мужиков по-прежнему никого. О, нет. Еще тетенька. Она сидит в отдельной кабине. Предложила мне занять расположенную рядом — не то из жалости, не то с доплатой. Да неважно. Я знаю хостелы и подешевле, и покомфортнее, если бы мне хотелось поспать, лучше повпитываю ночь.

Темно, хоть глаз выколи; вокруг месяца россыпи звезд, и не думает светать. Пойду снаружи повишу, а то мужик с соседнего сидения скоро во мне дыру взглядом протрет.

Я захватила мелкий рюкзачок с документами, пристроила большой на сидении и отправилась на экскурсию. Она не заняла много времени. Наверху, в одной из кабин, завтракал персонал — двое мальчишек лет по 16. Они сразу протянули мне пару лепешек, простой чечевичный соус и большую чашку чая с молоком. Когда мой чай кончился, налили еще. Все жесты в мою сторону были с двух рук; судя по всему, они отдали мне один свой завтрак, а второй разделили. Совестно подозревать таких людей в злоумышлении, но ведь ночь. В Индии это нормально — днем поделиться последней лепешкой, а ночью из-за угла выбежать, чтобы задницу пощупать.

Теперь на обычный комплимент «Ты такая красивая!» (что означает обычно «Ты такая светлокожая!») я отвечаю, жеманно коснувшись лица: «Это потому что танако защищает меня.» Эффект потрясающий, минутный ступор и дикий хохот после. Видимо, моя пантомима напоминает им какую-то местную рекламу.

Темно, не видно ни зги. Я нервирую дядечку со внимательным взглядом тем, что села точно за его спиной — чем сильно осложнила ему возможность жрать меня глазами. Рядом с месяцем россыпи звезд — ночь и не думает отступать. От нашей сияющей огнями лодки расходятся молочно-зеленые волны и через полметра теряются во мгле. Берег чернеет, едва отличаясь от неба. Скорее угадывается, чем видится конечность перспективы в первом случае и невообразимая даль во втором. Сводой проще — в каждой крошечной волне, на самом острие, отражается месяц, и этого достаточно, чтобы ощутить ее мягкость. Луч яркого прожектора вспыхивает порой, жутковато-осознанно ощупывая берег: есть и другие пристани, кроме конечной, и нужно убедиться, что там не ждут озябшие пассажиры. Где-то в недрах кабин плачет, надрываясь, младенец; под мертвым, черноэкранным TV спит один из мальчишек; мы поворачиваем носом к очередному берегу и опять встаем поперек фарватера, чтобы бросить трап и за полминуты вобрать в лодку еще несколько человек. Вещи — на крышу, людей — в салон.

Пришла тетка с ребенком, пытается оживить видик. По счастью, тот глух к ее увещаниям. Ой, сколько же людей были изначально в лодке? Откуда-то выползла еще пара тетя с мелкими, и маленькая девочка. Все пристают к TV. Скучно им, понимаю. Дядя-вуайерист прино-

ровился сидеть боком и косить глазом. Злорадно думаю о карательном косоглазии. Ощутимо светает. Пропали звезды и краснота у месяца, берег стал отчетливым. На воде без труда различается лодка — рыбаки? Я им немного позавидовала — что для меня потенциально опасный недружелюбный мир, в котором надо постоянно выкручиваться, для них — дом родной, знакомая до последней царапины лодка. Они живут по правилам, не выпадая из того, что *нормально*, и потому на них никто не обращает внимания.

Есть свои минусы в кочевой жизни — постоянно чувствуешь себя актером, которого выгнали на сцену, не дав не то что выучить, а даже просмотреть сценарий.

Качки нет. То есть совсем. Идем ровно, как нож сквозь масло, лишь у очередной пристани на малых оборотах немного дрожит скамейка. Все управляющее лодочное семейство вместе и врозь возится с TV; перепроверяют шнуры, питание, адаптеры, розетки, что-то заменяют... Пока боженька на моей стороне, но боюсь, они все-таки докопаются. А главное — после таких усилий нереально будет убедить их вырубить его обратно. С борта свесилась удочка — интересно, что они планируют зацепить на такой скорости, да еще с громогласным мотором? Корягу ценного дерева? Из каюты вернулся парень с отверткой и решительным лицом, и в два прихлопа оживил циклопа.

Невероятный рассвет цвета шеи птенца фламинго благостно разливается вокруг. Вода при свете оказалась удивительно чистой. Зеленой и глубокой. Мимо плывут мохнатые от леса острова. Порой к нам высаживаются прямо с середины реки: просто пристаёт лодка, и с нее снимают тетеньку с ребенком и пару тюков.

Циклоп работает, но не мешает — его звуки почти полностью глушит мотор. Не спеша, опираясь на тающие клочья тумана, выползает солнце. Посреди этой идиллии мы и уселись на мель. Нет, не совсем намертво — но дальше хода нет. Плаваем туда-сюда, тычемся с носа шестом, ищем, куда теперь делся фарватер. На экране местные актеры в составе м-м-ж и мама попеременно обличают друг друга, делая безумно изумленные лица. Мы плывем обратно — не то обходим мель, не то смирились, что дальше хрен вырулишь.

Довольно стремное ощущение: река обтекает торчащую бамбучину, и так как у воды есть своя скорость, создается впечатление, что это перископ довольно споро двигающейся подлодки, собранной из лозы и фанерок.

Нарисовать местный пейзаж ничего не стоит, но нужна стекающая акварель. Или компьютерная заливка по градиенту: от темно-серого сверху холмов к молочно-белому у их подножия. Черные мазки отдельных деревьев поверх — и перетекание от нежно-розового к синему для неба. И желтая от первых косых лучей вода.

Мы заглянули в деревню, увеличили свое поголовье и снова развернулись к Мандалаю. Покупая утром свой билет я ощущала себя странно. Ticket to Mandalay. Yes. One way ticket. Ооо-ш-е.

В хвосте лодки, за машинным отделением, внезапно обнаружился весьма приличный галльон. А я уж было подумала, что придется повторять подвиги юности³. В сортире была могучая металлическая дверь, работающая в слайдовом режиме, что чуть было не породило нездоровую сенсацию «спустя двадцать часов спасателям наконец-то удалось достать застрявшую в туалете туристку».

В одном месте на нашу крышу прямо с воловьей повозки грузили сервант. Ради этого рулевой осторожно подвел баркас всей длиной к берегу, ловко протащив корму в сантиметре от носа какого-то небольшой лодки, пришвартованной у набережной. Я восхищенно выматерилась. Вот, а мне за такую же парковку экзамен по вождению не зачи! По крыше все еще прыгают слоники, упаковывающие сервант, а мы уже плывем дальше.

Холод медленно отступает. Все ежатся в платках и одеялах. Мимо прошел юноша в носках. Судя по резинкам на голени — пары три, не меньше.

У меня появился второй фанат. Тоже оборачивается и втыкает немигающий взгляд. В животном мире, между прочим, это расценивается как вызов, и я с трудом себя сдерживаю, чтобы не ответить, как положено у обезьян. Когда терпение кончается, отворачиваюсь спиной и даю им возможность ломать глаза об мой твердый затылок. Вот бабушки адекватны — встретившись со мной глазами, они чуть-чуть

---

³ После школы я попала следом за тогда будущим (теперь бывшим) мужем в яхт-клуб, и как-то раз во время регаты, безнадежно вставшей по причине абсолютного, неправдоподобного в наших беспокойных балтийских водах шторма (мы тогда, помнится, тайком, на пол-узла в час, гребли якорем), наш штурман по острой необходимости свесился за борт, чтобы в прямом смысле слова насрать на нос противнику.

улыбаются и кивают. Мальчишки тоже. А крестьяне предстарикового возраста похожи на петуха, который еще может догнать курицу, но уже забыл, что с ней делать дальше.

У меня кончился чудом не сгнивший с позавчера банан — а с ним последнее, что можно было бы считать едой. Если я правильно сосчитала переданные бумажки, для местных эта поездка стоит в районе \$7-10. Не так страшно, всего в 2,5 раза разница. Но вообще фу так делать. Что за дискриминация?

Наконец-то к нам причалила правильная лодка! Все пассажиры оживились, начали хлопать себя по карманам в поисках бумажника. Девушка споро засыпает ланч-боксы рисом с разными наполнителями. Судок риса с салатом и кучей добавок — 1000 кьят. Некоторые местные носят обед с собой в специальных закрывающихся кастрюльках с ручкой, а докупают только каких-нибудь вкусностей. Из того, что попало мне, я осилила мясо с салатом, а неприятного вида рыбку с какими-то плесневелыми водорослями и тем самым несвежим йогуртом выселила за борт. За добавку салата на освободившееся место с меня не взяли никаких денег.

После еды меня разморило и я пошла на нос — под рубкой рулевого, прямо на самом видном месте лодки, есть скамейка, теплая, уютная, как завалинка. Обычно там целая орда сидит, любитесь видами — они, конечно, подвинутся, но это все-таки не то. А тут — никого! Я растянулась вдоль, как кошка, прищурилась на пригревающее солнышко. И тут сверху, из рубки, вылезла смуглая рука и чуть повыше — белозубая улыбка. Эдакий выборочно растаявший Чешир. В руке — плитка ровно отрубленных арахисовых козинак. Шик! Кусочек был небольшим, с пол-ладони, но мне хватило, чтобы склеиться внутри и снаружи: янтарная патока, которой оказались покрыты орехи, весьма коварна.

Мимо проходят рыбаки, прогулочные катера, паромы — и даже настоящие плотогоны. Только у них вместо бревен — бамбуковые связки. Стало тепло и людно, так что я в два-три приема, не привлекая внимания, перенесла свои вещи на грузовую крышу и сама туда втянулась: принимать солнечные ванны, обзирать из греческого «полулежа» все окрестные красоты, а главное — наслаждаться одиночеством, потому что заглянуть сюда случайно — очень непросто.

Конечно, долго счастье не продлилось. У юноши из obsługi, заглянувшего ко мне, были квадратные глаза, и он вежливо, но непреклонно погнал меня в цивилизные части. Сидя под тент, лежа под тент, на нос —

куда угодно, но в пассажирские, а не грузовые помещения. Обидно, но ведь они сами тоже там не сидят. Может, это вж-ж-ж неспроста?

Парень теперь в рубке, судя по всему, взалхлеб рассказывает: подхожу — валяется! Прямо на крыше! Охренеть, да? Да я сам охренел!

Река состоит из множества протоков, и они постоянно мигрируют. Иногда вдруг появляется развилка из нескольких рукавов — и обычно они смыкаются где-то там, за чередой песчаных отмелей, но поди угадай, какая протока достаточно глубока? Ошибешься — вырливай потом против течения...

После неудачи с крышей я перешла на нос и заняла площадку рядом со скамейкой-завалинкой. Во-первых, там всегда свободно; во-вторых, можно вытянуть или подобрать под себя ноги. Я теперь в центре внимания мальчишек-юнг — мало ли, что этой сумасшедшей еще придет в голову? Так что пишу под прицелом четырех внимательных насмешливых глаз. Бесконечно можно смотреть, как смешная белая девочка выводит цепочки закорючек на желтом листе старой тетрадки.

Время от времени я бросаю дневник и берусь почитать. Неспешное течение воды рядом очень располагает к элегическому чтению, а у меня на повестке, к тому же, «Сатанинские стихи» Рушди. Очень актуально. «В изгнании все попытки пустить корни подобны измене; они — признание поражения».

За чтением книги и написанием писем (каждая мелкобисерная простыня становилась сенсацией на борту; уверена, никто из смотревших не поверил, что можно вот так, из головы, написать столько осмысленного текста) я упустила момент, когда мы бросили якорь в бухте пиратов. А вот начавшийся за этим фейерверк и абордаж пропустить было трудно. Набежавшая толпа крикливых женщин и наглых детей принялась впихивать всем еду — ничего похожего на ту тихую вежливую лодку, что пристала к нам раньше. Я наскоро засунула свои пожитки в мелкий рюкзак, чтобы не стать свидетелем их отдельной от меня прогулки к острову, и поспешила вклиниться. Поторговалась я явно неудачно: тысяча за два больших пакета с молочным чаем и две — за обед из курицы и риса. Одна тысяча явно была лишняя, но доказать это мне не удалось. Неудобно торговаться, когда до следующего кафе — полдня и треть реки, вот что я вам скажу. Но бакс за ножку курицы — это грабёж! Попрощались мы, тем не менее, мило; мне радостно махали («Эх, какая дура, деньгами набитая, уезжает»). Я помахала в ответ, после чего понадеялась уединиться с едой. Но не тут-то было.

Мне заботливо принесли чашку, чтобы перелить чай, тарелку, вилки, отмотанную простыню туалетной бумаги (когда я наконец свою, три отеля назад свистнутую, потрачу?) и расселись смотреть с таким победным видом, словно это они для меня еду с боем взяли. Чтобы не пропадала свита, я дала им задание перелить чай из пакета в стакан. В пакете оставалось совсем немного невлезшего, но я не дала выкинуть его за борт — допила глоток и изъяла пакет, сунув его в мусорный карман рюкзака. Моя жадность — капли напитка и попытка хранить мусор — объединилась в их голове в единый логический посыл, и вся троица восхищенно завопила. Такие плюшкины им еще не попадались! Ну и к черту. Вкусно, а напиток и вовсе божественный. Не дам его разбазаривать. К счастью, мои белые ноги, торчащие из тени на носу, уже примелькались и интереса не вызывают. Любопытство людей нестойко; для его поддержания нужны новинки.

И вот уже закат; черные птички недружной стаей пересекли реку и плюхнулись в ее маслянистые от солнца воды, будто вклеились в липкую густую паутину. Дым ли, туман ли столбами стоит над песком; отражаясь длинными мазками в воде, эти полосы создают иллюзию, что по изображению прошлись ластиком, небрежно стерев пару кусков берега. Ветер усилился, но в куртке ощущать его прикосновения приятно.

День на реке наполнил меня неизъяснимым удовлетворением.

Мальчишки-зайчики всю дорогу ненавязчиво заботились о непутевой туристке: то вдруг преподнесут пару крошечных мандарин, то предложат воду, то подадут вещь, за которой я потянулась. Говорить нам не о чем, да и я занята — фотографирую, пишу и читаю, напряженно гляжу вдаль. Попрощались мы бегло — я выдала несколько монеток и свою паспортную фотографию, потом уронила за борт LP, мы ринулись его спасать — хорошо, что он не тонет — а после я, прижимая к себе пачку вещей и грустно обтекающую книжку, долго махала им с причала.

Все это путешествие стоило затеять только ради того, чтобы иметь право обнять тебя по возвращении, и знать, что в этот момент неважно, что я для тебя ничего не значу.

После целого дня сидячей медитации я была полна сил, так что шаг мой был пружинист, а движение неостановимо. Таксисты после первого же звука наталкивались на вскинутую в отрицающем жесте ладонь и откатывались; ни одна собака не вякнула; от набережной до вокзала

через весь город я добежала за полчаса; я дошла, упала и вырубилась. Потом врубилась, выматерилась и полезла за «пантенолом» — сгоревшие ноги, впервые увидевшие в этой поездке солнце, жгло нещадно. После процедуры стало лучше и я радостно ушла в сновидения. Хорошо не спать с четырех!

Пробуждение по будильнику тоже было приятным — такой уютный сонный обрывок, можно длить его, пока ползешь вверх по лестнице к кассам...

17 февраля. Mandalay → Hsipaw

Мое пробуждение—II было не таким радужным. Оно случилось от того, что какой-то встречный очумелец, подскочив на расстояние полуметра, наорал на меня так, будто я находилась минимум на другом берегу реки. «HELLO-HELLO-HELLO-HELLO!!!» — надрывался он, надеясь все же получить желаемую реакцию. За ним подключились все остальные, кто бродит на периферии вокзала, отлавливая одиноких туристов: «HELLO-TAXI-MADAM-TAXI!!!»

Люди-функции! Люди-ничего-человеческого! Ни одного поезда не приезжает ночью, они отсюда только *уходят* в это время, и вы это прекрасно знаете, КУДА мне может быть нужно такси?! В туалет на нем съездить?! Как вообще можно с такой агрессией нападать на человека, который в полчетвертого утра ползет на ощупь умыться?!

А билеты — есть! Ура! С этой мыслью я кинулась обратно к вещам, которые бросила на попечение местной интеллигентной семьи. И обнаружила среди моих сумок прибавление — небольшая коробочка. О, говорю, спасибо. А что это? Жестами показывают: открой и ешь, глупая белая девочка. Кекс! Огромный, красивый кекс! Благодарю, а мне в ответ показывают: подругу угости. Я заглядываю за сидение, и вижу там светловолосую американку, тоже почти спящую. Передала ей кусок пирога, обменялись информацией. Она в Баган, а я в Сипу, откуда она только что вернулась.

Сколько себе напоминать: узнавать номер платформы надо в кассе! А то потом местные с таким изумлением смотрят в билет: там-то все по-английски. Сейчас меня пытались убедить, что поезд во-первых с другой платформы, а во-вторых, ушел еще вчера.

И еще: в чем сакральный смысл разграничивания второго этажа? Окей, на платформах суровые, в рост, решетки — они спасают идио-

тов, которые иначе перлись бы прямо под колеса поезда. А наверху зачем? Такое ощущение, что решетки просто проросли сюда, самопроизвольно.

Время. Я сижу на нужной, четвертой платформе, в полутьме — горит всего пара лампочек, а до рассвета далеко. Шесть собак бегают неподалеку, но пока я сижу, им нет до меня дела. Люди спят прямо на перроне, подложив коврик; некоторые ставят призрачное подобие палатки — москитную сетку на каркасе. В углу мальчишка играет с псами — собака с притворной яростью бросается, но в последний миг он, как матадор, отходит в сторону, и изумленная дворняга пронесится мимо, скребя когтями в немыслимом пируэте, уже не в силах задерживать падение. Пахнет дохлятиной, летучими мышами и голубиным пометом.

Удивительно, но я научилась любить это место — за ночное спокойствие, за защиту от таксистов, что патрулируют периметр снаружи и держат весь город; за отзывчивых и добрых людей на станции. В поезде и на перроне я — совсем не пафосная туристка. Я беру обычный вагон и уравниваю себя в правах. Люди знают, что мне точно также, как и им, нечего есть; что ноги мои затекли не меньше прочих; что пыль из окна равно оседает и в моих легких. Это помогает им из людей-автоматов стать просто попутчиками — готовыми улыбнуться в ответ, поделиться едой, сфотографироваться вместе, пошутить про падающий на голову багаж, показать красивое место за окном.

Поэтому я люблю этот темный бетонный короб, с его гигантской развязкой для машин и отсутствием нормального пешеходного входа со стороны старого города (надо пробираться между собак, бомжей и мотоциклов по наклонной эстакаде); с его тусклыми лампочками раз в 70 метров, разбитыми вывесками и мрачными шипастыми решетками, натканными везде. Эти неприветливые, мрачные даже днем врата ведут в хорошие места.

Если, конечно, поезд придет. Пока он опаздывает всего на 15 минут.

Неопрятная собака с клочкастой шерстью уютно спит на чьей-то корзине с зерном и репой. Хозяйка прошла мимо, равнодушно сказала «геть». Пес поджал хвост и осторожно прокрался в ноги семье, спящей на коврике — между родителями маленький ребенок, цепляющийся во сне за игрушку. На одеяле поверх их ног уже лежал один такой же шелудивый умник, свернувшийся настороженным клубком. Поезда стоят на всех семи платформах, кроме нашей. Очень интересно, не поменя-

лось ли что-то расписании, и не был ли моим, например, отошедший от платформы только что. Но никто ничего не знает, а до вменяемого охранника — две линии путей за решеткой. Касса на втором этаже. Подождем. Всего-то полчаса прошло. Мимо идет еще один не мой поезд.

Нихрена себе, простите, тут срут голуби! Больше маленькой коровы достойно, чем птицы. Какое счастье, что удача пролетела мимо. А ведь многочисленные старые следы намекают, что я в зоне поражения.

О, ну наконец-то. Интересно, те, кто смотрят билеты, проверяют направление? Было бы смешно после всех ожиданий не туда уехать. В поезде вояки, совсем мальчишки. Таскают тяжеленные тюки (продукты?) и страшно суетятся, распределяя места. Эх. Не посплю я на двойном свободном.

Ого, вот это бросок! Парень швыряет вещи (неопрятные полусдутые мешки) прямо в вагонное окошко. С платформы. Другой. Через решетку! И попадает четвертый раз подряд. Какой баскетболист пропадает!

От военных разит смертельным перегаром. Легкого алкоголя тут в продаже почти нет, зато везде (даже в поезде) продается ром и виски. Надо бы попробовать, но я что-то трушу. После неудачного опыта с мерзким формалиновым вином у меня начисто пропала тяга к местному спиртному. Надо прикупить бутылочку — отличное же лекарство от зависимости!

Я так устала, что, кажется, все равно буду спать, несмотря на занятость сидения. Можно же по старой схеме, на пол рюкзак, на рюкзак меня, голову на скамейку. Котика только надо в майку одеть; он теперь дикий зверь, собрал на себя половину Мьянмы, так что лицо на него лучше не класть. Обрушиваясь в сон думала, как же здесь много детей и комаров. Вторых-то сдует, когда поедем...

Проснулась от затекшей шеи, а вокруг — красотища! Рассвет уже свершился, и мы карабкаемся в горы. Причем забавным способом: не витком, как обычно, а челноком. Будто падение огромного кленового листа запустили наоборот: мы заезжаем в «пенал», с поезда прыгивает стрелочник и на обратном пути мы катим уже не по старым рельсам, а вверх. И мосты! И огромные тяжеленные ажурные арки, удерживающие горы! Красивые террасы обычно скрыты за целым лесом джунглей, раскинувшихся вокруг железки. Тростник наступает — даже речи быть не может о том, чтобы высунуть голову в его владения. Только что он нагло вставил внутрь вагона прут и злобно хлестнул меня по лицу. Огромные скальные стены по сторонам и маленькие, уютные го-

родки, ютящиеся по склонам. Чтобы выровнять поверхность, они отращивают своим домам смешные каменные каблучки. Все вокруг возделано — сейчас проехали клубничные грядки, например. Эх, выпустили бы на полчасика!

Простояли полтора часа ни за что, ни про что, в совершенно скучном месте среди скал. Машинист вдруг выскочил и умчался вдаль. Уж не знаю, нового мы поймали или этого приручили, но едем. Я успела выспаться; судя по чистоте обочин, с едой тут грустно, ланчей никто не носит. Жаль, жаль. Комары исчезли, вместо них мухи. Дети остались.

Я задумалась и пропустила момент, когда закончилась большая остановка — а ведь она была именно для завтрака! Все сходили на перрон и вернулись с рисом. Я раздобыла себе прямо в окно горячий напиток. Оказывается, то, что в больших термосах — отвар из трав, его наливают в бутылку и передают в руки. За литр тетя подняла один палец.

Я послушно протянула тысячу. Она всплеснула руками: тысяча! Где же я тебе сдачу возьму! Ищи помельче. Разыскала 200 квят, она: вот, а говоришь — нету! И быстро сунула мне еще сотню назад.

Жую свой сухой и уже немного черствый подарочный кекс, синхронно со всем отрыгивающим и сыто цыкающим вагоном. Вдруг я удачно голодно взглянула на жующую группу. Большая семья дала попробовать нечто, похожее на лук-темпуру в Японии — обжаренные овощи, ужасно вкусно. Они увидели, с какой жадностью я ем, и предложили присоединиться. На лодке я раздобыла металлическую ложку — часто ее включают в стоимость обеда, просто вкладывают в бокс с ланчем — так что на зов пришла экипированной. Ребята накупили свежего горячего риса и добавляли в него каких-то жареных домашних овощей и мяса из банок. Вкусно! С чаем особенно. А у вокя я, кажется, буду клубнику выпрашивать. Бесплатный день! Первое, второе и сладкое в подарок, а оплатить только чай, который стоит впятеро дешевле воды.

Спать и есть, смотреть в окно и прогуливаться к туалету — мне нравится такая жизнь! Я познакомилась с сынишкой одного из военных; конечно, мне тут же насовали клубники (тетенька, передавая пакет, строго ткнула в бутылку с совершенно очевидными мамиными интонациями: «только обязательно помой») и еще плодов с крупной костью, которые едят зелеными все местные дети.

Меня немного пугает судьба дяди, который сидел напротив. Он спал, пах себе ромом, никого не трогал. Его тонкий невоенный парнишка растолкал, заставил взять сумку, дал умыться и куда-то увел. Ну ладно, может, он станцию свою проспал и срочно вынужден был выйти — но он всю свою постель оставил: подушку в трогательные кружочки, два одеяла и циновку. И его уже две станции нет...

Дети очень любят махать поезду вслед. Они живут на небольших фермах вдоль дороги и, конечно, каждый лязгающий мимо состав — событие. А уж если белая из него помашет, они превращаются в пропеллеры, потом смеются, обнимаются (скорее, падают друг в друга от хохота) и долго еще обсуждают потом. Так что я стараюсь махать почаще — и взрослым, и детям.

Появились продавцы, но носят бессмысленные снеки. Сладкого не хочется... А что это такое зеленюк, пиленное на маленькие ломтики? Авокадо? А, МАНГО! Твердое, зеленое, терпкое, кисло-сладкое, как яблоко, но гораздо более насыщенное вкусом; посыпанное солью с пер-

цем, оно совершенно божественно! О, теперь я буду тосковать по такому манго! Прекрасный салат. Правда, вместе с ним съедаются зубы, очень уж резкое.

Я купила себе еще пакетик, как только встретила продавца. Ромовый дядя вернулся, довольный. Не похоже, что ему там делали плохо. Тетенька, которая мне улыбалась и подкармливала меня, занята в кругу своей семьи, так что я ее не могу даже развлечь; пришлось показывать дневник подошедшему дяде, который внезапно тоже проявил интерес, был вежлив и доброжелателен. В лучших традициях своей концепции передачи добра, я постаралась развлечь его и рассказала про каждую иллюстрацию. Будем надеяться, что контрольная сумма радости уравнивается.

Мой дневник пополз по рукам всего вагона, и в какой-то момент его перехватил полисмен, незаметно материализовавшийся в дверях. Интонации неприятные, казенные. Так-так, говорит, здоровья желаю, белая леги. И что же, эта информация — вся про Мьянму? Нет, отвечаю, вот неделя последняя — а остальное Таиланд, пляжи, уиии! Хм, хм, говорит. И куда же дальше? В Китай на «air-arabica»? Я не знаю, может, он из искреннего любопытства, но тон мне не понравился. Я включила режим восторженной идиотки: «Мьянма, ах, Мьянма! Такая замечательная Мьянма! Я так люблю Мьянму! Особенно Баган!» После этих магических, привычных для всех туристов слов он изрядно расслабился, перешел к светским вопросам: «Ты откуда?» Тычу в билет: «Россия! Светлана!» Он ткнул в свой бейдж: «Офицер! Нейн! Желаю удачи!»

Уф. Надо не забывать, что маниакальные записи всегда подозрительны. Ищи потом переводчика с русского, который докажет, что это не государственные тайны мелким почерком.

Все, ну абсолютно все вокруг меня хотят, чтобы я поехала в Баган. Черт. Не отбивайте у меня вкус к городу! Оставлю его на сладкое. Можно подумать, официально одобренные достопримечательности бывают интереснее простых городов.

На остановке поезд оккупировали дети 7-10 лет: они бродят с канистрой и кружкой вокруг состава и заглядывают в окна. За сотню наполняют родниковой водой любую подставленную тару.

Мы медленно вползаем на невообразимо гигантский мост. Его особенность — в полном отсутствии каких бы то ни было перил — только подпорки снизу, полотно шпал и пара сотен метров воздуха. Вдруг долина расступилась и провалилась в ущелье, на совсем уж голово-

кружительную глубину; и наискосок через реку, далеко-далеко внизу стал виден старый деревянный мост. Это не тот ли, который соединяется в Таиланде с отрезком Дороги Смерти, чей музей я посещала? По возрасту подходит. Вырубленные под дорогу каньоны в скале один-один похожи. Хм, вот бы пройти ее всю... Пешком! Всего-то полтысячи километров, меньше месяца.

Теперь горы нависают над нами, а мы входим то в аккуратно облицованные кирпичом тоннели, то в почти естественные пещеры, чтобы выползти с другой стороны, оказавшись снова «на высоте положения», над очередной покрытой джунглями пропастью. Потрясающее место!

Мы остановились. Уже темно, но до места назначения еще пара часов — мы опаздываем относительно оптимистичного прогноза от LP часов на шесть. Я сбегала к ларьку и купила себе непритязательной лапши с иссохшей курицей. Оказавшаяся рядом попутчица осудила мой выбор, на шумела на девочку-продащицу: чего не можешь выбрать, видишь, человек не понимает, что фигню берет! Вот эту бери, и эту. А эту положи! Фу, гадость.

Я поблагодарила и ушла есть в вагон — не люблю дергаться, едем мы уже или не едем. Но почти сразу поняла, что на сухую такую пережаренную еду есть невозможно, и выползла обратно в поисках чая или кофе. Получив вожделенную сладкую жидкость, я уже повернула было к вагону, как вдруг была схвачена и брошена на стул в компанию тетеньки, ее глазастого сына (с которым мы перемигивались пол-дороги) и молодого смешливого мужа. Передо мной поставили блюдо свежайшего риса и я не устояла. К нему принесли свежий салат, капусту, лук; обычный тут рассольник из чечевицы с солеными, хм, огурцами? И мяса пару кусков. Свежее, не пересохшее! Когда я отвалилась, почти вылизав свою божественно вкусную тарелку, в меня все порывались запихнуть еще; я жестаи взмолилась о пощаде, чем вызвала приступ смеха у всех троих. Если я не ошиблась в подсчете бумажек, ужин на четверых обошелся где-то в 7\$. Меня почти под руки занесли в вагон. Мальчишка сразу бухнулся спать, и я его понимаю — что еще делать с таким пузом?!

Кто выдумал, что азиаты одинаковы на лицо? Я узнаю тех, кого видела лишь мельком, несмотря на почти полностью отсутствующую память. Есть, конечно, типажи. Например, я пару раз встречала свою бывшую свекровь: интеллигентная, подвижная, внимательная и гиперзаботливая, с глубоко спрятанной искоркой смеха в углу глаз. Ви-

дела типичную японскую школьницу; такую, что челюсть отвисает, берите и сажайте меня за педофилию. Встречала сморщенного философского деда, с обязательной местной зеленой сигарой (100 кьят за пять штук). Типичный подросток-эмо попадался, с челкой, выбеленной и выкрашенной в имбирный. Ах, да, и девочка-мальчик, мой любимый типаж — не путать с мальчиком-девочкой! Такая крепкотелая, веселая пацанка, обычно заботится о вверенных ей подругах. Красивая, но почему-то всегда в очках. С первых трех попыток она идентифицируется как парень, хоть ты тресни. Я обычно смотрю на кадык или лямки от лифчика, если уж очень хочется ясности. В общем, есть узнаваемые черты. Но даже среди этих повторяющихся персонажей отличий больше, чем сходства.

В пути все время учишься считать длительности. Если так пойдет, уложусь ли я за оставшиеся дни в бюджет? В количество страниц? В километраж до темноты? В объем имеющейся воды до следующего города? Хватит ли мне бумаги на письма, времени на прогулки, зарядки в телефоне, сил до вершины, решимости до конца пути, удачи до исхода ночи, мозга на весь маршрут? Все видится дискретно; любой ресурс разбивается на участки, высчитывается желаемый, оптимальный и реалистичный паек; если я сегодня пропущу и поэкономлю, улучшит ли это завтрашнюю норму? Как потом вылезать из этого мышления, мне интересно.

Капитан Найн вернулся и коротал последние полчаса со мной в эмоционально-нейтральном обсуждении лингвистических особенностей разных стран. Языки он учил по необходимости — «Я — офицер транспортной полиции. Видишь, тут написано: may I help you? Я должен суметь понять любого туриста». Знает несколько слов на тайском, тамильском, канаду, японском, китайском, корейском... весьма специфический набор лексики, конечно: куда вы идете? Где ваша семья? И т.д. Он помог мне составить краткий словарь на родном мьянмарском, содержащий выражения «слишком дорого», «я голодна» и «что это вы мне дали». Отлично посидели. Я выяснила, что на японском знаю слов больше, чем он — аниме не оставляет выбора, вакатта, кампай, итадакимас, конничива, сайонара и «уберите от меня свои страшные зеленые щупальца» впадают в мозг навечно.

Вдалеке, на холме, в озере абсолютной тьмы словно ручьи расплескавшегося золота. Я попросила уточнений — невозможно представить, что это нечто нерукотворное, такая красота должна иметь цель!

Оказалось — это огонь. Настоящий, живой. Линии образуют окружность с неровными краями — так не спеша выгорает трава. Безумно красиво, похоже на какие-то замершие вулканы с растекающейся раскаленной магмой.

Я ласково попрощалась со всем вагоном; имевшим во мне особое участие выдала фотки с подписью from Russia with love и монетки (ура, рюкзак все легче!). Городок, конечно, был пуст и темен; последние тинейджеры допивали свое пиво и разъезжались на байках. LP писал, что местная достопримечательность, отель Чарли с полувековой историей, чуть ли не единственный в городе. Тина говорила, что, судя по интернет-записям, в нем все забронировано едва ли не до следующего года. Стоит он на отшибе; я решила прогуляться и в случае чего воспользоваться стоящими неподалеку скамьями. Тут их масса — деревянных и бетонных, на любой вкус.

Ночь, тьма, поселок. Вынырнул старый отель — дубовые лестницы, веранды, уютные фонарики... ставлю себе планку в \$10 — если дороже, пойдем искать скамейку. Спрашиваю без надежды — девушка на безупречном английском приветливо отвечает, что как раз освободился номер, \$7, душевая с горячей водой снаружи... хватаю ключ и дослушиваю ее тираду, уже взбегая по лестнице: полотенце в комнате, бесплатный компьютер с интернетом в холле, завтрак включен, подается с семи до девяти... ааа, дайте я поцелую кого-нибудь!

Интернет, конечно, оказался мертвым; к тому же, компьютер был неспособен увидеть две мои флешки одновременно, так что заняться бэкапом тоже не представлялось возможным. Черт, а ведь запасная флешка на 32 гигабайта скоро кончится, в который раз подумала я. Придется раскошелиться на новую... Раззадорившись попытками наладить связь, я пошла к соседнему кафе, где такая же никакая скорость продавалась по 400 квят за час. Промучившись с часик, я уже решила было плюнуть — и в этот момент увидела, что из USB торчит забытая кем-то флешка. Тридцать два гигабайта. Почти пустая — лишь пара картинок и абзац текста на местном, сохраненный в файл Word. Клянусь, меня мучила совесть, но не отказываться же от подарка богов! Вместо 20 000 заплатить всего 400 квят — и возможность без потерь довести домой весь отснятый материал!

Возможно, в качестве компенсации этой удаче, купленный недавно в порыве шоппинг-страсти набор для душа оказался гадким. Черная слизь шампуня всасывается обратно во флакон, если не успеешь ее

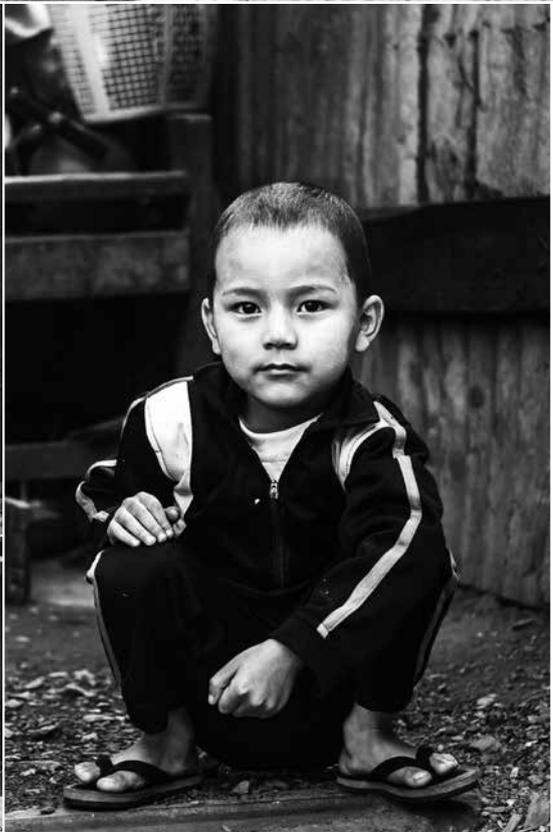
смылить; конечно, она предназначена для сохранения блеска и упругости азиатских волос цвета воронового крыла, а вовсе не для светло-рыжих патл иностранцев. А бальзам для волос по способу применения похож на масло — мазать надо ПОСЛЕ мытья и оставлять эти сопли на прядях, чтобы легче расчесывать. Агр. Вовсе не того я хотела. Ну да фиг с ним.

18 февраля. Hsipaw

Завтрак здесь подают в специальном ресторане, соседнее здание от отеля. Выбор достаточно большой, но в этот раз я по-туристически выбрала блины с джемом и кофе, в который я вылила весь молочник. Зал был полон, так что я с извинениями подсела к экспрессивной французской паре, обсуждающей с юной четой американцев трагическую судьбу Мьянмы. Такой английский я понимала, отчего возникало неприятное ощущение, что я подслушиваю. Все жрали в три горла, и между столиками бродил уныло-печальный местный юноша; в его обязанность входило уточнять, нет ли лишних ртов. Он вежливо, но настойчиво спрашивал название отеля и номер комнаты, чтобы отметить в своем списке. Я смутилась, так как никакие цифры в голове удержать не могу; поскольку это было близко, просто сбегала и спросила. Вернувшись, гордо сообщила ему, что номер два, он уныло кивнул, сделал пометку и пошел выслушивать следующее «ой, не помню, но это вверх по ступеням направо, там еще окно с цветами, синенькими». Причину его сумрачного настроения понять несложно.

Попыталась снять денег — банк внезапно прервал соединение без объяснения причин, раза три подряд. Я бросилась в офис; передо мной распахнули двери и с поклонами сопроводили к офицеру. Тот тоже поклонился, принял почтительную позу, выслушал, жестом предложил пойти к нарушителю туристического спокойствия. Оставаясь в двух шагах позади меня, проводил к банкомату, попросил повторить все действия. С тем же выражением уважительного внимания следил, как железка послушно выплевывает в меня пачки денег. Я радостно поблагодарила офицера за магию; тот сдержанно похихикал, не теряя достоинства.

Отель Чарли является конкурентом всем местным сервисам — они еще и карты бесплатные раздают, очень точные, хоть и от руки рисованные; в том числе по тем местам, куда обычно туристов водят гиды.

Палатка, продающая велосипедные и прочие туры стоит прямо у входа в отель, но посетителей там немного: по карте отчетливо видно, что в паре километров туда и сюда можно найти массу любопытного, так зачем за это еще и доплачивать?

На карте, выданной мне в отеле, следом за полями значились водопады (с пометкой «от Чарли час пешком»). Не смогла пройти мимо искушения. Началась прогулка с петляния по городу. Я нашла рынок и почту, и парк рядом с набережной. Последний оказался оккупирован мужиками с виски; я их сфотографировала, и один из компании заплетаящимся языком, но на вполне понятном английском ответил «чт ты мня фткаешь, смри, кк-кой виийд» — и махнул на реку. Я на это, насколько не покривив душой, ответила, что его лицо краше реки во сто крат; это замечание привело собутыльников в невероятный восторг, а виновник торжества поклонился, чуть не пробив лбом стол.

Потом я немного заблудилась в трущобах у железной дороги. Это была чистенькая деревня, выстроенная из разнокалиберного строительного мусора; меня несколько раз вежливо направляли на путь истинный, чтобы я не попадала в чужие дворы вместо нужных поворотов. Я еще немного поплутала, и вскоре снова встретила мужика, что уже пытался мне помочь с направлением. «О, снова ты. Что, не нашла? Ну, садись, подброшу. Тебе же на водопады» Я с радостью согласилась, лишь потом вспомнив мьянмарскую истину: *всегда* спрашивать цену на услуги до поездки.

Мы ехали все дальше, и становилось очевидно, что за просто так в такую даль и по такой дороге никто не повезет богатую белую. Мы проехали кладбище и гигантскую дымящуюся помойку на окраине городка, и у меня уже было мелькнула приятная мысль, что он просто меня в глушь завозит; тогда можно будет с чистой совестью дать по морде и ничего не платить. Но нет. Вдалеке, за полями, начались горы и отчетливо проступили стекающие с них потоки. В этот миг дорога окончательно стала непролазной; парень скатился с тропы, чертыхнулся и начал вытягивать мотоцикл обратно из колеи. Я поняла, что миг настал; слезла, торжественно его поблагодарила и заверила, что дальше смогу ногами. И стала ждать реакции. Реакция была неожиданной — парень радостно сказал: «а, ну здорово», развернул мотоцикл, махнул на прощание рукой и скрылся, оставив меня с моей совестью наедине. Я побрела по прекрасной тропке, убегающей в зеленые холмы, восторженно-изумленно шепча «И не сказал ничего. И не

взял. Просто подбросил и уехал» — чтобы понять все величие этого поступка, надо неделю до этого ходить под перекрестным огнем жел-лу-мадам-такси-мадам.

Водопад оказался скорее водосползлом, где по огромной, больше полусотни метров, глыбе глины стекала вода, образуя крошечное глубокое озерцо с покатыми краями. Красиво, конечно, но путь туда много краше — поля кукурузы, мелкие домики вдоль ручья, мохнатые пу-гильвые буффало... Локальный рай.

Я вернулась спустя несколько часов, добралась до первой цивилизации и радостно набросилась на порошковый чай. С молчаливой тетей мы не перебросились и парой слов: я ткнула в пакетик «Sunday», она заварила. Попросила поесть — и получила миску доширака с ворсинками вяленого мяса. После еды и жары самым желанным местом на земле казалось бетонное ложе рядом с кафе — устроить бы сиесту... Но я волевым решением пресекла эти пораженческие мотивы, так как увидела на карте вторую дорогу, ведущую в одну любопытную точку, тоже находящуюся в полях. Встала я тяжело, неохотно, и решила подбодрить себя баночкой освежающего напитка.

Как-то так повелось, что кока-колу я испокон веков использую не по назначению. Или как источник сахара, или — как средство для спасения желудка. При начинающемся расстройстве достаточно глотнуть содовой, и она все там выжжет. А то две чашки порошкового чая и остро-соленый доширак явно нуждались в поддержке. Преступно-вальяжное распитие баночки кока-колы я сочетала с написанием письма (бумага нашлась на водопаде — обрывок молитвы? Песни? Короткие строчки на местном языке); когда опечатанный конверт упал в нутро бетонного ящика, небо уже приобрело подозрительный розоватый оттенок. Так что я решила не упираться прямо до цели, а просто немного позабуряться. А потом как-нибудь быстро выбраться.

Ух, какие тут деревенские домики! Место, помеченное на карте, как «маленький Баган» действительно содержало кучку старых, поросших деревьями ступ. Но люди, попавшиеся мне по дороге, были намного интереснее.

Когда стало смеркаться, я представила себе возвращение через всех собак деревни и мысленно взывала. Тут же из-за поворота показался парень; он ехал с другом на мотоцикле, а на втором сидел дядечка — отец? Мальчишки хихикали, разве что не тыкая в меня пальцем, а дяденька сдержанно кивнул в ответ на мое полное надежды «Сипа?» —

и я быстро села. Провез он меня всего пару километров, зато мимо всех псов и неизвестных поворотов. Как же это удобно, когда у отеля европейское, легко произносимое название и оно на слуху у местных! Первые же ребята, которых я спросила про Charley Guest House, махнули мне рукой: тут близко.

Автобус в Lashio уходит в пять утра и в полвосьмого; жалко, конечно, что придется пропустить бесплатный завтрак...

Из розетки клинически выпадает любой зарядник. Хорошо, хоть скотч у меня есть. Судя по следам, я не первая, кому это решение пришло в голову.

19 февраля. Hsipaw → Mandalay

Оуе, а где был мой будильник?! Я легла рано, в 10 pm; несмотря на это, кто-то успел заснуть раньше меня и к этому времени уже неистово храпел за стеной; когда он наконец-то повернулся на бок и замолк, я сладостно опустила в мир грез, и очнулась только в 7:30 am. Первая мысль: пока, автобус. Вторая: зато завтрак со мной. Везде есть свои плюсы.

Как оказалось, автобусов в том направлении сегодня больше нет; я поколебалась, и решила все-таки воспользоваться маленьким пикапом, который чуть-чуть дороже. Сажу на «автостанции» — остановке на оживленной улице, где под навесом сидит девушка, координирующая перевозки. Все водители, едущие в любую сторону с пассажирами, должны у нее отметить, и она же собирает деньги за поездку.

Сажу, жду, читаю про Lashio — гм. Маленький городок, интересный тем, что он на границе с Китаем... с которым сейчас, между прочим, необъявленная, но вполне себе кровопролитная война. Спрашиваю у тети: а когда автобус на Мандалай? Она отвечает что-то невнятное про семь вечера, торопливо запихивая пассажиров и грузы в большой автобус.

О, спрашиваю, а этот bus куда?.. Она переводит на меня мутный, озабоченный взгляд, хлопает себя по лбу и кричит «Быстрее!»

...Стоил он *ровно* 6 000 кьят. Точно мою отложенную в ближний карман сумму. Боженька велит мне ехать в столицу и не выпендриваться.

Поскольку деньги я выложила в ноль, мне пришлось на остановке сбегать в багажный отсек и поковырять мою заначку. Так что девочке с чипсами и мандаринами я протянула бумажку в 5000 кьят. У нее вы-

тянулось лицо; следом лицо вытянулось у кондуктора, который понял, что мы надолго; так что он быстро сунул мне мои мульоны, спросил у девочки цену, доукомплектовал мой заказ (два мандарина, один манго с солью) еще одним манго для ровного счета, сунул мне покупки, девочке деньги и велел ей проваливать. Ой. Спасибо.

Забавное свойство психики — способность мечтать о взаимоисключающих вещах. Разом и про возвращение домой и про новую поездку.

Манго я смаковала невероятно. Это новый наркотик, кажется.

А потом мы остановились купить воды, и я соблазнилась полуторачной бутылкой с вином — пузатая, крошечная, на «пивной» крышечке. Учтывая, что спать сегодня я планирую на улице, самое то — нажраться винищем и упасть в какую-нибудь канаву.

Указателей немного, но мы недавно проехали фабрику, принадлежащую городку Ruin U Lwin, это чуть меньше ста километров от Мандалая. Часа два. Оценив свои силы я поняла, что не дождусь. Надо или просить остановить, или... в принципе, я давно хотела попробовать. Нож есть. Режем пустую бутылку напополам — не надо переоценивать свои снайперские способности. Спуститься с кресла, накрыть колени подолом платья и прислонить «горшок». А кстати, удобно. И если не видеть предварительных манипуляций, догадаться невозможно. Сплю я, может, так. Сползла, эка невидаль. После — выкинуть все в окно и вымыть руки, поливая себе из питьевой бутылки. Всего делов, а сколько счастья!

Меж тем — какие серпантины вокруг! И жарница. Нас в шестой раз досматривают. Посты вдоль всей дороги. Ничего особенного, но с водителем разговаривают строго. Сейчас вообще что-то интересное ищут: водитель развинчивает люк в салоне, под бдительным взглядом таможенника. Внутри оказались бутылки в мешках — он это искал? Теперь двигают задние кресла. Пассажиры спят или вяло любопытствуют — их это не особо касается, у нас даже документы ни разу не проверили. А вот кондуктор с водителем ходят по струнке и развинчивают всю машину разве что не по болтику. Что же они такое возят, интересно? Стоим уже целый час.

Я сижу, укрывшись жарким пледиком, и жалею, вслед за Диогеном, что голод нельзя удовлетворить также легко и самостоятельно, как жажду туалета или секса.

Пообещала кондуктору не высовываться и открыла окно. Тут машины расходятся с боковым интервалом в пару сантиметров, мой лоб

мог бы оказаться не к месту. Зато теперь я покрываюсь ровным слоем дорожной пыли. В какой-то момент не выдержала, умылась и намазала исцарапанную встречным песком кожу мягким солнцезащитным кремом. Сейчас еще пару таких облаков пыли и я точно зацементируюсь.

Ура, я снова в Мандалае! Сегодня мне предстоит прошагать где-то около пяти километров по городу и впервые найти место для уличного сна вне привычного железнодорожного вокзала. Начала я с того, что прокатилась на местном автобусе с десяток кварталов, снова оказалась на жд-станции. После мне как раз хватило времени до заката, чтобы неспешно дойти до предполагаемого места остановки автобуса, разузнать про расписание и пойти отыскивать место для ночлега.

Сижу. Уже темно. Заряжаю телефон у смешного шумного семейства в какой-то лавке. Странное ощущение — сотни людей, тысячи домов; столько горизонтальных поверхностей... где бы найти щель, чтобы меня не отыскивали до утра?

Кажется, я неосознанно начала пробивать на жалость — пока шла зарядка, я прилегла у входа на скамейке, и проходящая мимо тетя невзначай задала правильный вопрос: деточка, а где ты вообще сегодня ночуешь? Объяснила, как смогла, и все выпали в глубокий осадок. Как быть, обсуждает консилиум уже из семи взрослых, плюс рассудительный старший сын владельца лавки и его неловкая смешливая дочка-дылда. Под шумок начался сбор лавки на ночь — все, что вывешено на день снаружи, нужно занести внутрь. Ну, и мне пора. Как ни удивительно, меня легко отпустили — семья, которой принадлежала лавка, не проявила желания меня приютить, а соседи, которые явно подталкивали их к идее, что нехорошо бросать одинокую девочку на улице, не ощущали на своих плечах достаточно ответственности. Ну и ладно.

Ступеньки, которые я присмотрела заранее, оказались открыты, и это классно!

Да, но вели они в какое-то подобие коммунальных квартир, где двери распахиваются из комнаты прямо на лестницу. Эх, не дадут мне тут поспать! Тем более, еще только девять.

Как в воду глядела!

Сначала выглянула бабушка, всплеснула руками, увидев располагающуюся на полу меня, скрылась. Вскоре она вышла, заперла за собой дверь и начала «невзначай» прогуливаться по лестнице, выглядывая в окно и оценивая боковым зрением, насколько опасно это чучело на

площадке. Убедившись, что ей не кажется, и я действительно собираюсь тут расположиться, она быстрым шагом спустилась вниз. Видимо, понимания у соседей этажом ниже бдительная бабушка не встретила, так что вскоре она вернулась одна (а я между прочим ждала процессию с вилами), и начала стучать к соседу, у чьей двери я улеглась. Тьфу ты, думаю, ведьма, ну какое тебе дело!

Сосед оказался обаятельным, он предложил мне оплатить хостел на ночь. Так как до этого он сообщил, что живет один, я не рискнула принять этот красивый жест из опасения, что меня не так поймут. Да и тащиться никуда не хотелось. Я успела очаровать бабушку дневником и рисунками; полчаса я ворковала над страницами, задвинув подальше уже початую бутылку вина, которая начисто ломала мой образ милого наивного путешествующего ребенка.

Наконец и мужик, и бабушка позапирали все двери и спустились вниз. Я радостно отрубилась, но вскоре на лестнице появилась веселая встрепанная мордашка. Фото нисколько не отражает ее живости и жизнерадостности — это снимок из ее свадебного альбома, а там принято использовать самые неестественные и жуткие позы. Зузу не просто знала английский, а еще и умела ловко на нем изъясняться, комбинируя фразы из своего не слишком большого словарного запаса. Она живет в большой семье, там прекрасно хватает места на маленькую меня. Так что, мол, пошли.

За ней я была готова идти куда угодно. Но далеко идти не пришлось — всего лишь на этаж ниже.

И я попала в настоящую коммуналку, прямо как в Питере! Так и не смогла пересчитать всех; там было несколько грузных тетусек, несколько пьяных дядечек, престарелый дедушка, мелкий ребенок и симпатичный юноша. Уже сильно позже, разглядывая фото и сопоставляя факты, я поняла, что юноша — муж Зузу, мелкий — ее сын; остальной паноптикум — родня по мужу. Зузу в какой-то момент с отвращением сказала: это не дом моей матери.

Да, дом и впрямь так себе. Закопченные высоченные потолки, грязный кафель на полу и атмосфера беспробудного, многолетнего пьянства. Веселенькие дяденьки относились ко всему, как к личному увеселению. Тети меня, конечно, жалели и кормили.

Пока я трогала ложкой рис, один из дядечек подсел рядом и ласково пододвигал ко мне еду — все ближе, ближе, то одну, то другую миску, чтобы я ничего не забыла. Это выгля-

*Неизвестный, но популярный
местный чехист.*

дело очень комично. Еда привычная: рис с добавками. Неожиданно было встретить в миске две огромные тигровые креветки, невероятно вкусно сваренные. Я, уже не стесняясь, достала бутылку вина — вокруг явно были свои — и потребовала сахар, воду и пустой стакан. Мне кинулись подавать желаемое, и вскоре я уже сидела с ногами на диване, вальяжно потягивая разбодяженное вино (довольно кислое и крепкое в оригинале, но ничем не напоминающее тот жуткий формалин) и вещая про свое путешествие.

По-английски говорила только Зузу, так что обращалась я в основном к ней. Она ловко игнорировала умоляюще-любопытные взгляды остальных, кажется, получая огромное удовольствие от того, что ей наконец-то пригодились ее навыки, наверняка презируемые толпой домашних тиранов. Я рассказывала ей про Сипу, она вздохнула. Я спрашиваю: неужели ты там не была? Это же так близко. Она ответила, довольно мрачно: нет, я слишком занята здесь. Темная гигантская комната, позапрошлогодние календари по стенам. Старинная, резная мебель; два алтаря из того же «набора», выглядят как сервант со стеклянными дверцами — за ними божество, окруженное яркой неоновой гирляндой, делающей весь пафосный религиозный антураж абсолютно неуместным. Бетонная ванная, как в привокзальном туалете — узкая, с резервуаром для воды. Конечно, неременный телек. Продавленный диван. Пепельницы, заполненные окурками. Атмосфера привычки к бедности, смирения и отсутствия перспективы.

Мы играем в пантомиму с одним из слабо-англоговорящих дядечкой. Я пью из стакана свое разбавленное вино, он упрасивает меня поделиться, изображая муки жажды; однако после первого же глотка возвращает мне стакан, показывая, что очень крепко и невкусно. Он плевался, скакал и дул на язык, а после начал всем рассказывать (а мне показывать), что он боится меня: я сейчас напьюсь и буду дебоширить, и что ему останется? Только вызвать полицию. Зузу передергивало от отвращения от таких шуток; ей было стыдно за свою родню, так что она при первой возможности занимала меня светской беседой, показывала альбомы с фотками, а дядечек отгоняла.

В общем, вечер протекал весело и безмятежно, как вдруг откуда ни возьмись появились гости. Офицер и двое мальчишек в штатском, ужасно серьезные. Дяденька сказал «упс, это не я» и куда-то ступшевал-

Фото из свадебного альбома Зузу.

ся. Офицер, не глядя на меня, потребовал у всех документы. Их усадили за стол. Я была недостаточно пьяна, чтобы недооценивать серьезность ситуации, поэтому приложила все усилия, чтобы казаться очень глупой и очень беспечной.

Оказывается, их позвали соседи. Рано утром автобус, щебетала я, так стоит ли искать отель? Я хотела просто подождать, но эти добрые люди пригласили меня в гости. Дневником я старалась особо не махать, но карту скитаний все же показала. Один из мальчишек шепотом спросил у меня, где мои деньги. Я быстро оценила ситуацию и таким же интимным тоном ответила, что есть такая волшебная штучка VISA, она позволяет не хранить money в cash. Ответ мальчику не понравился, но он честно передал его офицеру — судя по тому, как у того помрачнело лицо. Они общупали и дважды сфотографировали мой паспорт; сказали, что ситуация нехороша и мне следует пойти в хостел. Тьфу ты, думаю, лучше бы в кутузку забрали, там хоть бесплатно — и намного интереснее. Вслух сказала «окей» и ушла собираться. Когда я уже почти была готова к переезду, ко мне заглянула Зузу: «Все в порядке, мы договорились, можешь оставаться!» Спрашиваю: как это вдруг всё рассосалось? «Ну, — говорит Зузу, — они просто беспокоились о тебе, но мы пообещали, что ты будешь тут в безопасности.» Что-то я сомневаюсь в том, что такие простые доводы могли возыметь действие —

мне до сих пор кажется, что у Зузу просто нашлись наличные, которых не оказалось у меня.

Когда я вновь появилась в общей зале, полисмены уже собрались. Офицер, все также не глядя, пожелал мне удачи, а мальчишки в штатском очень серьезно посоветовали быть осторожной. Когда они растворились в ночи, воцарилась тишина. Наконец пьяненький дяденька робко дернул меня за рукав и смешно повторил свою просьбу вина — я как раз взяла стакан в руки с мыслью допить все залпом. Я в ответ скорчила обиженное лицо: «В тот раз вино тебе не понравилось, да и вообще, мне сейчас нужнее. Так что...» —

и я в четыре больших глотка допила остаток. Дядя расставил руки в крайнем изумлении, и его дальнейшая пантомима сделала бы честь любому участнику КВН из Высшей лиги: он округлил глаза, заоглядывался, ища поддержки, а потом закричал: «Меня! В моем доме! Лисают вина?! ПОЛИЦИЯ! ВЕРНИТЕСЬ! Она меня обижает!»

Это было настолько смешно и так хорошо разыграно, что за-

смеялись все, даже скептически настроенные тетушки; даже Зузу. Когда мы просмеялись, дядя внезапно трезвым и даже немного возвышенным голосом сказал, обедая рукой собравшихся: «Это — моя семья. И ты — тоже. Гоу спать.»

Уложили меня на широченной кровати под балдахин. Я была не одинока — эта комната принадлежит одной из старших сестер, почтенной бабушке. Мы не мешали друг другу, а я от вина и волнений вырубилась почти мгновенно.

Наутро офицер пришел снова — уже без формы. Он убедился, что со мной все в порядке и отвез меня на автостанцию через пару улиц на своем байке. Я сильно подозреваю, что его галантность объясняется просто: он хотел быть уверен, что сумасшедшая туристка, ночующая по самым неблагополучным семьям его района, действительно возьмет билет и сядет в автобус.

20 февраля. Мопува

В салоне минивэна играет радио — негромко, и местные мелодии очень светлые и хорошие. Кантри с надеждой. И рассвет. Уиии!

Разносчики на этом маршруте оккупируют автобусы пачками, сразу по пять подносов одинакового товара. Обступают со всех сторон, скребутся в тонированные окна. Ну чисто зомби. Я подседа на местные снеки, так что не стала от них прятаться. Правда, девочки оказались вредные — фотографировать себя не дали, за пакетик заломили 500 кьят, да еще потребовали обменять порванную денгю на новую, потрясая моей пятихаткой и другой, не рваной. Забрала у них обе, дала в обмен хрустящую тысячу. Что у них, интересно, насчет того, чтобы сдать государству ветхие купюры на утилизацию?

Юноша, что сел рядом, купил популярные тут перепелиные яйца. Предложил соседке справа (есть традиция угощать попутчиков) и мне. Я подождала, когда юноша начнет есть, чтобы посмотреть, как с ними разбираться. О, а их продают уже вареными! А я-то думала, как их аккуратно высосать.

Дороги платные. Каждые 20 км будка со сборами. Вдоль дороги накатанная обочина с огромными колеями — воловья тропа. На них возят крупногабаритные грузы, на чудовищных телегах. Сфотографировать их нормально нет никакой возможности — окно минивэна узкое и не открывается; и даже несмотря на то, что я протерла его от

Под предлогом поиска туалета очень удобно обшаривать дымные кухни.

засохшей блевотины, в этот узкий коридор все равно не успеваю навестись и щелкнуть. Обидно — в городе их не найдешь.

Часто, услышав интересную композицию, выясняю ее автора. Так нашлась группа Wai La — крутой мьянмарский рок. Между прочим, местные действительно делают шикарную, очень профессиональную музыку.

Вдоль дороги ларьки с арбузами. Пузатые, как поросята. Очень хочется купить, жаль, мы тут не останавливаемся.

Кстати, на вторичность Таиланда я зря пеняла — нигде в Мьянме мне не попались те цветастые куртки, что продавались на приграничных рынках. Хм. Может, они просто ловко имитируют национальные узоры? Или стоит поехать в Янгон и поискать там?

Лица, вымазанные в танако, напоминают про глупый анекдот о чукче, где «тепло, гигиенично». Такое чувство, что когда-то мьянмарским девушкам, мечтающим о светлой коже, кто-то сказал об отбеливающих

свойствах этого чудо-дерева; первая девушка сделала маску, взглянула в зеркало: о, и впрямь, лицо стало белым! Отличное средство! Так и повелось. А о том, что его надо бы смывать, никто им не рассказал.

Внезапно в Мопу'е очень агрессивные таксисты. То есть прямо на своих же насаждают. Орут в окна, в дверь лезут. Если удастся ворваться в автобус, хватают вещи. Заметив меня, они и вовсе сорвались с цепи. При первых признаках штурма интеллигентные девушки начали спешно собираться, не желая долго быть объектом внимания этих агрессивных и беззастенчивых макак. Я, признаться, тоже не собиралась быть под прицелом, но я хотела при этом не сдавать позиции. Так что я захлопнула окно, случайно прищемив пару пальцев и носов, вежливо улыбнулась им из-за стекла. Собиралась я спокойно, поэтому часть таксистов рассосалась сама, сбежав к новым автобусам. Я вышла, не спеша забрала большой рюкзак и перепаковалась под прогулку. Ребята ждали, когда я закончу, чтобы наконец-то урвать свою добычу; но я вскинула рюкзак и резво побежала к выходу, не изъявив желания выбирать кого-то из них. Большинство таксистов поняло этот пассаж, плюнуло и растворилось; но один, особо упрямый, последовал за мной, реально, трусцой, продолжая сыпать предложениями отелей, экскурсий, дешево, куда ты идешь? Я остановилась. Оглянулась в поисках поддержки (и тут же ее нашла в глазах кучи остальных, скучающих и не задействованных в спектакле, местных), набрала в грудь воздуха и заорала, с переходом в красивый визг на конце: **NO СПАСИБО НАХРЕН НЕ НАДО THANK YOU!** Минутная тишина, таксиста отнесло на пару метров, весь вокзал бьется в конвульсиях.

Очень хочется справедливости. Чтобы неадекватность сталкивалась с неадекватом и не могла никуда деться от этого зеркала. Мне кажется, это может помочь нашему миру.

Ой. Только сейчас вдруг поняла: движение у них *правостороннее*, как у нас, а машины все *праворульные*, как у тайцев и индусов. Это же адски неудобно, наверное. А главное, зачем?!

Собаки в этом городе какие-то совсем доходяги. Плешивые, с перебитыми лапами, вытекающими глазами, дыра-

*Скобяные лавки тут волшебны
и продают порой нечто внушное.*

Местный рынок с неграбками и цыганами
 чудесно смотрится на фоне

ми в шкурах. А сам городок хорош. Рынки-улички. Сунулась в два отеля из трех имеющихся, цены начинаются от \$15. Окей. Кинула вещи в центральном, что удобно расположен, со словами «пойду поищу что-нибудь подешевле, заберу через пару часов»; почти сразу рядом обнаружилась удобная подворотня. Надо

только найти картонку, прикрыться. Внимание мне ни к чему, раз они из благих побуждений полицию приводят.

Так, что у нас тут с картой? В общем-то из Монивы катаются по окрестностям. В пределах 30 км всякие изображения Будд и скальные монастыри... опять ступы! Лучше по городу поброжу. Бедность дает офигенную возможность перемещаться насыщенно. Человек все равно во внимании может удержать не так много, так что двигаясь со скоростью 60 км/час, ты увидишь не больше, чем бродя пешком. А с некоторой долей вероятности, даже меньше.

Старые деньги тут реально не любят. Уже в третий раз отказываются принять мои 500 рваных кьят. Даже после ремонта скотчем не взяли. Еще пара попыток, и я вклею ее в дневник на память. Надо быть повнимательнее, чтобы такая память не накапливалась.

Во время сиесты ужасно клонит в сон. Села возле какой-то конторы на стул — судя по всему, там сделали уютный уголок для тех, кто ожидает своей очереди. Тетенька замахала мне — заходи внутрь, тут удобнее! Зашла. А там такие кресла! Я начала вырубаться и обнаружила, что дочка хозяйки подает мне подушку. Мне принесли воды в замёрзших бутылочках, я сходила у них в туалет и здорово выпалась за пару часов. А когда посвежело, попрощалась и пошла гулять дальше.

Мьянмарец средних лет — это образец мужчины-тирана и мужчины-клоуна одновременно. Пьяненький шут с громогласным голосом и нелепыми выходками. Женщины смеются над ним, толкают его, обнимают и утешают. Местные пьяницы благодушны и шумны. Как так выходит, что тонкие юноши к полтиннику превращаются в потешных ярмарочных медведей? Об этом они думали, когда были мальчишками?

Сижу в крошечном кабаке у дороги. Отчаялась каждый раз объяснять про молочный чай на пальцах, так что купила растворимых пакетиков побольше и просто прошу их заварить. За место и чашку денег не берут, к тому же я развлекаю посетителей. Впрочем, здесь у меня есть

конкурент — великовозрастный мальчик с задержкой развития. Корчит рожи, ходит на четвереньках, то заплачет вдруг, то на вентилятор уставится. Похож на паясничавшего пьяницу, но только он искренне. Над ним беззлобно подшучивают, дают денег. Видимо, член семьи хозяйки заведения. Неужели сын?

Под вечер внезапно и случайно выбрела на берег. Тут же есть река! Весь день гуляла черте-где, но к ночи мне сделали подарок. Закат на набережной!

Река, правда, здорово обмелела, так, что до парома нужно пару километров ехать. От берега до воды полоса песка и наезженная тропа. Красота неописуемая. А вот и заход. Все, можно возвращаться, востребовать вещи и СПАТЬ! Где там мое укромное жилище?

Оно оказалось настолько укромным, что в ночь я дважды прошла мимо, не заметив. На третий раз на меня обратил внимание владелец магазина рядом, затащил внутрь и давай гостеприимничать. Дал табурет, еще один, высокий табурет (когда я показала, что хочу написать письмо), кофе-латте в банке (как только я его допила, мне принесли еще три), бутылку налитой воды, бутылку непочатой, с упаковкой, воды, салфетки, нарезанные яблоки... Горшочек, не вари! Мне нельзя столько пить, у моего сегодняшнего дома туалет не предусмотрен! Семь вечера, темно, а они и не думают закрываться. Гвозди бы делать из этих людей. И как назло — дядя скучно, он зорко осматривает улицу. То есть, если я пойду с вещами, это придется делать чуть ли не ползком, иначе кранты, паника и снова полиция. Они тут все возвышенные такие, правильные. Не-не, лучше я подожду. Не будут же они бусами и сувенирами всю ночь торговать!

Спустя два часа я отчаялась и ушла за вещами. Никто не ругался «деточка, нифига себе, пара часов» — когда я заявила почти ночью. Никто даже не удивился. Я хотела пройти мелкими улочками в обход и внезапно нашла бар — обычное кафе, куда ближе к ночи все приходят только и исключительно пить. Там показывали футбол; многие уже спали, разложив руки и лицо по столу; остальные пристально смотрели в бутылки. Я попросила заварить мне мой «Sunday» в одном из граненых стаканов и тихо села у выхода со своей булочкой. Через час я поняла, что черт с ним, с присмотренным местом; глаза же остались, никто не мешает присмотреть еще одно.

Я почти улеглась за колодец с водой; меня даже не смутила емкость прямо надо мной, заткнутая ненадежной пробкой — зато какой

сияюще-чистой была бетонная площадка перед ней! Но когда я начала распаковываться, открылось соседнее окно, и все так осветилось, что я стала бы легкой добычей любого брошенного взгляда. Я вздохнула и скатала пенку обратно. Надо набраться терпения, говорила я себе и тем изумленным местным, мимо которых я проходила несколько раз, наматывая круги в поисках ночлега. Ночь, лавки закрыты; улица — сплошная стена захлопнутых дверей. Раньше я бы улеглась на любой лавке, и пусть себе смотрят; но теперь я ощущаю себя серой картой: город заснул, и мне надо остерегаться не только мафии, но и красных горожан, сотрудничающих с шерифом. Окей, ищем укромное... О, да вот же она, моя площадочка!

21 февраля. Монува → Pakhangyi → Pakko

Место было шикарнейшим. Ниша размером 2×4 м, возвышающаяся на несколько ступеней над тротуаром, с деревом, растущим с одного из краев — отличнейшая естественная преграда взглядам. Из-за глубины ниши взгляд туда не проникал, а дерево усиливало эффект. Мимо шли и ехали, но никому не пришло в голову заглянуть. И ниша была чистая — днем это место для торгового лотка. И прекрасно, что у мьянмарцев не принято размахивать членом и задирать лапку, где попало. Я один раз за все местное время видела писающего мужчину. Он делал это стоя, со стола, отвернув голую задницу к кучке умиляющихся тетушек. Мужчине было года два с половиной.

*Когда я голый и счастливый
смеюсь, по улице бежал
то вся деревня умилялась;
теперь эффект совсем не тот.*

Спала я все равно дерьмово, а первые два часа вообще никак. До полуночи было слишком жарко; комаров было неожиданно много, а еще меня нервировали псы. Я не сразу поняла, что глухое ворчание, переходящее в отрывистый, размеренный бесконечный лай — это явление, вообще со мной не связанное. Они просто выходят на перекресток и облаивают территорию, упорно и методично, вне зависимости от того, встречается ли им реальный враг или нет. К середине ночи я научилась игнорировать и комаров, и псов, завернувшись в спаль-

ник с мыслью «Вы снаружи, я внутри, ~~ебись конем~~, я в домике». Один раз за ночь я реально перетрухнула: свора собак начала шумную угрожающую драку на ближайшем ко мне перекрестке, и из-за угла в них вылетел и рассыпался огромный булыжник. Упс, думаю я. У меня есть точно такой же, но я его не бросала. Не я главный хищник на этой улице? Но потом связала направление камнелета с доносившейся недавно пьяной песней и осознала, что отправить в полет камень автору проще, чем ногами до меня дойти, даже при наличии желания.

Несмотря на все дополуночные волнения, выпалась я неплохо, так что в шесть уже встала. Совершила небольшую прогулку-диверсию в ближайшее кафе в стиле «Можно я у вас пописаю, умоюсь, переоденусь, бесплатно заварю «Sunday», а еще отвлеку всех ваших поварят на полчаса, спасибо!»

С тем, чтобы пописать, обычно никаких проблем не возникает — в любое кафе можно зайти, махнув рукой в сторону кухни, и вас еще и проводят. Как правило, заведение находится на задворках, и можно заодно увидеть, как в полутьме клубится дым и режутся-варятся огромные горы овощей. Красиво, как в зачарованной пещере; нередко это действо освещено лишь огнем от печей и косым лучом, пробивающимся из высоко пробитого окошка.

Снова автостанция; на входе я удачно поймала англоговорящего юношу с повышенным уровнем ответственности в крови. Он почти-точно проводил меня в нужную кассу. Билет мне записали неудобный, в ряду от окна; но я пришла первой и ненавязчиво оттерла добродушную тетю. А ручки у кресел откидываются и превращаются в средний ряд сидений. Вот это производительность! Вся задница автобуса засыпана тюками, мой рюкзак гордо торчит сверху. Через 27 километров будет остановка Pakhandyi, там обещан монастырь из дерева и пересадка в следующий автобус. Окно со мной, погнались! Наконец-то я смогу высовываться и фотографировать! А нет. Локти из окна все равно просят не высовывать, если не лишние.

Всем раздали черные пакетики — учитесь блевать аккуратно.

Очень соблазнительной была идея уехать в Pakkoки по цене половины пути, но жаль пропускать город. Придется добиться, чтобы кондуктор осознал, где меня высаживать. Он, конечно, сразу сказал, что такого места нет, что если мне надо куда-то, кроме конечной, то мне нужно такси, но потом вроде смирился с идеей, что по дороге тоже можно сойти.

Едем всего полтора часа, а у меня уже побаливает лицо. По дороге с интервалом в сто метров стоят посты — группа детей вокруг одного пастыря с микрофоном, сидящего под навесом. Все они просят денег на строительство храма. При виде белой они забывают, зачем у них в руках миски и машут мне так отчаянно, что порой роняют деньги. Иногда монахи говорят в микрофон что-нибудь кроме местных молитв и фраз благословения спонсорам, например «Привет, белая девочка. Желаем удачи тебе в пути» на английском. Это вызывает каждый раз бурный восторг у всех окружающих — еще бы, меня лично поприветствовал кто-то из духовенства!

В городке я кинула вещи в первый же ресторан, растолкав «помощников», норовящих сложить их на свой байк и куда-то увезти вместе со мной. Спорить с ними я не стала, просто молча отобрала сумки и вошла в кабак. О боже мой, какое thali! Свежайшее мясо, плавает в остром соусе; рис дымится и просто требует «съешь меня». Вах! И все это изобилие всего за 1000 кьят.

На монастырь я глянула мельком; обычное строение из промазанного мазутом дерева, с красивой, впрочем резьбой. Зато вокруг продавали массу игрушек из глины; и я немного погуляв, обнаружила место, где их делают. Вокруг маленьких избушек с прутковыми изгородями бродят огромные ленивые волю. Я забурилась в деревню и наснимала массу всякого. Больше всего боялась потерять ресторан, где кинула вещи — дороги тут расходятся во все стороны, дворики и домики везде одинаковые. Но по счастью монастырь оказался отличным ориентиром.

После осмотра я вернулась в ресторан и сообщила присутствующим, что теперь готова ехать дальше, в Раккоки. Мне мигом поймали местную маршрутку, «грузовичок» без скамеек, с крышей под груз и внутренней частью под большие грузы и людей. Меня звали в кабину, но я быстро смекнула, что это шанс, и моментально влезла на крышу. Если водитель и удивился, то виду не подал.

О-о-о, мечта моя! Обзор на 360 + небо, и никого в моей внутренней Вселенной! Дорога — как бесконечная взлетная полоса, жаркая, солнечная; на ней лишь изредка попадаются ленивые воловьы повозки или

Меня удивили «туземцы» «субшоро», или «белые» их почитают. Местные деревня показаны заново нарисованная, основанной на убранстве, так что рынок, молитвы.

Rob

The best Homestay in Myanmar

Stan De Laere
Sint-Gillisstraat 16
9470 De Klinge
Belgium.

five host- friendly interesting. I am only sorry time here on this occasion. Newle Lavin Sukhumvit, Bangkok.

December 2006 Lucidogen
I will begin after my day then down
I hope you are all well and happy

06/03/2013

I am so delighted to have been able to stay here. Pakokke was my favorite spot in Myanmar and one of the highlights of my trip to Asia. You and your family were so sweet to us and the people of Pakokke really made these few days very special.

MA-MA & FRIENDS...
THANK YOU SO MUCH FOR THE WARM
HOSPITALITY, THE GREAT MEALS &
THE AWESOME TIME WE HAD HERE.
DEFINITELY MADE POKKOKU OUR
FAVORITE PLACE IN MYANMAR.
ALL THE BEST,
CORY BRADSHAW
DUMAS BC
CANADA

Thank you! xx Kendra
Victoria, BC Canada

aircon 20202015

JAMIE & RACHAEL CREWE-SMITH
7 BROOMFIELD,
BENWELL MEADOW,
SUNBURY-ON-THAMES,
MIDDLESEX,
TW16 6SL
GREAT BRITAIN

JAMIE: SOMETHINGINVENTIVE@HOTMAIL.COM
RACHAEL: RACHCREWE@GMAIL.COM.

ကျေးဇူးတင်လှစွာ
VERY MUCH!

WELCOME TO Pakokku

Dear Mya Mya (& family)
Thank you so much for the last four days for the food, the stories, the advice, the shopping help & for welcoming us into your home. We will always remember Myanmar for the beautifully friendly people like you. xx

\$BANK\$

наоборот, стремительные «бешеные табуретки». Для полноты картины на одной из кратких остановок я спрыгнула и сторговала кусок арбуза за 200 кьят. Поездка враз стала более увлекательной: и без того фотографировать, хватаясь ногами за низкие поручни, было интересно; а тут надо еще следить, чтобы арбуз, нож или фотик не уехали с крыши; чтобы корки и семечки не попадали в лицо кондуктору, висщему на запятках; чтобы нож, только вчера заточенный, не вошел на очередной ухабине мне в щеку. И, конечно, брызги сока во все стороны, как фейерверк. Счастье! Я сначала жалела, что сфотографировать меня некому, а потом поняла, что моя счастливая рожа из-за ширины улыбки ни в один кадр не влезет, даже самый широкоформатный. А уж после арбуза вообще удивительно, что я щцами не цепляла деревья вокруг дороги, так их разъехало.

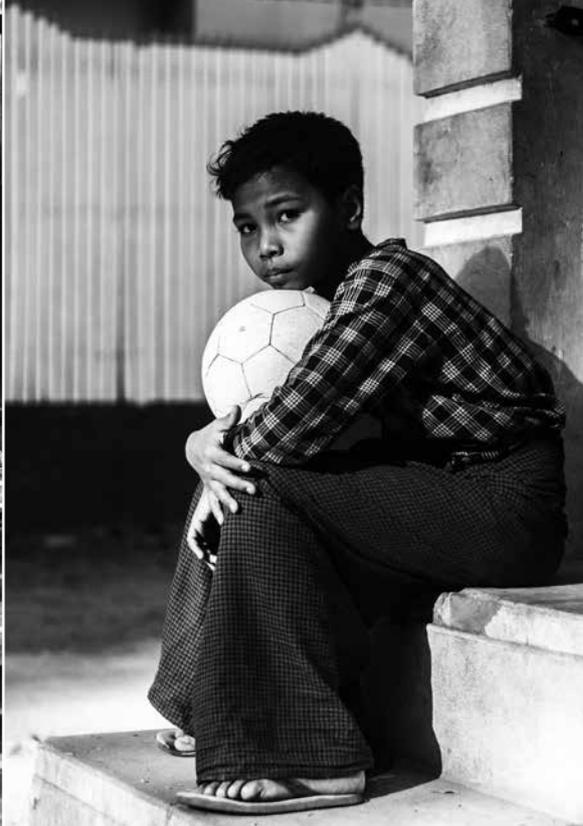
В городке я пробежала сквозь рынок с мыслью «Хочу хостел, я заслужила». Муа Муа, описанная в LP 2005 года, все еще держит туристический приют. Она схоронила своего знаменитого мужа-боксера, но осталась, как прежде, энергична, интеллигентна и заботлива. Мы с ней осудили отели за \$40 («У меня за такие деньги ты можешь четыре ночи жить, да еще и с завтраками»), полистали ее потрясающие иллюстрированные книги отзывов, в которых гости со всех стран оставляют фотографии и благодарности, заселили меня и обсудили план на ближайшие дни.

Я стремительно постиралась, безобразно накрошила подарками-печеньями, сохраненными еще из дома алкоголиков и обнаружила, что охаянный мной слизешампунь остался в ванной три города назад. Пришлось стащить опустевший флакон у общественного колодца и реанимировать пенистую жидкость внутри старинным рецептом «просто добавь воды».

Покончив с домашними делами и долгожданным мытьем, я выбралась на улицу. Прогулка по небольшому уютному Pakkoку напоминала выход в свет всенародно любимой принцессы. Почти как в Индии, если красиво и пафосно одеться⁴. Запретила себе снимать тут пагоды — я их еще в Багане наемся; здесь же надо концентрироваться на людях. Веселые, добродушные, любопытные... Если навести на кого-то объектив, присаниваются, улыбаются вежливо. Многие с искренним восхищением: меня снимают! В благодарность, если кто-то хватается за телефон, послушно позирую. Мы так обменялись хорошими фото-

---

4   *Например, в сари.*

графьями с одним дедушкой: он меня на телефон («Покажи виктори! Вот, молодец!»), я его — на фотоаппарат («Возьми сигарету в зубы! Умница!»). А есть те, кто при наведенном фотоаппарате мгновенно исчезают — буквально, ныряют под стол или вскакивают и убегают. Все вокруг по-доброму смеются над таким чудачком, но те, кажется, всерьез паникуют.

Как-то раз хозяин фабрики, где женщины перебирали рис, замахал на меня руками: «Снимать запрещено!» — и тут же сам засмеялся своей шутке, убежал в дальние комнаты, спасаясь не то от моего гнева, не то от хохота работниц.

Единственная проблема — пыль. Она выедает легкие и вгрызается в глаза. На рынке она смешивается с перцем и едкими запахами разлагающихся овощей; от кашля выворачивает наизнанку. Местные кашляют постоянно. А еще зря я выпила столько баночного кофе. Как-то меня мутит. Или это запахи с рынка так влияют?

Без балдахина невидимые комары съедают начисто в течение пары минут. Под балдахином на кровати сидеть опасно — небольшой крен вбок, и прощай вечер, меня вырубит мгновенно. Нет-нет, я хочу сначала заход солнца увидеть и почитать!

С маленького балкончика перед моим окном видна река и закат на ней. На реке круглые сутки кого-то моют. Стирают одежду, детей, мотоциклы, буффало, себя. Плеск воды разносится далеко, визги тоже. Вода-то холодная... Я внезапно ощутила солнечный удар, полученный, видимо, во время дневного путешествия на крыше. Так вдруг захотелось побыть деревом... и я сунула ноги в ведро с холодной водой.

(спустя полчаса) Кофе настоятельно требует внимания. Пока мы искали компромисс (сошлись на ускоренном, но обычном процессе расставания), произошел закат. Хозяйка так расхваливала прелести балкона, жаль будет ее расстроить историей о том, как я все красоты проспала в самом наипрямшем смысле слова. В ванной на меня подло набросились комары. Я была очень сконцентрирована на задаче не крениться на бок, и потому не могла отбиваться, так что теперь я вся в пупырышек. Ох, что-то вечер не задался. Пойду пересплю с этой мыслью.

*Горшки тут сушатся.
Хотя некоторой ассоциативный
ряд проследить, несомненно,
можно...*

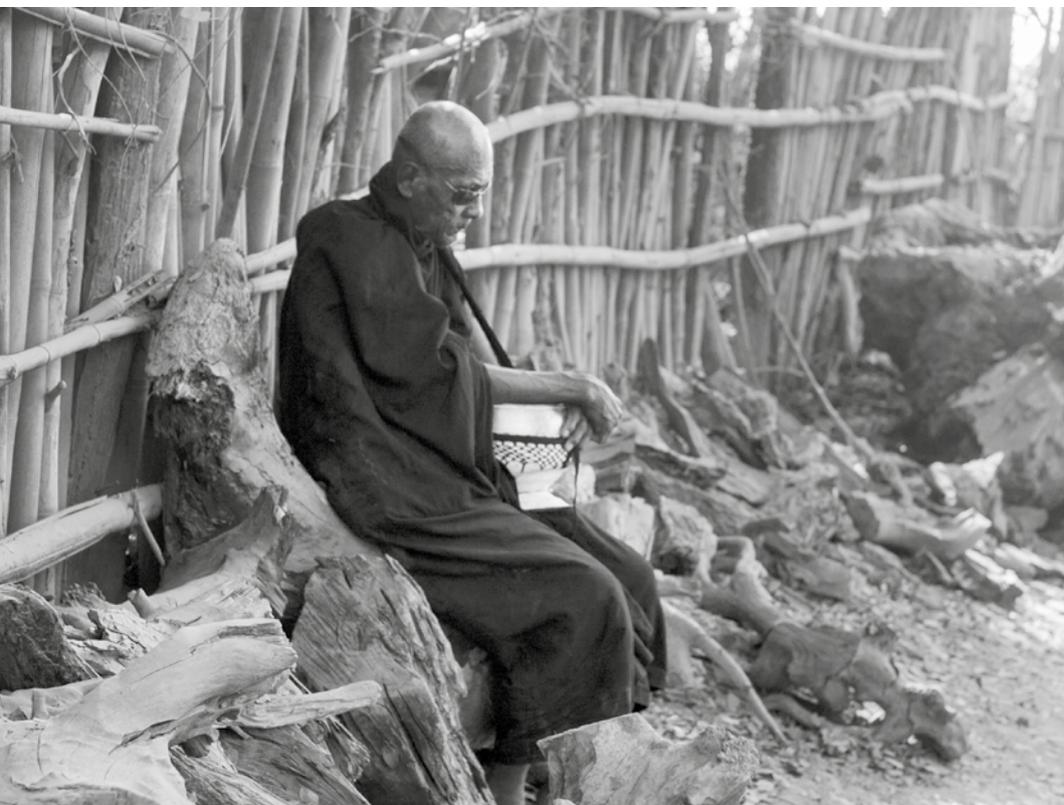
(спустя час) И почему люди не любят блевать? Оживляющий эффект! Полцарства за напарника, который принесет колы и погладит по голове. Вообще для таких приключений я выбрала самый лучший отель — если что, Муа Муа поможет. Только до нее же идти надо...

(спустя два часа) Готова признать, что глубина проблемы больше, чем мне показалось сначала. Я опустошила желудок до самого завтрака, который, оказывается, хранился во мне неприкосновенно. Либо Мрзд сжалилось, либо я потеряла чувствительность, либо комары брезгают — но всю пару часов в туалете, в самых разных позах, никто меня не ел.

(спустя три часа) Вода кончилась. Силы тоже, так что о том, чтобы доползти до ресепшена на этаж ниже, речь не идет. Черт.

(спустя четыре часа) Спустилась, а там закрыто. Еще бы, полвторого ночи. Еле поднялась, стукнула к соседям, они отлили мне полбутылки из своих запасов. Выпила залпом и тут же выплюнула все назад. Что за напасть, опять сидеть без воды!

(спустя пять часов) Ну куда опять-то! Я уже пальцем пошевелить не могу, во мне не то что воды или еды, кажется, даже мыслей не осталось...

22 февраля. *Rakko*

Судьба сказала: сколько можно
плясать чечетку на граблях
мне за тебя уже тревожно
приляг

Час назад меня разбудила милая девушка Наталья. Она из Польши и будет занимать вторую койку. По-русски не говорит, но если она медленно рассказывает сказки на польском, я почти все понимаю. В первые же полчаса она принесла мне колы, воды и добрые вести. Обещала еще фруктов.

Вечером она дотащила меня, полупрозрачную и шатающуюся, до угла улицы, и заставила выпить вкуснящего бульона, абсолютно пресного и нежирного.

Муа Муа по дороге успела меня пощупать, пригрозив сделать полноценный массаж живота с применением тигрового бальзама, если меня не попустит. Пообещала, что справлюсь.

23 февраля. *Rakko* → *Rakhangyi* →
Rakanya → *Rakko*

Кошунственно забраться с ногами в плетеное кресло. Бесшумные монахи скользят вокруг, делают уборку — это сродни рассыпанию мандал, абсолютно бесполезное занятие в таком огромном храме, где с потолка, почти теряющегося во тьме, свисают лоскуты паутины, потемневшие от времени гнезда огромных диких пчел и забытые вентиляторы. Голова кружится, плавится; я словно еще не всплыла и на-

хожусь под водой, отчего восприятие таких ирреальных мест усиливается.

Я рискнула на вылазку благодаря Наталье; она обещала спасти меня, если что. Билет на крыше, отъезд через полчаса. До станции недалеко, есть время побыть никем. Во тьме храма мои руки кажутся неестественно-белыми, будто их не покрывает шесть слоев бронзового загара и вездесущей красной пыли. Темные дубовые кресла с широкими подлокотниками имеют инвентарные номера, написанные на витиеватом местном языке. Шкафы с книгами, запертыми навечно на тяжелые висящие замки, темнеют возле рам с мрачноватыми портретами. Я искоса гляжу в гигантское зеркало, стоящее неподалеку от входа — кажется, туманная гладь настолько стара, что уже имеет право сама выбирать, что ей отражать. Стены выложены мельчайшим стеклянным узором; прерываясь на барельефы, он поднимается к закопченному потолку. Я пытаюсь доесть яблоко — знак внимания монахов, подношение, которое символизировало, что они меня заметили и не против моего присутствия. Тело хочет заснуть и не просыпаться; ему уже не настолько плохо, чтобы забыть о жажде приключений, но силы пока не появились и передвигаться по-прежнему трудно.

Где-то с приятным шумом льется вода. В городке непрестанно идет борьба с пылью: минимум дважды в день все хозяйки оплескивают крыльцо водой, чтобы освежить воздух. Интересно, а можно сделать дешевый пластификатор, чтобы связывать пыль надолго? Размешал порошок в ведре с водой, облил крыльцо, и на сутки пыль пририта, а сверху — аккуратная корочка...

Голуби. Везде. Прямо на тонких лампах-трубках, в окошечках вокруг иконостаса, в отверстиях, пропускающих дневной свет. Монахи не выгоняют их также, как и меня. Религия не позволяет.

Автобус, а точнее — микрогрузовик, оказался не так уж чудовищен, как я ожидала. Несмотря на скорость и тряску, я чувствовала себя вполне сносно. Основная проблема заключалась не в животе, а в заднице: крыша покрыта резаным бамбуком, довольно жестким и острым на краях, и мои тощие мощи крепко прикладывались к этим лезвиям на каждой кочке. В Pakhanji мы пересели на жуткую тарантайку, нечто среднее между трактором и газонокосилкой — с тремя колесами и монахами в кузове. На нем мы катились по проселочной дороге, распугивая волов и привлекая попрошайек — вдали от основной дороги они уже не делали вид, что собирают на храм, и искренне трясли тощи-

—
Иррациональный азартный сувенир
когда бы
↓

ми детьми. После этого — лодка, дешевый местный паром, переправляющий через мутную реку. Эргономичностью, конечно, и не пахнет. На лодки билеты продают в кассе (решетчатое окно в хижине на берегу), где в кассе девушек больше, чем людей снаружи. Шесть-восемь на каждое окно. Они дают крошечные листочки, которые уничтожают вагги мальчишек, стоящие в двух шагах, у входа на пристань. Все вокруг по колено в доскутах билетов. На берегу нас встретила целая кавалькада воловьих повозок — тетушки с кошелками сразу начали грузиться в этот вид маршруток. Мы выбрали пешую прогулку. Дорогу найти оказалось несложно — за волами остаются очень узнаваемые колеи, по обочине которых мы и прибрели, куда целились — на фестиваль.

Основную часть гигантской площадки занимает рынок, но Наталье удалось с помощью какого-то нечеловеческого чутья понять, куда надо двигаться, чтобы найти самое ценное. Нам неожиданно помог приклеившийся нищий мальчишка лет пяти. Он сначала просто ходил с нами, показывая жестами: это едят, это курят, тут дорога к реке; а потом сообразил, что нас интересует, изобразил пьяные бесшабашные танцы и ткнул пальцем в нужную сторону.

После тарантайки, лодки, жары и пыли я была уже основательно никакой. Вид чудовищно грязной, заплеванной бетелем бетонной площадки, где вповалку спали, ели, торговали и танцевали, меня не возбудил. Плохо соображая, что происходит, я присела на углу этого странного пространства. Там меня и подобрала местная бабушка. Стоило показать ей, что мне нехорошо, она тут же раздвинула для меня тряпичные стены своего шатра, где несколько девушек готовили какую-то еду и лузгали тыквенные семечки, кинула в угол подушку: ложись.

За два часа прекрасного отдыха в теньке я пришла в себя и снова начала интересоваться происходящим вокруг. Для начала решила вернуться к праздничным танцам и разыскать Наталью. Оказывается, при входе на площадку надо разуваться; там выкуривают все, что горит —

перед «образами» часто ставят не благовония, которые надо покупать отдельно, а зажженные сигареты или свечи. В центре — священная колонна, с которой обнимаются (один солидный дядя сначала полил ее духами со всех сторон, чтобы перебить дух племса, а после истово облапил, прижался к мрамору щекой и в такой позе обошел колонну со всех сторон). Вокруг главной святыни — небольшая площадка, метров шесть в диаметре, обнесенная запертой решеткой. Пропускают внутрь далеко не всех; это самый эпицентр праздника, совмещенный со сценой; обычные зрители жмутся к решетке снаружи. Конечно, белых туда с уважением и без вопросов впустили: охранник кивнул мне и снял навесной замок, проследив, чтобы кроме меня никто не попал внутрь.

Внутри танцует главный персонаж этого праздника — наряженный в голубой шелк дядя. Он прижимает к груди бутылки с ромом и пачки настоящих денег. Его движения вызывают взрывы хохота и восхищения. Время от времени он властно простирает руку с бутылкой к кому-то из публики, и выбранному счастливицу приходится отпить пару глотков (подручные быстро подсовывают пострадавшим сок или воду). Время от времени он начинает раскидывать деньги, вызывая нешуточные драки, особенно среди девочек. Неудивительно, что на земле вокруг так много обрывков денег.

Танцевал он действительно очень неплохо, имитируя то индийские движения, то жеманно-завлекающие жесты гоу-гоу танцовщиц. Наталье понравилось это буйство; но мне любые запахи и звуки доставля-

ли боль, так что я была рада удалиться. Прогуливаясь вокруг, я вспомнила, что можно собирать что-нибудь на сувениры; например пивные крышечки для коллекции Эральда. Местные дети быстро сообразили, что сумасшедшей белой нужна всякая дрянь с пола, и начали приносить мне свои находки. И ура, нашелся «Mandalay»! Красный, прекрасный, почти не битый жизнью!

На обратном пути мы сразу поймали нужную тарантайку. Она не имела клеевой крыши, так что пришлось подвинуть шумных деревенских женщин, очень понятливых на жесты. Я шла напрямик к машине и вскоре заняла место; Наталья, соблазненная лотком с местными пирожками-самосами, отстала. Я заняла два места, а тетушкам, теснившим меня, пояснила, что нас двое. Они обрадованно обсудили, как это стратегически верно и правильно — помочь подружке, и радостно подвинулись. Подошедшая Наталья дала три требуемые тысячи и стала выторговывать скидку, когда деньги уже опустились в карман кондуктора; я машинально дала две, просто не обсуждая этот вопрос, водитель сделал пару попыток достать из меня деньги, плюнул и мы поехали. А потом я вспомнила, что путь был составным, и если мы едем напрямик в Раккоки, то цена в три тысячи — более чем нормальная. Я почувствовала себя неловко. Зато как веселились местные! Они расспросили нас про родину и совершенно классически заржали: «А-а-а, так вот оно что! Она — из России, злая, поэтому и заплатила два доллара! А ты — из Польши, добрая, поэтому — три!»

Уютный отель. Только зачем тут столько комаров? Вспоминается Беа из Испании. Она

Деревянный храм, украшение местного городка, и вполне типичен для Манной. Но русского человека банально удивляет!

в первом же отеле наткнулась на рассадник. «А они очень любят меня, Рыж, они меня всегда искусывают чуть ли не до крови! Что мне было делать? Я пошла в магазин и купила *это!*» — из рюкзака появляется огромный баллон инсектицида. «Я залила ванную, комнату, коридор и ушла гулять. А когда вернулась — ни одного!» Может, также сделать?

Ой. Кажется, пора вылезти в интернет — сколько же я там не была? Дня четыре? Думаю, пора дать о себе знать. О местонахождении заветного заведения я знала от Муа Муа; она даже нарисовала мне на бумажке простую карту: через рынок и по прямой, мимо госпиталя. Там спросишь, вот название. Я шла по улице в заданном направлении, время от времени показывая кому-нибудь бумажку, и мне неизменно кивали вдале.

Закрытый рынок ночью — чудо. Невозможно поверить, что все это дневное буйство, ломящиеся от изобилия лавки, зелень, торчащая гигантскими пучками во все стороны, сотни лотков и ларьков, толпы — все это каждый вечер превращается в голый грязный камень. Будто стая бабочек, посидев немного, вспархивает, обнажая серый бетон. Волшебство ежедневного преображения.

Вся цивилизация, кафе и ларьки с мобильными, остались позади, уже почти загород! И вдруг посреди улицы указатель — Cyber Cafe!

Обычный первый этаж самого обычного жилого дома. Холл, на тумбочке стоит небольшой ноутбук с каким-то местным сериалом; вокруг него на стульях расположилась бабушка и мальчишка. При виде меня мальчик подскочил и привел со второго этажа юную девушку — маму? Она расчистила мне место в замусоренной и пыльной мастерской. Под слоями разных предметов обнаружился неплохой ЖК-монитор и сносная клавиатура, а интернет (после чистки кэша, смены настроек времени и перезагрузки) оказался даже довольно быстрым. Невероятно! Я высидела два часа; с сожалением оторвавшись, я узнала, что должна всего 500 кьят. Вот это цены!

Обратно я шла в задумчивости от разговора с домом. Меня все еще зовут пожить в огромном производственном помещении с возможностью выстроить там шикарный второй этаж с жилыми отсеками и залы для разных надобностей. Костик пообещал вложить около 50 000 рублей в эту строительную авантюру — на материалы и инструменты. Я ответила, что свои 50 000 рублей внесу в лофт в виде старинного дубового стола, который точно на эту сумму купила незадолго до отъезда. Никаких других денег у меня все равно нет, а стол красивый.

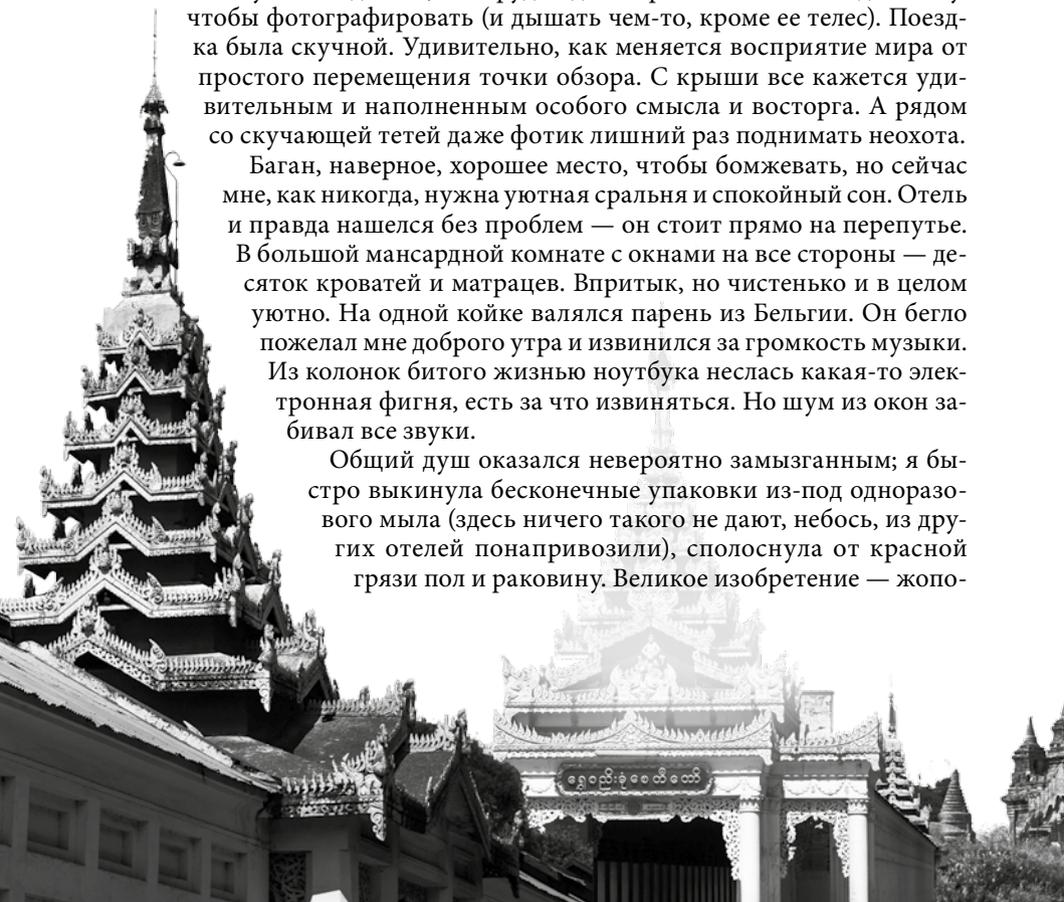
24 февраля. Pakkoiki → Bagan

С вечера я попросила Муа Муа позвонить в тот отель, что Наталья советовала мне, как самый дешевый в чудовищно туристичном и дорогом Багане. Наидешевейшее место стоило \$10 и оказалась койкой в общей спальне. Звонки в другой город обошлись мне почти в тысячу бат, но учитывая мою общую слабость, этот финт себя окупил. Теперь я могу не дергаться, а ехать напрямик в заказанное место. Вот так начинается кривая дорожка, подумала я, всего пара дней болезни — и уже поступаюсь принципами ради комфорта.

Крыша моего автобуса оказалась занята. Попыталась влезть туда тайком, о, вы бы видели глаза местного грузчика. Меня, конечно, согнали; внутри к этому времени уже тоже было полно (я-то ждала окончания погрузки, чтобы сесть поверх тюков), пришлось идти к водителю. В машину меня утрамбовала обширная тетя (мне кажется, что тут каждому водителю прямо на работе выдают такую — их функции неясны, контроль они не осуществляют, в навигации не помогают, но почему-то всегда есть). Я с трудом договорилась, что мне надо к окну, чтобы фотографировать (и дышать чем-то, кроме ее телес). Поездка была скучной. Удивительно, как меняется восприятие мира от простого перемещения точки обзора. С крыши все кажется удивительным и наполненным особого смысла и восторга. А рядом со скучающей тетей даже фотик лишний раз поднимать неохота.

Баган, наверное, хорошее место, чтобы бомжевать, но сейчас мне, как никогда, нужна уютная сральня и спокойный сон. Отель и правда нашелся без проблем — он стоит прямо на перепутье. В большой мансардной комнате с окнами на все стороны — десяток кроватей и матрасов. Впритык, но чистенько и в целом уютно. На одной койке валялся парень из Бельгии. Он бегло пожелал мне доброго утра и извинился за громкость музыки. Из колонок битого жизнью ноутбука неслась какая-то электронная фигня, есть за что извиняться. Но шум из окон забивал все звуки.

Общий душ оказался невероятно замызганным; я быстро выкинула бесконечные упаковки из-под одноразового мыла (здесь ничего такого не дают, небось, из других отелей понапривозили), сполоснула от красной грязи пол и раковину. Великое изобретение — жопо-

мойка! Почти кёрхер! Стало намного лучше. Кранов было два, и я не поверила своему счастью: есть горячая?! И впрямь есть! Вот только кипяток идет из любого открытого крана (включая жопомойный, что уж совсем внезапно). А спустя три-четыре секунды или становится ледяным, или иссыкает вовсе. Эдакая предсказуемая неожиданность. День, все туристы разбрелись, да и мне пора.

Кажется, это то самое место, чтобы взять напрокат велосипед.

Городов тут три: старый Баган на западе; Новый Баган на юге и Nyang-Oo, город-спутник на востоке. Я остановилась в последнем. Они равноудалены, грань треугольника всего в несколько километров, а его площадь утыкана достопримечательностями и туристическими сервисами.

Встречные отели преимущественно хай-класса. Но это минус всей Мьянмы — неясно, на кого ориентирована политика министерства туризма. С одной стороны, этот затерянный уголок с аутентичной культурой не может не привлекать романтиков и бродяг с пустыми карманами и горящими глазами; с другой — для них, простите, для нас, **нет ни хуя**. Все отели и развлечения рассчитаны на богатых, цена удовольствий — от пятидесяти долларов в день. При этом, кроме отелей, туров и такси на богатых больше ничего не рассчитано: ни дороги, ни магазины, ни даже рестораны. Нельзя же всю поездку столоваться в одном, удачно найденном. К тому же, будем честны: Мьянма плохо пахнет. Запах дешевого табака и выплевываемого везде пережеванного бетеля — терпимо, кому-то может даже нравиться; но от компостных повсеместных куч несет тухлой шелухой от овощей. Дополнительно мерзко от осознания, что какие-то из этих процессов брожения используются для местных соусов. Если во Вьетнаме, часто встречая рыбный «тухлый» соус в столовых, ты привыкаешь реагировать на чан с тухлятиной в деревне «о, вкусненько», то тут обратный эффект: мерзкие гниющие помои вызывают приступы тошноты, усиливающуюся при мысли, что я пробовала *это* внутрь. Здесь нет запаха благовоний, который бы перекрывал неприятное, как в Индии — благовония дороги, используют их экономно. Специями тоже не пахнет. Практически единственный активно используемый ингредиент — красный перец, который почти не имеет запаха, а в местах высокой концентрации (на рынке или складе) вызывает дикий кашель, как и обычная пыль. Пыль тут невероятная и везде: обочин почти нет, дорога узкая и в обе стороны окаймлена полосой мел-

кой взвеси, которая не успевает осесть от машины к машине. Не верю в богатых людей, поехавших крышей настолько, чтобы «отдыхать» в Мьянме. Наверное, возле моря это еще имеет смысл, но тут — только суровое выживание и приключения без компромиссов. А люди, склонные к подобному, обычно не имеют возможности платить так дорого за ночлег, к примеру.

Есть не хочется, но надо же поддерживать жизнедеятельность. Остановилась в уютном теньке у дороги, попросила «просто еды». Укомплектовала в себя миску бульона, постного риса и пару кусков рыбы, я начала ощущать немотивированное счастье бытия. Начинаю понимать, почему они так сухо и невнятно готовят мясо и рыбу. С одной стороны, то что мертво, умереть не может, и засушенные чипсы удобнее хранить. С другой — такого много не съешь, и это превращает мясо из основного блюда в добавку, которая медленно расходуется. И все равно бывает вкусно.

За полдня верхом на велосипеде я выполнила двухдневную норму по воде и продолжаю активно испарять. Приятное ощущение — будто солнце вытапливает из тебя не только выпитую влагу, но и всякое дурное, по случайности налипшее изнутри. Есть чувство, что в таком температурном режиме ничто плохое просто не выживет.

Баган подавляет. Сорок квадратных километров, три с половиной тысячи ступ. По сотне святынь на каждый километр. Я люблю случайные, заброшенные, ничьи руины. Ничье проще ощутить полностью своим, пусть даже на пару часов. Ведь в конечном счете все эти поездки — лишь завоевание территорий, попытка поднять лапку на всех углах этого мира, воткнуть флажок «Вася был здесь» в лысину монаха, сидящего в уединении на краю света. А когда твой флаг теряется среди сотен таких же; или, что еще хуже, когда его, отполировав и присвоив инвентарный номер, включают в «систему посетителей»... Брр!

Торговцы с разъездными лавками не морочатся, и записывают голос на пленку. Запись обычно короткая и циклится. Если такое унылое чудо невзначай остановится возле тебя, на стену хочется лезть уже через десяток коротких циклов. Мне кажется, постоянные звуки подобного толка должны необратимо на психику влиять.

Мьянмарцы красивые. Не все, конечно. Но есть божественные девочки, которых невозможно испортить даже танакой на все лицо, даже одеянием монахини и бритым затылком. Горящие глаза и улыбка... Правда, мальчиков удается портить; даже ужасно, невероятно краси-

вых, с кудрями херувимов и точеными скулами годам к 20 прибывает к земле пристрастие к рому и бетелю. Но дети просто боги!

У входа в музей (\$5) я задумалась и присела в в теньке, прикупив арбуза. Мальчишки, снимающие друг друга на фоне унылых бетонных заборов, оживились. Англоговорящий несколько раз уточнил, верно ли он понял, что я не против с ним сфотографироваться.

«Да, — говорю, — запросто. Иди сюда.» — «К-к-куда?» — «Ну, сюда» — подвигаю к нему стул торговли арбузами. Она мне его предлагала, но я отказалась, на земле удобнее. Он неловко присел на краешек — у них пунктик про иерархию вышесидящих, выше монахов сидеть запрещено, например. А тут кто-то добровольно унижается, ай-ай, как же так! После второго фотосета он переспросил — а правда можно прямо всем?

Мальчик, говорю, купи мне еще арбуза и я буду позировать хоть всей деревне. «О! Ты настолько голодна?!» — «Нет. Я настолько люблю халяву.»

Моего последнего ответа он, кажется, не понял, но арбуз купил, и белая обезьяна послушно поулыбалась в камеру еще паре мальчишек. Потом я доела арбуз и пошла-таки в музей.

Глядя на местных хрюшек, валяющихся в грязи, думаю, что оскорбление «свинья» — довольно мягкое в нашей культуре — ужасно страшное. Именно страшное, вызывающее ужас и панику. Эти животные inferнальны. У волов есть своя мощная энергетика; коровы элигичны и томны; буффало — ранимый, восторженный, гордый собой

гиппопотам. Даже тупые куры похожи на что-то живое. Но свинина будто рождается уже куском сала со ртом, чтобы это сало увеличивать.

Мьянмарцы удивительно музыкальны. Они постоянно напевают — подпевая радио или плееру; просто себе под нос; часто — вполне чисто. Многие слушают музыку в наушниках. И еще — масса гитар! Пожилые дядьки вечерами на веранде своего дома наигрывают что-то. Из колонок льется современная, вкусная музыка — рок, кантри, рэп; ничего мяукающе-попсового с однообразным рисунком, что обычно понимается под «азиатской музыкой». Глубокие, лиричные песни с хорошим подбором инструментов, акустикой в том числе. Откуда?! Янгон? Мандалай точно не подходит на роль центра культуры.

На входе в музей забирают весь багаж, мобильный и камеру. Огромный зал с бесконечными дверями в соседние помещения, и еще целый второй этаж — их можно понять, зрителей не напасешься — унесет кто-нибудь редкую статуэтку в барсетке, и каюк. А мьянмарцы за вход платят 500 кьят.

Будда в XI веке вовсе не был тем пучеглазым золотым пупсом, каким его начали лепить потомки. Статуи того периода изображают видного мужчину: брови вразлет, мощный нос, кокетливые губы бантиком. Правда, уши уже тогда были вислые, до плеч.

Зачем в археологическом зале статуя короля лохматого века, выполненная в 1998 году?

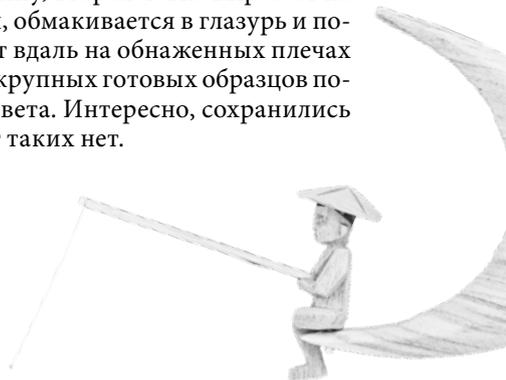
О, целая галерея причесок. Город Руау — законодатель мод. Конус с бесконечными вариациями для условно-простых граждан, а всякие царские персоны носили смешные гульки и невысокие ушки, дополняя их золотыми диадемами. Вот откуда выросли дреды! Интересно, а как их мыть?

Посетители музея — люди приличные, никто не заглядывает через плечо. Зрители уверены, что у меня уже отобрали все запретное и не напрягаются. Так что никто не мешает мне строчить, сидя на полу.

Благодаря волшебной силе перспективы художнику удалось в одной картине показать весь технологический процесс создания изразцов для храмов: вот девочка раскатывает глину, вторая ловко вырезает на ней рисунок, потом щит подсушивается, обмакивается в глазурь и попадает в печь. И готовые плашки уходят вдаль на обнаженных плечах грузчиков. А на переднем плане — пара крупных готовых образцов поблескивает восхитительной глубиной цвета. Интересно, сохранились ли они где-нибудь? На витринах вокруг таких нет.

Разнообразные прически

Некоторые статуи откопали слишком бережно; с них не успели сойти блестки и позолота. Выглядит дешево, как подделка. Вот так время облагораживает творения человека, оставляя лишь по-настоящему ценные вещи. Хм. А от нас останется только груда штампованного пластика, кажется.

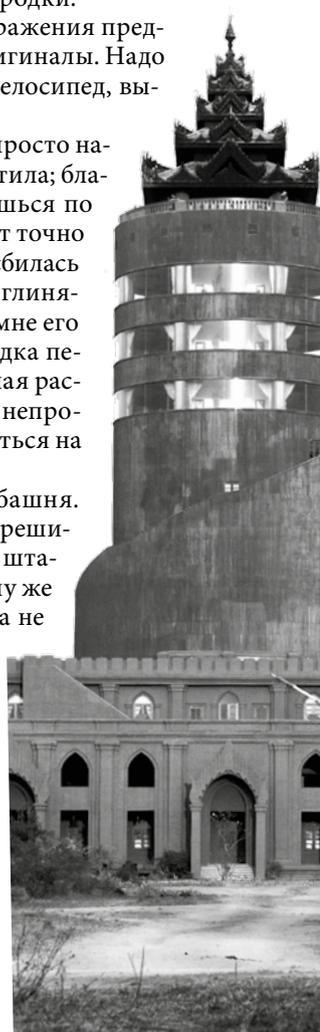
Целый зал картин, написанных с разных развалин. Сначала мне показалось, что это работы одного автора, но вскоре я присмотрелась к подписям — кажется, у них в 1995-97 годах проходил конкурс «подари музею картину». Все картины от разных художников, и интересно подмечать различия. Кто-то рисует дотошно, до последнего кирпичика, но при этом вольно обращается с деревьями — будто ребенок кисточкой натякал. Кто-то рисует небо, как на HDR-открытке, глаза вытекают... Я записала себе парочку имен художников, но последующее гугление ничего не дало — видимо, это локальные самородки.

Вообще очень странно тут за деньги наблюдать изображения предметов, когда можно задаром посмотреть и пощупать оригиналы. Надо только выйти из кондиционируемых залов и сесть на велосипед, выбрав себе пыльную тропинку.

Я вышла и начались безумные салочки с солнцем. Я просто намечала себе очередную точку на своей микро-карте и кагила; благо, расстояния небольшие. Порой кажется, что движешься по объемной версии своей же карты — на горизонте встают точно те фигуры, что отмечены в бумажке. Я довольно быстро сбилась с основных дорог; асфальт кончился, начались глубокие глиняные колеи и насыпи легкого песка. Уже никто не кидал мне его в лицо — я гоняла по высохшей степи одна, лишь изредка пересекаясь с туристами. Но зато меня била низкая колючая растительность — тропка узкая, в центре она совершенно непролазно забита песком, так что часто приходилось выбирать на обочину, во владения злых колючек.

В какой-то момент на краю видимости появилась башня. К ней не вели дороги из того места, где я ее поймала, и я решила ломануться напрямик — фатальная ошибка! Полные штапы репьев были мне ответом в первые же минуты. К тому же поля, оказывается, довольно мягкие. То есть под колеса не ложатся. Велик проехал на моей спине два небольших поля, три полуживые от засухи изгороди и форсировал мной пару рек (тоже высохших). Наконец, исцара-

*Башня. Высокая, дорогая
и нереструируемая. →*

панная и с азартом в глазах, я выбралась из очередного оврага на дорожку — прямо к ногам ужасно изумленного полисмена. Вылезает такой зомби, весь в мелкую занозу, втаскивает велосипед, хрипло спрашивает: «В башню можно?» — и получив утвердительный ответ, укатывает вдале. День у него удался.

А упс. Вход бесплатен только для едоков местного ресторана и постояльцев фешенебельного отеля рядом. А простым смертным вход, как в музей, \$5. Простой отсев празднующихся нищевродов. Меня вот отсеяли — я представила вид на степь, утыканную прыщиками мелких ступ, и решила, что не хочу. Так что развернулась и поехала консультироваться о направлении у повторно безмерно изумленного постового. Но нет худа без добра: у его ног за время нашей беседы я выкопала из песка очень редкую крышечку, синий Мандалай, который мне до сих пор ни разу не попадался. Ура, коллекция пополняется!

Еще во Вьетнаме, объезжая заповедник CatTien с Ирккой (я вот сейчас пишу эти строки, а она снова там, работает), мы заметили эту странность: по светлу, свежий, из дома, ты едешь не спеша и клянешь ухабы, объезжая их по длинной кривой. К вечеру уставший, злой, исцарапанный, голодный, довольный, рвешь в непролазной мгле на 20 км/час, почти не касаясь дороги, на которой днем боялся хоть ямку пропустить. Правда, в тот раз мы-таки сломали один велик, и я потом в одиночку тащила его с застопорившимся задним колесом оставшиеся три километра до базы, слушая ночных цикад со звуком лесопилки и переезжая жуткие черные реки муравьев-кочевников, которые нефтяными пятнами темнели на асфальте... Это я к чему? С закатом тут я тоже перестала разбирать дорогу и вскоре выкатилась на асфальт. До дома всего километров шесть, погнались!

Подводя итоги: полосками снят загар с рук (ветки), ноги внезапно решили влажно вспузыриться там, где я их неосторожно грела на солнце еще во время валяжного речного круиза; шею продуло и заклинило где-то в пути; желудок так и не пришел пока в порядок, несмотря на дикий массаж висящим на шее фотиком во время вело-трипа (куда там Муа Муа!). В общем, ой. Тело, а ну кончай разваливаться!

Кстати, да. Из того, что я видела, идея заночевать прямо на коленях очередного Будды в ступе кажется мне реальной, как никогда. И степь вокруг. И никого. Завидую тому, кто осуществит. Вот только постарайтесь не попадаться местным и монахам — тут за оскорбление религии очень строго могут поговорить, недавно одному дизайнеру два с по-

ловиной не условных года дали за то, что он на своем плакате изображению Будды наушники пририсовал.

Черт, полный *dorm* иностранцев — Канада, Бельгия, Германия, самые опасливые нации, а медикаментов ни у кого не оказалось. Ладно. Пойду выпью зеленого местного чая и желтого местного бульона, отличная диета для выздоровления.

И все же совместное проживание имеет массу плюсов. Например, шампунь всегда найдется где-нибудь в углу ванной. А когда я забыла полотенце (и осознала это, уже вылив на себя ведро воды), то нашла сразу три забытых кем-то ранее, на выбор.

25 февраля. Bagan → Magway

На автостанции выгнала бедного дядю. Он расселся телесами на полтора автобусных сиденья и дыша ромом, доказывал, что его место номер 10, а значит, у окна. Скорее всего, он был прав (подумала я, располагаясь в углу), но ему мешала спорить похмельная отрыжка, а я была очень целеустремлена.

Пейзажи на выезде из Багана волшебные — холмы, степи, разнотравье, редкие стада коз, сопровождаемые пастухами в островерхих шляпах. В маленьком автобусе было четверо мелких детей; все сосредото-

точно грызли что-то, подсовываемое матерями, и никому особо не мешали. Как же ловко они тут управляются с детьми!

Вчерашний ужин опять прошел сквозь меня, не задерживаясь; пока это не сказывается на выносливости, но все же неплохо бы найти аптечку. А то сплошной перевод продуктов. Вот интересно, какие ресурсы использует тело? Грудь мы съели еще в прошлую депрессию, задница у меня никогда не отличалась питательностью — сегодня был жестко ехать даже в автобусе с мягкими сидениями... Надеюсь, оно не мозг переваривает.

Заселение произошло моментально — десятилетней давности Rolex Guest House еще жив. Моя каморка N13. Окно с решеткой, белые стены, жесткие нары, стул, вентилятор — сейчас поищу следы подкопа из этого карцера, непременно должны быть.

Надо же, уже середина дня, а утренние два куска хлеба все еще во мне. Может, к ним стоит добавить еще что-нибудь, для компании?

Обещают, что в Magway нет ничего, кроме парома в Руау. Даже LP утверждает, что посмотреть тут нечего — а уж он-то умеет любую дыру описать, как дворец в упадке. И все же меня заинтересовало место за городом под названием «Драконье озеро». Описание я поняла с пятого на десятое; «несколько километров севернее», «дышит» и «пузыри бутана» — ключевые слова, предвещавшие содержательную прогулку.

От таксистов я отмахнулась, а мост начинался прямо от моего порога — как приглашение. И я пошла, выяснив почти сразу, что мост тут невероятно длинный, и пешком по нему, конечно, никто не ходит — несколько километров металлической тропы с пустотой под ногами. Нет людей — нет мусора; тротуар сияет. За сорок минут, что я шла по нему, меня обогнало несколько маршруток, так что с возвращением не должно быть сложностей.

А вот как туда? На сходе с моста меня перехватил изумленный пост полиции. Вид белой, пешком пришедшей из Magway, вызвал у них немедленное желание помочь. Начались обычные жесты, мол, мотоцикл, леди? Я машинально ляпнула по money и, прикусив язык, стала ждать — не прицепятся ли, чего это ты без денег, деточка, в нашей стране? Но они на удивление подтвердили: никаких money, это наш, полицейский байк, можешь ему доверять. Ого, думаю, сервис, подожди, пожалуй.

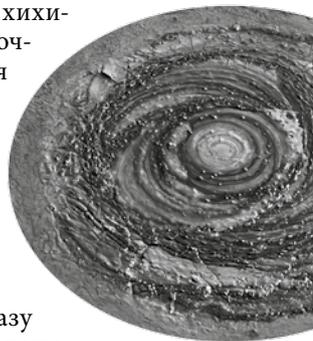
И впрямь, спустя минут десять подкатывает юноша, очень вежливый, очень скромный, и молча увозит вдаль. Ему сделали несколько

внушений и напутствий, от которых он стал совершенно пунцовый; по дороге ни разу не заговорил со мной и не оглянулся, на месте козырнул, убедился, что я его отпускаю, и с облегчением скрылся.

А я остановилась у подножия лестницы с мыслью, что надо было попросить его подождать. Кажется, это ненадолго... Осмотр и впрямь оказался кратким. Согня ступеней на глиняный курган, под завывания торговцев подношениями. На вершине — естественный бассейн три на шесть метров, то самое «озеро». В нем жидкая голубая глина раз в 10 секунд делает сочный «бульк», вызывая нервное хихикание у юных местных туристок. Вокруг него обходят почтительно на расстоянии полтора метра, фотографируются и идут потрещать инфраструктуру.

*Ну что ж, сказал я, встав с бокалом,
и те, кто поняли меня,
пошли стремительно на выход,
минуя даже гардероб.*

В общем, я тоже пошла, минуя гардероб, к выходу и сразу в маршрутку до Magway. По пути я помахала ребятам из полиции и вскоре высадились на родной набережной. Информация, как всегда, не радует: отсюда только автобусы, никаких лодок. Эх.

Ужин был настолько восхитителен — потрясающий рассыпчатый рис и свежайшие, нежно обжаренные овощи в сладком соусе — что я засомневалась, хватит ли мне оставшихся денег, чтобы его оплатить. Я на входе попросила что-нибудь всего на \$1,5, но ведь никогда нельзя быть уверенным, что тебя не только слушали, но и услышали. Однако мне еще дали сдачу! Вот это восторг!

26 февраля. Magway → Руау

Желудок, кажется, тоже искренне восхитился полученным ужином — во всяком случае, не спешит с ним расставаться. Чудесно!

Любопытно, что тут частенько используют грузовые машины для перевозки людей (загоняют, как солдат или телят, в большой крытый фургон), а автобусы наполняют изнутри и снаружи тюками с крупой, досками и мешками с цементом. Люди непривередливы и используют, что есть.

Пыльное вчера завело у меня аллергию. Сопливолюсь и чихаю. Кажется, придется заехать на пляж, продышаться соленым воздухом. Тут неподалеку, 150 км, самое дорогое побережье страны — Ngarali. Можно будет там поспать на песочке...

Ехали мы долго, больше шести часов — 270 км, не фунт изюму. Мне бы хотелось, чтобы эта поездка подольше не заканчивалась. Выжженные солнцем или человеком поля; стада и трава до горизонта; уютные домики с рисовыми лужами вокруг... В некоторых деревнях мы останавливались поесть, какие-то пролетали, даже не притормозив; а куда-то сворачивали ненадолго по делам водителя или пассажиров. В такой жаре потеешь много, и проблем с туалетом нет; так что ничто не мешало мне наслаждаться.

В Руау я успела немного отчаяться — ни одного отеля! Но потом наткнулась на замшелые руины с неясными очертаниями вывески в полумраке и сторговала себе койку с \$20 до приемлемых \$10. Зато у меня теперь целых две кровати. Ура!

Страна и правда становится... родной. Мьянма — словно большая уютная деревня. Все же не передать это ощущение, когда каждый второй встречный кивает тебе, как знакомому. Так бывает с героями, попавшими в специально для них созданную сказку: ты обладаешь волшебной силой (о которой сам не имеешь ни малейшего понятия), все незнакомцы тебя знают... Элли в стране Мигунов.

Главное — переставать улыбаться, отвернувшись от человека, с которым только что здоровался. А то следующему приходится улыбаться еще шире, потом еще — а потом лицо кончается.

Вентилятору в комнате сломали регулятор в режиме «вертолет». Если включить, комары летают траекториями пьяных мух и промахиваются мимо меня. Но так мои аллергические сопلي грозят вырасти в настоящие.

Ой. А автобус в Ngarali внезапно вечерний. А я привыкла к ранним рейсам и даже не спросила — теперь придется терять еще день тут. Жаль.

Валяюсь на кровати, раздумываю, где бы взять информацию посвежее, чем мои десятилетней давности данные, и слышу полудетский капризный голосок, торгующийся по-английски. Выглядываю. Кругленькая девочка из Бразилии давит на жалость, взывает к разуму и требует скидок. Цена за номер уже сместилась к 20 000 кьят, но дальше не шла. В руках у нее был новенький, такой нужный мне сейчас LP. Я встряла

Луиза.

с репликой, что сама ночую тут за десятку, и это нормально для Мьянмы, а ее пожелания про пять — это утопия. Она ткнула в сообщение на ноутбуке: «Вот, друг пишет, что жил тут за \$6! Почему ему сделали скидку, а мне нет?!» Девушка с ресепшена сдалась: «Ладно, давай \$10. Как она» — тычок в мою сторону. Девушка из Бразилии: «Но я же МИЛАЯ!»

Нихрена себе, думаю, а я что, мырма? Но LP важнее. Говорю: «Окей, пусть платит \$6 и ночует в моей комнате, у меня кровать свободна.» Это всех устроило, но когда я ушла, хозяйка пробурчала для приличия: за шесть — это без завтрака! И я не удержалась, крикнула в коридор, что четыре доллара за завтрак — это грабёж и я тоже требую скидки. Хозяйка печально сообщила, что закроет отель и еще до тридцати уйдет на пенсию, выращивать дайкон, который растет спокойно и не торгуется.

Спустя пять минут мы уже валялись у меня в комнате, жевали печеньки и наперебой обсуждали планы. Луиза тоже хочет на пляж, и у нее тоже не так уж много денег. Отлично, кооперируемся!

Впервые встречаю путешественника из страны такой же, как моя. Бразилия бедная, дорогая, опасная, негостеприимная — но местами радушная и горячо любимая. Обмениваемся впечатлениями об автостопе в разных странах. Она была в Аргентине, но не доехала до Патагонии. Зачем вообще ехать в Аргентину, если не смотреть ледник, спускающийся в озеро, и грозы, смывающие машины и страусов, перебегающих дорогу, как обычные куры?!

27 февраля. Руау → Ngarali

Полутру за завтраком (тосты из нежнейшего белого хлеба, джем, чай, яишенка и фрукты) дядька из мотеля доставал меня на тему «как там твои планы с пляжем». Я отмахивалась — поеду на городском, не нужно сервиса. Но спустя полчаса к нам с Луизой строго постучали: оказывается, хозяин отеля не поленился и привез с вокзала весьма толкового англоговорящего дядьку, сотрудника букинг-конторы. Тот поздоровался, объяснил, что автобус всего один, в Таунгюкке по пути делать нечего, а он знает отель, единственный на всем Ngarali-beach, где можно жить всего за \$10 в день. И наш автобус, если мы его сейчас закажем, довезет нас прямо к порогу этого чудо-хостела. Я сдалась. Тем более, что эти \$16, довольно немаленькая сумма за пару сотен километров,

включают в себя возможность выспаться в автобусе. Луиза в процессе обсуждения тщательно прислушивалась, так что на пляж мы едем вместе. Билеты куплены, теперь главное — не проспаться автобус. Он в семь вечера. Будет время не спеша прогуляться через весь город.

Потихоньку темнеет. Я — сытая, уставшая, с кексиком, валяюсь на лежанке в одной из контор автостанции. Мой билет проверен, скоро подадут автобус. Через полчаса вернется Луиза и еще один белый юноша с небольшим рюкзаком. Может, кровать в целях экономии удастся разделить на троих? По местному TV (на неплохой плазме) показывают трансформеров. А по другому каналу стопроцентно местный, мьянмарский герой, немного побитый антагонистом, догоняет свадебный кортеж, увозящий его невесту. Много вполне качественных крупных планов с налитыми ненавистью глазами и натуральными синячищами. Смена кадров — и героя снова избивают, но на этот раз он сначала успел удушить неправильного жениха на глазах у всей свиты. Уже четвертую бутылку разбивают об его голову, но руки у него заняты чужой шеей, и упасть не дает сильная воля. Вот так, лишили девочку праздника. Насколько я могу судить по афишам, наклеенным на ворота местных кинотеатров, этот агрессивный сюжет весьма типичен. Положительный герой тоже испустил дух. Какой накал. Надо бы попросить педальку управления от чудо-ящика и поискать там что-нибудь более духоподъемное.

Гм, а мои планы насчет кровати не такие уж неосуществимые. Нас посадили всех втроем на одну скамейку — предварительно спросив, но мы все были за. Спать явно будем вповалку. Выпросила у Себастиана его паспортную фотографию — есть у меня страстишка к их коллекционированию. Мне, конечно, намного больше нравится сегодняшний вариант; вьющийся хаер, перехваченный у висков повязкой; обгоревшая до черноты кожа; худоба и жилистость, присущая всем одиноким путешественникам; усики и бородка. И, конечно, мягкость в глазах и постоянная готовность к улыбке — ее приобретают все, кто катается в Азии, встречаясь с добродушием местных.

Автобус отправился уже после наступления темноты, и как это было обидно! Мы ведь идем через всякие серпантины и горы, чудовищно красивые места были бы. Если бы не тьма. Зато мы любимся всеми видами света: на звезды с луной, огоньки от поселка на той стороне ущелья, ползущие по

Себастиан —
планктон.

Себастиан —
межконтинентальный
бомж.

склону языка жидкого огня (траву тут палят повсеместно, как им за дома не страшно). Вместо потрясающих пейзажей успеваем разглядеть только общие складки пейзажа. Но все равно есть, о чем поговорить. Тем более, что Азию мы втроем объехали основательно, и Индию, Вьетнам, Непал, и Южную Америку можем обсуждать вполне предметно.

Кока-кола делает газировку с личи! О! У этих чудесных фруктов почти нет вкуса, одна только сладость, так что в напитке нет ничего, кроме сахара и воды. Даже красителя. Очень честный.

28 февраля. Ngarali

Хваленая Ngarali оказалась обычной лагуной; полумесяц не слишком белого, но приятного на ощупь песка, огромные камни по краям. Масса зонтиков от солнца, и, конечно, огромная гряда отелей, ограждающая проход к воде. Но по счастью в этой стене достаточно брешей, чтобы пробраться к морю. Да и ресторан мы отыскивали местный, дешевый и очень, очень вкусный. Наш отель не только немного в упадке, но еще и расположен неудачно — напротив него пляж переходит в каменную гряду, напрямую к воде не пройти; этим объясняется ценовая политика.

День прошел, как ему и положено на обычном курорте. Гуляли, любовались на воду, плавали, сторели (это, конечно, про меня — коричневая бразильянка и нордический немец обошлись без проблем). Потом я решила, что времени мало, и неизвестно, кто куда потом поедет, так что сделала Себастиану массаж и осталась у него в комнате.

Луиза оказалась вегетарианкой с полным комплектом — йога, медитации, агитация за натуральные домашние роды и отказ от убийств животных. Пиво, впрочем, радостно потребляют оба.

Ой, что-то мне кажется, не еду я в Янгон, раз ребята хотят на север.

1 марта. Ngarali

Доброе утро, весна! Мы начали морально готовиться к отъезду. Всем хочется в лодку, но цены кусаются. За завтраком Себастиан развлекал нас чтением вслух разных поучительных историй, найденных в интернете. Например, одной девушке несмотря на жуткую духоту запретили подниматься на крышу катера,

*Любимый бесплатный сувенир
с таята — кусок обитавшего
модел кораллового рифа.*

так как в салоне сидят монахи — нельзя ставить себя выше духовенства. У Луизы на руке, от локтя к запястью, уже выписан список городов, через которые нужно ехать до Sittwe по суше. Пока ее беспокоят какие-то слухи о конфликтах и отсутствии нормального автобусного сообщения. Вот с этими разрозненными идеями, кажется, мы и движемся дальше.

Брожения втроем, конечно, намного медленнее. Мы не то чтобы не можем договориться; но когда все уверены в правильности решения, как люди вежливые, все время ждем, кто сделает первый шаг. Из-за этого просаживаем вникуда массу времени, давая выход своей лени. А, без меня решится, думает каждый. Себастиан с радостью проявляет джентльменство и берет на себя практическую реализацию (например, он сходил на кухню и потребовал заменить мой бананово-молочный коктейль, в первой итерации больше похожий на воду с хлопьями; после чего в нем появились и бананы, и даже молоко); однако решить какие-то глобальные вопросы все равно тяжело. Вот например мы все хотели, кажется, уехать — но почему-то застряли и пропустили автобус, как-то так, просто не начали собираться. Вместо этого мы почему-то начали на закате играть на пляже в детскую вьетнамскую игру, где пружинка с перьями подбрасывается ногами.

И все-таки мы стали невероятно странной, но по-мультиязычному органичной компанией. Когда нам задают этот самый простой вопрос «откуда вы?» и мы начинаем называться, у собеседника глаза расширяются: странный набор. Самая частая тема разговора — социально-лингвистическая. Обсуждая любую тему, мы спрашиваем: а как у тебя? Как это назвать на твоём языке? Как это выглядит у тебя в стране, в твоей компании? Внезапно это очень, очень, очень интересно. В разговорах начали всплывать мои зачатки немецкого, выученного еще в школе (в первых поездках он сильно мешал мне, когда я пыталась вспомнить английские слова; и сейчас некоторые выражения мне проще сформулировать по-немецки, что в данном случае оказалось удобно). А Луизе немецкий просто нравится, и она радостно выучивает в день по два-три хаотично выбранных слова. Конечно, постоянно витает шутка про жесткость и «военность» этого языка, так что мы с Луизой каждую встреченную бабочку встречаем радостным криком «Schmetterling!!!», а над Себастианом подшучиваем — с его бархатистой

*Птичка нечего робеть.
Мы такими учимся на твоем.
Радуешь на свету. Так что
беги очень аккуратно.*

мягкостью в голосе, плавностью движений, восторженностью и наивностью он ну никак не походит на представителя суровой арийской нации. Басти притворно сердится и доказывает, что он до пятого колена коренной немец, а мы занимаемся подтасовками и инсинуациями. Нам хорошо.

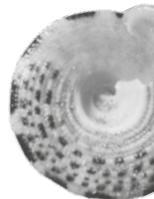
И дурим мы вместе. С утра выселились из отеля, рассчитывая к ночи уже катить в Таунгок; но поскольку автобус мы упустили, ближе к ночи с хохотом вселились обратно, все вместе в одну комнату. У Луизы появилась чудесная привычка каждый вечер уходить на пару часов ловить WiFi в соседнее кафе, так что мы успели выслушать кучу музыки, валясь в обнимку.

2 марта. *Ngarali* → *Ann* (Arm)

Итак, наш неповоротливый триран все-таки отчаливает. Я почти довыкашляла песок, успевший обрасти внутри комками слизи; единственная оставшаяся проблема — сторовшие плечи. Ноги облезли сравнительно безболезненно, но спине придется туго под рюкзаком. Ребята щупают мою спину и сочувственно-язвительно зовут меня «недоваренным лобстером»: шкура уже достаточно твердая и даже слегка похрустывает, готовясь отвалиться, а внутри красненькое нежное мясо.

У Себастиана оказался смартфон с местной симкой и интернетом. У нас есть карта! Просто грех не прокатиться стопом в такой ситуации.

Сначала стоп не задался. За час проехали всего несколько километров. Машины останавливались довольно радостно, и тут же принимались звонить своим англоговорящим друзьям, чтобы понять, зачем мы оккупируем их тачку своими рюкзаками. Объяснить принцип оказалось практически невозможно. Последний парень высадил нас на автотоправке, и радостно укатил, счастливый от того, что мы не погоним его туда, куда ему совершенно не надо. На заправке нашелся толковый англоговорящий юноша, который вскоре поймал для нас частную маршрутку, полную ребят в майках *Ngarali-beach*. Сначала я думала, что это персонал какого-то местного отеля; но оказалось все намного любопытнее. Ребята закричали «к нам, к нам!» — и вскоре мы уже сидели на корточках, обсуждая проблемы революции, бывшей тут совсем недавно. Под эту сурдинку Луиза начала расспрашивать меня про отношение русских к Ленину и про развал Союза, так что разговор получился очень многогранным.

Миска бетеля,
облепленная известью,
которая входит в его
состав.

Шрамирование
на груди изобра-
жает Будду.

Беседа шла в основном между нами и одним из местных, наиболее хорошо владеющим языком. Он — представитель крупной фирмы, предоставляющей суда для грузоперевозок, и его география намного шире наших жалких туристических прогулок. Япония, Индонезия, Кейптаун — и, кстати, Бразилия. Остальные — его друзья, работают в компании, производящей знаменитое пиво Мьянмар.

Про смену власти ребята говорили неоднозначно, прямо раскололись на два лагеря: одни считали, что стало лучше, другие, что ничего не поменялось (я потом в интернете посмотрела: когда страна решила встать на условно-демократические рельсы, генералы просто валом подали в отставку и спустя месяц уже баллотировались, как частные лица, так что правы в той или иной степени оба лагеря — ничего особо не поменялось, но стало немного лучше). Насчет цензуры или контроля информацию не подтвердили — мол, никто не запрещает общаться с туристами, и нет каких-то тем, которые «не рекомендуется» с ними поддерживать; те, кто часто бывает за границей, никакого давления, как у нас в советские годы, не ощущает, никто их особо не проверяет на предмет «империалистической заразы». Нас завезли в чудесный ресторанчик, где мы и рассались, обменявшись кучей мелких сувениров — дальше ребята двигаются в Руау, мы там уже были.

В Таунгоке мы немного застряли, выискивая АТМ — моя наличность закончилась еще в Ngapali, и у Себастиана, вынужденного платить за двоих, тоже кьяты стали подходить к концу. Ура, мы наконец-то нашли район в Мьянме, где действительно невозможно получить денег с карты! В выходной в таком месте, конечно, никакие банки не работали, но добрые ребята одной travel-компании великодушно обменяли нам по курсу \$1 = 1000 кьят (как, в общем-то, везде и считают, президентская официальная курс в 1032 кьята за доллар).

Получив деньги и осмелев, мы снова выкатились на трассу. Дальше все было рутинно, обычно для любой страны — машина, поднятая рука, серия пояснений, полезайте в кузов. Так мы отловили машину с песком; послали Басти вперед общаться водителя, уселась с Луизой в импровизированной песочнице и отлично провели время, отстреливаясь от встречных машин из двух фотоаппаратов.

На этом пути мне очень пригодилась найденная еще в Руау маска (когда я подобрала ее, она хранила поцелуй какой-то

Замкнули на ледяную фабрику, Руау, что она негодна, место, где произошло чудовищное событие для наших компаний. Злобны!

местной фэра, и помаду не смогла смыть даже основательная стирка). Одноколейная дорога часто вынуждала то нас, то наших коллег влезать на обочину, взрывая клубы пыли. Мои волосы вскоре приобрели приятный охровый оттенок, характерный для всего пейзажа вокруг.

Высадили нас на этот раз посреди великого ничто. Лишь несколько тропинок разбегались от развилки — по одной укатил, махнув рукой на прощание, наш личный песчаный пляж; по второй надо бы двигать нам. Рядом стояла маленькая хижина, где продавался прохладный относительно общей жары Sprite и какие-то лежалые сласти. Мы успели выпить по банке сока личи (куски агар-агара, плавающие в сиропе, 300 кьят, дешевле воды), как следующая машина показалась на горизонте. Она на наши восторженные рукомахания ответила таким же радостным взмахом и скрылась; мы успели чуть-чуть приуныть, и тут же перед нами встала, как вкопанная, другая легковушка.

Там уже сидели двое, не считая водителя, да и багажник был изрядно забит. Так что следующие четыре часа мы провели, принимая разные акробатические позы вчетвером с рюкзаком на заднем сидении. С парой остановок на покурить задумчиво в закат. Спустя первые два часа я научилась правильно располагать кости поперек всех окружающих. Меня стабильно клали сверху, как самую легкую — из тощего, но жилистого Басти получался надежный, не ноющий фундамент, а Луиза сама предложила не пытаться подбрасывать слоников и осталась внизу.

Водителю в какой-то момент позвонили на его смешную раскладушку с антенной, и я безмерно изумилась. Даже попросила соседа набрать его еще раз, а парня за рулем — не брать трубку, чтобы я могла послушать звонок. Водитель заинтересовался: чего это там такого увлекательного? Обычный корейский рингтон... Тут мы выехали из-за горы, звонок прошел, и в салоне темного автомобиля отчетливо раздался настойчивый женский голос: «Алло. Алло-о! Возьми трубку!» — по-русски! Вот так корейский рингтон! Себастиану страшно понравилась эта интонация, так что пришлось пообещать раздобыть или записать эту глупость.

В кафе на площадке, где нас высадили, я быстро пробралась на кухню и натыкала пальчиком во всякие вкусные разности. Чуть сложнее было отыскать рис — я облазила все кастрюли в надежде найти и показать. Наконец, рис нашелся у клиентов за столом, так что вскоре игра «собери себе ужин» завершилась моей полной победой. Конечно, после

NgapaI'ских деликатесов божественной пища не оказалась, но голод утолила. Дополнительно приятно было знать, что ребята в это время голодно рыскают в поисках жилья. По официальной версии я сидела с вещами, облегчая им процесс; эту функцию я тоже выполняла, так что жаловаться не на что. Отель рядом с нами испуганно заявил, что он весь непримиримо full; соседние заведения заламывали цены; городок крошечный, альтернатив никаких.

Ребята вернулись злые и голодные. Я встретила их, как жена-добытчик, разложила нарытую еду. Они поели, не глядя друг на друга. Далеко, например, в соседний город, идти совершенно не хотелось, в этом спать негде, атмосфера была не самая лучезарная. После еды Себастиан приободрился, переговорил еще раз с ближним отелем и убедил его приоткрыться, за те же \$10 с носа. Может, у них не было лицензии на работу с белыми? Или они опасались фарангов, приехавших черте на чем во внеурочное, откровенно неавтобусное время? Кто знает.

Чтобы войти в комнату, рюкзак пришлось снять — из-за ширины кровати дверь не открывается полностью. Стены и потолок фанерные. Зато, зайдя в разные комнаты, мы с Луизой одновременно и одинаково возрадовались: «О, у нас есть ванная!» Комнаты расположены симметрично, и на секунду мне показалось, что ванная у нас одна на двоих. Но нет. Разные. Лучше бы комнату побольше сделали. Хотя для тех потребностей, для которых в этот шкаф запихали двуспальную кровать, ванная, конечно, нужнее свободы.

За ужином Луиза листала путеводитель, заодно отмечая потенциально-полезные слова на местном языке. В какой-то момент она решила проверить свое произношение, поэтому вежливо обернулась к сидящим рядом (и без того уже изрядно с нас офигевающим) местным и ласково произнесла с вопросительной интонацией: «Соевый соус?» Можно себе представить эффект. Я, например, подавилась рисом. А Басти поперхнулся «Мьянмаром». Местные остановили вилки на середине пути до рта и выпучили глаза. Луиза осталась довольна.

Теперь деньги остались только у Луизы, мы зовем ее «Миссис-банк».

3 марта. Arm → Mrauk-Oo

Поутру мы разбрелись на поиски завтрака, и вскоре возвратились, сложив в кучу добытое по разным ларькам и рынкам — бананы и местные зажаренные сласти с сиропом и кокосовой стружкой (Луиза), кексы и

какао в фабричной упаковке (я), местные толстые сигареты (Бастиан). За завтраком Бастиан рассказывал нам про основы нумерологии. Его день рождения дает в сумме один: «Тяга к одиночеству, — пояснил он, размахивая половиной жиденького банана, — я одинокий волк. Аууууууууууу!»

Чуть его не убила. Мало мне одного Lonely wolf'a дома?

Заколдованный Arm не отпускает. Мы отъехали от него на пару километров в огромной грузовой машине, но водитель был столь любезен, что, останавливаясь на ночь, несколько раз предложил нам переночевать у него, чтобы с утра поехать в Mrauk-Oo. А когда мы отказались — встать на ночевку прямо посреди утра не входило в наши планы — пересадил нас в свою легковушку и повез обратно в деревню, чтобы спросить, не едет ли кто-то из местных в нужную нам сторону. В деревне никого подходящего не оказалось, и он не успокоился, пока не нашел для нас транспорт на одной из точек отдыха дальнобойщиков. Усадил нас в тени, пообещав, что через два часа проснется водитель, который на груженой фуре идет напрямиком в Mrauk-Oo.

Попросили в соседнем кафе бесплатного чая, ждем. Обсуждаем явление «волны»: ты можешь быть уверен, что тебе куда-то надо (как я с Янгоном, например), но потом тебя хватает и тащит совершенно в ином направлении, и нет смысла сопротивляться; лучше покориться и посмотреть, что ты можешь извлечь из этого. Я вот не верю в Бога, но когда он говорит со мной, слушаю внимательно.

Пока ждали, познакомились с хозяином кафе, и он тоже предложил нам транспорт до города — не настолько комфортабельный, зато потенциально более быстрый. Его подопечный как раз уже загрузил маленькую машинку. Мы поколебались — все-таки, парень ради нас столько ездил, нельзя же так просто отказаться от результата его трудов! Но пока мы решали эту маленькую задачку с собственной совестью, парень уже скатался на полянку и привез наши рюкзаки, лишив нас выбора. Мы переглянулись, помянули недавний разговор о волнах и смирились.

Я с Бастианом села в кузов, обнимать велосипед и коробки, а Луизу посадили с водителем. Ехали мы сначала очень весело, но спустя полчаса выяснилось странное. Оказывается, парень хотел за доставку нас с рюкзаками по 20 долларов с лица, как автобус. Мы посмеялись (у нас на всех было около пяти, и отдавать их мы были совершенно не намерены) и быстро десантировались. Пока мы с Бастианом скидыва-

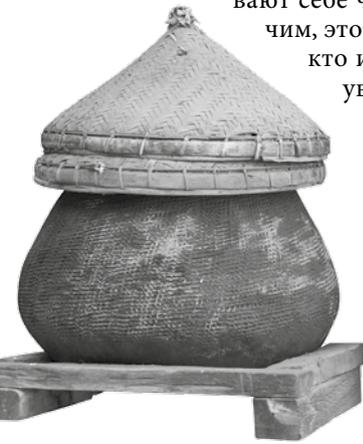
ли наши вещи на обочину, разгневанная таким подходом Луиза сноровисто, чуть ли не свистом в два пальца, остановила следующую фуру. Огромный двадцатитонник, надстроенный досками и груженный по самую маковку тюками со всякой сушеной снедью. Мы махнули незадачливому водителю-барыге и забились в кабину, как сельди. Ура, эта машина идет точно в Мгаук-Оо!

Усталость и жара мешали нам наслаждаться видами; еще отвлекала удручающая мысль о нашей скорости: карта показывала, что мы медленно подползаем примерно к середине пути.

Луиза сидела в самом неудобном месте, почти по центру задней «койки», и в какой-то момент вытянула ноги в белых носочках на «стол» между водителем и его ассистентом. За таким «столом» русские водители едят и потому считают его чуть ли не святым местом, так что в России так делать не стоит; но я не успела сказать об этом Луизе, так как второй парень, довольно мрачного вида, покосился на непотребство, сурово потыкал пальцем в изображении Будды на лобовом стекле и потребовал прекратить оскорбление святынь. Надо же, причины разные, а результат один и тот же.

Несколько раз мы останавливались в кафе — часть груза рассасывалось, переключивая в руки владельцев харчевен по пути. Особенный спрос был на банки с пивом, которые лежали в самом низу. Так что наши рюкзаки постоянно перебрасывали с места на место, выискивая под ними еще пару коробок. Ассистент водителя мрачно бурчал — мол, еще и ваши вещи таскать; так что мы старались помогать с разгрузками или как минимум не путаться под ногами.

В одном из кафе мы решили поесть, и я спалила местного мальчишку на интернациональном жесте «палец у виска» — это он увидел, что я мешаю пиво со спайтом. Будучи уличен в этом, мальчишка принял истово каяться, и в конце концов показал, что считает сумасшедшей хозяйку заведения, а отнюдь не странных белых гостей. Получил за это заслуженную затрещину от грузной тетеньки и инцидент был исчерпан. Мальчишка явно считал, что легко отделался — мало ли, чего можно ожидать от таких опасных психов, которые смешивают себе черте что из нормальных напитков!? А между прочим, этот коктейль называется Radler, и показал мне его никто иной, как Бастиан. Уж казалось бы, немцы должны уважать пиво — но именно из-за этого своего пристрастия им и пришел в голову такой странный рецепт.

Когда жарко, пояснял Басти, от пива будет голова болеть. Но ведь его все равно хочется! Нормальному немцу пива хочется всегда. Решение? Сделать из пива лимонадик и спокойно запивать им жажду. Удивительно, но это правда вкусно!

Пошла в туалет, и в темноте здорово приложилась головой о низкую косую притолоку. Кто ж так строит! Во мне всего метр семьдесят! А если бы сюда баскетболист зашел?!

Пока все смотрели рестлинг и переваривали ужин, мне пришла в голову отличная идея. Мы столько тюков уже раздали, значит, кузов освобожден! Так зачем нам впятером ютиться в жаркой кабине? Мы же можем полежать на тюках! Мы быстро забрали наши вещи из салона и устроили шикарнейший бивуак, раздвинув прямо пахнущие тюки.

Теперь у нас настолько прекрасная лежанка, что мы дружно молимся — пусть только эта фура идет помедленнее! Звезды над нашими головами, почти полная луна у горизонта; мягкая трава в мешках, и несущиеся мимо потемневшие деревни...

Как-то так получилось, что самые потрясающие вещи нельзя купить. Их можно только получить в дар — вот так, полуслучайно. Мы валялись головами друг к другу, завернувшись в уютные спальные; читали стихи на трех родных языках, рассказывали страшные истории и обсуждали феномен «турфирмы судьбы», который ощущали все трое. Стоимость тура в этой фирме — отказ от планов и попытки контролировать происходящее; в программу входят волшебные приключения, которые нельзя предугадать заранее. Например, такая вот ночь, мчащая мимо, теплый ветер навстречу; руки, еще пару дней назад чужие — а сегодня способные ласково укутать спальником; ключья дымок от хижин, грузные темные силуэты буффало, спешащих домой в надвигающемся тумане... я не заметила, как вырубилась от мягкого покачивания и уютного тепла. В полусне пришло ощущение, что вся фура — мое тело; я чувствовала шершавую дорогу под своим длинным брюхом, и как заносит хвост на поворотах, и во мне бурлила сила огромного, мощного животного. Бежать, испытывая радость, спокойно и уверенно, далеко, без усталости и грусти, и наслаждаться тем, как дорога катится под ноги...

Разбудила ранняя утренняя остановка посреди тумана — вокруг лишь молоко, ничего не видно. Увы, нашу постель начали разбирать.

4 марта. Мраук-Оо

У нас дальнбой — это пузатые пухлые парни, которые работают по 20 часов в день и даже дома не успевают отдохнуть. Тут это — плечистые солидные начальники погрузки, с золотыми перстнями и очень авторитетными интонациями. Они нередко сами ворочают гигантские тюки; но чаще управляют верткими мальчишками. Красиво!

Галочку на стране надо ставить тогда, когда она делается привычной. Когда вещи перестают казаться волшебными — юноши в пестрых юбках-саронгах, лениво жующие бетель; пальмы вокруг и маленькие темные лавочки, заманчиво блестящие металлическими боками банок с напитками, босоногие дети, играющие прямо на столе; деревенские туалеты, у которых слив выходит прямо в реку, открываясь метрах в двух над ней... Ты перестаешь воспринимать страну, как нечто странное и враждебное — и она отвечает тебе взаимностью.

Мьянмарский ром!

Солнце взошло над туманным полем, медленно рассеивая белые клочья. Мы в 30 км от цели; 8 ам, уже достаточно тепло. Пока наша фура разгружалась, мы успели умыться и позавтракать. Суровый ассистент водителя сердито поманил нас пальцем и показал вперед: идите туда. Там красиво. Оказывается, мы чуть не пропустили мост над рекой с островами! Вот это да.

Осталось не так много времени, и мысли посещают разные. С одной стороны, конечно, радостное ожидание — скоро домой! С другой — тут комфортно, как никогда, а дома в первые месяцы придется невероятно работать. Я не то чтобы против, просто не спешу. Это как сидеть на песочке, длить солнечную негу и ждать острого желания окупнуться. Чтобы, когда придет — кинуться в волну легко и радостно. Любое действие должно доставлять наслаждение...

Дедушка, помогающий с разгрузкой нашей машины, вдруг швырнул выпавшим из мешка луком в проходящего мимо пухлого дядю. Первым не попал, а вторым и третьим — еще как. И спрятался за борт. Мальчишки всех возрастов и стран, объединяйтесь.

Солнце жарит, хочется движения, но нашими еще не загружена одна тарантайка. Ребята не торопятся, бродят вокруг непечатой работы, обсуждают. А куда спешить. На соседней фуре мальчишка закончил разделять резиновую камеру на тонкие лоскуты и теперь ловко прикручивает ими длинную бамбучину, как хребет, на верхние дуги фуры. «Стены» у таких машин наращивают досками или плетеной из толстых веревок «авоськой»; чтобы не терять мелкие предметы, прокладывают брезентом, а верхняя осевая дубина нужна, чтобы крепить к ней легкие укатывающиеся тюки, вешать брезент, защищающий товар сверху, и сочно биться об нее головой. На нашей фуре эту роль выполняет толстенный, в руку толщиной, линь. Я уже пару раз путалась в нем, как муха в паутине.

Ну все. Теперь ничего мягкого под нами — только банки с пивом. Но это уже ненадолго.

Мраку — уютный городок, где жители гуляют с зонтами, раскрытыми от солнца, под огромными раскидистыми деревьями. В центре города расположены обломки великой стены вокруг древнего дворца (от которого остались только аккуратно раскопанные ямы), а чистенькие улочки с деревянными домами разбегаются от рынка во все стороны.

Кажется, на Inle Lake я уже никак не попаду, если только кто-нибудь не изобретет телепортацию; так что можно купить себе зонтик и вписаться в число неспешно прогуливающих жителей.

Отелей много, но большинство не имеет право принимать иностранцев. Впрочем, в отмеченном LP отеле цены тоже весьма гуманны: всего \$15 за двушку. И за эти деньги мы получаем не обычный бетонный гроб с паутиной по углам, а светлый, уютный и чистый деревянный дом со встроенными ванными — просто филиал рая! Но Луиза все-таки решила отделиться и пошла искать какой-то лучшей доли.

На задворках кафе неподалеку готовят примитивное мороженое — простая замороженная газировка и конвейер из мальчишек и девчонок: один быстро вытряхивает кусочки цветного льда из формы, остальные ловко фасуют куски по пакетикам. Еще полчаса — и по городу разбредутся юные торговцы с пенопластовыми термостойкими коробами и колокольчиками, продавать яркую радость, сопровождающуюся тоскливым призывным завыванием.

Ура! В этом городе есть АТМ! Правда, он один, и несмотря на надпись «24h», воспользоваться им не удалось. Сервис круглосуточный, а электричество — нет. Миссис банк сказала «черт с вами» и выдала нам 10 000 кьят на мороженое. Кстати, из своего отеля она вернулась не одна — нашла себе немецкого мальчика, Михаэля. Так что нас стало четверо, и скорость наших перемещений, и без того не слишком высокая, еще несколько поуменилась. Ребята обсуждают поездку, часто для простоты переходя на родной язык — английский обоим далек от совершенства. Мы с Луизой пару раз обижено хмыкали и поддразнили «этих нелюбезных немцев». Юноши переглянулись, синхронно вздохнули и галантно перешли на всеобщий, чтобы и мы могли поучаствовать.

У Михаэля с Луизой за этот вечер родилась своя, местячковая шутка. Луиза подцепила аллергию на пыль и беспрестанно чихала; Михаэлю пришлось по вкусу наш троллинг на тему «жесткости» немецкого языка и он начал подыгрывать. В итоге у них получался гаркающий диалог «German-style», ставший после трех-четырех повторений традиционным. Луиза, не сдержавшись: «Апчхи!». Михаэль, галантно, но громко и резко: «Bless you!». Луиза, в тон, еще громче и отрывистой:

От местного дворца
остался один забор.
Зато какой!

«Thank you!!». Михаэль, щелкнув по-военному каблуками и набрав побольше воздуха в грудь: «WELCOME!!!». Каждый раз оказывалось, что это ужасно смешно. Может, у них просто в чай что-то такое добавляют?

Интернет показал, что душистые цветы в тюках, которые мы попирали ногами, спинами и прочими точками всю ночь — это шафран, самая дорогая специя в мире. Это была воистину царская ночевка.

5 марта. Мраук-оо

Гм. А день-то последний. Очень занято. А я на полтысячи километров южнее, чем надо. Стоит об этом подумать. Но сначала — немножко интернетика...

Три часа спустя оказалось, что мы просрочили чекаут из отеля. После некоторых торгов Басти заплатил неустойку в семь тысяч и мы ретировались. Автостоп начался отлично, с плотного обеда — АТМ открылся, мы отобрали у жадного банка кучу денег, расплатились с Луизой и ощутили себя невероятно богатыми. Мы вышли на трассу с арбузом и кексом; ловили только мелкие машинки, выбирали — чтобы побыстрее добраться и не встрять, как в тот раз, с фурой. Мы отлично проехали несколько крошечных деревень, останавливаясь в них ради пары снимков с местными.

А потом нас догнала красивая машинка с красными номерами и Очень Серьезными Ребятами. На веселый привычный вопрос, куда они едут, они ответили «НЕТ». И очень скоро стало ясно, что они имели в виду. Они показали бейджи — не то туристическая полиция, не то служащие местной туриндустрии. Разговор был неприятный и содержал массу ультимативной лексики: вы должны, вы не можете, вам запрещено. Из общей канвы стало ясно, что они скорее все-таки заботятся о нас (и о своем лице, конечно — что это такое, когда туристы, как нищие, десантируются во всяких микро-деревнях!)

Сложнее всего было не хихикать, особенно стоя рядом с таким же пунцовым от сдерживаемого смеха Бастианом. Когда Серьезные Парни отвернулись посоветоваться, я успела шепнуть ему пару слов («Run. Fast. Now!») и теперь мы оба едва стояли на ногах.

Наконец нам удалось донести мысль, что послезавтра вылет, Мандалай далеко, автобус сегодня уже упущен — и посадить нас на какой-нибудь проезжающий мимо трек до Анп — отличный способ от нас избавиться. Главный пошел величе-

Эта стена — тыл святилища, поэтому на неё наклеивают золото, которое не поместилось на Будде.

ственно договариваться с ближайшей фурой. Надо было видеть, с какой напыщенностью этот юный чиновник общался с водителем! После он вернулся и спросил, сколько мы готовы заплатить. Мы прикинули что-то среднее между «не стыдно» и «не жалко» и назвали сумму в \$5. Чиновник поразился нашей жадности, но надменно сказал, что решать будет не он, а «этот добрый человек». Еще сильнее его изумило то, что «добрый человек» согласился. Ужасно подмывало сказать ему, что вообще-то сотни таких добрых людей с радостью делают это даром, да еще тратят свои кровные, покупая нам воду или еду, но я не рискнула рвать шаблоны человеку, облеченному властью. Мы еще поломались, спросили, а когда фура придет (в тайной надежде, что они просто оставят нас в покое и мы продолжим наш прекрасный солнечный стоп). Чиновник ужаснулся нашему невежеству и невероятно серьезно сказал, что это очень плохой вопрос, что водители очень обижаются и негодуют на такие вопросы, и чтобы мы никогда не спрашивали водителей про время. Изя, этот человек-таки будет учить нас разговаривать с водителями... Мы скромно промолчали, запихали наши вещи в фуру и пообещали им больше не попадаться.

И все же мы ощущали себя побежденными. Вроде бы едешь на той же самой фуре, такая же красота кругом; и сама фура вся движется под тобой, как огромная многосегментная многоножка, тюки под тобой ходят, как живые... Но чертovsky деньги все портят. Мысль о том, что ты купил себе это удовольствие, сразу делают эти елочные игрушки фальшивыми. Скрашиваем это чувство философскими беседами.

Набрели на мысль о влияющем на тебя образе. Если ты живешь оседло, то тебе очень трудно меняться, так как все, кого ты знаешь, а особенно твои родственники, имеют в голове свой образ тебя. Волей-неволей, ты подчиняешься, пытаешься соответствовать — или вынужден противостоять ему, растрчивая впустую силы. А стоит тебе уехать, и эти пути рвутся — чтобы измениться, тебе нужно лишь поменять себя, и не нужно бороться со всеми этими «духами» вокруг, нужно найти силы лишь для одного... Именно это делает тебя таким свободным в путешествии. Кроме того, поездка дает возможность близким отдохнуть от твоего образа, и после возвращения у них появляется шанс действительно тебя увидеть. То, что им не удавалось, возможно, много лет в силу привычки.

Мы остановились для ланча, я в темноте на ощупь пошла искать туалет и сразу же впилилась головой, попав точно в еще не рассосав-

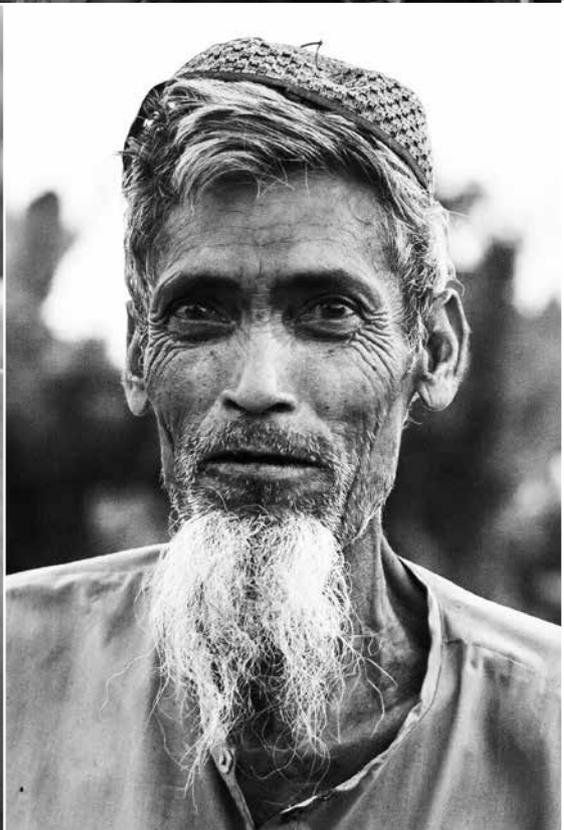
*Во многих деревьях
мобьет дороги, частично
красочнейшим способом*

«Надеюсь, они вегетарианцы» — прошептал Бастиан мне на ухо, когда дети начали сжимать кольцо вокруг нас.

шуюся шишку от предыдущего удара. Черт, какое узнаваемое место... Где тот мальчик, который считает нас сумасшедшими?

На закате мы остановились в одной из деревень для дозагрузки. Кажется, в эту деревню белые еще не заезжали. Нас попросили подождать снаружи, и мы взобрались на маленький лысый холм около резервуара с водой. Вокруг нас моментально выстроилась стена мелких черных лиц, глядящих во все глаза.

Старший мальчишка время от времени отгонял их от нас резкой командой (я перевела это как «не подходите близко, белые обезьяны непредсказуемы!»). Вокруг стоит уже больше двух десятков. В основном они не против фотографироваться (лишь некоторые стесняются и убегают), но каких-то особенных попыток общаться не предпринимают.

Бастиан хлопнул меня по руке, когда я начала машинально отщипывать лоскуты, сходящие с обгоревших плеч: «Прекрати! Ты для них и так alien, сейчас начнешь еще шкуру сбрасывать у них на глазах! Не травмируй детскую психику»

Одному я показала на пустую бутылку из-под воды, дала 500 кьят. Басти сказал, глядя в его убегающую спину — кажется он подумал: «О. Деньги! Run. Fast. Now!» Наверное, мы его не увидим больше. Похихикали. Однако вскоре парень вернулся и протянул ледяную бутылку.

Мы долго махали им из отъезжающей фуры. Нам в ответ махали почти все, за исключением нескольких ребят, сохранявших Fischgesicht («рыбье лицо» — прекрасное немецкое выражение, обозначающее как раз этот уровень понимания и заинтересованности). Ура, поехали!

Кто не пытался пописать, свисая наружу с фуры, движущейся и подпрыгивающей, как норовистая кобыла, тот жизни не видел.

Мы доехали в Argm незадолго до полуночи. Басти сходил в центр, разузнал про автобус — утром, но не рано, видимо, тот самый, что идет из Mrauk-oo. Мы быстро поставили палатку в двух шагах от перекрестка, за святилищем, в довольно укромном месте. И так нам хорошо спалось...

6 марта. Argm

...что мы решили поутру поваляться еще немного, и застряли аж до одиннадцати. Снаружи раздавались звуки, означающие, что мы обнатурены; но мы не придали им значения. Однако или мальчишки, или монахи не поленились позвонить в полицию.

О, привет, Серьезные Ребята! В этот раз, правда, они были не столько Пафосные, сколько Озабоченные. Мы, не стовариваясь, лениво и беспечно изложили свою легенду: приехали под утро, на фуре, потому что пропустили свой автобус («и замечательные ребята из службы охраны туристов помогли нам, представляете, нашли транспорт, когда мы уже отчаялись! Огромное им спасибо»); в городе было пусто и мы решили никого не будить, а просто переночевать тихонько тут, наутро же автобус.

Парень перепроверил мои документы еще раз и начал куда-то звонить. Неприятно, подумала я, и включила режим «Щебечущая идиотка»: ой, смотрите, мы проехали вот тут и вот тут, это Баган — о боже мой, это такое волшебное место! И еще мы были на Нгапали, пляжи, боже мой, я так люблю солнце! И Мраку — вы же знаете, что его называют «Маленький Баган»? Как жаль, что мы улетаем отсюда завтра, и поэтому так спешим в Мандалай, что не можем даже остановиться в нормальном отеле! Кстати, вот билеты.

Себастиан с первой минуты включил свой вариант защиты — «тупой бычок». А, да. Ага. А чо. Ну. Ы. Ща найду. Ага. Ну да. — он отлично вписался в качестве фона, так что его вообще не проверяли, убедившись, что я главная в банде. Благодаря моим билетам мы убедили Серьезного Парня, что не будем больше мозолить им глаза в разных концах страны. Так что нас просто сопроводили на автостанцию и вынудили купить билеты под бдительным взглядом полисмена. Мы махнули рукой — все равно собирались автобусом ехать, один день остался, автостоп слишком непредсказуем по срокам. После этого полисмен взял под козырек и укатил, так ни разу и не улыбнувшись, а мы проржались и заказали себе завтрак. Опять в Ann! Снова все в том же кабачке! Да что ж за заколдованное место!

Обидно, что цена на билеты не зависит от расстояния — так что мы заплатили все те же \$22, как за путь от Мраку. Мы могли бы сейчас выезжать оттуда, выспавшись на кровати с балдахинном... На эту мою реплику Басти пихнул меня локтем: да ты что, такие приключения бы потеряли! А как же знакомство с Серьезными Парнями?!

Я с ним согласилась.

Поющий скворец снова беснуется в своей клетке, на экране идет мьянмарская драка невероятной жестокости, с очень лиричной музыкой в качестве саундтрека. Все заняты своими делами, лишь изредка сменяют нам термос из-под чая на свежий.

Посреди нашего релакса тетенька из автобусной компании пристала к нам «доплатите \$6 за билеты» (парень из полиции мало разбирался в прайсах, его дело — чтобы мы свалили из города к черту, так что он выписал нам что-то по устаревшей цене). В ответ мы, всячески показав, что поняли их притязания, очень доступно объяснили, что платить мы не намерены, так как прайс и так выше некуда, а мы сидим больше чем на полпути, и вообще это грабеж. И рассосалось.

Возможно, именно поэтому наш автобус отказался приходить вовремя. Через два часа от заявленного времени мы оба были довольно злые и уставшие — вынужденное безделье с невозможностью отойти дальше, чем до туалета, никого не красит. Меня нервировала синхронизация переездов и перелетов, я мысленно плюсовала и умножала, вычисляя допустимые и опасные люфты задержки. Получалось что-то в районе «еще два часа — и финиш». На каждый приходящий автобус мы бросались, как голодные на хлеб; но где-то после полудня автобусов стало так много, что мы лишь ловили взгляд кого-нибудь из кафе, и все местные синхронно качали головами: «И этот тоже не ваш». Я картинно падала на пластиковый стул, приходя в гипертрофированное отчаяние, и ужасно веселила семью, которая ждала тот же автобус. Наконец я всерьез достала свои самолетные билеты, потрясла ими и заявила: вот этот транспорт тоже до Мандалая, он сам сказал. Возвращайте наши деньги, мы в него сядем. И наш автобус тут же возник, как по мановению руки, двух минут не прошло. За сараем его, что ли, держали?! Неважно. Я упала в объятия мягкого салона пьяная (успела купить густое местное вино, \$2,5, очень вкусное) и счастливая.

Автобус — беспокойное место. Только уляжешься и уложишь все свои запчасти так, чтобы нигде ничего не болело — как захочется в туалет со страшной силой, или в ухо задует, или колени упрутся... Вино, конечно, снимает часть проблем, а другую часть делает очень смешными, но все равно неудобно. Правда, остатки сложностей нивелировал Басти, заботливо подкладывая под меня то Мистера GreenCat'a, то свое полотенце. «Смотри, — сказал он, когда я в очередной раз с ногами забралась ему на колени, — как все начиналось, так и заканчивается». Ага. Снова мы ночью черте где, и опять мне в челюсть упирается подлокотник кресла...

Как многое мы игнорировали, путешествуя стопом! За две сотни километров наши данные переписали уже трижды. Оказывается, тут заставы между штатами — всех выгоняют из автобуса и пересчитыва-

ют по головам. Кто бы мог подумать. А фуры просто так проезжают, их даже не проверяет никто.

Посреди дороги тихую лирическую музыку вдруг сменили агрессивные гитарные рифы — включился экран с фильмом, где болтовня занимает 90% действия, и преобладают кричаще-возмущенно-плаксивые интонации. Час ночи — конечно, самое время для бодренького сентиментального боевика!

Ночные столовые неподалеку от трассы одинаковы во всех странах. Бдящие, слегка равнодушные люди, которые, тем не менее, довольно заботливо приглашают тебя откусать. Едва в таких местах необычайно вкусная и свежая — еще бы, такой поток.

7 марта. Mandalay → Bangkok

Уже до последней улочки известный, но так и не ставший родным; пыльный, комариный, назойливый Мандалай тем не менее вызывает светлые чувства. Когда пробираешься по узким коридорам между ларьками, где за тентами от солнца почти не видно неба, а торговцы работают, почти сталкиваясь локтями, начинает казаться, что Бангкок жарят именно они. Те, кто готовит свинину и осьминожек, кто обжаривает каштаны, кукурузу, местные орехи; поливает соусом шипящие в масле овощи. Это из-за них, а вовсе не от солнца, ты не ходишь, а плаваешь в жидком мареве, ощущая, как волосы прилипают к шее и медленно, липко стекают по спине...

Себастиан так и не смог выйти в Багане — автобус подло свернул за 30 км до него. «Ну, кажется, у меня нет выбора» — с облегчением вздохнул он и продолжил провожать меня на самолет. У нас были разные цели в столице, но они отлично согласовались: отели расположены не так далеко от остановки автобуса в аэропорт, и все это по ту сторону от жд-станции. Так что сначала мы нашли транспорт в город (а это совсем непросто в Мандалае — количество желающих помочь за деньги таково, что за ними не видно рейсовых машин), потом кинули вещи в найденном отеле и ушли завтракать. Когда постоянно расстаешься, привыкаешь не делать из этого пафосную вечеринку. Так что мы просто навернули местных лепешек, обнялись и махнули друг другу.

Разморенная от еды и недосыпа я без сил рухнула в мягкое кресло бесплатного автобуса от Air-Asia.

Ну что ж, теперь осталось всего три квеста: снять с пустой винной бутылки этикетку на память, повоевать за стоимость багажа (опять незарегистрированного — теперь там даже не появлялась такая опция!) и не проспать вылет. Первую задачу я уже блистательно слила — мне не хватило терпения ждать, пока холодная вода ее отмочит. Терпеть не могу сочетание «плохая бумага — хороший клей». Теперь жду возможности показать себя в решении следующих проблем.

Сверхскоростной проход через два ряда секьюрити, регистраторов и иммиграционной полиции — за это я всегда любила маленькие аэропорты больше гигантских хабов. Огромный глаз внимательной улитки сверяет тебя с паспортными данными. Про то, что полиция трижды имела со мной дело, нигде не упоминается — возможно, о последствиях я узнаю, только попытавшись получить визу еще раз. Багаж взяли на удивление мирно, без споров и денег.

Взлет!

Билет на Мандалай

Часть третья

Отдых и философствования

7 марта. Mandalay → Bangkok

Таиланд — другой мир. Автобус ловится легко и непринужденно; любой таксист готов объяснить, какие номера идут на Кхао Сан, в этот туристический притон. Для тех, кто стесняется спрашивать, на стенах аэропорта развешены объявления с рейсами. Город перегружен. Больше двух часов добиралась «домой». Липкая жара, трехдневной немытости тело, голод после консервированной самолетной еды, рюкзак, давящий на все еще осыпающиеся плечи... Мимо окна проплывают невыносимо прекрасные запахи; целые потоки еще недавно недосыгаемых и потому позабытых искушений. Из мира вкусных жареных орехов и свежих, почти не гнилых бананов — в пищевой водоворот, центр вкусовых наслаждений, безо всякой подготовки!

Я начала еще не доходя до отеля. Искушений было столько, что нельзя было просто взять и поесть. Берешь манго, вкуснющее, распадающееся на тающие лохмотья сладости еще на пути ко рту — и страдаешь, ведь куда теперь поместится вот этот арбуз, невероятно спелый, кричащий тебе «съешь меня, я тебя ждал!» всем своим полосатым видом?

Так что обед составил из невероятной мешанины фруктов (свежие, порезанные, с ледка — не холодные, но освежающие), мяса разных видов и брикета риса. Я поступила, как все местные — отыскала свободный стул на какой-то парковке, опустилась на него со стоном наслаждения, и принялась забористо чавкать всем подряд из разных пакетиков. Сидящая рядом тетушка с ломящимися от снеди пакетами посмотрела на меня одобрительно и умильно.

Потом я, сыто отдуваясь, добралась до отеля «Hello», рекомендованного мне Бастианом, и все оказалась правдой: и 200 бат за кровать, и горячая вода, и окно в комнате. И даже готовый помочь персонал. Ну, а что они по-английски не говорят, так пустяки, все можно на пальцах объяснить.

На соседней от меня койке оказался поляк, который только что вернулся из Мьянмы. Он три месяца безвылазно сидел в монастыре и следил за дыханием. Есть такая специальная медитационная виза — когда ты бесплатно живешь чуть ли не сколько считаешь нужным, но при этом не имеешь права за пределы этого здания выйти даже в магазин. Жаловался, что работать совсем не давали — все делали молчаливые монахи — так что он там чуть умом не двинулся; но дао практически постиг.

Я бегло выслушала его, отобрала у него шампунь и пропала в ванной. Спустя полчаса поляк нашел меня, спящую стоя, в домашнем платье, под вентилятором в комнате. Он меня разбудил, я поблагодарила и пошла искать массажиста. Их тут столько, что эти поиски длятся не больше пяти минут при самом придирчивом отборе.

Как же хорошо, что я дошла до массажа только в конце пути, подумала я сразу после начала. Это же сколько денег могло вылететь в массажную трубу!

Обычный перечень услуг массажистов: массаж ног (200–250 бат в час); тайский массаж тела (200–250 бат в час); массаж с маслом или аромомаслом (от 400 в час до гранич совести).

Обычный тайский — это самый жесткий и популярный вариант. Его делают, не раздевая. Кстати, в городе часто можно видеть, как скупающие продавцы нависают друг над другом, заламывая за спину руку или придавливая плечо локтем, а то и коленом — вот это все элементы того самого массажа. Немного болезненно, но эффективно.

На входе в салон сидят свободные массажисты, зазывая клиентов. Там же обычно висит прайс. В уличных салонах он обычно довольно гуманный, самые дорогие услуги не превышают 1000 бат в час — а есть, конечно, всякие супер-спа с большим количеством нулей.

Пойманного на любопытстве туриста разувают, просят во избежание недоразумений пальцем показать, что именно из списка он хочет, и сопровождают на место. На первом этаже делают массаж ног — это «витрина», так как вместо стены у таких заведений на улицу выходит огромное окно. Релаксирующие, постанывающие от удовольствия клиенты, выбравшие самую простую и дешевую услугу, работают отличной рекламой. А на втором этаже или в задних комнатах расположены залы с приглушенным светом, кондиционером и легкой музыкой. Матрацы разделены ширмами, к каждому прилагается набор полотенец.

В этот раз меня заботливо мят пухлый таец. У них вообще не очень развит интерес к белым самкам, а уж у профессионалов-массажистов точно ничего не шевельнется на лежащую клиентку, так что меня сильные руки, хватающие за всякие неожиданные места, нисколько не смущали. К тому же делал он все очень уважительно и вдумчиво.

Сначала меня, конечно, немного дергал скепсис. Вообще навыки массажа страшно мешают потом получать его самой. Вместо того, чтобы лежать и наслаждаться, начинается внутренний монолог. Если ты так мне положишь руки, у меня зажметса трапеция. Тут же почки,

куда ты давишь? Ударную технику напротив сердца, ну-ну. Хей, это между прочим основание черепа, может не надо туда так?... Но потом меня начало потихоньку уносить и укатывать, так что все это стало глубоко неважно.

Начинают массаж с ног. Подошвы обтирают влажным полотенцем; потом несильные удары, зажимы, накаты; по много раз разными способами, много разных поворотов и работы с суставами. От ног он перешел к рукам, потом перевернул меня и занялся спиной. Наконец прошелся еще раз везде, вправляя и дожимая, и наконец ласково пошамкал мне уши и макушку. Так я окончательно убедилась, что обычно делаю людям тайский массаж. Вот это новость.

И... это было офигенно. Это то, что непрофессионально, слабо и отвлекаясь на мысли о сексе делают нам наши мальчики в псевдоромантической обстановке. А ты лежи и думай, вытечет на этот раз догорающая на тумбочке свечка на ковер, или обойдется. Тут все намного проще — можно ничего не контролировать, не изображать адскую благодарность и неземное удовольствие (тайки обычно вообще под массажем с Fischgesicht сидят, ковыряясь в носу или в телефоне), и все заранее оплачено. Прямо реализация тех самых мечт, когда рабы приходили вечерами умащивать тела прекрасных гетер.

Я выползла невероятно окрыленная. Спустились сумерки, и улицы начали жить по-вечернему: фонарики и живая музыка в мелких кафешках (в любой момент, если хорошо прислушаться, можно найти где-нибудь отголоски «Californication»), десятки и сотни ларьков — свежая, соленая, вяленая рыба; морепродукты, ароматические масла, кексы, сладости, серьги, подсвечники, фрукты, корзинки, кошельки, благовония, еще фрукты; орехи и сухофрукты; музыкальные диски и гирлянды... и мясо, мясо, мясо! Все это шумит и переговаривается, смеется, торгует; деньги летают из рук в руки и ковер товаров постоянно обновляется.

Я отполировала и без того полный желудок огромным куском куриного шашлыка без ничего, купила крошечных, почти без дырки, пухлых пончиков (на вкус — точно такие же, как в Икее продают по пять рублей за штуку) и поплыла домой. Не нужно иметь слишком богатое воображение, что бы понять тех, кто залип в Бангкоке, посреди этого уютного водоворота. Это реально потрясающее место, чтобы отдохнуть и отъесться, усладить свое тело всеми возможными способами.

Хорошо, что я не поехала на юг.

8 марта. Bangkok

Можно себе представить, что после того, что произошло я спала, как младенец. Проснулась я стремительно, от истошного ора ШАЙ-ЗЕ!!!⁵ — соседа по койке снизу, его резких движений и продолжительной англо-немецкой речи на очень повышенных тонах. Сначала мне показалось, что у него паук в постели. Навскидку я могу придумать не так много причин, от которых вменяемый взрослый мужчина может так орать в пять утра. Да еще в общей комнате. Но ор не ограничился одним восклицанием; он выскочил в общий коридорчик и вскоре я смогла разобрать «все мои деньги» и «прямо из рюкзака». Он хлопнул дверью и пронзительный крик «Воооор! У вас тут, в вашем сраном отеле — ВООООР!» раздался уже снизу.

Я, раз уж проснулась, сходила в ванную и на обратном пути села позаписывать происходящее. Сажу на полу у лампочки и слушаю

классическую истерику, очень экспрессивную, по всем правилам; есть и «Я ПРОСТО НЕ ПОНИМАЮ, почему вы НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕТЕ!» и «я вам всем ПОКАЖУ!» с переходом во вкрадчивое «вы же не думаете, что Я ЭТО ТАК ОСТАВЛЮ?!» Очень красиво. Очень смешно. В общем-то, мне полагается испытать сочувствие и солидарное негодование, но как-то не получается. Если ты поленился хранить деньги в сейфе и держал действительно крупную сумму в рюкзаке, брошенном на кровати — то это твоя ошибка, твои проблемы, и нет ни одной причины устраивать такие шоу в общей спальне в полпятого утра.

Зашел мальчик с ресепшена, следом опустошенный (во всех смыслах) немец, уже притихший. Таец с любопытством заглянул под кровать и на кровать — все-таки, место преступления. Никаких практических результатов осмотр, конечно, не дал — ну не закатившуюся пачку денег он рассчитывал там найти? Немец унес рюкзак в освещенную ванную, перепаковываться. Я от всей души надеюсь, что он найдет там свои деньги и будет также громогласно извиняться.

Если честно, я свой рюкзак с деньгами проверила после первых воплей. Он ведь тоже валялся без присмотра. Мог быть рейд по всем вещам, а могла быть наигранная истерика, чтобы стать «первой жертвой» и оказаться вне подозрений. Уж больно она была показательной. Будь какие-то пропажи, я бы в первую очередь подозревала психа. Но на мои \$100, выложенную поближе заначку, никто не позарился. Ну да, мой рюкзак так выглядит, что лишний раз к нему прикасаться не хочется...

В следующий раз проснулась в районе полудня. Чудесное ощущение, что у меня осталось достаточно денег и времени на удовольствия, подбросило меня на кровати. Наслаждаться! И да — начинаются же shopping days! Надо купить все подарки!

Так что на прогулке я начала неспешно выполнять просьбы трудящихся. Алладины и специи, табак для Кириша, несколько фенечек, всякие мелочи себе... Повинуясь внезапно возникшему желанию стать белоголовым Малфоем, купила себе краски для волос. Поприглядывалась к салонам — покраска везде стоит 400-500 бат, вдвое дороже, чем массаж. Уу, думаю, лучше я сама покрашусь. Наудачу заглянула в последнюю парикмахерскую — все, думаю, нет, значит нет. Показываю на краску, на голову; грузная тетя, не отрываясь от телефона, набирает на калькуляторе стандартные 500. Ок, говорю, спасибо, не надо. Кивает — набери, мол, свою сумму. 300, пишу. Ой, ну ладно, 400, отвечает тетя. Нету денег, показываю. 350! Тетя в сердцах замахивается на меня:

THE SINGERS MUSIC CENTRE

THE SINGERS
MUSIC CENTRE
100-102-104-106-108-110-112-114-116-118-120-122-124-126-128-130-132-134-136-138-140-142-144-146-148-150-152-154-156-158-160-162-164-166-168-170-172-174-176-178-180-182-184-186-188-190-192-194-196-198-200-202-204-206-208-210-212-214-216-218-220-222-224-226-228-230-232-234-236-238-240-242-244-246-248-250-252-254-256-258-260-262-264-266-268-270-272-274-276-278-280-282-284-286-288-290-292-294-296-298-300-302-304-306-308-310-312-314-316-318-320-322-324-326-328-330-332-334-336-338-340-342-344-346-348-350-352-354-356-358-360-362-364-366-368-370-372-374-376-378-380-382-384-386-388-390-392-394-396-398-400-402-404-406-408-410-412-414-416-418-420-422-424-426-428-430-432-434-436-438-440-442-444-446-448-450-452-454-456-458-460-462-464-466-468-470-472-474-476-478-480-482-484-486-488-490-492-494-496-498-500-502-504-506-508-510-512-514-516-518-520-522-524-526-528-530-532-534-536-538-540-542-544-546-548-550-552-554-556-558-560-562-564-566-568-570-572-574-576-578-580-582-584-586-588-590-592-594-596-598-600-602-604-606-608-610-612-614-616-618-620-622-624-626-628-630-632-634-636-638-640-642-644-646-648-650-652-654-656-658-660-662-664-666-668-670-672-674-676-678-680-682-684-686-688-690-692-694-696-698-700-702-704-706-708-710-712-714-716-718-720-722-724-726-728-730-732-734-736-738-740-742-744-746-748-750-752-754-756-758-760-762-764-766-768-770-772-774-776-778-780-782-784-786-788-790-792-794-796-798-800-802-804-806-808-810-812-814-816-818-820-822-824-826-828-830-832-834-836-838-840-842-844-846-848-850-852-854-856-858-860-862-864-866-868-870-872-874-876-878-880-882-884-886-888-890-892-894-896-898-900-902-904-906-908-910-912-914-916-918-920-922-924-926-928-930-932-934-936-938-940-942-944-946-948-950-952-954-956-958-960-962-964-966-968-970-972-974-976-978-980-982-984-986-988-990-992-994-996-998-1000

вот ведь наглая девчонка! Ладно. Отложила телефон и пошла собирать нужные вещи. Я хихикаю. Кажется, Бастиан угадал с моим интернациональным ником, называя меня *cheeky girl*.

И это было, конечно, незабываемо. Меня скребли и терли, так что я ощутила себя ребенком в руках сердитой мамыши. Пару раз я мысленно завопила «пусти, тетенька, больше не буду!» Парадоксально, но это было приятно. Это как жесткий массаж. Такая уверенность, что руки — профессиональны, и тебе сделают, как надо.

Во время всей покраски над нами стучал и прыгал гиппопотам: сосед сверху что-то не то прибывал, не то отламывал. Тетя периодически возводила глаза к небу и страдальчески взывала к потолку, окликакая незримого строителя: «О мама мия, ты не мог бы делать это аккуратнее?! Твоя штукатурка сыплется на голову бедной девочке! Ты заставляешь меня краснеть перед клиентами, я тебе этого не спущу, ты меня слышишь?!»

Но он не унимался, лишь изредка удостаивая ее ответом — густой мужской голос, очень спокойный, увещевал, видимо, что осталось совсем немного, он знает, что делает, и делает это предельно аккуратно. Я успела подружиться с местным котом, который дал себя пару раз погладить, а после вальяжно потянулся и ушел валяться на солнечное пятно на полу.

Когда время окрашивания вышло, мне вспомнилось классическое: какой хороший цемент, не отмывается совсем. Прежняя краска оказалась супер-стойкой, так что отросшее начало волос у корней у меня получилось белое, а крашенные некогда концы — рыжие. Черта с два ты уйдешь от своей сущности, как бы насмешливо проговорило мне Мрзд. Я придиричиво осмотрела себя в зеркале, потом развернулась и радостно показала тете большой палец. Та хмыкнула, толкнула меня обратно в кресло, быстро причесала, а потом внезапно обняла, взъерошив только что зализанные волосы. Это было здорово.

Гуляла я слишком неспешно, и поэтому в Chinatown'e оказалась аккуратно в момент закрытия, и ничего купить не успела. Ну и ладно, подумала я, вернулась на городском пароме назад и погрузилась в поиски нового массажного кабинета. Хотелось попробовать что-нибудь новое; мешало убеждение, что «тайский обычный» — это и есть нормальный массаж, а всякие сложности с лубрикантами — денежное разводилово для слабых туристов. Так что я решила взять еще раз обычный, чтобы выправить себе спину после этих месяцев под рюкзаком.

На этот раз мне попалась могучая тетя. Кто любит фемдом в его классической уродливой форме — с огромными женщинами, попирающими крошечного мужчинку, тому в Тай. Тут это запросто, даже скульптуры про это есть.

Меня мяли и тискали, и я осознала, насколько же мягок и деликатен был вчерашний дядька. Тайские массажисты, кстати, настолько суровы, что поверх одежды еще полотенце кладут — для мягкости, тепла и уважительности. Тетя весело передразнивала мои попискивания, а когда дошла до спины, потыкала и изумилась настолько, что даже сдернула с меня полотенце и задрала майку — нашлась мышца, которую на холодную не взять. Так что она достала тигровый бальзам с какими-то добавками и динамично меня намазала, а потом принялась вправлять ее уже по разогретому телу. Когда она с меня слезла, спине и правда сразу стало лучше.

Потом тетя перешла к голове, и я представила, как вечером она, чтобы приготовить ужин, запросто раскалывает пальцами кокосовые орехи — как скорлупки от яиц. Дичайше сильные руки!

Когда издевательства над моим телом были закончены, я выползла на крыльцо и ощутила потребность в немедленной ласке. Купила первое попавшееся манго для первичной релаксации и решительно пошла к следующему массажному салону, чтобы получить ароматический-романтический массаж.

Впрочем, романтики особой не получилось. Не берите полчаса! Они даже лампу (ужасно красивую, в деревянной оплетке) мне не включили. Буки. И запах выбрать не дали. Впрочем, их там было всего два — кокос и какой-то никакой. Меня опять мяла обширная тетя, которая к тому же отвлекалась на пошутить с соседями. Концентрируясь на

мне, она напевала лично придуманную песенку, переиначивая английские слова на тайский манер: «aróma-arómá, coconut oil, very go-o-o-od smell, very-very, coconut — go-o-od!» — в полутемной комнате, наедине с мясистыми руками, которые могут поломать меня надвое, даже не используя для этого колена, песенка звучала весьма зловеще. Массаж, тем не менее, мне понравился. Масло льют, не жалея — целый стакан на спину, а потом размазывают его по всему телу. В качестве замены тайскому масляный не очень подходит (во всяком случае, мне), уж очень мягкий, поверхностный. Но если

*Нужды дьявола и лавкраш
настолько велики светом
с плановывыдуманными напугами*

делать после обычного, получается отлично. Арома вот только брать не стоит — он от просто oil отличен лишь названием и ценой. Ну все, теперь точно спать!

За время моего отсутствия поголовье немцев в спальне удвоилось. Все прочие съехали (уж не после побудки ли?) Когда я села пить radler, мне не составило труда впоить в ребят оставшееся не востребуемым в коктейле пиво.

Что-то я, кажется, скучаю по Бастиану.

9 марта. Bangkok

Хм. День Большой уборки? Все улицы лысые, ни одного торговца! А еще вчера тротуара за ними видно не было. Позавтракать в Баглампу не удалось — вся уличная еда куда-то делась. И полиция, корректирующая движение. Поехала сразу в Chinatown, на лодке, уже привычным маршрутом. Завтракаю и мандражирую — а вдруг тут тоже не работает ничего? А как же мои идеи насчет подарочных фенечек?! Если сегодня день отдыха, то мои планы в некоторой жопке...

Но все оказалось на месте! Все лотки, все ларьки — эти узкие коридоры между магазинчиками. Совершенно невероятное, кажущееся на первый взгляд бесконечным разнообразие, в котором, однако, есть своя система. С фенечками, например, всего три крупных магазина, я без труда их нашла, сравнила цены и ассортимент. В том, что победил в тендере, насобирала себе две сотни разных штук. Мне их быстро посчитали, заменили несколько, которые оказались из другой партии и по другой цене, и выдали чек, все как в обычном магазине. Обманчивое впечатление хаосности проходит, стоит лишь начать торги.

Автобусы в Бангкоке и впрямь переполнены и еле движутся. Мне удалось сесть, и сначала все казалось, по московской привычке, что нависающая тетья неодобрительно пыхтит. Мне же вставать очень не хотелось, так как район неизведанный, возвращаться, возможно, придется пешком и сидя удобнее заглядывать в окно, запоминая дорогу. Я тоже поглядывала на тетю неодобрительно, чего она нависает? А оказалось, что тетю мучает совесть, за сумку, что периодически падает с ее плеча мне в голову. Наконец она не вынесла тяжести вины, густо покраснела и извинилась. Фух.

Сейчас же вся интрига в том, на эту ли автостанцию приходит автобус из Краби с братом на борту? У меня осталось всего 20 бат

*Интернет в моем
отеле платный.
Через автоматы! Насити себе,
чашечка к кофе!*

и страшно купить воды — вдруг придется выбираться отсюда? Закавыка в том, что southern bus terminal в городе два, старый и новый. Автобус один. Между станциями четыре километра, и я выбрала old — огромный, разлапистый, с прилегающей гигантской Plaza. Вроде все местные подтверждают, что сюда, а червячок сомнения живет.... Зато если дождусь, возможно, выиграю бесплатный ужин в хорошей компании. Как массажи позволяют стремительно высадить любое количество денег, однако.

Когда нечего делать, хочется есть. Когда такой возможности нет, особенно тоскливо. С другой стороны, при моих обычных масштабах ожидания (например, пересадка в Дубаи будет 22-часовая) полчаса не выглядят особенно убедительным страданием.

А вот и автобус, кстати. Ура, ужин!

10 марта. Bangkok → Dubai

Дурацкое имя у аэропорта. В полной версии — Suvarnabhumi, а везде пишут сокращение ВКК. А ты сиди и дергайся, туда ли тебя везут, потому что в нашей традиции Шереметьево — это SVO, а Домодедово — это DME, и перепутать их невозможно. Везли туда, конечно, но я успела поволноваться.

Огромную треугольную подушку в салон пустили без вопросов, а вот багаж придется забирать и пересдавать в Дубаи.

Бедные-бедные англичане! В вавилонском столпотворении международных аэропортов они мало того, что вынуждены везде слышать редуцированную, исковерканную, безграмотную, грубую родную речь, так еще и поговорить приватно «на своем» языке при чужих практически нет возможности.

До вылета час. У меня есть пончики и мьянмарские странные орешки, и жизнь моя чудовищно безоблачна... Ой, мы еще не взлетели? Я так погрузилась в «Интерстеллар» на русском, в отличном качестве перевода и картинки, что не замечаю ничего вокруг. Может, в Эмиратах есть зал с кино? Тогда сутки пролетят незаметно. Я как-то изголодалась по фильмам. «Кажется, дальше дороги нет.» — «Почему? Ты что, не взял болторез?» Явно наши люди.

Концовка фильма прилась на закат. Боже мой. Такого эффекта присутствия на фантастическом фильме я не испытывала никогда. На высоте 11 тысяч метров. С воздушными ямами и болтанкой. Возле

окна, где показывают бескрайнее кудрявое поле мягких облаков. Самолет висит над ними, а солнце — уже под; десятки тончайших оттенков пурпура, розового и фиолетового, ай, такое чувство, что мы сейчас сами провалимся в какую-нибудь черную дыру... И, конечно «Если вам нужно еще вина или снеков, обратитесь к нашему персоналу». Господи. Какой божественный сервис в этом кинотеатре.

На подлете к Дубаи видны огромные развязки клевером. В центре «лепестков» прожекторы; дороги освещаются фонарями, стоящими вдоль полотна, и фарами муравьев-машин. Мы снижаемся со скоростью 10 футов в секунду, проваливаемся прямо в жаркую эмиратскую ночь. В переднюю камеру уже видны россыпи огней на черном фоне; задняя, задранная к небу, не показывает ничего — звезды слабее огней города. Уже совсем рядом проносятся дома, улицы и многокилометровый пояс гирлянды с огоньками в шесть рядов — их окружная тоже больше напоминает стоянку, чем дорогу.

Девушка из Барселоны проанонсировала мне Дубаи как большой, красивый и не очень дорогой (еще бы, после Барселоны-то). Однако вход в этот недорогой город стоит \$130. Это если брать одну визу. Еще можно сразу снять отель, за \$200, в эту сумму уже все включено. «Ничего личного, но я лучше выебу козу.» Придется посидеть в аэропорту. Договорилась о трансфере моих вещей без моего участия и пошла искать место для ночлега. В Дубаи это несложно — эмиратский аэропорт один из самых фешенебельных хабов мира. Вскоре я отыскала себе шикарное мягкое сидение вокруг кадки с какой-то искусственной пальмой, слишком маленькое, чтобы кому-то могло прийти в голову ко мне подсесть. Единственное слабое место в моей ночевке — вода. Туалет есть неподалеку, но питьевой фонтанчик, обычную в этих местах услугу, тут почему-то не поставили — видимо, чтобы не составлять конкуренции компании ресторанчиков неподалеку. Да, но мне-то не улыбается покупать Perrier по \$50 за бутылку; при моих объемах поглощения жидкости получается дешевле купить визу в город. Придется побегать и поискать.

В полтретьего ночи почему-то наступил аншлаг. Зал огромен, шум от голосов и звуки шагов отражаются от стеклянных стен, сливаются в равномерный гул... ай, ну зачем же сумкой по голове! Чернолицая тетя с объемными бедрами посмотрела испуганно. Тетя. Этот аэропорт — крупнейший в мире. Тут от зала прилета до багажной секции ходит поезд настоящего метро. Лифт проезжает шесть этажей, прежде чем оста-

новиться у зоны вылета. Я могу двадцать минут идти вперед, и ни разу не повернуть — тут коридоры длиной со взлетную полосу. И вы что, хотите мне доказывать, что в этом застекленном городе нет возможности пройти мимо спящего человека, не огрев его сумкой по голове?!

Со стороны бедной африканки ситуация явно напоминала случайное пробуждение клубка агрессивных змей, свистящих что-то непонятно-злое на своем парселтанге. Ну простите. При таких внезапных wake up'ах я теряю навык речи на всеобщем.

11 марта. Dubai → Moscow

Когда в огромном стеклянном колпаке аэропорта ты находишь свое место, свой угол, обживаешь его — то начинаешь возвращаться туда, хотя никто и ничто не заставляет тебя сидеть на одном месте. Просто после нескольких возвращений свой угол начинает казаться уютным; сидение — самым мягким и теплым. Это признание себе в любви — я выбрал эту пальму, эту скамью; мой выбор не мог не быть самым лучшим, даже если был спонтанен и случаен. И вот ты мысленно уже подбираешь аргументы в пользу и подтасовываешь необходимые факты. Привыкаешь считать его своим, злишься, находя у корней Совершенного Дерева брошенную салфетку и немедленно приводишь все в порядок — с таким негодованием уместно броситься на следы неопрятного студенческого пикника на лужайке перед домом, которую стриг еще твой дедушка, а отнюдь не к пристанищу на пару часов.

Полдень. Мой ЕК131 появился на табло часа четыре назад и уже переполз на вторую с конца страницу. Детская игровая с мягкими гнутыми сиденьями лесенкой и экраном с мультиками, откуда меня вчера вежливо прогнал араб-смотритель («Мисс, МИСС! Тысяча извинений, но эта территория ТОЛЬКО для детей») наполнена небритыми пожилыми дядьками, сладко разложившимися по цветному войлоку. Смотрителя не видно — это тебе не девочек гонять.

Ладно, раз уж фильмов тут не показывают, попробуем другим способом покинуть эту реальность. Вот, например, Гессе, «Степной Волк», все еще не прочитан, а ведь какая классика, ай-яй-яй...

Люди типа одинокого Степного Волка — смешны и непоследовательны. Сначала они добиваются своего одиночества, а после, подерживая лишь хаотичные взаимодействия с обществом через самых никчемных, самых случайных его представителей — бывших коллег,

знакомцев по кабаку, прохожих — убеждают себя, что изоляция была необходима, как карантин от зараженного тупостью и косностью стада. Они ставят себя на пьедестал исключительнейшей высоты, забывая начисто, что на любой десяток обывателей найдется пара ярких индивидуальностей, что процент «одиноких волков» в любом сообществе отнюдь не низок, какое бы положение — высокое, жалкое или изолированное — они не занимали. То есть, уходя с презрением от тупой толпы, вовсе необязательно оставаться в полном одиночестве и заниматься самоистреблением. Хей, степные, объединяйтесь! Волк — он же стайный, куда там псам, запертым в хозяйских конурах поодиночке! Главное — стаю свою найти.

Это ведь так просто. Заповедь «ищи своих» — на все времена. Ищи своих — и ты не будешь ни одинок, ни истощен ненавистью к окружающим лицам. При условии, конечно, что ты живешь *свою* жизнь. Что отражение в зеркале тебе нравится, и встречая себе подобных, ты не спешишь переменить сторону улицы. Надо объединять желаемое с реальностью — иначе ты одинок не потому, что все вокруг дураки и лишь ты один в белом, а потому что зелен виноград. Попытка гадкого утенка затесаться к лебедям всегда кончается паскудно, примут ли тебя из жалости или прогонят. Достаточно понять, какие люди вызывают твое восхищение и желание быть рядом, чтобы начать себя вытаскивать за волосы по направлению к собственному «вверх».

Я теперь в толпе легко выделяю тех, перед кем всегда преклонялась — сильных одиночек; веселых баловней судьбы, которые, как тараканы, способны обжить уютненько любой предоставленный им угол; которым улыбаются даже самые суровые и черствые встречные; чьи странные одежды небогаты и полны заплат, но уникальны и собраны со всего мира. Для кого любая, даже смертельно важная проблема — лишь шарада, загадка. Уверенность, что она решается, никогда не исчезает, как и любопытство к собственным возможностям. Раньше я лишь издали вздыхала, разглядывая этих ярких нездешних перелетных птиц; легких, как пушистое облако. Теперь же — обязательно подойду обнюхаться, узнать новости, предложить помощь. Это звери моей породы; люди одной со мной крови. Не по праву рождения, этого слепого жребия, а после долгого пути я получила возможность причислять себя к этому клану. Это было честно.

Любой может быть тем, кем пожелает. Вопрос лишь в том, что ставит тебя желать этого с *такой* силой.

Посвящение

Когда-нибудь я буду издавать свои книги не так. Писать их не в одиночестве и депрессии; ездить не по принципу «самое дешевое из списка»; верстать не дикими бессонными ночами с пачкой пельменей на двоих, второпях, одновременно сдавая на права, переезжая и делая три ремонта в разных уголках Москвы.

Когда-нибудь я стану успешной, сытой, самодовольной. Я найду себя, а клуб моих фанатов заведет филиалы в разных странах. Мои книги станут нудными и поучительными, тираж вырастет на порядок, и в них будет уже не найти обценную лексику или нетолерантные высказывания... Я повзрослею и поглупею, как случается со всеми. Это все и многое другое будет потом.

А пока все идет так, как должно. Я голодная, невыспавшаяся, счастливая; я впикиваю в сутки чуть больше 24 часов и в любой стране мира нахожу неприятности, чтобы с радостью превратить их в приключения.

И в любом уголке планеты я встречаю людей, ради которых стоит жить. Их много, их бесконечно много — и если кто-то спрашивает меня об источнике моих сил, то вот он. Люди, которых я люблю.

Эта книга, как и предыдущая, посвящается Костику Б.

Каждый раз, уезжая из моей любимой Москвы, я иду к тебе. Я верю, что когда-нибудь сумею сносить свои железные сапоги и изгрызть железные хлеба.

И, конечно, об этом тоже напишу.

Бонус-трек: фразы,
которые стоило бы
знать на местном

Не бросайте
стаканчик за окно,
вы делаете мне
этим больно.

МНЕ НЕ НУЖЕН
ДВОРЕЦ! МНЕ
ТОЛЬКО ПОСПАТЬ.

Не трогайте
мою обувь,
пожалуйста!
Я могу носить
ее сама!

Если это не
ваш пес,
вас не оторвут,
если я его ударю.

Скажите, поезд
планирует приехать
сегодня?

Это мои вещи.
Они просто
тут полежат.

Нет, вы курите,
пожалуйста, мне
нужен именно
такой кадр!

Пожалуйста,
покажите, где
мясо в этой
курице.

Подвиньте
ваше буррито.

Юноша. Или
знакомьтесь, или
отвернитесь.

Не нужно такси.
Лучше налейте
воды бесплатно.

Пожалуйста, не
улыбайтесь мне все
сразу, у меня уже
болит лицо.

Не загружайте
крышу, там
поеду я.

Тетенька, не
кладите на меня руки,
от вас очень жарко.

Я не буду
говорить с вами,
пока вы не
выплюнете бетель!

Литературно-художественное издание
Светлана Николаевна Гусарова
БИЛЕТ НА МАНДАЛАЙ

ISBN 978-5-8493-0321-5

Издатель ООО «Принтконсалтинг»
www.print-c.pro

Подписано в печать 09.06.2015.
Формат 60x90/16.
Печать офсетная. 26 п. л.
Тираж 2 000 экз. Заказ №8906

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская область, г. Можайск,
ул. Мира, д. 93